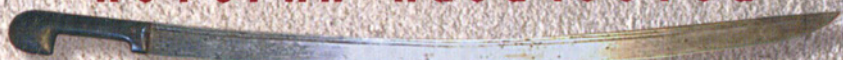
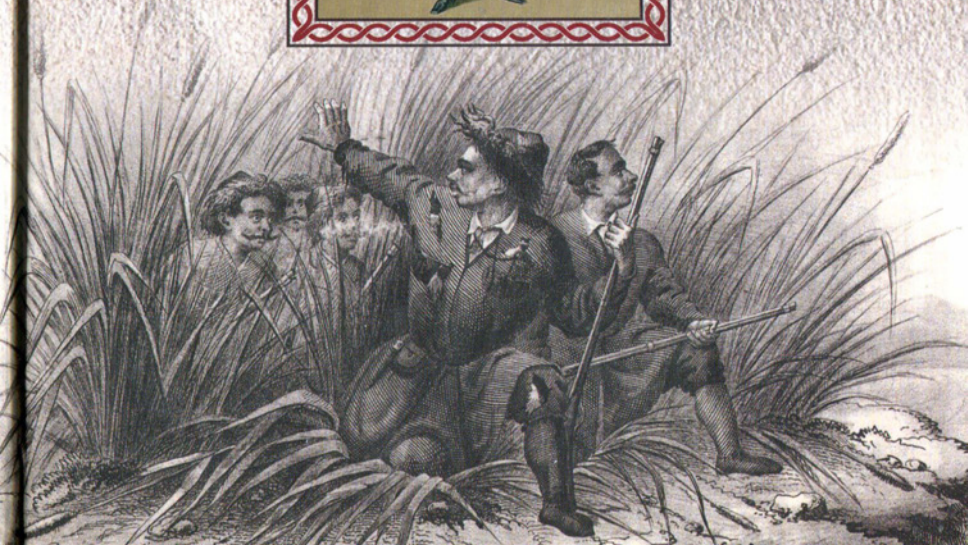

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

ЧЕРНОМОРСКИЕ
КАЗАКИ

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ

МОСКВА

«ВЕЧЕ»

2009

Сканировал и создал книгу - vtaKhankov

Ч49   **Черноморские казаки / Черноморские казаки в их гражданском и военном быту / И.Д. Попко; Черноморцы / П.П. Короленко. — М. : Вече, 2009. — 448 с. : ил. — (История казачества).**

ISBN 978-5-9533-3672-7

...Безвозвратно канула в прошлое упраздненная, позабытая Запорожская Сечь. Но не погиб казачий дух на южных рубежах России. И в 1787 году бывший запорожец Сидор Билый вновь собирает вольные казачьи команды — меж Бугом и Днестром, у рубежей Новороссийской провинции. Через пять лет пришлось казакам перебираться на Кубань, где и родилось Черноморское Казачье Войско. А в XIX веке его летописцами стали легендарные казачьи историки — Иван Диомидович Попко и Прокопий Петрович Короленко. Их-то труды, давно ставшие библиографической редкостью, и составили эту книгу — бесценный подарок ревнителям истории Отечества.

ББК 63.3(2)

И.Д. Попко

**ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ
В ИХ ГРАЖДАНСКОМ
И ВОЕННОМ БЫТУ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ*
ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ
В ИХ ГРАЖДАНСКОМ
И ВОЕННОМ БЫТУ

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Топографический
очерк Черноморья

Кавказская линия делится на два крыла: одно из них достигает до Черного, другое до Каспийского моря. Естественной чертой тому и другому крылу служат две первостепенные реки, берущие свое начало от одной полосы вечных снегов и одинаково окаймляющие северную покатость Кавказских гор, но текущие в противоположных, одна от другой, направлениях и развивающиеся до противоположных оконечностей горного хребта. Это Кубань и Терек. Первая собирает на пути своем и уносит воды гор в Черное, последний — в Каспийское море.

По течению Кубани простирается правое, по течению Терека левое крыло.

Содержание Кавказской линии разделено, неравными долями, между двумя поселенными казачьими войсками: Кавказским и Черноморским. Все левое и большая половина правого крыла, или, другими словами, больше двух третей всей линии, заняты кавказскими; остальное же протяжение правого кры-

---

* В книге частично сохранены стилистика, пунктуация, написание географических названий XIX века.

ла, до самого окончания линии над Черным морем — Черноморскими казаками. Хотя населенность и военный состав обоих войск почти одинаковы, но поселение кавказских казаков растянуто в длинную, более или менее узкую полосу, — между тем как Черноморские казаки занимают своим поселением глубокою, почти круглую площадь, известную на Кавказе под именем *Черноморья* (45° сев. шир. и 36° вост. долг. от о. Ферро¹).

Как нераздельная часть Кавказского перешейка, Черноморье сливается, на восток, с Землей Кавказского казачьего войска и Ставропольской губернии. На юг река Кубань отделяет его от пространств, обитаемых кавказскими народами Черкесского, или Адигского племени: абадзехами, шапсугами, бжедугами, женийцами и натхокаджами. С юго-запада омывается оно Черным морем, а с запада Керченский (Таврический) пролив отрывает его от Крыма. Дальнейшим оттуда рубежом, наискось, на северо-восток, тянется излучистый берег Азовского моря, оканчивающийся крутым заворотом от северо-востока прямо к востоку. Остальное в этом направлении продолжение северного рубежа Черноморья совпадает с южной границей Ростовского уезда Екатеринославской губернии и Черкасского округа Донского войска. Живой межой проходит по этой черте речка Ея.

Длина Черноморья, по почтовой дороге из Ставрополя на Керчь, простирается до 250, а ширина, по другой, перпендикулярной к первой, почтовой дороге из Ростовского уезда на Екатеринодар — до 200 верст.

По сделанному недавно измерению вся вообще поверхность земли Черноморских казаков заключает в себе 28 000 кв. верст, или 2 900 000 десятин. (В этом числе неудобной земли 600 000 десятин.)

По числу жителей, считая оба пола, приходится на каждую кв. версту около семи душ, или на каждую душу — около шестнадцати десятин.

---

¹ Соседственные горцы называют Черноморье *Боткале*, а все остальное Подкавказье просто — Московия. Название Боткале перешло к горцам от крымских татар, которые величали этим, не слишком блистательным, прозвищем Запорожье. Боткале значит собственно: обиталище кашников, кашня.

Небольшое пространство края, к стороне Крыма, вышло отдельным клином промежду морских и кубанских вод. Это Таманский остров, лоскут земли в 95 973 десятины. Поверхность его холмиста и возвышена над морским уровнем на 85 футов. Сюда Кавказ отбрасывает крайние свои северо-западные отроги. Западный берег Таманского острова и противоположный ему берег Таврического полуострова так сходны между собой в наружном виде и внутреннем строении, как две части разломленной пополам глыбы земли.

За исключением Таманского острова, все остальное пространство Черноморья состоит из гладкой и очень мало приподнятой над морем равнины, или из одного необозримого луга, слегка покатога к берегам Азовского моря, открытого на восток и на север и обойденного с остальных сторон водами и болотами. По направлению общего поката к Азовскому морю равнинная поверхность Черноморья прорезана множеством балок (плоскодонных оврагов), сухих и мокрых. Последние, как способные задерживать воду, носят название речек. Пересмотрим их, одну за другой, от севера к югу.

Речка *Ея*, больше других обильная водой и приводящая в движение наибольшее число мельничных поставов, берет свое начало в Ставропольской губернии и, проходя живой межей на севере Черноморья, впадает широко разработанным устьем в Ейский залив Азовского моря. Левым, или внутренним, своим берегом принимает она многие притоки, из которых более замечательны по своему протяжению Сасык и Кугуея.

Ясени берется у куреня Староминского и исчезает в ясенских соляных озерах. Накатом своих вод она вредит иногда садке соли на поверхности тех озер.

Албаши берется на одной высоте с Ясенями; *Чолбасы*, принимающая в себя множество притоков, достает своей вершиной до станицы Темижбекской Кавказского войска. Обе эти речки, не дойдя до моря, как будто встретили ряд ископанных в степи ям и, наполнив их своими скудными водами, одна с одной, другая с другой стороны, образовали цепь лиманов, в числе пяти. Из них более значительны по величине Чолбасский и Кушеватый. От последнего отделяется слабая нить болотной

воды, прикрепляющая всю цепь к Бейсужскому заливу Азовского моря.

Три *Бейсуга*, Великий, Средний и Малый, выходят из Земли Кавказского войска; не доходя моря, сливаются в Лебязем лимане и уходят оттуда одним общим руслом в Бейсужский залив. Эти три Бейсуга, с многочисленными их ветвями, преимущественно отличаются болотистым свойством своих русл и вод.

Лебязий лиман, наполняемый водами Бейсугов и имеющий вид лебеда, круто выгнувшего шею, описывает своими искривлениями два небольших полуострова, на которых находится Николаевская пустынь.

Керпили и впадающие в них *Кочети* также вытекают из Земли Кавказского войска, излучисто пробегают лучшую местность степи и, в некотором расстоянии от моря, наполняют лиман Керпильский. Болотистая, покрытая дремучим камышом полоса связывает этот лиман с Ахтарским заливом Азовского моря. Воды Керпилей довольно свежи, и вид их живописен. Прекрасна здесь весна, отраден летний вечер. Это цветная лента на угрюмом челе степи. Высокие берега реки усеяны курганами, выше которых нет по другим речкам. Курганы зеленеют, как купы пальм в пустыне, а вокруг них разостланы ковры из воронцу и горицвету. На их остроконечную вершину любит взезжать удалой табунщик. Отсюда ему видно, как вдалеке с разбросанными по ветру гривами несутся к водопою вольные табунные кони. Отсюда же видны и синие Кавказские горы. Много старшин, служивших там боевую службу Государеву, окончили свои усталые дни на приветливых берегах Керпилей. *И холмы радости препояшутся*: и на холмах этих же берегов опочила благодать Божья. Здесь, сквозь степную сизую мглу, дымится молитвенное кадило Маринской пустыни. Наконец, *Понура* берется близь куреня Динского и, чрез пятьдесят верст протяжения, у куреня Поповичевского, поглощается лиманом, расплывшимся на несколько рукавов и совершенно утратившим связь с приморскими водами.

Нельзя не обратить здесь внимания на одну особенность, именно, что пересмотренные нами речки, в известном расстоянии от моря, сходятся к отдельно лежащим котловинам и

наводняют их, как будто трубы, приведенные к прудам, — и что каждая из этих котловин, или прудов, к стороне морского берега, имеет кран, которым избыток набираемой воды стекает в море.

И вот мы уже приблизились к южной и главной реке — Кубани. «Вот, вот она, вот русская граница!»

Кубань, по-черкесски Пшиз, «князь рек», в древности Варданус и Гипанис, берет свое начало от подоблачных снегов Эльбруса. (У черкес «Осшумаф», холм счастья.) Служа чертой правому крылу Кавказской линии, она двумя третями своего течения орошает Землю Кавказских казаков с прилегающим к ней нагорьем, и только одной низовой третью, на протяжении 250 верст, омывает южную окраину Черноморья. Приняв в своем верховом и среднем течении большие притоки: Малый Зеленчук, Большой Зеленчук, Уруп и, наконец, Лабу, она приходит к Черноморцам рекой значительной, имеющей ширины, в средних берегах, шестьдесят сажень. По продолжению Черноморья, падают в нее с нагорной же стороны: Белая, по-черкесски Шевгаше, почти равняющаяся Лабе своим двухсотверстным протяжением, — далее Пшиш, Псекупс, Афипс, или Яриок, Адакум и другие мелкие притоки. Эти последние, скатившись на плоскость, теряют свои берега и расплываются озерами и болотами. Приняв такую массу горных вод, Кубань относит их в моря Черное и Азовское, в первое главным течением, а в последнее рукавом, называемым Протока, или Кумли-Кубань (песчаная Кубань).

Протока, имеющая вид и направление искусственного канала, ответвляется от Кубани у поста Старый Копыл, за 130 верст до впадения главного течения в Черное море. Сделав крутой поворот от главного течения вправо, на север, она отрывает степное Черноморье от Таманского острова и имеет протяжения от своей копыльской вершины до впадения в Азовское море около ста верст. В этот рукав Кубань сбывает почти половину своих вод. Но этого не довольно: от правого берега ее, на значительных один от другого расстояниях, отделяются еще второстепенные каналы — «ерики», также направляющиеся к Азовскому морю, которое как будто оспаривает кубанские воды у Черного моря. Ерики *Казачий* и *Энгелик* ответвляются выше, *Калаус* и *Куркой* — ниже Протоки. Вершины их за-

сорены и набирают воду из Кубани только во время весеннего ее разлития. Из них ни один не достигает главного азовского бассейна, как Протока, но все поглощаются передовыми его лиманами. Лиманы эти бесчисленны и разбросаны в самом разнообразном беспорядке, будто валы, выкатившиеся из моря и в него не возвратившиеся. Ближайшие к морю имеют связь с ним, дальнейшие наполняются боковыми отраслями Протоки, которой заимствованные воды дробятся и видоизменяются до бесконечности. Это жила, отворенная в бесчисленных местах. Из лиманов протоцкой путаницы более замечательны, по своей обширности и глубине, *Чебургольский* и *Красногольский*.

На перерезанном Протокой, низменном поперечнике между Кубанью и Азовским морем, где ныне раскинулось одно задвинутое камышами и не обнимаемое глазом болото, с частыми оазами открытой воды и сухой земли, кипел когда-то огромный гидравлический труд. Задачей его могло быть исполинское усилие оттянуть излишек вод Кубани к азовскому бассейну, чтоб обеспечить прилегающие к Кубани с обеих сторон удо- лы от наводнений. По преданию, над этой водной сетью работали тысячи пленников, уводимых крымцами из погромов Руси и Польши. Работа с плачем и проклятием не пошла впрок: где падали слезы невольников, там все взялось тинной и плесенью. В настоящее время не только восстановление развалин этой сложной канализации, но даже отыскание в них системы и смысла стоило бы нелегких трудов. Набралась беда «ланцюжники» (землемеры), пока перетянули чрез этот хаос свою цепь.

Немного выше того места, где Протока отложилась от Кубани, а именно у поста Славянского, Кубань разорвалась на два параллельные течения и, слившись вновь, верстах в шестидесяти ниже точки своего разъединения, образовала продолговатый и низменный *Каракубанский остров*, имеющий в поперечнике он трех до семи верст пространства. Течение по левую, то есть внешнюю, обращенную к горам, сторону острова, составляет реку *Кара-Кубань* (побочная Кубань), которая гораздо шире и глубже, чем течение по правую сторону, почти уже пересохшее, но все еще удерживающее за собой название «старой Кубани».

Между холмами Таманского острова Кубань образовала из своих разливов четыре обширные и живописные вместилища вод. Это лиманы: Ахданизовский, Кизилташский, Цокуров и Бугазский. Первый больше других и лежит отдельно, а три последние сцеплены гирлами¹. Лиман Ахданизовский очень глубокий. Это должен быть провал вулканического происхождения, залитый водами Кубани. На западном берегу его возвышается конусообразная гора с отверстием на вершине. Когда лиман волнуется, из отверстия горы выскакивает жидкий пепловидный ил, — как будто внутри горы работает помпа. Не ясно ли обнаруживается здесь присутствие вулкана, погашенного вторжением вод?

Поверхность Ахданизовского лимана в спокойном состоянии белеет и блестит, как полотно, — от чего и получил этот лиман настоящее свое наименование: ахданиз значит «белое море». Он имел когда-то два широких судоходных сообщения с Азовским морем: одно близь куреня Темрюцкого, а другое — Ахданизовского. Теперь от этих засоренных проливов остаются лишь узкие гирла, которыми воды лимана втекают в море.

Созвездие лиманов Кизилташского, Цокурова и Бугазского составляет последнее низовое течение Кубани, расплывавшееся от вулканических потрясений окрестной местности. Из крайнего лимана Бугазского вытянулось гирло Бугазское — последняя дверь, которой «князь рек» входит в чертог Черного моря.

Кубань протекает вдоль известного протяжения Кавказского хребта желобом, куда скатываются с северного склона хребта горные реки и ручьи...

Со ребр его текут вниз реки,
Пред ним мелькают дни и веки.

От бокового напора перпендикулярных притоков ее хватают судороги, она излучивает и ломает свое течение. Здесь она вздулась и залила прибрежный удол; там перемежилась и обнажила свое перебуравленное ложе — полосу подвижных илисто-

---

¹ Лиманом называется озеро, имеющее связь с другими озерами или с морем. Узкий и короткий пролив, посредством которого лиман с лиманом или с морем связывается, называется гирло, то есть горло, gorge.

песчаных горбин и впадин; здесь подгрызла и поглотила целый утес, а там произвела на свет островок, который быстро разрастается в остров и покрывается лесной и камышовой растительностью. Не удерживая в равновесии несомых ею вод, она то и дело меняет свою колею, имея одинаковое, закону отражения подчиненное, уклонение от правого берега к левому, от степей к горам. И за сколько верст уже она оставила гребень древнего своего правого берега! Эта непостоянная горная река влечет с собой две главнейшие невыгоды для края: она не допускает к своим вольным, изменчивым водам судоходства и производит своими беспорядочными разливами топи и болота, которые, затрудняя во многих местах сухопутные сообщения, отравляют воздух вредными испарениями и наполняют его неприятными насекомыми: комаром и мошкой. Эти окрыленные иглы, возбуждая особенную деятельность кожи, колют вам в уши самыми утонченными звуками. А лекарство против них хуже самой болезни: это дым тлеющей навозной кучи.

Проводив Кубань до моря, мы теперь последуем по излучистым берегам морских вод, омывающих Черноморье извне. Вот, на соединении Черного моря с Азовским, видим мы Таманский залив. Это бухта, глубоко вдавшаяся в Таманский остров из Керченского пролива. При входе в нее сидит курень Таманский как филин на развалинах. Здесь, полагают, существовала древняя знаменитая Фанагория — *Iocus ubi Troja fuit*. По ту сторону пролива видны Керчь и Еникале.

Отсюда по юго-восточному берегу Азовского моря, в направлении к устьям Дона, встречается сперва залив Темрюцкий (или Курчанский). При впадении сюда одного из двух вышеупомянутых гирл Ахданизовского лимана помещается курень Темрюцкий. Положение этой селитьбы очень выгодно в отношении к рыбацкому промыслу и водяным сообщениям. Здесь кратчайший водный путь из Азовского моря в Кубань. Блилежащие старые городища и засоренные пристани свидетельствуют о важности, какую имела эта местность в старые времена.

— Далее на значительных друг от друга расстояниях лежат глубоко врывшиеся в материк заливы Ахтарский и Бейсужский — бассейны большей части степных речек, как видели мы

выше. Еще далее — коса Камышеватка, с поселенным над ней куренем под тем же наименованием. Потом, на изломе Азовского берега от запада к востоку, вытянулась далеко в море коса Долгая. Значительное протяжение ее открыто, но еще большее скрыто под водой, — и здесь таятся самые опасные мели для судов, идущих из Керчи в Таганрог. Наконец, коса Ейская, недавно получившая известность поселением над ней портового города Ейска. За ней последний залив Ейский, куда впадает Ея.

Пройденные нами заливы и косы представляют большие или меньшие удобства для рыбных ловель и для пристанища морских судов. Отлогое и болотистое поморье между заливами Темрюцким и Бейсужским, на протяжении полутора верст, испещрено множеством мелких лиманов, цепляющихся один за другой, имеющих очертание поваленных узкогорлых кувшинов и представляющих величайшие уголья для рыбацкого промысла. Часть этого водного хаоса мы уже видели выше, при взгляде на отторжение вод Кубани к азовскому бассейну.

Не столько степь, обнаженная, скудная водой и средствами для оседлого обитания, сколько эти необозримые рыбопромышленные уголья, тянули первобытных черноморских казаков с Днепра на Кубань. Казакам искони родственнее было рыболовство, чем земледелие; по их военному быту сподручнее им было бороздить веслом мутную волну, чем сохой степную, часто неблагоприятную и всегда прихотливую почву. Для земледелия требуется постоянное нахождение у своей десятины, строго рассчитанный труд и изучение многих вещей, яже на небеси, горе, и на земли, низу; а для рыболовства — ставка на кон, смелость, сноровка, удар. Вот почему запорожские казаки, дальше всех других выдвинутые к противникам, могли ладить лучше с последним, чем с первым занятием, и вот почему они славили в своих песнях степь, как арену подвигов, а лиманы, как источники питания и снаряжения.

Дніпровый, дністровый,
Обидва лимани:
В них добувалися,
Справляли жупани...

Промежду рыболовных лиманов находятся солеродные озера: *Ясенские*, — их несколько вместе, — близь Бейсужского залива; *Ахтарские*, — их тоже несколько вместе, — и *Ачувевское*, близь Ахтарского залива; *Бугазское*, близь Бугазского гирла; *Меркитантское* и *Тузловское* — первое над Таманским заливом, а последнее при выходе Керченского пролива из Черного моря. Принадлежащее к ясенской группе озеро Ханское имеет в окружности до пятидесяти верст¹. Тузловское озеро, прилегающее к Черному морю, дает высшего качества соль. Вообще озера, лежащие по черте вод Черного моря, производят соль более чистую и сильную, нежели те, которые примыкают к Азовскому морю. Соль этих последних содержит в себе растительные части и другие примеси, — а это оттого, конечно, что морская вода мелкого азовского бассейна, у древних носившего обидное название болота (*palus meotis*), разведена, у здешних берегов, наполовину, если даже не больше, пресными водами. Не все вдруг озера и не всякое лето дают соль. Некоторые даже засоряются, заплывают илом и вовсе теряют солепроизводительную силу. Бугазское озеро, лежащее в глубокой котловине и еще недавно занимавшее первое место в списке соляных озер, как по обилию, так и по превосходному качеству своих садок, почти уже перестало родить соль. Такая в нем перемена, как полагают, произошла от того, что внутренние бока озерной котловины допущено было вспахать: легко смывая взрыхленную землю, дожди нанесли ее на озеро, и озеро заглохло. Соль садится в июле и августе, при действии сильных жаров и при отсутствии дождей. Дождь, благодетель и союзник нивы, — враг соляного озера. Обыкновенная садка, то есть кристаллоподобная кора, которой подергивается озеро, бывает в четверть вершка толщиной.

Во времена татарщины эти соляные озера принадлежали казне крымских ханов и были прикрыты большими редутами, высокие валы и широкие рвы которых остаются нетронутыми

---

¹ Под всеми соляными озерами находится 15 440¹/₄, а под рыболовными водами 210 743²/₄ десятин земли.

донине. В стенах редутов помещались склады соли и ясыр (плен), работавший на озерах. Здесь же находились гарнизоны, оберегавшие озера от хищнических наездов черкес, которые жилились солью прямо с озер, когда татары возвышали на нее цену в продажных складах.

В соседстве с соляными озерами и в отдалении от них встречаются разные солончаки, а также мелкие лужи и ручьи, которые, пересыхая в летние жары, оставляют на своих ложах белый как снег порошок, по надлежащем очищении дающий серноокислую соду. В некоторых местах эта соль попадает большими ноздреватыми глыбами. У берегов Еи, в окрестностях куреня Конелевского, собирают на высыхающих озерцах беловатый ил, который, в пережженном состоянии, идет, вместо мела, на побелку хат. Эта масса оказывается, по испытанию, пережженной магнезией, соединенной с известью и другими, однородными с ней, землями.

Осаживающийся на дне Тузловского соляного озера ил, рыхлый и пушистый, как сажа, содержит в себе целительные минеральные части, подобно Сакским грязям в Крыму. Один внутренно-служащий казак, много лет страдавший ломотой в берцовых костях и колючим ревматизмом в подошвах ног, был в наряде для выноски соли из озера. В течение недели, что он открытыми ногами бродил по озеру, болезнь его совершенно прошла.

Из самого беглого обзора малых и больших вод Черноморья легко получить убеждение, что как те, так и другие одинаково осели и сократились. Независимо от причин более общих, явление это может быть объяснено совершенным истреблением лесов в крае, рыхлостью и сыпучестью стен водоприемных и накоплением наносов в речных и озерных устьях. Берега Кубани и прочих речек, лиманов и гирл, равно как и берега Азовского моря, повсеместно песчано-глинисты, изредка содержат в себе ползучий щебень и нигде не скреплены скалами. Оттого они вечно обваливаются и засоряют водоемы. Азовское море обрезают войсковую землю от севера; Кубань гложет черкесский берег и натачивает

войсковую землю на юге, — а черноморцы подвигаются все ближе к Кавказу... От засорения устьев органическая связь рек и гирл с бассейнами ослабляется и жизненный их пульс цепенеет.

Вода в степных речках, или мокрых балках, — что ближе к действительности, — задерживается с весны бесчисленными греблями (гатыми), похожими по внутреннему составу и наружной отделке на ласточкины гнезда. Эти незатейливые водовместилища заплывают илом, испаряются и превращаются в болота среди лета. К ним ко всем может быть приложено одно из вышепоказанных названий: Чолбасы, что значит по-русски «ковш воды»¹. К этой татарской насмешке над маловодьем мокрых балок черноморцы прибавили еще свою:

Питався шляху, йшовши, лин,
Де, братця, Келембетів млин;
Там не гуде, не буркотит:
Мені там добре буде жить.

Степные воды, насильственно задерживаемые и лениво перепадающие с колеса одной мельницы на колесо другой, большей частью солощавы и горьковаты от содержащихся в них солено-кислого и сернокислого натра и магнезии. Редко бывает лучше и подземная вода, получаемая из копаней и колодезей, которыми избуравлена всякая населенная местность, начиная от главного в крае города до последнего хутора.

Мокрые балки могли быть в старые времена каналами с живым течением. Этими каналами, как мы видели выше, вода набегала в котловины, а котловины были бассейны, в которых задерживались запасы пресной воды по всей приморской

---

¹ Еще не простыл след монгольского обитания на Земле Черноморских казаков: за большей частью вод и урочищ остаются старинные татарские названия. Например: Ея, правильно Яйя, Иван; Сасык, вонючий; Албаш, красная голова; Бейсу, беева, или, может быть, главная река; Керпили, мостовая; Кизилташ, красный камень; Бугаз, горло; Темрюк, собственное имя; Калаус, проводник.

полосе. Нельзя думать, чтоб эти водохранилища были и прежде так тощи, как теперь, потому что стоки, которыми выходил избыток воды в морские заливы, оставили по себе большие русла с широко разработанными устьями. Здесь теперь пасутся стада и табуны. Весной, однако ж, эти заимствованные пастбища понимаются ненадолго водой, — и тогда столько находит сюда из морских заливов судака и тарани, что один нарочный, скакавший с нужными бумагами, при переезде чрез подобное наводненное пространство, был опрокинут вместе с конем быстро двигавшимися колоннами рыб. Вот единственные в своем роде пространства, где попеременно разгуливают вол и судак, овца и тарань; где рыбак упирает свое длинное весло с челна и чумак спускает с воза наконечник своего длинного батога.

РАССКАЗ ВТОРОЙ

Курганы и балки

Странное сравнение родится в воображении при общем виде степи, с ее частыми продольными бороздами — балками. Это широкий лист, разлинеенный для музыки. И по этим линейкам действительно пестреют головки нот — курганы. Когда-то, Бог знает когда, звучала по ним игра труда и жизни человека. Курганы тянутся стройными вереницами по берегам балок, по всему протяжению берегов и все в мерном от них расстоянии. Это неразлучные спутники каждого углубления в гладкой степной поверхности. Где курганы, там и балки, или котловины, с водой, или без воды; где нет курганов, там чистая, сухая гладь. Замечательна еще одна особенность: где курганы редки, там они малы, а балки мелки; а где посажены густо, там и величина их значительнее, и балки глубже. На Таманском острове они не вытянуты в струну, как по степным равнинам, — да там вовсе нет и балок: там встречаются впадины других очерков. Около этих впадин курганы сбиты в кучу — и здесь они являются в самых больших размерах.

Курганы много оживляют степь. На них отдыхает взор, освежается внимание. Они шевелят эти сонные балки и вместе с ними бегут. Без них пришлось бы встосковаться от недостатка впечатлений в этой беспредельной, бесцветной и неподвижной пустоте.

Что ж они, эти бедные пирамидки степи, гвоздевые головки, в сравнении с колоссами равнин египетских? Не подают ли они руку с берегов степных ручьев на берега Нила, чрез пространства морей и тысячелетий? Ведь и с них смотрит, конечно, сорок веков, ведь и они тяготят землю в качестве таких же бесплодных и безответных сооружений, как пирамиды фараонов... Но нет, мы не пойдем в страну Мемфиса и Фив, не пойдем так далеко и на такой ученой почве искать разгадки такой скромной загадки, как наши курганы. Поищем ее дома, на месте. Остановим внимание на этом тесном сочетании курганов с балками. Да, из этого сочетания углублений и выпуклостей родится предположение, — если хотите, очень смелое, но, кажется, близкое к здравому смыслу, — предположение, что балки и котловины, к которым они направлены, вырыты, а курганы насыпаны.

«Это что за новая, антиклассическая мысль такая? Коликратно...»

Позвольте, позвольте. Что курганы не вышли из рук Творца вселенной, это не требует доказательств. Еще менее они могли быть набросаны кротами или волнами всемирного потопа: они расположены с расчетом, по мерке и по линейке. Стало быть, это труд человека, труд разумный, долженствовавший окупаться положительной выгодой и пользой. Но тут, конечно, вопрос: что именно было целью этого труда — вырытие ли балок или насыпка курганов? Разумеется и то, и другое вместе. Иначе не было бы этой гармонии между тем и другим. Балки вырывались для ускорения осушки низменных равнин и для усиления слабого естественного орошения пастбищных лугов, а курганы насыпались для жилищ, или, лучше сказать, для крепких убежищ троглодитам.

«Вот в какую даль вы на своем казацком скакуне махнули! И без дороги, audacissime! Но не желаете ли обратить внимание

на то, что между шириной и глубиной балок и объемом соответствующих им курганов нет пропорции? *Non est modus*».

Так, действительно так. Да и не должно быть иначе. В первоначальном виде балки были легкие каналы. Человек понял мановение природы и помог ей; действием вод каналы углубились и расширились. Курганы же, напротив, от времени, — видоизменяются, под тяжкой пятой веков, осели и сократились.

«Однако, *attamen*, обретаемые в курганах предметы доказывают, что это были не жилища живых людей, а места вечно-го покоя умерших, — и на аргументах, из самых недр сих холмов извлеченных, утвердилось общее достопочтенное мнение, что курганы возводились над прахом героев, аки надгробные памятники, *tumuli...*»

Слушаю и присовокупляю: в недрах курганов находятся также клады, по курганам направляются степные наездники, на курганы выставляется сторожа, но из этого еще не следует, чтоб курганы были сооружены, как кладовые, как указатели дорог, как подмости для наблюдательных постов. Все это значения вторичные, третичные, товар из третьих и четвертых рук. Обширный народный труд ископания балок и возведения курганов должен быть отнесен ко времени первоначального заселения этой местности людьми. Должны были поднять этот труд первые поселенцы, потому что им не посчастливилось найти на своем новоселье готовых пещер и готовых рек. Рыли же люди тех времен Меридово озеро и возводили висячие сады Семирамидины. А здесь было гораздо легче и проще. Ручеек и водоскат служили ватерпасом. Одна работа давала материал для другой. Прошли, конечно, века. На последнем кургане человек начертил первый брульон башни, и явился город. Тогда-то первобытные убежища, земляные шатры и вместе крепкие замки людей — курганы перешли от живых к покойникам. Поколения за поколениями входили и истлевали в них; тесноты не было. Любовь, уважение и суеверие хоронили в них, вместе с покойниками, золото и другие драгоценности, уцелевшие до ближайших к нам времен и явившиеся на свет доказательствами гробового значения курганов. И потом, когда курганы вошли в обычай в качестве хранилищ праха предков, нет ничего

мудреного, что в подражание первобытным холмам насыпались над прахом героев и новые, прямо уже как надгробные памятники. Но эти вторичные, подражательные курганы не могли составить такой стройной, осмысленной системы, в какой являются спутники балок Черноморья.

Итак, *itaque*, эти улицы курганов на балках Черноморья (на другие местности не смеем распространять наше торжественное *itaque*) были сперва колыбелью, а по времени сделались могиллой смертных. Сколько в мире вещей и дел, испытавших подобные обороты! И в настоящее время, если встречаются курганы близ куреня и хутора, они бываюу увенчаны надгробными крестами. Прах Тарасенка смешивается с прахом Набудонабоназара. И нередко с верхнего конца нового деревянного креста развевается белый плат. Это знак, что в кургане затворился на вечный покой казак военнотруживый. Скоро ветер оторвет белый плат и унесет в степь. Выйдет на курган казачка и, без мысли про покойника, будет грызть подсолнушки да выглядывать, не идет ли с поля ее овечка. А потом, при угрожающем набеге черкес, старый скупец там же схоронит свой кувшин с серебром. Найдут его чрез сорок веков, напишут сорок диссертаций, и стрелы гипотез будут лететь на тысячу лет в сторону от мишени.

Любопытство, алчность и религиозная нетерпимость поколений, прежде живших, почти уже ничего не оставили внутри курганов на память, или лучше сказать — в поживу нынешнему населению. На Таманском острове предпринимаются, однако ж, и не без успеха, археографические раскопки курганов, наиболее кажущихся нетронутыми. Вид и положение находимых в них предметов показывают, что это лишь остатки, проскользнувшие сквозь пальцы давнишних нарушителей безопасности последнего убежища человека. Эти остатки могли задержаться в могильных холмах от поспешной, или неискусной разрывки их. Опустошение могил могло совершаться не открыто, а тайно, как действие, возмущающее человеческое сердце, или как такое действие, которое человек любит совершать без товарищей и свидетелей, чтобы избежать чрез то неприятности делиться находкой. Внутри одного кургана найдены была два скелета с остатками заступов. Положение скелетов и при-

существование при них заступов показывали ясно, что это были обкрадыватели мертвецов, что, подкопавшись украдкой под курган, они погребены были живьем случившимся завалом штольни. Наконец, и то еще можно заметить, что на многие вещи, находимые в последнем покое человека, прежние курганокопатели смотрели не лучше, как басенный петух на жемчужное зерно. Так, в некоторых курганах найдены были удивительной работы глиняные сосуды (по большей части греческие *lascyrtaria*), разбитые в черепки. Разбила их обманутая алчность вандализма.

Ограбление курганов могло быть совершено или аравитянами VIII века, утверждавшими новую веру на развалинах алтарей и всего, что находилось в каком-либо соотношении с ними, или монголами XIII века, основывавшими свое господство на развалинах современной цивилизации и всего, что только служило ей каким-либо выражением. Верно, по крайней мере, то, что совершено оно давным-давно: ибо курганы, после первого разрытия, успели к нынешнему времени закрыть свои раны и вновь принять свою первобытную коническую форму.

Нельзя, кажется, ожидать этого после поисков нынешних искателей древностей. Эти минеры археологии, раздирая могильные холмы от маковки до подошвы, не берут на себя заботы возвращать им, по возможности, прежний вид. Жаль, что заступ науки искажает этак самую характеристическую черту Черноморского края. Трудно выразить тягостное впечатление, какое производит на проезжего отталкивающий вид этих возмущенных и перебурявленных кладбищ, этих тысячелетних могил, выставляющих свою внутренность, разглашающих свою заветную тайну.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

Почва. — Естественные произведения

Исключая Таманский остров, Земля Черноморских казаков состоит из сплошного чернозема с глинистой подпочвой. Нигде ни песков, ни камня, ни других минералов. В южной

полосе, где почва освежается живыми течениями Кубани и ее отраслей, слой чернозема глубже и жирнее, а в северной, напротив, мельче и черствее. Здесь, по маловодью и, может быть, по соседству соляных озер, лежащих на одном уровне с землей, почва проникнута солями и щелочами, сообщающими ей тягучесть и вялость. В южной полосе все растет скорее и в больших размерах, чем в северной. Зато в этой последней, у берегов Азовского моря и р. Еи, земле дана особенная способность производить пшеницу «арновку», известную в торговле под именем твердого хлеба (*ble dur*) и, преимущественно пред другими сортами, выдерживающую дальние перевозки чрез моря.

В земледельческом отношении весь Черноморский край имеет ту невыгоду, что он слишком открыт для северо-восточных ветров, летом палящих, зимой пронзительно холодных, вымораживающих посевы и насаждения. А потому подобную местность не должно разбирать и оценивать по одному составу и качеству почвы, вне соотношений ее с воздухом. Что щедро производит и матерински живит земля, то неожиданно убивает воздух. И тогда выходит, что «земля есть поядающа живуция на ней».

На Таманском острове — чернозем серый, легкий и как бы очищенный. Здешняя почва несравненно нежнее грубой, хотя и сильной, почвы степного пространства; не спекается летом, не смерзается зимой до твердости камня, как наземная кора степи. Она растворена песком и согрета глубоко кроющейся в ее недрах горной нефтью. Снег на ней никогда не лежит долго. Как все вулканические почвы, Таманская земля очень плодородна, и плодородие ее постояннее, надежнее, чем плодородие лимфатической почвы «на речках», как называется у казаков степное Черноморье. Там хлебородная сила земли — что соломенный огонь: даст обильный плод год-другой, а там и испарится на продолжительное время, — и отошавшая нива гонит один бурьян. Таманская пшеница отличается желтым, янтарным цветом и способностью сохраняться долго в амбарах и путешествовать далеко на кораблях. Таманские арбузы пользуются известностью даже в Крыму.

При обильных дождях с весны и под влиянием западных и южных ветров в продолжение лета Земля Черноморских казаков

производит с успехом все роды хлебов, овощей, масляных и прядильных растений, свойственных южной полосе России. Исчисление их было бы бесполезно. Урожай хлебов бывает — «на речках», до сам-тринадцати, а на Таманском острове, до сам-двадцати.

Но, будучи скорее лугом, чем пахотной полосой, Черноморье отличается силой и разнообразием своей флоры. На пространстве нескольких десятин вы можете встретить из луговых трав: разную дятлину или орешек, разного рода горошек и другие стручковые, разных видов колосистые травы, ковыль, ароматную сывороточную траву, козлятник, кровохлебку (*sanguisorba officinalis*), цикорию, ярутку, куколь, полевой шалфей, посконник, василисник, незабудку.

Желтоцветущий «бурнчук», то есть желтая дятлина, *trifolium campestre*, служит вестником созревания травы для покоса. Лишь показал он цвет, казак отбивает косу, набирает воду в бочонок и собирается на покос. Это бывает обыкновенно за две недели до Петрова дня. Пушистый и белый, как пена, ковыль покрывает большие пространства степи по рекам Бейсугам и Чолбасам. Это растение служит отличительным признаком земли девственной. Прасолы дают ему таинственное, покровительствующее их занятию значение и украшают им свои кибитки и становища.

Из растений, употребляемых в мануфактуре, медицине и на кухне, находятся: вайда, ворсянка, марена, кермек, солодовый корень, бузина, ромашка, сурепка, кунжут, горчица, спаржа, дикий чеснок и хрен. Последним особенно изобилует Таманский остров. Здесь корень хрена бывает такой толщины и уходит на такую глубину в недра земли, как якорный канат, брошенный в морскую пучину.

Сокровища дубильного вещества, кермека кроются преимущественно в прикубанской полосе.

По сочно-черноземному пространству всей южной полосы встречаются терновники и других пород кустарники. Это слабая тень давно истребленных лесов и вместе указание на способность почвы к произращению новых. За лесоводством пошло бы успешно и садоводство. Чтоб воспитывать виноградную лозу, надобно прежде иметь под рукой тычину.

Виноградная лоза, ореховое дерево, персиковое дерево, черешня, шелковичное дерево и другие в этом роде растут с полным успехом. Нужен только заботливый уход за ними, пока они в младенчестве, надобно пеленать и кутать их на зиму, чтоб северо-восточные ветры не выморозили их корни, а зайцы не обгрызли их коры. Слабые опыты садоводства встречаются повсеместно. Лесоводство покамест ограничивается насаждением одних скорорастущих и не долговечных пород: тополи, вербы, ольхи и акации, которые осеняют заборы дворов, рубежи хуторских «левад» (дач), берега речек и окраины плотин, скрепляя рыхлый состав этих последних.

В нескольких местах по Кубани сбережены остатки лесов и кустарников; они взяты в войсковое ведомство. Под ними 11 562 десят. земли. Господствующие в них породы: дуб, ясень и берест, или вяз. Около старых городищ, по правому берегу Кубани, попадаются кое-где остатки виноградников, в одичалом состоянии, — печальные следы существований, нынешним жильцам неведомых. Народы оставляют память по себе не в одних развалинах гордых сооружений, но и в скромных былинках царства растительного. На Таманском острове плут казака проходит по бороздам, когда-то напаявшим виноградники. От этой благородной земли, подававшей на пиры греков чашу вдохновения, теперь требуют только куска насущного хлеба.

Когда-то Сицилия на Фракийских водах Понта Эвксинского, Таманский остров резко оттеняется от унылых степных равнин не только живописным видом своих холмов и вод, но и минеральным содержанием почвы. Господствующими в ней породами представляются глины и пески. Первые встречаются в соединении с илом, известью и слюдой и бывают желтого, красного, бурого и сине-черного цветов. Пески большей частью являются с окислом железа, иногда спекшиеся в твердые массы, без видимого цемента, цветов преимущественно желтых, искрасна-бурых и чисто белых, блестящих. Между песками и глинами залегают второстепенными породами: известняк, песчаник, гипсовый шпат, алебастр, селенит, серный и железный колчедан и бурый железняк (водянистое, окисленное железо). Выше Таманского куреня, по направлению к мысу «Лысая

гора», могут добываться известняк, совершенно годный для построек, и чугунная руда. Над Ахданизовским лиманом, в недрах мыса «Дубовый рынок», и в холмистых окрестностях Бугазского гирла подозревается существование каменного угля.

Вершины высот около Ахданиза дышат сопками, извергающими тонкий, пепелистый ил и соленую воду, с серно-водородным газом. Из сомкнувшихся кратеров потухших вулканов, по-казацки «горелых могил», около Фанагории, бывают по временам огненные извержения, которым предшествуют оглушительные, потрясающие окрестность взрывы. Тогда бедные жители не знают от страха, куда деваться. Но пробуждение вулканов не бывает продолжительно. Через несколько минут они снова погружаются в свой вековой сон, и все вокруг них приходит в обычный порядок. Спят вулканы, изредка возмущают их глубокий сон беспокойные грезы, — и кто из мудрецов толкует нам значение их снов!

В окрестностях куреней Вышестеблиевского и Старотитаровского, также в урочище «Чижиковом пекле» и в северо-западном углу острова, на берегу Азовского моря, находятся источники нефти, черной и белой (горное масло, *petrole*), которая добывается в первых трех местах из колодцев, со вставленными в них плетневыми втулками, а в последнем — из песка, посредством разноса морского берега, имеющего здесь отвесной высоты более 25 сажень. Под этой высотой, ниже разных песков, глин, щебня и мелких раковин, залегает пласт песка серого, пресыщенного нефтью до состояния теста. Ширина флеча тринадцать, длина восемьдесят сажень. Это самый обширный прииск, занимающий до ста работников. Вообще же годовая добыча нефти, во всех показанных месторождениях ее, может простираться от 1000 до 3000 ведер, на сумму от 500 до 1500 руб. сер. Прииск скудный, едва окупающий труды и издержки операции.

Пред приходом казаков на Таманский остров нефтяные источники были заколочены и засыпаны прежними обитателями этой местности. Спустя уже тридцать почти лет были они вновь открыты.

В вековых болотах, прикубанских и приморских, лежат целые пространства торфа, на который не обращено еще никакого

внимания, то есть на который не пришла еще нужда. Там же водятся пиявки, ловля которых давно уже вошла в область промышленности. Но о промышленности и ее предметах мы будем говорить в другом месте.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

Климат. — Народное здоровье. Старые годы

По географическому положению (45° с. ш.) и слабому возвышению своему над морским уровнем Черноморье должно считаться теплым краем. Действительно здесь больше тепла, чем холода, больше солнца, чем облаков. Но вследствие своей гладкой поверхности и открытого положения на север, этот южный край в частую испытывает холода северной зимы. Соседство же двух морей и Кавказских гор делает климат его изменчивым и непостоянным в высшей степени. Одно время года впадает в другое, переходы от тепла к стуже, от ливня к засухе, от мертвой тишины к буре совершаются мгновенно, — и если где, то особенно здесь не следует хвалить день прежде вечера. Народ со всей точностью определил свой климат в поговорке: «до Святого Духа не кидайсь кожуха, а по Святом Дусі, у тому ж кожусі». Это значит: ни в какое время года не будь доверчив к климату.

Иногда гром прогремит в декабре, а на другой день ударит трескучий мороз. Иногда в январе стоит сухая и ясная погода, в феврале идут дожди, а в марте падает снег и свирепствует вьюга, и запоздалая стужа пришибает молодую, слишком рано вызванную из доверчивой почвы зелень в полях и почки в садах.

Виноградная лоза на зиму закрывается. По замечаниям, она боится холода только в марте, когда соки ее начинают приходить в движение. Из этого видно, что она могла бы зимовать на открытом воздухе, под одной естественной защитой своей коры, если б зима не переходила за указанную ей в календаре черту. А как это случается слишком часто, то весна бывает бурная,

сырая и холодная. Потом вдруг наступают жары. В мае они доходят уже до 27 ° С, а среди лета до 50 ° С на солнце. В летнее время сильные грозы и град — явление самое обыкновенное. Летом от продолжительного зноя, зимой от бесснежной стужи земля спекается и расседается широкими трещинами. Самое приятное время года под небом Черноморья — осень. В сентябре и октябре бывает, по большей части, сухо, ясно, тепло и тихо. Лист на дереве держится долго. Солнце светит кротко и приветливо. *Esse phoebi dulcius lumen solet, jamjam cadentis...* Все, что им освещено, кажется приласканным, пьющим наслаждение из его лучей и дремлющим в неге. Тогда и сам не ищешь тени, а желаешь быть облитым с головы до ног этим сладостным светом. И слышишь тогда во всех звуках природы любящий голос: «Дети мои, еще малое время я с вами...» Тихо идет это прекрасное время, а уходит скоро. Наступает ноябрь, с его свинцовым небом, с его дождями и туманами, а там и Николин день, с морозом и инеем. Самые сильные морозы (до 28°) бывают около Рождества. В эту пору становится Кубань. Стужа приходит обыкновенно на голую землю, без снега. Взъерошенная и внезапно застывшая грязь представляет тогда из улиц, в местах населенных, и из дорог, в открытом поле, чудовищные терки, по которым ходьба или езда ни у кого не вырывает приятных восклицаний. Во всей силе слова бывают тогда *строптивые пути* на войсковой земле.

В продолжение зимы снег падает часто, но не лежит долго: или тает он от теплого солнца и сырого ветра с моря, или смывается дождями. Саням службы мало. Если зима несколько лет сряду была слабая и короткая, как говорят здесь, «сиротская», то потом непременно явится лютая и продолжительная, как бы наверстывающая за один раз недоимки и упущения многих лет. И тогда-то бывает гибель на стада у оплошных хозяев.

Атмосфера и народное здоровье видимо подчинены влиянию ветров. Среди зимы и среди лета дует с напряжением, как бы подобранный на короткие поводыя, северо-восточный ветер (у черкес «негхой»), провожатый всех невзгод для края: летом — засухи, зимой — резкого, глубоко проникающего холода.

Про него можно повторить здесь слова, сказанные под другим небом: «Из всех ветров, заключенных в мехах Эола, он самый злой, коварный и опасный. Как сила дурного глаза, губительно его влияние; как чаша испитой неблагодарности сдает грудь ядовитое дуновение его. Верный союзник смерти, он вздувает парус Харона и носит на крыльях своих болезнь и заразу. Только угрюмого могильщика радует мрачный пришлец из стран далеких и пустынных. И слышатся в вое его стоны и вопли несчастных страдальцев. Безотрадно несется он, несопутствуемый ни одним из сладких ароматов стран цветущих. Только печаль и уныние оставляет он на широком пути своем. Не защищают от него ни стены каменные, ни яркое пламя, ни одежда теплая...»

Северо-восточный ветер производит летом расслабление и отвращение от труда на воздухе, а зимою насыляет катары, колотья, ревматизмы. На смену ему поднимается с Черного моря юго-западный ветер, теплый, порывистый, сырой, брызжущий дождями. Под его влиянием возникают лихорадки, горячки, рожистые воспаления лица. Переход юго-западного ветра в северо-западный сопровождается внезапным градом или снегом.

В течение лета и зимы тихие дни редки. Ветры дуют почти исключительно угловые и весьма редко прямые. Последние поднимаются не иначе, как в скоротечных и потрясающих бурях. Ртуть в барометре не поднимается выше 30 дюймов и не опускается ниже 28 дюймов и 8 линий. Высокое стояние ртути бывает при действии северо-восточного, а низкое — юго-западного ветра.

Воздух, в составных своих частях, по сделанным испытаниям, не обнаруживает резких отклонений от обыкновенных пропорций; но нельзя не допустить в механико-химической его смеси присутствия посторонних частей, как весомых, так и неуправляемых орудиями науки. Присутствие водяных частей в воздухе обличается обыкновенной его сыростью. В кладовых господствуют затхлость, плесень, ржавчина. В закромах и погребах жизненные припасы подвергаются скорой порче, вина — окисанию. Дерево самое крепкое скоро согнивает в земле. Живые деревья в садах покрываются гусеницей, мхом, грибовидными наростами и язвами, истощающими их обильные

соки, а в сердцевине поражаются чахоточной трухлостью. К этим явлениям присоединяются частые туманы и весьма обильные росы. Наконец последнее свидетельство о густоте воздуха является в летних маревах, или миражах, так здесь обыкновенных. Примесь водяных частей в воздухе происходит от близости гор, брызжущих водами, от смежности морей и болотистых пространств, которые постоянно бродят и испаряются, то нагреваясь после зимнего охлаждения, то остывая от глубоко проникнувшего их летнего жара. И притом глинистая подпочва степей не способна проводить далеко в глубину падающие на поверхность земли, в дождях и снегах, орошения.

Из болот, облегающих край с трех сторон и загроможденных сорными, разлагающимися на корне растениями, отделяются тлетворные вещества, производящие желчную лихорадку, на казацком языке «корчий», на черкесском «тхегхау». Эта тропическая на всем Подкавказье болезнь имеет здесь характер скорее эпидемический, чем спорадический. Она возникает по мере возвышения летних жаров и достигает своего апогея в августе. Тогда уцелевшие от лихорадки составляют содержание к испытавшим ее, как 2:10. Полевые труды, в поте чела, под знойным небом, при недостатке здоровой воды, распространяют и раздражают, а обильные сборы плодов и овощей, особенно дынь, питают болезнь в народе. Свежая рыба и раки степных прудов, раки — любимое *roug la bouffe bouche* казацкой вечери — также не благоприятствуют народному здоровью.

Эпидемическая холера, посетившая Кавказ в 1832, 1847 и 1848 годах, действовала на Черноморье не так сильно, как в местах, более здоровых. В курене Староджерелиевском, поселенном самым невыгодным образом для жизни, среди болот протоцкой полосы, и не имеющем среди лета годной для питья воды ближе, как верст за пять, холера вовсе не действовала. Не оттого ли, что жители пьют там воду не свежечерпнутую, а подержанную в посуде известное время, требующееся для ее перевозки?

От лихорадок страдают наиболее жители болотной прикубанской полосы и войска, занимающие кордонную линию.

Там по роду своей службы казак и днем, и ночью подвергается влиянию открытого воздуха и держится в местах, выгодных в тактическом и невыгодных в гигиеническом отношении. В степной и приморской местности действия болезни не так сильны, а в возвышенной части Таманского острова почти незаметны.

Степь, поэтический удел казачьего житья-бытья, могла бы пользоваться лучшим воздухом, если б не была засорена множеством добровольно созданных луж, из которых летняя атмосфера черпает свои миазмы. Это запруды на балках, о которых было уже говорено выше. Скучные степные водоскопища от застоя и тепла подергиваются зеленой плесенью, задвигаются илом и производят камыш, — растение вредное своими испарениями и разложением в воде своих пней, недоступных ни для косы, ни для огня. Грязные «ставы» (запруды), нередко разрушаемые весенними наводнениями, терпеливо восстанавливаются и поддерживаются для водопооя стад и для работы мельниц. Камыш не искореняется, а напротив поддерживается, как необходимое в хозяйстве добро, как топливо, кровельный и горючий материал.

Не вдаваясь в рассуждение о том, больше ли выгод или больше лишений принесло бы народу отсутствие запруд и гатей на степных балках, — не на всех, конечно, но на большей их части, — выполним печальную обязанность показанием еще одной болезни, свойственной обозреваемому нами краю. Это цинга, гнездящаяся в жилищах бедности и неопрятности, заносимая нередко служивыми казаками из закубанских укреплений, а иногда развивающаяся и действующая эпидемически. Лихорадка и цинга, эти два местные бича народного здоровья, если не истребляют, то заметно перераживают народонаселение, в основание которого призвано было племя крепкого закала.

Мирные черкесы, обитатели прикубанских болот левой стороны, предохраняют себя от цинги чрезвычайно воздержным и подвижным образом жизни, а также обильным употреблением в пищу перца, чеснока и лука. Мать, желая отвязаться от докучающего ей ребенка, сунет ему в руку луковичку, и тот ее съест безо всего, с утешенным и веселым видом, словно пряник.

Пока климат этого края улучшится мерами, зависящими от человеческой воли и предприимчивости, пока это будет, — а вот, по сказке старожилков, на их веку, произошли в температуре местной атмосферы видимые изменения: зимы сделались гораздо суровее против старых годов. В те годы не знали, как на зиму припасать для стада сено, а для пастуха кожух; в те добрые годы озимые запашки полей оканчивались пред Рождеством, а яровые начинались после Крещенья.

Тогда житье было на казачине. Какое диво, что само небо было к нам ласковее! Мы величали друг друга братом, а кошевого атамана батьком. Так оно было и на самом деле. Мы не чувствовали тесноты в светличке о трех окнах, под низко спущенной камышовой крышей, где, на светаньи Божьего дня, звонко чиликали воробьи, благодарные за ночлег под одним с нами смиренным кровом. Наши матери и молодницы разъезжали в стародубовских кибитках, в которых только и роскоши было, что медные головки на «цвяшках» (гвоздиках); а мы-то, мы с пренебрежением смотрели на колеса, — и нас носили стремена. Стремя было для казацкого чобота, что крыло для пяты Меркурия. На дружеских пирах мы пили свою родную варенуху, услаждали вкус мнишками, а слух цымбалами, — и, под их разудалое, задирающее за живое, бряцанье отплясывали журавля да метелицу. Пуля и даже сабля не брали нас в бою, затем что никто из нас назад не оглядывался¹. У домашнего очага мы были недоступны ни для корчя, ни для иной злой немочи, — не было преждевременных морщин, за которые могли б они ухватиться. Все недоброе от нас, как мяч, отскакивало. Просто — житье было на казачине.

Оплакивающий оное доброе время не берется быть истолкователем изменения, воспоследовавшего в климате Черноморья, на памяти одного только поколения людей. Но из его собственной памяти не испарились еще повествования древних историков о том, что за пятьсот лет до Рождества Христова Таврические скифы, предприняв поход в Индию,

---

¹ По казацкому поверью, заговор от пули и сабли может быть действительным только для тех, кто в бою ни разу назад не оглянется. Условие, *sine qua non*, и весьма основательно.

переходили чрез Черное море по льду; что за сто лет до той же эры Митридат сражался со скифами на льдах того же моря, и что, наконец, в XI веке русский удельный князь Глеб, по льду Боспора Киммерийского, то есть Керченского пролива, измерял расстояние от Тмутаракани до Керчи. Выходит, что зима на Черноморье не есть явление новое. Ничто не ново под луною.

РАССКАЗ ПЯТЫЙ

Народность. — Религия. — Населенность. —
Жилища. — Замечательные поселения. —
Следы старинных селитеб. — Отличительные черты в
быту общественном и семейном. —
Отличительные качества нравственные

Черноморские казаки вышли из последней Запорожской Сечи и населили нынешний свой край в 1792 году. К первобытному их населению, состоявшему из двадцати тысяч «куренных» или служилых людей, присоединились по времени горсть запорожцев, вышедших из Турции, под именем Буджацких казаков, и два поселка добровольных выходцев из-за Кубани — черкес и татар. Сверх этих маловажных приселений сделаны были три раза значительные переселения на Землю Черноморцев малороссийских казаков из губерний Полтавской и Черниговской¹.

---

¹ С самого начала, в 1792 году, перешло на Черноморье 13 тысяч строевых казаков и при них до 5 тысяч душ женского пола. Затем, в следствие особых мер правительства, подошло еще врасстяжку, в виде отсталых, до 7 тысяч семейных и бессемейных казаков, находившихся на поселении в разных местах Новороссийского края, после упразднения Запорожской Сечи. Это население коренное.

К нему прибыло:

в 1808 году, до 500 добровольно возвратившихся из Турции Буджацких казаков, старинных сечевых односумов черноморцев;

в 1809—1811 годах, переселенцев из малороссийских губерний, Полтавской и Черниговской, 23 089 мужского и 16 672 женского пола душ;

в 1821—1825 годах вторых переселенцев из тех же губерний 20 274 мужского и 19 689 женского пола душ (см. продолжение на стр. 32).

В позднейшее время возникли в пределах Черноморья два приморских поселения, с особыми условиями, не имеющими ничего сходного с сословием казачьим. Мы будем касаться их только в показании статистических цифр; общие же сведения и заметки о разных сторонах народного быта и характера будут относиться всегда к господствующему сословию казачьему.

Малороссийские казаки, из которых набиралась Запорожская Сечь, во все время ее существования, — кровные родичи черноморцам; а потому приселения их, как ни были они значительны, не внесли никакой разноплеменности в население коренное, и в настоящее время весь войсковой состав черноморского народонаселения носит одну физиономию, запечатлен одной народностью — малороссийской. Самые инородцы (черкесы и татары), численность которых не простирается далее одной тысячи мужского пола душ, исчезая в массе господствующего населения, уже достаточно оказались. Немало удивляет заокеанского русского человека, когда черкес заговорит с ним языком Пыратинского уезда. «Что за диво! — думает русский человек. — Нельзя сказать, чтоб был хохол, а говорит — из рук вон».

Черноморцы говорят малороссийским языком, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились, под их военной кавказской оболочкой, черты малороссийской народности в нравах, обычаях, поверьях, в быту домашнем и общественном. Напев на клиросе, веснянка на улице, щедрованье под окном, жениханье на вечерницах и выбеленный угол хаты, и гребля с зелеными вербами, и вол в ярме, и конь под седлом — все напоминает вам на этой далекой кавказской Украине гетманскую Украину Наливайка и Хмельницкого.

В пятилетие 1845—1850 годов третьих переселенцев из тех же и отчасти из Харьковской губерний, да разных вольноприписных, все таки из Малороссии, до 8500 мужского и 7000 женского пола душ.

Добровольно вышедших из-за Кубани, в 1798 году, черкес и в 1801 году татар, с прибывавшими поодиночке, до позднейшего времени выходцами — к первым из-за Кубани, к последним из Крыма, 1000 душ мужского и около того же числа женского пола. (В числе черкес несколько десятков семейств очеркесившихся армян и греков.)

А всего к коренному населению пришло в войсковой состав: 53 363 мужского и 44 361 женского пола душ.

Мыслью, следственно существую, сказано о немцах, по крайней мере сказано это у них. Пою, следственно живу, может быть сказано о племенах славянских. Так, старая песня гетманской Украины живет неразлучно с поколениями народа, перенесшего своих пенатов с Днепра на Кубань, и звучит она тысячеустной повестью о славных делах и высоких качествах праотцев, в завет правнукам, далеко ушедшим от предковских могил...

За исключением небольшого числа инородцев, все черноморские жители войскового состава исповедуют греко-русскую веру, за неприкосновенность которой их прадеды пролили потоки крови в борьбе с нетерпимостью польского католичества. Расколов нет. Жертвующая преданность народа к церкви беспредельна. Не бывает наследства, самого скромного, из которого бы какая-нибудь часть не поступила на церковь. В этом отношении черноморцы остаются верны святому обычаю своих предков: от всех приобретений меча и вёсла приносить лучшую часть храму Божию.

Инородцы, в войсковом составе находящиеся, принадлежат к последователям суннитского магометанства: татары — по задушевному верованию, черкесы — по имени. Здесь кстати будет заметить, что как шапсуги, к племени которых принадлежат черноморские черкесы, так и другие закубанские горцы слабо привязаны к исламу и недалеки от религиозного индифферентизма. Когда первый, еще не знавший, как взяться за свое дело, эмиссар Шамиля, Хаджи-Магомет, явился среди абадзехов (в 1841 году) и заговорил к ним, с высоты корана, о правоте веры, то дворяне, бывшие в числе первых его слушателей, пожалы от недоумения плечами и холодно отозвались, что такие речи прилично выслушивать только муллам, а не благородным уоркам (дворянам). Не дженет и гурии корана, а страх стыда и желание известности в своем обществе, — чтоб не сказать чувство чести и жажда славы, — одушевляют черкесского уорка на битвы и опасности. В недавние годы умер у абадзехов стодвадцатилетний старец, последний представитель того времени, когда горцы не были еще мусульманами, даже и по имени. Позднейшая турецкая пропаганда, наложившая клеймо ислама на окружавшие старца поколения, не имела над ним никакого

действия. Новое вино неудобно вмещается в старый мех. Наконец, в последние минуты жизни абадзехского Мафусаила муллы приступили к нему с увещанием, чтоб, по крайней мере, в другой мир явился он правоверным, если не хотел быть таковым на сем свете. Ветхий днями горец не сдавался, и служители корана решились испытать над ним последнее средство: пламенным словом стали они рисовать воображению умирающего картины рая и ада, до которых оставался ему один только шаг и между которыми проход так узок, как лезвие шашки. Тогда умирающий пришел в волнение, закрыл глаза рукой и последним оставшимся у него голосом проговорил: «Не хочу в ваш ад, не хочу и в ваш рай; дайте мне спокойно уйти в то место, куда ушли добрые и честные люди — мои сверстники». И чрез минуту ушел.

Всех жителей в пределах Черноморья, обоего пола:	
Казачьего сословия	165 000 ¹
Городовых сословий портового города Ейска	20 000
Немецких колонистов	220
Итого	185 220 душ.

Оставляя в стороне город Ейск и немецкую колонию, войдем в особенное рассмотрение казачьего населения. В вышепоказанной общей цифре 165 тысяч заключается мужеского 85 000 и женского пола 80 000 душ. Из двух миллионов трехсот тысяч десятин удобной, в пределах Черноморья, земли, — за указными отводами ее для кордонной линии, портового города Ейска и немецкой колонии, для войскового дворянства и духовенства, для почтовых станций и скотопрогонных дорог, для рыболовных, соляных и нефтяных промыслов, для мельниц и других отдельных надобностей, и наконец в запас для имеющего увеличиться народонаселения, — приходится в действительный надел казаков по шестнадцати десятин на душу мужеского пола.

¹ В этом числе значится 860 душ обоего пола крепостных дворовых людей, большая часть которых предназначена к поступлению в казаки.

В естественном движении казачьего народонаселения, средним числом, родится 5300 душ; браком сочетается 1250 пар; умирает 4000 лиц. Приращение составляют 1300 лиц в год.

Число умирающих к числу живущих относится как 1 : 41.

Число заключаемых браков к общему числу жителей относится, как 1 : 132.

Число рождающихся к общему числу жителей относится, как 1 : 31.

Все вообще жители Черноморья, как казачьего, так и других сословий, населяют три города, одну немецкую колонию, шестьдесят три куреня, или станицы¹, пять поселков и до трех тысяч хуторов. Среди этого населения находятся две монашеские пустыни: мужеская и женская.

У черноморцев старого времени, как равно и у запорожцев, куренем называлась казарма, не только в смысле здания, но, еще более, в смысле помещавшейся в ней самостоятельной части войска, поставленного на походную ногу, мобилизованного. Каждый курень имел приписанное к нему село, или несколько сел, откуда снабжался жизненными припасами. С 1803 года, по заменении куреней, в смысле частей войска, полками, название это осталось при селах, которые в позднейшее время стали называться и станицами, для сходства с другими казачьими войсками. За название станиц первые ухватились канцелярии, и с такой поспешностью, как за замену слова *сей* словом *этот*.

Курени носят те же названия, какие исстари существовали в Запорожском войске. Из них лежащие по Кубани, на линии, укреплены окопом и огорожею, в защиту от нападений горцев. Число дворов в курене простирается обыкновенно от 200 до 1000.

Край заселен неровно: на одной полосе народонаселение легло слишком густо, на другой слишком редко. Первая из этих крайностей не представляет никакой соразмерности между числом жителей и подлежащим им, по положению, количеством земли.

---

¹ В числе 63 куреней считаются и города Екатеринодар и Тамань, потому что они имеют двоякое учреждение — городское и куренное.

Во всех показанных городах, куренях, поселках и хуторах состоит: церквей 70, с монастырскими; из них десять каменных, остальные деревянные; мечетей 3; войсковых домов, каменных до 30, деревянных и турлучных 140¹; общественных запасных хлебных магазинов 60; соляных магазинов 4; почтовых станций 25; лавок каменных до 100, деревянных до 600; трактиров 10; питейных домов до 200; бань публичных 14; кузниц 150; заводов рыбоспелных до 200, кирпичных до 30, черепичных 2, кожевенных 6, салотопенный 1 и маслобойных 3; мельниц, водяных 70, ветреных 750; домов обывательских до 32 000.

Между обывательскими казачьими строениями каменных не встречается почти вовсе, деревянные очень редки; земляные, то есть сложенные из землебитного кирпича, или просто из просушенного дерна, находятся на Таманском острове да по берегам Азовского моря и р. Еи, где почва, по своей сухости и тягучести, оказывается годной для подобного рода строений. Господствующие же у черноморцев постройки суть турлучные или мазанковые, в состав которых входит гораздо меньше леса, чем глины. Врываются в землю столбы, называемые сохами, и на них накладывается сверху «венец», то есть бревенчатая связь, служащая основанием кровельным стропилам и матице. Стенные промежутки между сохами заделываются плетенкой из камыша или хвороста. Редко положенные от матицы к венцу доски с камышовой, поверх их, настилкой, образуют потолок. Этот остов здания получает плоть и кожу из глины, смешанной с навозом. Если это жилище пана, то в нем будет окон очень много, вдвое больше против того, сколько нужно; если урядника, то при нем будут «присенки», крылечко на двух столбиках, вроде козырька при фуражке. Новые присенки при старой хате показывают, что шапка хозяина еще недавно украсилась урядничьим галуном. Если в хате порядок и довольство, то на дымовую трубу будет надет деревянный островерхий колпак, с петушком

---

¹ Сверх войсковых зданий, состоящих в пределах войсковой земли, находятся в С.-Петербурге казармы с конюшнями, выстроенные из доходов Черноморского войска, для помещения лейб-гвардии Черноморского казачьего дивизиона.

вместо кисточки, поворачивающимся по ветру. «У богатого казака дымарь с крышкой, а в убогого лоб из шишкой». Турлучные постройки не должны быть, во-первых, обширные и высокие, а во-вторых, войсковые, или, что одно и то же, казенные. В первом случае они не будут иметь надлежащей прочности, а во втором неудобны тем, что требуют непрерывного ремонта. Трещина показалась в потолке — мазка; косой дождь ударил в стену — еще большая мазка; а пропущена мазка — здание пошло валиться. Потом столбы, на которых держатся потолок и крыша, скоро подгнивают в основании, и здание косится, ползет врозь. Последнее неудобство могло бы быть устранено с помощью жидкого стекла, если бы покрывать этим стеклом концы столбов, врываемые в землю, что делало бы их недоступными гниению. Как бы то ни было, но турлучные жилища, особенно в этом непостоянном и нездоровом климате, тяжелы: всякая сырость и порча воздуха задерживаются в них дольше, и многолюдная семья не может в них дышать так легко, как в деревянной избе. Четвероногие черкесы кладовых и чуланов предаются в них хищничеству с большим удобством; они прокладывают себе скрытые пути внутри самых стен, от основания до потолка. Да и самое производство постройки непривлекательно — что-то вроде горшечного дела; и если б Диоген явился не в Афинах, а в Черноморье, то эмблемой человеческого приюта избрал бы он не бочку, а глиняную макитру¹. Но покамест еще только такие жилища доступны средствам черноморцев. Их безлесный край осужден снабжаться строевым лесом издалека: с Дону и из-за Кубани, от горцев. На Дон — далеко и дорого, а на Кубани, по военным обстоятельствам, не всегда бывает лес в привозе. Первые оседлые обитатели Черноморья, казаки екатерининского века, не находя приюта на

---

¹ Большой кувшин, с широким отверстием. Замечательно, что у закубанских горцев архитектура тоже турлучная, хотя и живут они среди лесов. Подобные парадоксы можно объяснить не иначе, как застарелыми привычками народа, жившего когда-нибудь на другой местности, под другими условиями. В Закавказском крае встречаются поселения, которые, будучи расположены между лесами, употребляют на топливо кизяк, а не дрова.

поверхности обнаженной пустыни, зарывались в землянки, — и эти мрачные, сырые убежища делались могилами для целых тысяч новосельцев.

Однако ж выгода глиняных жилищ та, что их нелегко берет огонь. Поэтому пожары довольно редки, не только в куренях, но и в городах, которых, как было уже упомянуто, три, а именно: Екатеринодар, Тамань и Ейск.

Екатеринодар — главный город в Земле Черноморских казачков, при реке Кубани, в 220 верстах выше ее устья, в 62 от крепости Устьлабинской, в 260 от Ставрополя и в 1400 верстах от Москвы. У горцев Екатеринодар называется Бжедугскяль, то есть Бжедугский город, по ближайшему его соседству с бжедугским народом.

Местоположение города, болотистое и нездоровое, представляет мало удобств для обитания, не только городского, цивилизованного, но даже самого простого и близкого к природе. Осенью и весной, нередко даже и среди зимы, улицы города бывают наполнены толями, почти непроходимыми. Тогда воз с тяжестью проехать по ним не может. Вследствие чего базары, на которые привозятся съестные припасы для пропитания городского населения, учреждаются вне города, и кому с какого угла надобно въехать в город, тот туда и направляется с поля, хоть бы для этого приходилось околесить верст десять. В то печальное время на главнейших площадях образуются озера, и люди, не любящие шутить, утверждают, что видят на них диких уток. Одна только привычка казаков ездить смело верхом по самым опасным, закрытым неровностям делает такое затруднительное положение городских сообщений выносимым. Но горе страннику, заброшенному судьбой или службой в войсковой город, во время растворения в нем пятой стихии! Извозчиков — и заведения нет, да хотя б и были, все равно оставались бы без практики.

Общая всему краю климатическая болезнь — лихорадка, спорадическая и эпидемическая, преимущественно гнездится и развивается в главном городе, при основании которого, на виду хищного неприятеля, внимание казаков было поглощено одними тактическими соображениями. Спасибо, что попало

им в те поры место, обойденное с трех сторон болотами, за которыми можно было заснуть спокойно. Это же место было покрыто лесом. Лес рубили и около пней, без дальних хлопот, «будовали» хаты.

Много трудов было уложено на осушку города посредством канав; но это нисколько не помогло, потому что площадь, занимаемая городом, приподнята у краев и вдавлена посредине. Вид ее поверхности сравнивают с блюдом и находят, что сколько она удобна для огорода, столько же невыгодна для города.

Екатеринодар, так названный во имя, блаженной памяти, Государыни Екатерины II, основан в 1794 году. В протоколе об основании его сказано: «Ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов, при реке Кубани, в Карасунском куте, воздвигнуть град». Как видите, целью «воздвигнутия града» была опора кордонной стражи! Ныне в этом отставшем от современного значения граде насчитывается до 2000 домов, то есть хат, изваянных из глины вышеобъясненным способом и покрытых камышом и соломой. Частных каменных зданий ни одного, деревянных, под железной крышей, несколько. Хаты стоят в таких положениях, как будто им скомандовано «вольнo, ребята»: они стоят и лицом, и спиной, и боком на улицу, какая в каком расположении духа, или как какой выпало по приметам домостроительной ворожбы, предшествовавшей ее постановке. Одни из них выглядывают из-за плетня, другие из-за частоколу, третьи, и не многие, из-за дощатого забора; но ни одна не выставится открыто в линию улицы. Напротив, большая их часть прячется в глубь двора, сколько можно догадываться, по сознанию своей некрасивой и бедной наружности. В хатах и дворах соблюдается чистота; на улицы выбрасывается сор, где и лежит он, пока поглотят его лужи. Эти улицы, кроме дарового света луны, когда он есть, не знают другого освещения. В начале нынешнего столетия они были очень широки и по бокам ровны. Теперь ширина их несколько сузилась и бока сделались зубчаты, словно речные берега, испытавшие частые обвалы. И действительно, их непрочные заборы не далеко отошли от рыхлых берегов какой-нибудь степной речки.

Эти частокольные и плетневые заборы, подгнивая в своем основании, часто требуют перестановки, а каждая перестановка, неизвестно для какого именно общего блага, выдвигает их вперед, все ближе и ближе к фарватеру улицы. Такое наступательное движение, совершаясь одинаково с обеих сторон, представляет печальную перспективу, или лучше сказать — уничтожает всякую перспективу в будущем развитии города¹. Если городильный материал будет оставаться надолго один и тот же, — в чем неуместно было бы сомневаться, — то легко можно высчитать время, когда обе линии той или другой улицы достигнут желаемого соединения, сольются как половинки затворенной двери. Тогда, — что ж тогда будет с этим бедным бурьяном, который, не подозревая возможности подобного события, беспечно и простодушно растет на улицах, к особенному удовольствию разгуливающих по ним животных, ненавидимых черкесами? До первой холеры произрастал на улицах войсковой резиденции, равно как и всех подчиненных ей куреней, бурьян мягких пород; с показанного же времени не только на улицах и площадях, но даже на выгонах и на всех больших дорогах появилась острая колючка, занесенная на Черноморье из Крыма, как полагают, в мычках извозчичьих лошадей. Этот растительный лишай с чрезвычайной быстротой распространился по всему лицу войсковой земли. Крапива любит развалины и запустение; крымская колючка, напротив, избирает для себя места жилые и усыпает своими иглами свежие следы человека.

Чтоб сократить дальнейшее описание Екатеринодара, — чрез что он ничего не потеряет, — довольно сказать, что этот город имеет вид большого села, главная особенность которого состоит в том, что оно служит вывеской всех остальных сел в крае. Кто видел Екатеринодар, тому не для чего смотреть Черноморье.

Войсковой город Екатеринодар не подходит под общее учреждение городов в губерниях. Люди торговые, промышленные и ремесленные, люди собственно городских сословий

---

¹ Нельзя ли из этого современного нам явления объяснить необыкновенное сужение улиц в азиатских городах?

могут иметь в нем временное пребывание, могут быть только гостями; но прав оседлости и гражданства в нем не получают. Оседлое же его население состоит исключительно из одних казаков, общество которых и составляет курень Екатеринодарский, нисколько не отличающийся в своем учреждении и быте от других куреней. Именуется этот курень городом потому, что в нем находятся власти, присутственные места и заведения, приличные городам, и потому, что имеет он герб, которого символы знаменуют сторожевое поселение у ворот государства. Жителей в Екатеринодаре до 8000 душ обоего пола. В том числе: генералов 2, штаб- и обер-офицеров до 150, урядников более 300 и казаков 3500. Лиц духовного звания 25. Временные гости и посетители города суть: русские люди податных состояний, армяне, жида и черкесы.

В Екатеринодаре имеет пребывание войсковой наказной атаман с главным войсковым управлением, военным и гражданским. Из общественных зданий города могут быть упомянуты 4 церкви православных, а одна армянская. Из них одна только православная церковь, устроенная в здании войсковой богадельни, каменная; все остальные деревянные. Возведенная в городской крепости, в первых годах нынешнего столетия, войсковая соборная церковь есть редкое по сложному и громадному своему составу деревянное здание, покоящееся на деревянных же стульях. Один архитектор назвал оное дерзостью архитектуры. В этой церкви три алтаря. Иконостасы алтарей величественны. Это не постройка мастера, а создание художника. Колонны, карнизы, резьба, живопись — все изяшно. В левом приделе, с краю от дверей, стоит большая икона, представляющая сон Иакова. Не заметишь на это высокое произведение неизвестной, но не дюжинной кисти. Лик спящего патриарха — страница из книги Бытия. В лицах и воздушной постановке крылатых небожителей, сходящих и восходящих по лестнице между небом и землей, отсвечивает тайное помышление: к чему нам эти ступени?..

Проспектом на соборную церковь проходит чрез весь город главная улица, называемая «красной». Никогда эпитет не был помещен так неудачно. На этой улице и еще на двух торговых

площадях находится 160 лавок, из коих до 50 каменных; остальные деревянные. Вне города, на ярмарочной площади, устроено 248 лавок деревянных, принадлежащих войску и клонящихся к падению. Торговля имеет большое содержащее и малое содержимое.

Войсковая гимназия и первоначальное училище; духовное уездное училище; войсковой госпиталь; два провиантских магазина, войсковой и казенный; два пороховых парка и два арсенала; войсковая богадельня, — единственное в городе двухэтажное здание; войсковой острог, огороженный высоким дубовым тыном, как в старину огораживались наши города, и имеющий вид зверинца; карантинная застава; меновой двор для торговых сношений с горцами; паромная переправа чрез Кубань; два или три завода кирпичных, один пивоваренный и один салотопенный; остатки дубового палисада со стороны горцев и множество ветреных мельниц со стороны мирного населения; обезоруженная крепость, ровесница городу, и наконец рытвины и холмы старинного городища, над которым, в качестве позднейшей иеремиады, поместилась кордонная казацкая вышка, — вот все примечательности Екатеринодара, устройство которого как нельзя больше выражает старинное казацкое правило: «на границе не строй светлицы».

Однако ж, как богатство и бедность составляют понятия относительные, не подчиненные одному всеобщему мерилу, то и Бжедугскяль, в свою очередь, пользуется славой великолепнейшего города в мире; пользуется он этой славой между обитателями бедных закубанских аулов, в глазах которых стекло в окне есть величайшая роскошь, и по сокращенной географии которых Русское государство не простирается от Кубани далее Дона.

Изменяясь обстоятельства, изменится и войсковой город к лучшему. На этом пути начнет он с того, что перейдет на лучшее место, где не была бы затруднена не только органическая, но и промышленно-торговая жизнь. Таковым местом могла бы быть — *Тамань*, древняя Фанагория, Таматарха, Тмутаракань, — в эпоху завоевания края нашим оружием, — Турецкая крепость Хункала, ныне одна из небогатых и немногочисленных станиц Черноморского войска. Она лежит под 45° сев. шир. и

36° вост. долг., при восточной бухте Керченского пролива, на общении Подкавказья с Крымом. В 1848 году учреждено пароходное сообщение между Таманью и Керчью. В Тамани одна пристань для мелких судов, одна церковь каменная, 10 лавок и 150 домов, большею частью земляных и сложенных из обломков старинных каменных зданий, отрываемых из-под земли. Эти приземистые домики покрыты черепицей и землей. Под земляную кровельную насыпь подстилают морскую траву камку, выбрасываемую из пролива на берег. Камка имеет ту особенность, что никогда не гниет под землей. Общественных заведений, кроме убогой гостиницы и первоначального училища, никаких. Жителей до 1500 душ обоего пола. Из них 32 офицера.

Тамань носит название и имеет герб города по одним лишь историческим воспоминаниям; по настоящему же своему учреждению это курень, как и все остальные. Герб Тамани включает в себе, сверх эмблем рыболовства и соляного промысла, великокняжескую шапку, в память существовавшего здесь в одиннадцатом веке русского удельного княжества. По положению своему на соединении двух морей Тамань может *встать из своего векового праха* и сделаться для Черноморья тем же, что наша северная столица для всего государства. Здесь войско «прорубило бы окно» для Феодосийской железной дороги и цивилизации внутренних провинций. Но для этого, да и вообще для приведения в надлежащий вид главного сухопутного сообщения Кавказа с Крымом, необходимо, прежде всего, подумать об устройстве прочной шоссейной дороги чрез болото, отделяющее Таманский остров от степного Черноморья.

Тамань лежит на песчаной равнине, у подошвы потухшего вулкана. Прежние обитатели этой местности умели заставить песок лежать смиренно; не смел он шевелиться под виноградной лозой, курагой и другими садовыми насаждениями. При казаках же выходит, что в Екатеринодаре за грязью, а в Тамани за песком пройти трудно. Особенного сожаления заслуживают разорение и запустение водопроводов, обильно снабжавших Тамань пресной водой в прежнее время. Вода двух уцелевших фонтанов чрезвычайно приятна и здорова. Посредине города

лежит обширный резервуар. Когда-то был он выложен камнем и наполнялся водой из окружающих его водометов; теперь он разорен и запущен, и если набирается иногда водой, так от одних лишь дождей или тающих снегов.

Смежно с Таманью лежит крепость Фанагория, построенная Суворовым в 1792 году. Она составляла последнее звено в цепи крепостей, возведенных на Кубани при основании здесь нашей линии, и в настоящее время упразднена, как и остальные ее сверстницы.

От города отжившего перейдем к городу, начинающему жить, к портовому городу *Ейску*. Этот, как обыкновенно пишут его теперь, юный город лежит у Ейской косы Азовского моря. Ейская коса, ближайшая к устьям Дона, вдается в море на семь верст и имеет вид искусственного мола, которого раздвоенная оконечность образует гавань, удобную для стоянки и нагрузки больших судов. Ейск учрежден 6 марта 1848 года с целью доставить ближайший сбыт за границу произведениям Черноморья, Ставропольской губернии и земли Кавказских казаков. Он населяется людьми свободных податных состояний, без причисления их к казачьему сословию и с дарованием новосельцам льгот от податей и повинностей на пятнадцать лет. Из войскового сословия предоставлено селиться в нем только чиновным лицам да казакам торгового общества. Устройство города идет быстро и правильно. Самые скромные домики возводятся из приличных материалов и с соблюдением всех условий городской архитектуры. До настоящего времени (1857 г.) возведено уже: фасадных домов 700, надворных жилых строений до 800 и лавок до 150; открыто магазинов 60; устроено заводов: кирпичных 20, черепичных 2, кожевенных 6 и маслобойных 3.

В числе двадцати тысяч городских жителей (как показано выше) состоит купеческих капиталов: первой гильдии 144, второй гильдии 37 и третьей 225.

Судов из-за границы бывает в приходе до 120 и в отходе около того же числа. Привоз заграничных товаров простирается на сумму до 51 500 руб.; отпуск за границу произведений Подкавказья — до 330 000 руб. сер. Привозятся: маслины, орехи,

олиф, рожки, перец, сыр; отпускаются: пшеница, льняное семя, сурепа, шерсть, кожи.

Между городом Ейском и куренем Долгим, на берегу Азовского моря, в урочище «Широка Падина» поселена в 1852 году немецкая колония Михельсталь. В ней домов 32 и жителей 220 душ обоего пола. Жители эти переведены сюда из Острогожского уезда Воронежской губернии с целью служить казакам образцом добропорядочного хозяйства.

Из казачьих поселков, лежащих у берегов Азовского моря и обязанных своим происхождением рыболовному промыслу, заслуживает внимания Ачуевская усадьба, находящаяся при болотистом устье Протоки. Здесь самый богатый рыболовный завод, истари принадлежащий войсковой казне и приносящий ей 30 тысяч рублей серебром годового дохода. Он помещается на остатках Турецкой крепости, которая когда-то замыкала вход в кубанские воды из Азовского моря. В этом месте, наиболее посещаемом судами рыбопромышленников, войско соорудило каменную церковь и на своем иждивении содержит ее причет.

По всему Азовскому поморью и по берегам Ахданиза, Кизилташа, Бугаза и Таманского залива лежат в холмах и рытвинах остатки крепостей, пристаней и селитеб татарских, генуэзских, греческих, — широкая нива для археолога. По Каракубанскому острову и вниз оттуда по протяжению правого берега Кубани до самого Бугаза тянется цепь опустелых, поросших травой, городков, в которых жили некрасовские казаки, служившие султану за иудины сребреники. С приходом сюда черноморцев, против которых дрались они как неприятели, некрасовцы перебрались за Кубань, к Анапе; а когда Пустошкин в 1807 году взял и Анапу, они ушли за море, в Турцию. Распространяющееся могущество отечества гналось за отступниками грозным преследователем. Настигаемые им всюду, они могли восклицать: куда уйду от духа твоего и от лица твоего куда убегу?.. Понесусь ли на крыльях зари, переселюсь ли на край моря — и там рука твоя поведет меня...

Поселения живые, нынешние курени, большей частью многолюдны, выражаясь точнее — многодворны, — и только.

Говорить о каждом из них значило бы повторять непривлекательное и тем не менее с подлинным верное изображение главного войскового города. Из шестидесяти трех куреней только два инородческие непохожи на все остальные. Это Гривинский — Черкесский, при устье ерика Энгелика, и Адынский — Татарский, близь Ясенских соляных озер. Первый населен в 1798 году шапсугами, выведенными из-за Кубани уорком (дворянином) Али-Шеретлуком. Этот Али-Шеретлук, с немногими приверженными к нему подвластными, искал у казаков убежища от озлобленной против него демократической партии, которая в то время по милости Турецкого шариата усилилась в Шапсугском обществе до того, что ниспровергла древнее его феодальное устройство. Адынский курень населен в 1801 году крымскими татарами, жившими хуторами около Анапы, откуда грабежи и насилия горцев принудили их перебраться к черноморцам. В числе позднейших выходцев из-за Кубани приселились к Гривинскому куреню несколько десятков семей очеркесившихся армян и греков, предки которых завлечены были торговлей из Турции в ущелья Кавказа.

Местом первоначального поселения куреня Адынского был северный берег Таманского залива; но недостаток земли и другие причины заставили войсковое начальство перевести его отсюда на теперешнее место в 1850 году. В то же время несколько десятков черкесских семейств с потомками уорка Али-Шеретлука отделились от Гривинского куреня и перешли в низовье Керпилей, к куреню Новоджерелиевскому, где составили особый поселок. Разом с ними армянские и греческие семейства отселились к куреням Брюховецкому и Переяславскому.

Оба инородческие куреня имеют общее со всеми прочими учреждение и управление, но в отбывании службы пользуются особыми льготами. Об отличительных свойствах их обитателей можно сказать, что черкесы самый беспокойный народ в собственном общежитии и в соседстве с казаками, а татары самые лучшие работники на соляных озерах.

Относительно всей совокупности куреней можно высказать два общие замечания: в куренях, прилегающих к рыбопромышленным водам, больше жизни, благоустройства и доволь-

ства, больше добрых нравов, — и самые казаки, взятые в смысле военных людей, бодрее, развязнее и смышленнее; напротив, в куренях степных, где преобладает пастушеский быт, меньше предметов, на которых глазам отраднo было бы остановиться; казаки менее развиты и более склонны к конокрадству и волокрадству, более подвержены этой нравственной болезни беднейшего класса войскового народонаселения. Те, наконец, из степных куреней, на полях которых меньше хуторов, имеют лучший вид и лучшую нравственность пред теми, которые сжаты хуторами. Все вообще курени населены простыми и малодостаточными казаками. На пятьдесят домохозяев едва приходится один, который имел бы *свой плуг*, то есть мог бы пахать землю собственными средствами, не делая складчины с другими домохозяевами, *не спрягаясь*. Чиновные и сколько-нибудь состоятельные жители рассеяны в одиночку, по хуторам. Эти тучные отростки от тощего дерева разносят соки и глушат корни жизни общественной. Может быть, при степном скотоводстве, хутор, поселенный у места, столько же необходим, как кочевая кибитка; но нельзя не заметить, что казацкое общество тяготеет больше к своей окружности, чем к средоточию, что раздробление, особничество, или, как сами казаки говорят, «показанщина» (от слова казан, котел) составляют отличительную черту характера черноморцев. Им все как-то тесно, и в самом куренном поселении они отодвигаются сколько можно дальше один от другого. Они не сливаются в обществе, как камни в здании. У них каждая отдельная личность обчеркнута резко, угловато — не скоро подберешь и приставишь одну к другой, — и если у кого, так это у них *крайности соприкасаются*. Умственные способности и нравственные свойства не поделены в народе с приблизительной уравнительностью, — что в обществе человеческом так же благотворно, как ровная температура в воздухе, и чем Бог одарил великорусский народ, — не поделены, а брошены в толпу полными пригоршнями, на захват и наудачу. Сюда попало слишком много, туда слишком мало. Овому талант, овому пять талант. Можно сказать, что природа, засеяв поле умственно-нравственной жизни двух единокровных народов — великорусского и малорусского,

в первом народе свой посев заборонила и поровняла, в последнем оставила так. Нет народа в великом племени славянском, более способного и готового, как народ малорусский, открыть в самом себе смешные и слабые стороны и осмеять их с беспощадным сарказмом. Все живущие в устах великорусского народа насмешки над простодушием хохлов, над упругостью их практического смысла, над неповоротливостью их соображения и эксцентричными странностями характера суть не что иное, как бледные переводы с малороссийского. Что и показывает в одном и том же народе и силу, и немощь разума, избыток и нищету духа, на таких близких между собою расстояниях, что столкновения и разногласия между этими противоречиями неизбежны. Не печатанных Гоголей между черноморцами много. Москаль, себе на уме, — подсмеивается над хохлом, над немцем и татаринцом, а над собой нет. Черноморец, когда он создан с головой светлой и сердцем возвышенным, осмеет недостатки и слабости в отце родном, разругает низкое свойство и гадкий поступок в родном брате. Умственно-нравственные симпатии в его природе берут верх над симпатиями плоти и крови, соседства и товарищества. Нельзя ругаться, чтоб он прикрыл упившегося Ноя.

К особенностям присоединяется наследованное казаками от отдаленнейших их предков, расположение к «байдикам» и «баглаям». Эти славянские, или куфические слова, по глубокой своей древности, сделались ныне не переводимыми, а смысл имеют точно тот же, что итальянское *dolce fare niente* и турецкий кейф¹.

От соединения показанщицы с баглаями родится бедность, а от бедности происходит забвение различия между мое и твое. Впрочем, этот беспорядок обнаруживается только на степных табунах и стадах. Плохо лежит, брюхо болит². Но кражи со взломом редки. От времени до времени на больших промежутках

---

¹ По народной поговорке, баглаи бывают трех родов: школярские — поутру, бурлацкие — среди дня и панские — ввечеру.

² Из ведомостей, по особенному случаю доставленных войсковому атаману от всех станичных правлений, за 1847 год, видно, что, в течение того года число покраж, о которых поданы были *письменные объявления*,

вспыхнет застрывшая где-нибудь в глуши искра былого запорожского гайдамацтва и составитя шайка разбойников. Укрываясь в камышах и захолустьях степных балок, они нападают на беспечные хутора, пекут растопленной серой денежных людей, чтоб исторгнуть у них заветную кубышку с карбованцами, преследуются вооруженной силой и гибнут на виселице.

За особенничеством следует или ему предшествует дробление семейств и дележ хозяйств. В черноморской казацкой хате не то, что в великороссийской крестьянской избе, — вы не найдете трех и четырех поколений на одних полотах. Здесь семьи вообще малолюдны; их не связывают в большие снопы ни рекрутская сказка, ни подушный оклад. Два-три сына старого казака, вступая в тот возраст, когда войско зовет их на службу Государеву, когда особенно должны бы они подать друг другу руку, чтобы отсутствие из дому одного вознаграждалось присутствием при домохозяйстве другого, — разрываются, роятся из отцовской хаты, следуя пословице: «не кайся рано вставши, а молод оженившись», — и каждый городит себе особый двор. Потом, покидая свою молодицу одинокой и беспомощной и напевая себе вполголоса:

Котилися вози з гори,
Поламались спиці,
Да вже-ж міні не ходити
На ті вечерниці, —

самобытный казак выезжает на службу, а в новой его хате, прежде чем паук успел раскинуть свой ткацкий прибор, поселяются бедность и нужда. Эти непрошенные жильцы встречают доброго молодца, когда он лихо, с пистолетным выстрелом, возвращается с служебной очереди, и они же — *male suada fames* — в ночной темноте, направляют его аркан на статного коня в панском табуне. Поучительно-печальная истина басни о молодом

было следующее: лошадей 681, рабочих волов 541, коров и быков 1111, разного гулевого скота 410 голов. Но по этим цифрам нельзя еще определить настоящую степень скотокрадства, потому что далеко не обо всех случаях кражи подаются письменные объявления, которые обыкновенно не приносят никакой пользы.

деревце, домогавшемся отдела от старого леса, является здесь в бесчисленных примерах. Справедливость требует, однако, сказать, что если обитатель Черноморья не любит сносить тяготы своего ближнего, то с удивительным терпением несет свое собственное бремя; товарищу, протянувшему к нему руку, отдает последний грош, не подумавши; за односума, оплошавшего в бою, умирает не колеблясь, и сокрытой от взоров людских горячей слезой кропит давно заросшую могилу брата, друга, благодетеля.

Непонятная натура. Что есть в ней лучшего, то скрыто, а пустяки и глупости снаружи.

РАССКАЗ ШЕСТОЙ

Земельный уряд. — Хозяйство. — Промыслы

Переставь меня кормить, иди меня защищать.

Еще в недавние времена казак вне военной послуги был табунщиком, охотником и рыболовом. Эти промыслы, пропитывая и снаряжая воинственного сына степей, вместе с тем служили ему приуготовительными упражнениями для его казачьего военного призвания. Около табунов, незнакомых с стойлом, он делался наездником; около стад, угрожаемых зверем, — стрелком, бойцом. Он свыкался с невзгодами пастушеского и охотнического кочеванья для перенесения трудностей и лишений бивака. В поисках, без дорог, за похищенными или затерявшимися животными, он изоощрял память мест и способность ориентироваться, в ясный день и в темную ночь, в дождь и в туман, — а от степного одиночества приобретал он терпение и чуткость, которые так нужны были ему для военных засад, для отводных одиночных караулов, разездов, поисков. В рыбачьем дощанике ознакомился он с бурной стихией, чтоб на другом поприще смело и ловко владеть веслом канонирской лодки. Таков был, таков и теперь еще отчасти домашний быт казака на Черноморье. Но это быт устарелый, опадающий лист с дерева, — его вытесняет новый земледельческий быт.

Как семейный и земский поселанин, приуроченный к своему водворению и повинностью, стучащей на заре к нему в окно, и колыбелью, зыблущейся подле прялки его молодицы, нынешний казак сдружился с плугом и в нем ищет твердой опоры своему существованию. По изречению одного из семи мудрецов, он молится Богу о хлебе насущном, держась за плуг.

Впрочем хлебопашество Черноморского края составляет для народа предмет насущного только труда, а не богатства и даже не довольства. Оно чуждо всякого полеводного порядка и не всегда достаточно для пропитания местного народонаселения. Привоз хлеба из Ставропольской губернии обратился в существенную потребность екатеринодарских рынков и станичных ярмарок. Для продовольствия казаков на линии и в войсковом гарнизоне хлеб закупается за пределами войсковой земли, чаще всего в Воронеже.

Обыкновенным количеством засеваются на полях Черноморья озимых и яровых хлебов 50 тысяч четвертей; собирается 300 тысяч четвертей (сам-шест). Причитается на душу около двух четвертей.

Сбор картофеля от посадки в одну весну простирается до 15 тысяч четвертей. Разведение его сообщается от казаков и к мирным черкесам.

Значительная часть земледельческого труда посвящается огородам и бакшам, где и подсолнечнику дано право гражданства. По части огородничества больше видно внимания к свекле, чем к капусте. Табак, кунжут, сурепка, мак, лен и конопля могли бы возделываться с особенной выгодой, если бы для них оставались руки от земледельческого труда первой необходимости.

В обеспечение народного продовольствия, на случай неурожая хлебов, устроено по курням до шестидесяти запасных хлебных магазинов, в которых нормальная засылка должна состоять не менее, как из 160 тысяч четвертей; но, по ограниченности посевов и сборов, наличный состав ее редко доходит и до 50 тысяч четвертей.

Независимо от особенностей почвы и климата, успехам земледелия не вполне покровительствует тревожный быт жителей, которые обязаны не только в урочное для службы, но и

во всякое другое время соблюдать боевую готовность для происходящей у них на пороге войны с горцами. Разрядив ружье и снарядив плуг, льготный казак не успеет иногда дотянуть починной борозды, как безочередной наряд отрывает его от мирного труда и переносит с поля пахотного на поле ратное. От этого происходит, что летние полевые работы в крае чаще отправляются женщинами, чем мужчинами. Если в Риме был воздвигнут храм женскому счастью, то на Черноморье, бесспорно, заслуживало бы этой почести женское трудолюбие.

К высказанному более или менее случайному и преходящему неудобству присоединяется неудобство существенное, не только задерживающее развитие и усовершенствование земледелия со всеми его отраслями, но, вообще, противодействующее утверждению общественности и благосостояния в крае на прочных основаниях. Это, — чтоб не сказать более, — неудобство заключается в отсутствии уравнительного и положительного распределения земли.

Земля, населяемая казаками, есть земля войсковая, или подвижная, *terre mouvante*. Все казаки ей крепки, но она никому из них не крепка. На ней невозможно никакое частное потомственное владение; на ней допускается только пожизненное пользование. Это один из трех видов жалованья, производимого государством казакам за службу. Остальные два вида заключаются в денежной даче и льготе. Условия, размеры и порядок пользования войсковой землей до позднейшего времени не были определены законом, и самая земля не была приведена в точную известность межевым порядком, — «земля же бе невидима» (Быт. 1:2. — *Примеч. ред.*). Предоставлено было каждому члену войсковой семьи, как чиновному, так и простому, пользоваться землей по мере надобности. Такое патриархальное правило могло быть хорошо только в прежней отчизне черноморцев — на Запорожье, где все без изъятия казаки были равны по правам состояния, где военные чины имели значение должностей, в которые достойнейшие из казаков избирались свободными голосами куреней, на потребное время, и, по сложении которых, чиновные избранники опять становились в общий ряд с остальными членами своего сословия. Это были

цинцинаты, которые вчера ехали в триумфальной колеснице, а сегодня тянули из воды рыболовную сеть. Но на Черноморье, где уже служба казачья соединилась с заслугой и выслугой, где поэтому явились бригадиры, полковники, премьер-майоры и секунд-майоры, и где от войскового «товарищества» резко отделилось новое, более требовательное сословие, «панство», — патриархальное поземельное правило, очевидно, не могло больше иметь места. Однако оно осталось во всей своей запорожской простоте и неопределенности. В первые десять — двадцать лет новой жизни войска на Кубани, пока еще земли было слишком много, а оседлого и зажиточного населения слишком мало, отсталая неуместность упомянутого правила не была замечается ни правительством, ни самими казаками. Но когда оседлая жизнь в крае утвердилась, население увеличилось и разжилось; тогда заметно стало, какой разгул произволу и насилию открывала пустота, оставленная в вышесказанном поземельном правиле. Тогда патриархальное «по мере надобности» обратилось в феодальное «по мере возможности».

Как между пользующимися и предметом пользования не было поставлено никакой посредствующей управы, то облеченные властью и чинами члены войсковой семьи сколько хотели и могли, на столько и расширяли размеры своего земельного пользования, не заботясь о том, что остается на долю их нечиновных собратьев, и не принимая в руководство другого правила, кроме правила тройного прямого, выражающего известную истину, что по брюху и хлеб, что большому кораблю большое и плавание. Такое направление родилось из самых приемов первоначального заселения земли. В то время, чтоб придать пользованию характер владения, чиновные члены войскового общества отособились от своих нечиновных сочленов и водворились хуторами в одиночку по глухим степным займищам. Материальным удобствам существования пожертвованы были обязанности и нравственные выгоды общежития. Расположились жить на вольной земле так, как бы пред словом жить не стоял слог: *слу*. Такой образ основного расселения войскового общества должен был иметь потом свое особенное влияние и на воспитание народа, и на дух войска, и на цивилизацию страны.

Призвав казаков на новое поселение, правительство дало землю вообще *войску*, сказать яснее — обществу, отнюдь не допуская каких-либо исключений или привилегий в пользу отдельных классов, рангов и лиц. Никаких даже намеков на это не встречается в старых актах о войсковой земле. По естественному порядку вещей отличенные рангами лица могли и должны были иметь свои преимущества в земельном пользовании, не покидая народа одного с ними призвания и не уклоняясь за круг общинного пользования, — как это и указано в позднейшее время, и как это исстари велось в Кавказском войске. Трудно дойти, по каким феодальным преданиям при первоначальном заселении черноморцами войсковой земли общинное пользование ею, и самое даже призвание составлять общество оставлены были одним только простым казакам; чиновные же старшины, *яко вожди и наставники народа*, наложили руку на лучшие земельные дачи и сказали: наше!¹

А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет.

Они жаловали землю друг другу письменными актами, в которых явилось, во всей ясности буквы, «вечно-потомственное владение». После того название «войсковой» осталось при земле, как почетное титуло. Жалованные акты не предьявлялись правительству и потому не могли иметь той прочности, какую воображали видеть в них и жалователи, и жалуемые. Главное дело в том, что связанные с ними отдельные земельные жалованья, под названием хуторов, не сопровождалась никакими межевыми действиями и освящениями и никакими даже полицейскими ограничениями. Единственным ограничением служили им пределы влияния и авторитета того или другого высокочиновного старшины. А потому, когда высокочиновный и далеко раздвигавший границы своего земельного довольствия старшина сходил в могилу и сам превращался в глыбу войско-

---

¹ Утешительно сказать, что такие распоряжения, при нынешних мерах благоустройства края, можно уже считать делами давно минувших дней, *преданьем старины глубокой*.

вой земли, тогда широкие границы его довольствия, потесненные новым, поднявшимся на верх лестницы войсковой иерархии, чиновным старшиной, суживались с быстротой утренней тени, — и оставленное первым движимое имение в рогах, гривах, рунах и скирдах превращалось в прах, как червонцы фортуны, прорвавшие ветхую суму нищего. Исполнялся со всей строгостью известный приговор, равно общий царствам, обществам и отдельным лицам.

Так возникли первые хутора, известные под именем «панских».

В течение времени сами куренные общества, другими словами — нечиновные члены войсковой семьи, увлекшись примером произвола войсковых патрициев, объявили за собою право жаловать хуторами своих собратьев, плебеев. Кому было тесно в курене, кому было нужно отодвинуться от его полиции и повинностей, тот ставил угощение куренному обществу и, под единственным влиянием угощения, получал от этого общества письменное, запечатленное бесчисленными рукоприкладствами, дозволение выселиться из слободы в поле, «сесть хутором». Народное *мы* потешалось тем, что из нечиновной массы выдвигались вперед люди, способные сидеть хуторами не хуже себя-любивого панского эгоизма. Но как печально было разочарование недалекновидной толпы, когда созданный ею особняк-хуторянин, дослужившись чинов, делался паном и, обыкновенно, становился самым неумеренным притеснителем прежних своих сотоварищей, в земельном пользовании; или когда хуторок простого бедного человека, посредством продажи, дара и наследования, переходил во владение «заможного» пана, и когда этот новый заможный владелец — на отведенный для нескольких десятков животных лоскут земли переводил огромную худобу (четвероногое хозяйство), в игольное ухо вводил верблюда. Тут уж просто повторялась уловка Дидоны, которая, по словам исторического предания, выпросила себе под усадьбу земли столько, сколько могла занять одна воловья кожа, потом изрезала кожу на тонкие ремни и, приставляя их один к другому, захватила обширную площадь.

В нынешнее время различие между хуторами панскими и куренными исчезло. И те и другие, раздвигая свои земельные

дачи произвольно, почти в самые улицы куреней, расширенных увеличившимся народонаселением, равно сделались не-сносны куренным обществам. Завязалась неугомонная, недо-стойная благоустроенного края борьба между куренями и ху-торами. Чтоб остановить и сократить земельные захваты хуторов, курени выдвигают против них свои плуги, подходят под них траншеями, ископанными ралом; а хутора, в виде уси-ленных вылазок, напускают на куренные пашни свои стада и табуны. Борьба, как видите, земледельческого быта с пастуше-ским. Неурядам, жалобам и искам, самым нелепым, нет числа. Казаки «оборали» пана, а пан порубил казачьи плуги и вытоп-тал посев казачий. Урядник посеял жито, а сотник, по его житу, взял да посеял пшеницу, и тому подобное. Бог знает, как бы далеко зашла эта поземельная усобица, если бы не подоспело войсковое положение 1842 года. Напомнив казакам общинное значение войсковой земли, оно взялось сделать то, чего дотолé недоставало и в чем была ошущаема, в среднем и низшем слое войскового населения, настоятельная потребность — опреде-лить условия, размеры и порядок пользования землей, поста-новить строгую управу между пользующимися и предметом пользования. Не многих особняков, приверженцев бездока-зательного дела хуторов, оно смутило; народ и большинство войскового дворянства его благословили, и нетерпеливо ждут дня, когда будут введены в обетованную землю, когда новый земельный порядок из книги перейдет в дело.

Войсковым положением указано учинить межевое изме-рение и распределение войсковой земли и отвести в пожиз-ненное пользование: на каждого казака по 30¹, обер-офице-ра по 200, штаб-офицера по 400 и генерала по 1500 десятин.

---

¹ По нынешнему числу жителей приходится только по 16 десятин на душу мужского пола. Недостачу земли легко пополнить водой, которой здесь так много. То есть можно наделить рыболовными водами станицы Таманского острова и другие приморские. Дав простор станицам степ-ным, эта мера оживила бы населением и промышленным трудом речные устья и морские берега, которые при тридцатидесятилетнем наделе землей по необходимости должны оставаться пустыней. Эта же мера воспитыва-ла бы способных людей для службы на флоте, в которой была и мо-жет еще быть надобность.

Приведение сей Высочайшей воли в исполнение составляет одно из текущих распоряжений настоящего времени. Туман неизвестности, со времен Чингисхана носившийся над курганами и балками войсковой степи, редет пред планшетом съемщика; вежа землемера маячит объявлением: *nes plus ultra*, а цепь его звучит радостной вестью: на земли мир...

При вышеизъясненном положении обитаемой и обрабатываемой земли на Черноморье земледелие занимает второстепенное место в ряду предметов народного хозяйства; на первом же плане находится худобоводство, то есть скотоводство, овцеводство и коневодство. Худобоводство принадлежит преимущественно панскому сословию.

Равнинные пространства Черноморья расстилаются одним необъятным пастбищем, где по всем направлениям движутся худобы рогатого скота, овец и лошадей, род которых переведен на Кубань с Днепра, из богатых зимовников Запорожья, — последнего, уже не любившего рыцарской нищеты, Запорожья. Рогатый скот отличается крупным ростом и дородством, шерсть имеет сивую и принадлежит к известной породе украинской, или черкасской; овцы, молдавской породы, замечательны своей длинной, но жестковатой шерстью; лошади составляют поколение, конечно, уже переродившееся, степных запорожских заводов. Масти их преимущественно темные.

Для улучшения степного коневодства был учрежден на реке Керпиях в 1811 году войсковой конный завод. Существовал он более двадцати лет, но без заметной пользы для края, и перевелся сам собой. В бедственный 1833 год все, состоявшие в нем матки, сосуны и производители погибли от неурожая кормов, — так, по крайней мере, гласят официальные отчеты того времени.

При двух или трех частных отарах простых овец имеются в небольших количествах тонкорунные цигай. Это обломки существовавшего здесь войскового овчарного тонкошерстного завода. В 1816 году был учрежден, тоже на реке Керпиях, сказанный завод и при нем фабрика для выделки сукон, годных казакам на обмундировку. И завод, и фабрика шли не так-то хорошо: войсковая казна тратилась, не покрывая расхода приходом, и потому оба заведения проданы в 1846 году на слом.

По последним сведениям насчитывается в пределах Черноморья, независимо от езжалых, или рабочих животных, рогатого скота до 200 тысяч, овец простых до 500 тысяч и тонкошерстных около 2 тысяч, лошадей до 50 тысяч поголовьев¹.

Для прокормления этих масс животных заготавливается на каждую зиму сена средним числом 85 000 стогов, или 21 250 000 пудов, на сумму до 700 000 рублей². (Как здесь, так и во всех дальнейших случаях, счет денег — на серебро.)

Для обозначения принадлежности мелкие животные имеют клейма на ушах и рогах, а крупные тавра (тамга) на ляжках. Тавро обыкновенно состоит из начальных букв имени и прозвания худобовладельца; но попадаются и особенные иероглифы. Буквы берутся из русского алфавита, который поэтому осужден бродить в беспорядке и врассыпную по всей степи. Иногда из сближения разнотаврных животных выходят забавные каламбуры. Из тавр составляется своего рода геральдика, изучение которой обязательно для пастухов и табунщиков больших худоб.

Каждый год закупается в Черноморье наибольшим количеством рогатого скота 30 тысяч, овец 150 тысяч и лошадей 5 тысяч голов, на сумму от 800 тысяч до миллиона рублей. Шерсти, кож и сала вывозится на 100 тысяч рублей. За пару волов платится на месте 30—125, за корову 10—20, за овцу 2—3¹/₂ и за лошадь 20—80 рублей. За пуд кож бычьих 5, за пуд шерсти простой 2 и за пуд сала 3 руб.

Рогатый скот и овцы выгоняются из Черноморья в Воронежскую губернию, откуда большая их часть, живьем или в продуктах, идет в обе столицы. Лошадей гоняют на ярмарки в Ростов и Бахмут, откуда лучшие, из вторых или третьих рук, достигают Бердичевской ярмарки. За удовлетворением домашних требований в дивизион лейб-гвардии, в конные полки и войсковую артиллерию, черноморские табуны снабжают лошаадьми артиллерию, конно-подвижные парки и полковые обозы

¹ Домашних свиней насчитывается в крае до 60 тысяч голов.

² Добывается в год соломы до 2 миллионов пудов. Заготавливается для топлива бурьяну 50 тысяч и камышу 80 тысяч кубических сажней.

кавказской армии. Этими же лошадьми ремонтируется отчасти и нижегородский драгунский полк. За подъемную лошадь платят до 40, за ремонтную до 80 руб., редко дороже. Черноморская лошадь имеет шею плотную и короткую, голову большую — что отнимает у нее статность, легкость и способность собираться на мундштуке. Зато она крепко сложена, сильна, тверда на ногах, крайне переносчива, неразборчива в корме, чутка и памятлива; при всем этом, однако ж, дика и своенравна, и больше имеет нужды в узде, чем в шпоре. На это у казаков ведется поговорка: «кіньску голову знайди, и ту зануздай». В горах Грузии долго сохраняет она память о своих родных равнинах и по ним тоскует; вообще же, не скоро свыкается и скоро раззнакомливается с седлом и упряжью; но когда не выходит из-под седла и из упряжи, трудно найти коня, более способного к походам продолжительным, сопряженным с недостатками и лишениями. Наконец лошадь черноморская, как и все вообще лошади глубоких степей, недоверчива и пуглива. Последний недостаток вселяют в нее с самого раннего возраста ночные нападения волков на табуны¹. Впрочем, у казаков это еще не большой недостаток, потому что он граничит с качеством, в высшей степени похвальным: эта же самая полхливость, подавляя в коне беспечность и сонливость, поддерживает в нем чуткость и осторожность, — а что казаку больше нужно, как не это?

Донская лошадь отличается от черноморской тем, что она выше на ногах и легче, и что шея у нее длиннее и гибче. Черкесская же лошадь превосходит и ту и другую легкостью, соединенной с силой, умеренностью в корме и пойле, добронравием и смелостью. Впрочем, два последние качества в черкесской лошади не столько врожденные, сколько приобретенные. Под оплошным седоком и эта лошадь пуглива. Черкес в седле не спустит рукавов и не оставит нагайки без дела ни на одну минуту. Черкес в седле безжалостный тиран коня; но как скоро вынул ногу из стремени, он делается рабом и нянькой своего

---

¹ Раны, нанесенные волками жеребятam, лечат промываниями из майской дождевой воды, которой для этого и запасаются в мае на все лето.

усталого скакуна. После арабов никто не школит лошадей так жестоко и вместе не ухаживает за ними с такой заботливостью и нежностью, как черкесы¹.

Ничего похожего на это нельзя сказать про уход за худобами на Черноморье. Их не укрывают от ненастья, им не оказывают никаких пособий, когда губит их зараза. Круглый год скитаются они на подножном корме и довольствуются сеном только в случае сильных морозов, глубоких снегов и гололедицы. Вследствие скудного питания, животные выходят из зимы — кости да кожа (хурда), весной набирают тело, из которого теряют половину среди лета от нужи — комара и мухи, — и только осенью достигают полной сытости, которая и служит им запасом самопитания в зиму.

Плохое содержание, водопой из стоячих вод, гнилостные испарения из болот, злокачественные росы, самое даже скопление животных в большие гурты и другие, еще незнанные причины производят в худобах, а больше всего в рогатом скоте, повальные болезни и падежи. Чума, сибирская язва или карбункул, рак на языке, воспаление легких и кровавая дизентерия опустошают стада рогатых, а оспа, парши и мотлица (*tabes hepatis*), пуше волчьих поборов, сокращают отары овец. Замечено, что в местах, где нет речек с стоячей водой и где скот поят из копаней, как, например, по хуторам «Гречаной балки», падежи бывают слабее.

К козам не пристаёт зараза, и самые волки их обходят, не из страха, но единственно из желания не заводить шуму. Лошади подвержены болезням гораздо меньше, чем другая худоба, но зато гибнут они, иногда целыми косяками, от внезапных катастроф зимы, каковы метель и гололедица.

---

¹ Кавалеристам любопытно будет знать две вещи: первое, что черкесы считают большим вредом для лошади постоянно содержать ее в хорошем теле. Лошадь, как луна, говорят они, должна то и дело переходить от полноты к ущербу и обратно. Второе, что скребница и щетка никогда не должны касаться лошади. Вместо этих грубых орудий черкес употребляет собственную пятерню, и как летом, так и зимой моет коня на реке водой с мылом, — после чего держит его в реке так, чтобы вода доставала до брюха и холодным своим прикосновением заставляла коня вбирать живот внутрь как можно глубже. Конюшня у черкеса всегда темная, темнейшая.

Зимние метели в открытых степях ужасны. Они бурлят иногда по нескольку дней сряду. Среди теплого, ясного и тихого дня воздух вдруг начинает холодеть и мутиться. Небо из синего делается серым. Курганы, пригорки, дороги являются не на тех местах, где вы их привыкли видеть. Знакомые предметы кажутся незнакомыми. Былинка вдаль представляется деревом, собака конем. Не задумывайтесь в эти минуты, а то как раз сблудитесь. Потом показываются и медленно кружатся в воздухе легкие снеговые пушинки, и воздух как будто колыхается. Потом вдруг — фррр, — самый большой мех Эола дупнул и снег начинает сыпать хлопьями. Наконец, небо и земля исчезают; все воздушное между ними пространство наполняется густой снежной пылью, которая забивает человеку зрение и дыхание. Теперь уж не до езды, — поверните коня из-за ветра и стойте. И слышно ли вам, как режут где-то недалеко стада?.. Буря срывает их с становищ, крутит и мечет на все стороны. Над курганами, оказывающими сопротивление стремительному потоку воздуха, вздымаются смерчи. В эту недобрую годину волки рыщут стаями и беспощадно режут отбившихся от кучи животных. Рогатая скотина и овца стоят крепче против натисков непогоды; они сколько-нибудь свычны с базом, за ними могут следовать пастух и собака. Верный пес идет за стадом и тогда, как уж оно разбито бурей и покинуто пастухом. Но лошадей, гуляющих вольными табунами по широкому раздолью, буря, случается, заносит без вести, иногда сбрасывает с обрывистых берегов в море и в лиманы, где они идут под лед или гибнут от голода в снежных сугробах, сбившись в кучу и обгрызая одна другой гривы и хвосты.

Другое, губительное для худоб, явление зимы в степи, — гололедица. Ее производит мороз, прервавший шедший дождь, — что так обыкновенно под этим изменчивым небом. От гололедицы особенно терпят лошади. На их долю заготавливаются на зиму самые скудные запасы сена, потому что природа дала коню способность добывать себе сухой подножный корм, «калдан», копытом из-под снега. Но эта способность оказывается недействительной, когда посохшая на корне трава покрывается ледяной корой, не уступающей ударам твердого копыта.

Тогда глаз видит, да зуб не имеет, — и бедный конь, набив себе без пути ноги и понутив голову, испытывает мучения Мидаса.

Независимо от невзгод метеорологических, бывают бедственные годы — засуха, повсеместный неурожай трав. Тогда крайность доходит, среди зимы, до того, что сдирают с хат старые соломенные крыши и обращают их в корм голодающим животным. Бывают и частные случаи, ввергающие худобохо-зев в отчаянное положение. Осенний пожар, запущенный в степи для очищения старых полей от сорных растений, возьмет иногда направление к сеннику и уничтожит сотни тысяч пудов сена — обеспечение существования нескольких тысяч животных. Так в недавние годы погиб богатейший в Ейском округе скотный завод Бардака, преемника Цымбала, славившегося рогатой худобой еще в Запорожье. Уже в позднюю осень степной пожар истребил обширные бардаковские сенники. На ту же беду подскочила жестокая и продолжительная зима. Надобно было приобретать сено и солому по неслыханно дорогим ценам, а под конец зимы не было уже возможности достать их ни за какие сокровища. Худоба начала валиться, и конец был тот, что из двух тысяч голов рогатого скота отборной, известной на весь округ породы вышло из зимы только двести штук. Несчастье это сразило и самого худобовода: сильный человек запорожского закала и покроя, человек, которому стоило только схватить дикого быка за рога, чтоб смять его, как козленка, запечалился, слег и больше не вставал.

Про неурожайные годы сама природа учредила на Черноморье запасные магазины кормов, большая часть которых замкнута, однако ж, для худоб, на все время, пока будет оставаться отворенным храм Януса на границе. Это плавни, или глубокие болотистые займища, загроможденные всяким растительным хламом, на который нет засухи и неурожая и которым можно не побрезговать в нужде. Плавни Кубани, как театр линейной казацкой войны, — театр с самым слабым освещением, — неприступны для мирных стад и табунов. Но в другие плавни, отодвинутые от линии и от хищничества горцев, крупные худобы приходят искать спасения от голодного моря. Особенно сбиваются они в низовьях Протоки и около заливов Ахтарского и

Бейсужского. И тогда сходятся на одной черте два, столь различные, промысла — художество и рыболовство. Чем пользуясь, мы перейдем к рыболовству.

В морских и речных угодьях Черноморья ловятся: осетр, как величали его сластолюбцы Древнего Рима, юпитеров мозг; севрюга, визг, или шип — помесь осетра и севрюги; белуга, сула, иначе судак; чебак, иначе лещ; тарань, сазан, населяющий лиманные и речные воды и поражаемый слепотой, когда буря или охота странствовать завлекут его в горько-соленые пучины моря; сом, долговечный жилец кубанских суводей; сельдь, редкий гость восточных берегов Азовского моря, селява или шамая, рыбец, кефаль, которой икра высоко ценится константинопольскими греками; камбала¹; тучный скат (*gasa pastinaca*) и дельфин.

Как около пастбищ, хищный зверь, так около рыболовных вод промышляет шумными стаями хищная птица: пеликан (баба-птица), баклан, цапля, нырок и мартышка — martin resheur. В нравах этих крылатых рыболовов подмечаются черты, достойные внимания естествоиспытателя, или, по крайней мере, естествонаблюдателя. Пеликан и баклан, соперники по ремеслу, отличаются, к удивлению, дружбой и взаимной услужливостью. Когда, при холодном ветре и пасмурной погоде, рыба сбивается в колоды и опускается ко дну; когда тяжелый и важный пеликан безуспешно погружает в мутные волны свой нос, длинный и закругленный, как шипцы кузнеца, тогда проворный и ловкий баклан ныряет на дно, выносит оттуда добычу и поделается ею с своим высокостепенным, но голодным соседом. После завтрака благодарный пеликан принимает под свое широкое и теплое крыло и обогревает промокшего до костей водолаза. Увидав из камыша эту странную чету: неподвижного, невозмутимо-важного пеликана в огромном жабо, и торчашую из-под его крыла вертлявую голову баклана с красными, плутовскими глазами, охотник позабудет о выстреле и покажется со смеху. Вот они: меценат и сочинитель похвальных

---

¹ Новогреческое слово, происшедшее от эллинского *кимбали* — древнее музыкальное орудие, на которое камбала похожа видом.

од — в перьях! И не правда ли, что человеку стоит только заменить своим разумным покровительством уютное крыло тяжелой птицы, чтоб сделать баклана для рыболовства тем же, чем делаются на рукавице охотника сокол и ястреб для птицеводства? Если верить путешественникам, — да как же, впрочем, им и не верить? — в Китае действительно существует подобный род рыболовной охоты.

Во всех рыболовных местах, лежащих в черте морских, приморских и речных вод, находится рыбопромышленных заведений, называемых забрами, более 300. Из них рыбоспелных заводов до 200. По этим заведениям действует: кармаков, или крючьев 700 тысяч, волокуш 80, неводов 30 (самая большая длина невода тысяча сажень), сетей 500, лодок разной величины и под разными наименованиями, как-то: дубов, баркасов, дощаников и каюков 300 и рыбаков 3000 человек. На приготовление рыбы потребляется до 200 тысяч пудов соли в год¹.

Рыболовный завод составляют: помещение для рабочих, магазин продовольственных и других необходимых для них запасов, амбар для соли, кояги, или солила, устроенные в виде больших закровов, рыболовные снасти и приборы, как-то: для открытых вод — невода, волокуши и кармаки; для гирл, устьев и вообще малых и тесных вод — сети, вентери, сандови и разных родов самоловы; сверх того, для зимних подледных тоней — топоры, ломы, багры, бузлуки — подвязные подковы к сапогам для твердой ходьбы по льду. Производство рыбной ловли посредством показанных снастей общеизвестно. Мы скажем несколько слов о тех только рыболовных способах, которые не везде известны, или которых употребление не слишком обширно. Вот, например, способ, составляющий скорее удалство охотника, чем работу промышленника, и подходящий к тем способам, какими китов ловят.

---

¹ Для просола одной тысячи штук сулы требуется соли 20, а тарани 5 пудов. На просол одного пуда красной рыбы идет 10 фунтов соли, т. е. четвертая часть веса рыбы. Крымской соли, как более крепкой, может быть употреблено меньше.

В безоблачные летние дни, при совершенном спокойствии в воздухе и на море, морская рыба, преимущественно белуга, подходит к устьям рек и гирлам лиманов «обмывать жабры пресной водой»¹, и, всплывая на зеркальную поверхность взморья, приходит в неподвижное, сонное состояние. Вооружась сандовями, то есть железными трезубцами, насаженными на шести, к которым прикреплена длинная бечева, ловкие рыболовы тихо подплывают на лодках к дремлющим рыбам и, сколько есть силы, пускают в них сандовями. Ощувив удар, рыба стремительно идет в глубину, унося в своем туловище железо сандови, которой привязь между тем свободно попускается с лодки. Чрез короткое время пораженная рыба лишается сил и без труда притягивается к лодке. Этот род рыболовства требует меткости и силы в ударе (здесь-то казачья рука намечивалась когда-то на удары пикой) и глубокой тишины в подъезде: не только от малейшего шума, всплеска, но даже от тени, упавшей от лодки на поверхность воды, рыба пробуждается и, встрепенувшись, исчезает в морской пучине.

В Таманском заливе ловят рыбу камбулу с помощью огня. Выбрав темную и тихую ночь, отправляются на промысел в двух лодках, между которыми, от борта одной до борта другой, протянута при самой поверхности воды рогожа. На лодках зажигается яркий огонь. Рыба всплывает на свет, вспрыгивает над водой и падает на рогожу, а оттуда, разумеется, поступает в мешок.

В устьях мелких степных речек большими количествами ловится по весне тарань. Эта скромная рыба, приготовляемая впрок, составляет для казака такую же насущную потребность в быту домашнем, как добрый друг русского воина сухарь в быту походном. Вяленая и копченая тарань расходится, с весны, сотнями тысяч по всему Черноморью и составляет запас здоровой пищи для косарей на время летних постов.

---

¹ В жабрах ее заводятся от горько-соленой воды тонкие и длинные черви, которые ее беспокоят, пока не выпадут от действия на них пресной воды.

Для лова тарани употребляется вентерь¹. Это огромный самолов, устроенный из нити и обручей так, что зашедшая в него нехитрая и смиренная рыбка, какова тарань, не может найти обратного выхода. Тарань в море то же, что овца на суше: стоит только одной войти с простоты в самолов, за ней ввалится целый табун. Вентерья ставятся один за другим, вдоль речного устья. От каждого из них раскинуты на обе стороны крылья, направляющие рыбу в ловушку. Рыба идет сперва вверх, против течения реки, стало быть из моря в стель, а потом, когда вымечет икру, отходит назад в море, уж по течению реки. В первом случае она называется «ходовик», а в последнем «утекач». Само собой разумеется, что ходовик наполняет вентерья передние, а утекач, в свою очередь, задние, делающиеся передними. В средние же ставки попадает лишь то, что не попало ни в передний, ни в задний вентерь. По-видимому, средние ставки должны быть самые невыгодные. Но как они, по своему срединному положению, не остаются без дела ни при наступательном, ни при попятном походе рыбы, то двойной, хотя и умеренный лов приводит их выгоды в равновесие с выгодами крайних ставок. Горациева золотая середина и здесь не остается в накладе. Однако в отклонение споров да переколов, рыболовы разбирают места для вентерных ставок по жребию.

Чернь морских рыб — тарань никогда не поступает на рыбоспетные заводы. Легионы ее, попадающие в морские неводы и волокуши, выпускаются обратно в море или отдаются за дешевую цену, прямо из волокуш и неводов, жителям приморских куреней и поселков. Сотни семейств, не имеющих достатка для производства лова собственными средствами, являются к чужим тоням с подвижными солилами и, забирая тарань из снастей, солят и спеют (сушат. — *Примеч. ред.*) ее мелкими партиями. Этот второстепенный промысел называется «толовирством». Само собой разумеется, что забродчик смотрит с некоторым неуважением на толовирщика, который

---

¹ Не от латинского ли *venter*, чрево? Устройство и самое действие вентерья действительно схоже с брюхом и его пищеварительным каналом. В один раз набирается с вентер до 15 тысяч тарани.

является с поклоном только туда, где есть удача; а от несчастливых тоней идет дальше, как муравей от пустой житницы.

Все рыбопромышленные воды принадлежат войсковой казне и отдаются на откуп, от которого получается дохода в год 82 тысячи рублей¹.

Лов рыбы разделяется, по числу годовых времен, на четыре периода: «весняный», с ранней весны до мая; «меженный», с мая до сентября; «просольный», с сентября до замерзания заливов и взморьев, и «подледный», от замерзания до вскрытия лиманных и морских вод. Первый из этих периодов, начинающийся в минуту пробуждения от зимнего замиранья всех жизненных сил природы, разлития рек и вторжения пресных вод в морские лиманы, составляет золотое время для рыболовов. Тогда белая морская рыба подходит к берегам для помета икры; она ищет теплых, мелких и спокойных вод, и несметными полчищами заходит в ерики и лиманы, в эти естественные садки и ловушки. Противоположную крайность представляет период меженный. Рыба перемежается, заброды пустеют, и немногих забродчиков, остающихся верными своим мрежам, народная поговорка относит к разряду людей сомнительного трудолюбия: «на межень иде лежень».

Осенний период называется просольным, потому что вылавливаемая, в продолжение его, рыба не спеется и не в корень, а слегка просаливается. Уловы просольного и подледного периодов отличаются не столько количеством, сколько качеством рыбы; в это время бывает она особенно вкусна. Лучшие балыки готовятся из февральской и мартовской рыбы.

Для подледных тоней вырубаются две большие полыньи, на расстоянии нескольких сот сажен одна от другой. На обе стороны от той и другой полыньи пробивается полукругом множество малых и частых прорубей, охватывающих своим расположением обширную площадь. На поверхности этой площади стараются как можно меньше ходить и шуметь, чтоб рыба под

---

¹ Ныне составляются правила для взимания прямого дохода с производителей рыболовного промысла без посредства откупа. Одни только устья Протоки, на которых существует богатейший заброд *ачуевский*, будут оставаться в откупном содержании.

льдом не полошилась. Совокупность полыней с прорубями имеет вид вместительного знака и называется «сал». (На открытой воде так называется всякое пространство, захваченное снастью.) В одну из полыней невод погружается, а в другую вытягивается. Полукруговые линии боковых прорубей служат путями для провода неводных урезов, с помощью шестов и багров, под льдом, от полыньи погружной до высыпной. Подледный лов дело не легкое. Чтоб управиться с одной неводной тоней — дня мало.

Во всякое время года благоприятно действует на производство лова умеренный северо-западный ветер «горбатов», правильнее арабатов (от арабатской косы Азовского моря). Как бы ни устали рыболовы в протечении дня, но если добрый их союзник, горбатов, потянул ночью, они и ночь еще проработают. Сильный ветер затрудняет и даже останавливает неводной и волокушный лов. Волнение спутывает и ссучивает снасти. Если море разыгралось после засыпки невода, то забродчики прекращают тягу и спешат убрать невод в дуб, — что не легко сделать с двухверстным протяжением бечевы и нити. Приходится иногда, для спасения снасти, резать ее и кусками выхватывать из бушующих волн. Кармачному лову, напротив, непогода на море благоприятствует. Волнение раскачивает крючья и насаживает на них самую осторожную рыбу. Но как кармаки становятся в открытом море, не ближе пяти верст от берегов, то надобно, чтоб забродчики не боялись гнева моря и молодецки пускались чрез горы и пропасти волнения к обуреваемым снастям. Трусые просидят непогоду на берегу, и та же самая зыбь, которая набила рыбу на крючья, посрывает ее с них и унесет за кармачную линию, нередко даже расстроит и разрушит самую снасть.

В те времена, как казаки свободно промышляли, по их выражению, добывались в войсковых рыболовных водах, порядок в рыболовном деле был такой: забродчики не договаривались на денежную плату, как наемники, но работали на долю, «на добычь», разделяя с производителем промысла успех и неудачу пополам. Для них этот промысел был тираж лотереи, положенной в закрытую урну моря. Черноморские, так же точно, как и запорожские казаки, не принимали в свой язык обыкно-

венного выражения: ловить рыбу; вместо того они живописно изъяснялись: «добуваться, ити на добычь». Они возвышали в своем взгляде и в своей речи трудный, опасный и неверный, как сама война, рыболовный промысел. Вооружась веслом и неводом, они проникались молодецким одушевлением, как бы шли на победу и завоевание, — и действительно, окончание каждого рыболовного периода праздновалось у них, как возвращение из похода с победой и завоеванием. Свежее предание свидетельствует, что, доколе казаки, а не «городовики» работали на забродах, рыбы вылавливалось несравненно больше, и что, как на Запорожье, так и на Черноморье, в былое время самые сильные, расторопные и храбрые казаки выходили из забродов. Один такой казак тянул за собой в бой десять других, взявших пику после пастушеской укрючины.

Каждый из четырех рыболовных периодов оканчивался на забродах дележом вылова, «дуваном добычи», между заводчиком и забродчиками. Отложив из всей добычи одну долю на покрытие издержек, употребленных хозяином на содержание ватаги, и другую на уплату в войсковую казну пошлинного налога, чистый затем прибыль делили на две половины, из которых одну забирал забродохозяин, а другую ватага. Последняя вела потом свой частный дуван. Атаман ватаги, как указчик и предводитель промысла, брал двойной пай против рядового забродчика. Этот старинный обычай сохраняется на некоторых забродах и доньне; но откупщики предпочитают ему простой способ найма работников за деньги в тех губерниях, где рабочие руки не дороги.

На всем пространстве рыбопромышленных вод годовой вылов рыбы, средними количествами, простирается: сулы до 4 миллионов, тарани 5 миллионов, сазана 200 тысяч, чабака 50 тысяч, рыба 30 тысяч, и сельявы (шамаи) 300 тысяч штук; красной рыбы до 40 тысяч пудов; икры из белой рыбы, или галагану до 40 тысяч, икры из красной рыбы до 4 тысяч, клею до 100 и визиги до 200 пудов, жиру до 2 тысяч ведер.

Лов сельдей незначителен, и для приготовления их не употребляется никаких усовершенствованных способов, как например — способ корнваллийский.

Средняя на местах лова продажная цена рыбы, спетой и в корень соленой: красной 3 руб. за пуд, белой от 10 до 60 руб. за тысячу. Рыба и произведения ее вывозятся водой в Ростов, Таганрог, Бердянск и Одессу, — сухим путем, в Землю Кавказского войска и Ставропольскую губернию. Сбыт рыбы последним путем доставляет извозчищью промыслу работы на 2000 подвод в год. Из Ростова и Таганрога рыба расходуется по южной полосе России и Польше, а из Одессы отправляется в Константинополь и Афины.

Как худобоводство подвержено неотвратимым утратам от эпизоотических зараз и климатических невзгод, так рыболовство испытывает потери и убытки от наводнений. Эти явления, не слишком, впрочем, частые, бывают в начале весны, когда бассейны морских лиманов наполняются прибылой водой из степных речек, а с моря в то же время поднимаются продолжительные ветры, в упор на лиманные гирла. Большая часть азовских забродов помещается на береговых, вдающихся в море отлогостях — косах. Северо-западный ветер, налегая на юго-восточный берег моря, набивает большой бурун на косы. В продолжение нескольких дней море незаметно приходит в напряженное состояние у берегов, наконец, в несколько минут вскипит оно и хлынет на косы, покроет их и унесет от забродов наловленную рыбу, лодки, снасти и запасы. Наводнение приходит и уходит с быстротой набега морских разбойников.

В изъятых от откупов и доставляющих пропитание народу степных речках водятся: окунь, тот окунь, которого Авзоний в своих стансах величал услаждением стола; карась и щука, которых взаимные отношения известны из русской пословицы; сазан, как выше замечено, охотник до путешествий, и линь, домосед, лентяй, полагающий истинное счастье в домашней тине... Господствующие же обитатели сих смиренных и бурь-неведающих вод — раки.

Опасное соседство горцев делает недоступными для рыбопромышленников передовые воды Кубани, которые, по казацкому поверью, «вечно с кровью текут». Только боевые люди с кордонных постов или из пограничных куреней отваживаются бросать в эти заветные воды кармак и сеть. И случается, что пуля

горца неприятно просвистит над головой рыболова; но нужда говорит: «это не больше, как точка — продолжай».

Приливы Кубани, возобновляющиеся с каждым ливнем, падающим на горы, приносят на Черноморье плавучий лес, сломленный или исторгнутый с корнем по лесистым берегам горных речек, впадающих в Кубань. Эти кажущиеся остатки плотов, потерпевших крушение, также составляют для побережных прикубанских жителей предмет ловли.

Между морскими рыболовными угодьями природа или рука человека, — это вопрос, — предусмотрительно расположила неисчерпаемые запасы соли, которая, как известно, составляет предмет первой потребности в рыболовном промысле. Это знакомые уже нам соляные озера. Войсковым жителям предоставлено добывать соль с озер в определенных количествах: казаку пятьдесят, а офицеру сто пудов в год на семью, с платой акциза в пользу войсковой казны по $4^2/3$ коп. сер. от пуда. Главный же сбор и распродажа соли принадлежат войсковой казне. За наполнением войсковых запасных магазинов соль идет значительными отпусками в рыболовные заводы и в аулы закубанских горцев, — в ту и другую сторону не менее 300 тысяч пудов в год. При благоприятных обстоятельствах сбор соли со всех озер за лето мог бы быть доведен до трех миллионов пудов, если еще не более; но он не доходит и до одного, как по ограниченности местных способов, так и по краткости существования соляных садов. Для уничтожения их довольно одного дождя. В видах особенной пользы войсковой казны принято не допускать жителей к сбору соли, пока войсковая казна не возведет при озерах своих «кагатов» (соляных бугров); но дождь не всегда ждет, пока войсковая казна управится с своим делом, и жители не всегда уезжают от озер с «молодой солью».

В войсковую казну, в эту, можно сказать, артельную складчину целого войска, несут оброк даже самые неудобные участки войсковой земли — болота. В некоторых из них водятся пиявки. Сбор этих полезных пресмыкающихся ограничен для жителей чертой домашней потребности, — все же, что вне ее, отдается на откуп, прибавляющий к годовому итогу войсковых доходов иногда тысячу рублей, иногда половину этого.

Пивяки идут в Турцию, где кровопускание в таком обширном употреблении.

Как домостроительная хозяйка, войсковая казна берет в одном месте, чтоб отдать в другом. Для развития и улучшения садоводства в сельском хозяйстве казаков заведен при городе Екатеринодаре, на войсковом иждивении, общепользный рассадник, в котором насчитывается 25 тысяч кустов виноградных лоз и 19 тысяч фруктовых деревьев. Породы тех и других взяты из Крыма. При рассматривании почвы Черноморья мы уже имели случай говорить о садоводстве; теперь прибавим, что этой статье суждена здесь прекрасная будущность, более или менее отдаленная. Изображения на древних Фанагорийских монетах, древнее название этого края «Пандикапея», — что значит всесадие, — и некоторые признаки, не совсем сглаженные с поверхности степи кочевой ногайской кибиткой, свидетельствуют, что нынешнее степное Черноморье когда-то, быть может пред нашествием на Кавказ монголов, было одним обширным садом, как ныне степные поляны Бессарабии. Сделанные до настоящего времени опыты и начатки, изданные постановления о земле и наконец частные меры со стороны высшего кавказского начальства поощряют, более всякого другого труда и промысла, народную предприимчивость к распространению и усовершенствованию в крае садоводства. Но садоводство требует больше рук, чем худобоводство, а потому последнее и остается преобладающей статьей в казачьем хозяйстве.

В пользу лесоводства также предначертаны полезные правила, долженствующие прийти в действие, когда курени будут ограждены в своих земельных довольствиях межевыми распоряжениями. В то время, не говоря уже об улучшении климата и степных вод, пойдет успешнее и пчеловодство, которому благоприятствует богатство флоры, но вредит безлесье и скудоводье. Как к садоводству с лесоводством, так и к пчеловодству заметна в казаках врожденная охота. Любят они посадить около хаты деревцо и кустик, и потом оживить их жужжанием пасеки. Но куда еще не со всей точностью исполняется живущее в их поговорке обещание пчелы: «прогодуй мене до купала — я зрблю из тебе пана». Одной летней засухи или запоздалой весенней стужи на беззащитной

местности достаточно, чтоб трудолюбивое насекомое унесло свое обещание в гроб, которым делается для него улей. Недоброкачеством степных вод и рос также оказывает вредное влияние на пчеловодство; иногда, при самом обильном нанесе в улей, пчела вымирает, как будто от отравы, источник которой, конечно, скрывается в загнившей и проникнутой солями воде. В немногих лесистых пространствах по Кубани эта ветвь сельского хозяйства держится прочно и развивается успешно.

Всех пасек (пчельников) считается более 600; в них ульев до 4 тысяч. Получается меду до 12 тысяч и воску до 4 тысяч пудов.

Там же, на Кубани, по всему ее протяжению и по всем разделениям ее вод, существует охота, достойная рыцарских полеваний Средних веков. Кабан, олень, дикая коза, порешня, волк, лиса, заяц, фазан, лебедь, тетерев — вот дичь глубоких прикубанских захолустьев. Любимая охота казаков — это отважная охота за кабаном, противником чутким, неустрашимым, коварным и свирепым. Действуют против него засадой и винтовкой. На волка ставят капкан, на фазанов силки. С борзыми охотятся по хуторам степных пространств, где также нет недостатка в дичи четвероногой и летающей, особенно последней. С ранней весны и до самой зимы по лиманам, речкам и полям стадаются: дикie гуси и утки, драхвы, стрепеты, колпы, куропатки. В молодой траве бьет на заре перепел; в синеве поднебесья раздается веселый крик журавлей, — этот светлый, далеко слышный крик, которого запорожцы желали своим предводителям, когда поздравляли их с принятием атаманской булавы¹.

Черноморский казак охотник от природы. Охота с винтовкой и капканом занимала в прежнее время, как исключительный промысел, значительную часть жителей прикубанской и протоцкой полосы. Но теперь на службе война, а дома работа мало времени оставляют черноморцу для любимого его охотничьего промысла, и произведения этого промысла, за удовлетворением домашних нужд, входят в торговлю незначущей статьей. Только заячьих кож вывозится за пределы края до 25 тысяч штук в год.

---

¹ Дай тобі, Боже, лебединий вік, а журавлиний крик.

РАССКАЗ СЕДЬМОЙ

Промышленность. — Торговля. — Меновые сношения с черкесами. — Торговое общество

В краю, не так давно заселенном, в климате негостеприимном и в соседстве с народами дикими, дышащими разбоем и «охотнее проливающими кровь, чем пот», промышленность не могла еще сделать больших успехов. О младенчестве ее можно судить уже потому, что все почти предметы производительности края сбываются в самых местах их происхождения. Даже сельский производящий труд и сельские ремесла большею частью отправляются сторонними руками. Рассеянные по куреням и хуторам работники, плотники, каменщики, тележники, колесники, бондаря, шаповалы, дубильщики кож и даже, между ними, цыган, с своей бродячей наковальней, — весь этот народ, смысленный и деятельный, не возлагающий железа ни на браду, ни на плечо, весь он нахожий, велико-и-малороссийский — «москаль» и «городовик»¹.

Из ремесленных гостей края обращают на себя внимание тележники, колесники и бондаря. Основав свои мастерские в Екатеринодаре и некоторых прикубанских куренях, где во всякое время можно иметь под рукой свежий берест, дуб и другое пригодное для их дела дерево, привозимое на Кубань горцами, они снабжают Черноморье изделиями своего ремесла и отправляют с ними целые обозы на отдаленнейшие ярмарки Ставропольской губернии.

Одно гончарное дело остается исключительно за казаками и держится наследственно в известных только местах, где свойство земли ему благоприятствует. Разнообразными произведениями его горнов славится курень Пашковский, на Кубани. Не только круглолицая казачка, но и худошавая черкешенка сни-

---

¹ Городовиками называют черноморцы малороссиян, в которых хотя и видят они своих единоплеменников, — но слово «городовик» звучит у них с некоторым пренебрежением, обозначая не полевого и боевого человека, как казак, а мирного гражданина, пользующегося безопасностью и другими удобствами внутренней цивилизованной провинции.

мает сметану с пашковского муравленного глечика (кувшина). Кроме гончарства, удерживается еще за казаками, как родовое наследие от прадедов, промысел чумацкий; но его эклиптика и поворотные круги, его «цоб» и «цобе» не простираются далее Георгиевска и Ростова.

На казацкой украине, где, можно сказать без гиперболы, расходуется больше пороху, чем семян, не труд нуждается в капитале, а капитал в труде. Жатвы много, делателей мало. Недостаток рабочих рук, даже для черного труда, слишком ощутителен. Огромные заготовки сена для зимнего корма худоб производятся, по большей части, прихожими косарями из губерний: Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Орловской, Курской, Тамбовской, Рязанской. Одного этого вооруженного косами народа на Черноморье не меньше 15 тысяч человек в лето. Косарь получает до одного рубля в день, когда работает поденно, и до 20 рублей от скирды, когда подражается на урок, на скошение известного займища, «становится на скирды». В обоих случаях имеет он косу собственную, а продовольствие от хозяина. Тяжелый труд сенокосения под неблагоприятным небом обыкновенно сопровождается желчными лихорадками, — и не всякий из ретивых работников уносит домой в добром здоровье свой летний сторублевый заработок, воспетый поэтом-прасолом. В рыболовные заводы приходит или, как казаки, на известном им основании, выражаются, «забегает» рабочих людей ежегодно до 3 тысяч человек. Здоровье рабочих этого звания сберегает свежий морской воздух. Здесь добрый забродчик может приобрести в год 150 руб. чистого заработка. Но по этой части работают все пришельцы из Малой и Новой России, «бурлаки», а у этих людей есть одна заунывная песня, в которой судьба, оскорбленная жалобой на ее якобы к ним несправедливость, обращается к начинщику жалобы с следующим довольно справедливым упреком:

Що ти загорюеш
Марно прогайнуеш;
А що й заробляеш,
Зараз пропиваеш.

Наконец, если к показанным, временно-приходящим рабочим присоединить еще множество иногородных людей, обрабатывающих по хуторам и куреням в годовых и других сроках услуг, равно ремесленников, почтовых ямщиков, промышленников, приказчиков, служителей войсковых откупов и прочих, то окажется, что всех вообще сторонних, зашибающих деньги людей перебивает на Черноморье в продолжение года более 25 тысяч человек, и что выносимая ими ежегодно за пределы края сумма, при самых ограниченных заработках, должна простираться до полумиллиона рублей.

Итак, если значительнейшие выгоды промышленного и даже простого труда ускользают из рук местного населения, то, по естественному порядку вещей, и торговля края должна иметь ту же участь. Казак, — не то, что московский стрелец, — никогда не любил и не уважал торгового дела. (Так точно чуждаются его и Закубанские горцы.) Деда черноморцев говаривали: «як хочеш мене узивай, аби-б не крамарем (торгашем); за те полаю (побраню)». Если не в силу подобных, уже отживших свой век мнений, так потому, что в казачьем войске не существует среднего сословия, торговля Черноморского края находится в руках иногородных людей. Исключение ничтожно.

Нет в этом крае людей, которые, прежде чем сделались торговцами, были в своей стороне сельскими производителями, — которые, возделав известную отрасль хозяйства, сорвали с нее золотое яблоко, которым курица в их деревне нанесла золотых яиц и которые поэтому ведут торговлю в уголку, глубоко изученном ими в производительно-промышленном отношении, как золотоискатели ведут свои мины в земле, с внутренним содержанием которой наперед хорошо ознакомились. Таких людей нет, — оттого и торговое движение в пределах этого края является не торговлей, органически развивающейся из наличного, возделанного на месте капитала, а каким-то эфемерным, налетным торгашеством, начинающимся векселем и оканчивающимся конкурсом. Производители такого поверхностного и шаткого торга — армяне нахичеванские (с Дону) и закубанские. Не пускаются они с прочно оснащенным неводом в открытое море торговли, а сидят на берегу, с блеснями и самолотами.

вами собственного изобретения и ловят мелкую рыбку. Так торгуют их родоначальники по второстепенным городам Турции, где торговые уставы и учреждения заменяет простая полиция. Дай нам, — говорят безденежные черноморские торговцы денежному пану-хуторянину, — дай, чем наживить крючок: мы поймаем большую рыбу и с тобой поделимся. Пан и даст; но по окончании лова выходит, что ловец в своем Нахичеване хлебает жирную уху, состряпанную умышленным банкротством, а пан, доверчиво расстегнувший заветную калиту, постится в своем мрачном хуторе и гневается, когда ему напомним родную нравоучительную пословицу: «не продерешь очей, так продерешь калитку».

Пускаясь в торговое дело без основной копейки, по единой благодати удивительного московского кредита и не имея поэтому произвольного, предызбранного направления, нахичеванские армяне на Черноморье бросают друг другу камень под ноги и делают местную внутреннюю торговлю не только мелочной, но и бесхарактерной. Случается видеть у них за прилавками такие вещи, которые по роду местных потребностей могут пролежать без спросу целое столетие. Сами торговцы, конечно, не думали о них, когда набирались товаром; но на них навязано это бремя из залежи кредитора.

Армянская лавка на Черноморье — это товарная энциклопедия, изданная в шестнадцатую долю листа. Редкую из них не забрал бы русский ходебщик в свою коробку. За немногими исключениями, которые справедливость требует сделать, черноморские торговцы из Нахичевана слишком мало дают места на своих полках товару полезному, но скромному, не трубящему о самом себе. Напротив, они любят вести торг товарами мишурными, бросающимися в глаза и, по своей легкости, легко сходящими с рук. Это вечные продавцы игрушек для взрослых детей и лучшие проводники между плохими фабриками и невзыскательными потребителями. Вот образчик их языка и тонкого обхождения с покупателями. Бедный чиновник торговал у армянина плохую шубу, сшитую из волчьих хвостов. Запрос был слишком высок, покупатель не сошелся в цене и стал выходить из лавки. Тогда армянин обратился к нему с последним словом:

«паштенна, последну слову — тебе не волком ходыт, а овцом ходыт».

Сии красноречивые торговцы украшают своим присутствием торговые ряды Екатеринодара и лавочки всех куреней Черноморья. Они же являются первые и на все ярмарки этого края. Те, которые торгуют по куреням, во время стрижки овец и мору скота поспешно оставляют свои прилавки и с запасом ножигов, зеркальцев, колечек, пряжек, огнив, игол, шильев, табаку, деревянных трубок с медными колпачками пускаются в степи, к пастушеским кишлам, где посредством мелочной, но весьма прибыточной для них мены делают значительные приобретения шерсти, кож, сала и заячьих шкурок. Армяне закубанские действуют в том же роде по закубанским аулам, только размеры их действий гораздо обширнее. Спекулятивные пути и обороты, или извороты тех и других закрыты непроницаемой завесой для остального торгового мира, — и только Нахичеван на Дону, где неожиданно, из не пользующихся известностью промышленных источников, скопляются целые горы шерсти, сала, кож, воску и мехов, покачивает головой с восклицанием: вай, вай, какой наш умна человек, — и всячески дивится большим приобретениям при малых средствах.

Как армян, так и других иногородных, постоянных торговцев в пределах края считается до трех сот. Их торговля оценивается в полмиллиона рублей. Кроме того, с каждой весной посещает курени и хутора странствующая промышленность Ярославской и Владимирской губерний: коробейник (афеня), с бакалейным и сельско-галантерейным товарцем, чаще имеющий дело с нежным, чем с грубым полом казацкого народонаселения и охотно променивающий свои мануфактурные вещицы на прядево, щетину, перья, воск, клыки дикого кабана, заячьи шкурки, раковые жерновки, из которых, как он уверяет своих покупательниц, делаются тарелки, — что жерновка, тоде и тарелка, — и другие не блестящие произведения; продавец кос, кое-как, по-русски сидящий на облучке своей телеги с рогоженной кибиткой, и звонко клеплющий в косу, чтоб имеющий уши слышати — слышал; обходительный продавец восковых свечей, ладану, парчи и церковной утвари, увлекающий к

набожной щедрости отставных казаков блестящей выставкой своего товара у церковной ограды, и приличными изречениями из писания; наконец, и наш пашковский гончар, с таким громоздким возом, как адмиральский корабль сухопутного флота Игорева, и с грубыми, почти повелительными воззваниями: «молодиці, по-горшки, ану-ж мерщій, по-горшки...»

До каких ухищрений дошла сметливость странствующих мелких промышленников, можно видеть из того, что многие из них во время весенней стрижки овец откупают на срыв щетину, произрастающую на хребтах тех животных, угрюмыми звуками которых никогда не оглашается Турция. Когда торг слажен, щетиноносные животные, под предлогом корма, собираются в особую загородь и вероломно отдаются своими корыстолюбивыми хозяйками в безжалостные руки коробейников, которые их связывают и потом не ножницами, а деревянными лешетками снимают с них жесткие руна. По выдержании операции обезображенные, но по-прежнему здоровые, пациенты отдаются обратно своим обладательницам с насмешливым пожеланием, чтоб на оголенной ниве вырос им к будущей весне новый доход. Пожелания, несмотря на их иронический тон, осуществляются: чрез год новая жатва осеняет хребты тех же животных, и к ней являются те же жнецы. Невозможность ошипать курицу без того, чтоб она не кричала, обратилась в пословицу; легко же представить себе оглушительный крик, сопровождающий вышеизъясненную операцию, — тем более что коробейникам вовсе неизвестно употребление хлороформа.

В видах споспешествования сбыту главного богатства края: лошадей, рогатого скота и овец, учреждены в разных местах Черноморья ярмарки. Важнейшие из них: в Екатеринодаре, на Кубани и в курене Старошербиновском, на реке Еи, — в том и другом месте по три. Всех же ярмарок в крае до тридцати. Привозимых на них товаров продается на сумму до одного миллиона рублей. Эта же цифра может служить приблизительным мериллом и ценности сбыта на ярмарках местных произведений. На первом плане ярмарок рисуются прасолы, или, как их называют здесь, сгонщики, то есть скупщики скота, лошадей и овец.

Второе после них место занимают наезжие продавцы образов, деревянной посуды, сундуков, окон, решет, веретен, волюнок, мелких железных изделий, дегтю, российских азбук, прописей и лубочных картин *a la brosse grosse*, с текстом увеселительного содержания. На екатеринодарских ярмарках, когда бывает дозволено, являются целые таборы черкесских скрипучих арб, с строевым лесом, частоколом, обручами, осями; каюками, корытами, лопатками, вилами, одеждой из домашнего горского сукна, медом, воском, салом и кожами. Сбыв свои скромные произведения, черкесы не везут полученных денег домой; но тут же на ярмарке запасаются на эти деньги бумажными и шелковыми материями, сафьяном, посудой, расписанными сундуками и мылом. По недоверчивости, никогда их не покидающей, и по незнанию цен на мануфактурные товары, они торгуются бесконечно долго, употребляя притом свой, диаметрально противоположный нашему, способ торга, а именно: спросив в лавке нужный им товар, они не спрашивают потом, какой суммы денег стоит известное количество товара; напротив, они предъявляют наперед известную сумму денег и потом спрашивают купца, какое количество товара даст он на предъявленные деньги. Ответ продавца служит исходной точкой торга, в дальнейшем развитии и окончании которого играет роль не монета, представительница ценности вещи, а наоборот оцениваемая и подлежащая торгу вещь.

Торгуясь таким странным для нас и естественным для них образом, почтенные соседи черноморцев умеют ловко стянуть, что им приглянется и что будет лежать плохо; поэтому не дозволяется им входить в торговые ряды в бурках. Были примеры, что князь изобличался в похищении зеркала или апельсина.

По множеству ярмарок в Черноморье далеко не все они имеют большое торговое значение, но народ их любит и поддерживает своими съездами. Казачки первые желают ехать на ярмарку, чтоб видеть большой свет, чтоб полюбоваться на большое собрание предметов роскоши и запастись предметами для беседы на целые месяцы; а казаки, как ни тяжелы на подъем, не смеют противоречить обладательницам своих сердец и следуют с ними, имея в виду не пыль и толкотню большого света и

не ситцевую пестроту предметов роскоши, а что-то другое, до чего нет дела дражайшим их спутникам, и что веселит сердце человека. Казачья ярмарка имеет свои местные оттенки. Ее окружают скотные и конские гурты, которых голодный рев и ржание как будто вопиют против высоких запросов и низких предложений цены. В самой середине ярмарки «тичок» — толкучий рынок рабочего скота и езжалых лошадей. Здесь являются героями вертлявый цыган на старой кляче, которую он «пидвахлював», подогрел и подмолодил по-своему, и удалый «комонник»¹ с волосяным арканом на руке, с гордо откинутой назад головой, с молодецки подкрученным усом и с самонадеянно-небрежной посадкой на молодом неуке, беснующемся и выбивающем седока из седла. Вы любуетесь этим спокойствием, этим как бы простодушием мужества, столько свойственным черноморскому казаку даже в пылу боя, и вы соглашаетесь с остроумнейшей из женщин, что человек на диком коне прекрасен. Поодаль от этого кипучего и шумного торжища слепец в ветхом подряснике читает псалтырь на память. Его певучее чтение прерывается частыми подаяниями. Ощувив в руке лепту, он останавливается в ту же секунду, спрашивает имя сделавшего подаяние, молится о нем и потом продолжает чтение от того именно слова, на котором был прерван. Внимание и память ему не изменяют. В самом многолюдном месте, около «яток», шатров с орехами и пряниками, слепые нищие, усевшись в ряд, без шапок, под палящим солнцем, с запыленными лицами и с деревянными чашечками в руках, поют лазаря под плаксивую игру «кобзы». Лишенные Божьего света то и дело слышат стук в своих чашечках от падающих в них старых грошей и новых однокопеечников. Здесь повеяло вам на душу грустью; но вот послышались гуденье бубна и визг скрипки. За ними толпа хлопцев и молодиц, а впереди их чабан (овчарь) с загорелым лицом, с усаженным пуговицами поясом и при-

---

¹ Наездник, способный вырвать арканом из табуна пылкого неука (неезженного коня) и уломать его под седло. Слово «комонник» замечательно по своему древнеславянскому корню — комонь, откуда вышел нынешний конь. Комонь встречается в «Слове о полку Игореве».

вешенным к нему на длинной портупее ножом, с сбитой на ухо шапкой, с цветным платком через плечо и флягой в руке, скачет гопака до упаду. Этот мешковатый гуляка «водит музыки» и угощает встречного и поперечного напрапалую. Кто не желает его угощения, бежит подальше...

Кроме ярмарок и базаров города Екатеринодара, торговые сношения черкес с казаками поддерживаются меновыми дворами, существующими на Кубани по черте кордонной линии. Чтоб не показалось странным, как могут происходить на одном и том же рубеже и война, и торговля, довольно сказать, что у горцев нет соли, а у казаков нет лесу. Первым нечем посолить свою пасту (кашу), а последним не из чего возвести хату. Так вот, вследствие обоюдного лишения в предметах первой потребности для существования, меновой торг между казаками и горцами завязался с первых дней поселения Черноморского войска на Кубани. Кошевой атаман этого войска Котляревский, во всеподданнейшем представлении своем Государю Павлу Петровичу, от 21-го июля 1799 года, между прочим, излагал: «По неотпуску каждому Черкесскому владению из войска Черноморского соли, там, где ему способно, оные владения, злобствуя на войско, причиняют ему, хищническим грабежом людей, не малые обиды, говоря тако: давай нам соль там, где надобно — не будем воровать, ибо нам без соли не пропадать, и мы у вас зато воруюем, что в Анапе дорого соль купуем». По воспоследовавшему тогда же Высочайшему соизволению учреждены «сатовки», или меновые дворы по правому берегу Кубани, на разных пунктах. В настоящее время их более десяти.

Кроме леса, господствующей привозной статьи, переходят чрез меновые дворы на нашу сторону: лубок, называемый горцами «кожа дерева», черная нефть, пиявки, алебастр, разные кожи и меха, в сыром виде, лошади и рогатый скот, особенно буйволы, хлеб, сало, масло, мед, воск, бурки, горская одежда, ножи, циновки и некоторые изделия из дерева. С нашей стороны, сверх соли, главной статьи отпуска, идут меновыми стезями в горы: разные бумажные и шелковые ткани невысокого достоинства, шелк и канитель для делания галунов, холсты, савьяны, войлоки, посуда, сундуки, мыло.

По военным обстоятельствам края, торговые сношения казаков с горцами подвержены частым переворотам: то они возрастают, то ослабевают, то и вовсе прерываются. Кроме того, впереди значительного протяжения меновой черты лежит для торговли порог в одной из привилегий земли, обитаемой бжедугами. В этом ближайшем к нашей линии народе демократия еще не подавила феодализма, как у дальнейших горцев, и потому земля остается поделенной между многими мелкими владельцами — князьками и дворянами (пши и уорк), к старинным привилегиям которых принадлежит право «курмука»¹ — феодальное право взимать транзитную пошлину со всего, что провозится чрез их владения из гор на Кубань и обратно. Нередко жадность этих нищих князьков делает из курмука препятствие для торговли, гораздо важнее, чем дурное состояние, или — точнее сказать — несуществование путей сообщения по закубанской стороне.

Но доскажем, что осталось еще сказать о внутренней промышленно-торговой жизни края. Мы знаем уже, что промышленный и ремесленный труд в пределах Черноморья наибольшей частью принадлежит временным пришельцам, и что на долю местного народонаселения, составляющего одно служивое сословие, остается простой труд производительный, и тот не весь. По общему разделению сословий и труда в государстве, казалось бы, иначе и быть не должно: всякому свое. Но здесь, по особенному положению края, является неудобство, несуществующее для Кавказского казачьего войска, где сословие, ратующее с оружием в руках, на границе, поддержано сзади другими, неслужащими сословиями — податными сословиями Ставропольской губернии. В Черноморский самостоятельный край, отброшенный на оконечность цивилизованного русского мира, в край недостаточно гостеприимный как в климатическом, так и в военном отношении, и отказывающий в правах гражданства всему, что не носит оружия, промышленные, ремесленные и вообще рабочие гости могут находить различно: или в таких, сколько нужно, или в гораздо меньших,

---

¹ Испорченное турецкое слово «гюмрю» — таможня.

численных силах; или тогда, когда нужно, или тогда, когда не нужно, — или же, наконец, при действии известных препятствий, вовсе могут не приходить. Невыгоды такой зависимости слишком ощутительны для местного казачьего населения. И между тем этому населению недостает поощрения, руководства и поддержки, чтоб ослабить сколько-нибудь эту зависимость. Казаки, знающие ремесла, отбывают службу не оружием, а ремеслами своими: то они записываются в особо учрежденную «войсковую мастеровую сотню», то работают в составе полков, батальонов и батарей. Находя легче и почетнее этой трудовой службы службу общерядовую, службу с шашкой и пальником, а не с долотом и кузнечным мехом в руках, молодое казацкое поколение не имеет никакой охоты к изучению ремесел. Для удаления невыгодных случайностей зависимости местной ремесленной промышленности, не будет ли вызвано из среды казачьего сословия свободное «ремесленное общество», подобно тому, как уже учреждено в войске, с последним преобразованием его, «торговое общество» в составе двухсот лиц.

Это благодетельное нововведение вознаграждает, по крайней мере, имеет целью вознаградить для войска отсутствие среднего сословия. Вступив в торговое общество и внося погодно в войсковую казну купеческую подать по третьей гильдии, казак ставит себя в независимость от всяких служб и пользуется правом торговли как в пределах, так и вне своей земли. Но как местное богатство, если есть оно, находится в руках чиновного класса, а торговое общество учреждено для одних только рядовых казаков, то и благодетельная мера, предпринятая для организации промышленно-торгового класса из самых же служивых обитателей края, не достигает предназначенной ей цели: двух сотное, по штату, торговое общество оказывается односотным в действительности; из двух сот званных только половина избранных, — да и из тех очень немногие посвящают себя торговому делу. Свободно дышит черноморец в военной засаде, но за прилавком он не в своих санях: скуп на слова и неспособен к двум главнейшим в торговле вещам: показать товар лицом и делать два дела разом.

Более утешительных видов и упований на водворение в Черноморском войске промышленности и торговли, коренной, не увлекающей капиталов за пределы края, но притягивающей в край и развивающей их на месте, промышленности и торговли, благодарной к краю, подает новонаселяемый в пределах Черноморья портовый город Ейск. Черноморские казаки встречают с хлебом-солью и со всяким вспомоществованием свой новый, промышленно-торговый город, который станет им в поддержку, как Ставрополь и Пятигорск, с их трудолюбивыми округами, стоят в поддержке за кавказскими казаками.

РАССКАЗ ВОСЬМОЙ

Пути сообщения. — Почтовые учреждения

Bonne terre, mauvais chemins.

Черноморье может располагать множеством естественных пособий к сбыту и внутреннему обороту предметов промышленности и торговли. Для внешних водяных сообщений край открыт с юго-запада, запада и севера: через Черное море — с Анапой, Новороссийском, Феодосией, Одессой; через Керченский пролив — с Керчью и Еникале; через Азовское море — с Бердянском, Мариуполем, Таганрогом и Ростовом. Для внутренних сообщений могли бы служить: лиманы Кизилташский и Ахданизовский, рукав Протока и многие ее ерики и лиманы, Каракубань и каналы Энгелик и Калаус. Но эти пустынные и запущенные воды могут сделаться путями сообщения не прежде того времени, как кордонная вышка обратится в каланчу мирной полиции, а около вехи, возвещающей ночную тревогу на Кубани, обовьется причал сплавной барки. При всем своем непостоянстве и шаткости низовая Кубань может, со временем, с водворением безопасности на ее берегах, подчиниться судоходству, по крайней мере нисходящему, сплавному судоходству. Тогда же, по большим притокам ее — Белой, Пшишу, Афипису и другим будут скатываться с гор на Черноморье строевой лес, камень, алебастр и проч.

По сухопутным сообщениям края с Ставрополем, Ростовом, Анапой и Керчью проходят три почтовые дороги, которых исходной точкой служит город Екатеринодар. Тракты ставропольский и ростовский, с ветвью этого последнего на портовый город Ейск, не представляют никаких естественных препятствий, если не относить к препятствиям множества балок и речек, пересекающих ростовский тракт, но во всякое время года удобно переезжаемых чрез постоянные мосты и плотины. От куреня Старощербиновского, лежащего на границе Черноморья с Ростовским уездом, до посада Ейский городок на протяжении семи верст дорога идет по низменности, принадлежащей к широкому устью Еи. Большая часть этой низменности во время весенних разливов Еи или проливных осенних дождей понимается водой, и тогда везут вас верст пять непрерывно по воде. Но как дно наводненного пространства довольно твердо (оно состоит из песку и ракушки, плотно спаянных илом), то и переезд совершается без особенных затруднений. Надобно одного только смотреть — не подмочилась бы кладь в повозке¹.

Таманский тракт, ведущий в Керчь и Анапу, пересекается сперва рукавом Протокой, потом двумя ахданизовскими гирлами, наконец, к стороне Анапы, бугазским гирлом и, к стороне Керчи, Керченским проливом. На этих пересечениях Черноморское войско содержит переправы: на Протоке и двух ахданизовских гирлах — паромную, на бугазском и Керченском проливе — лодочную. Бугазское гирло имеет ширины 60 сажен, а Керченский пролив, между Таманью и Керчью, по бухте, 23 версты. Но должно заметить, что, по обе стороны Таманской бухты вдаются в пролив два мыса, отбрасывающие от себя длинные и узкие песчаные косы. Это как будто бы поваленные геркулесовы столбы в Керченском Гибралтаре. Из них северная коса Чушка вытягивается к Еникале, а южная Тузла к Пав-

---

¹ Такой же брод приходится проезжать весной на Таманском острове, по узкому пространству, пролегающему между лиманом Ахданизовским и морем Азовским. Это — Темрюцкий брод, простирающийся верст на пять. Дно его песчанисто и довольно твердо; но при проходе больших обозов разбивается, и тогда работают над ним сотни рук.

ловской батарее. Между оконечностями кос и берегом Тавриды не более пяти верст. На оконечности Тузлы войско содержит переправу на дубах (больших лодках) для зимы, во время же навигации существует пароходное, между Таманью и Керчью, сообщение¹.

Переправы бывают сопряжены с затруднениями, когда дует сильный ветер от севера к югу, — причем лодка может быть вынесена в открытое море, — а также, когда происходит замерзание и вскрытие вод.

Дорога чрез обозначенный Протокой низменный поперечник между степным континентом и Таманским островом на протяжении сорока верст подвержена наводнениям из Кубани, и езда по ней бывает очень затруднительна. Наводнениям противопоставляются земляные насыпи, поддержание и возобновление которых лежит на жителях натуральной повинностью и составляет для них бесконечный труд Сизифа. Насыпи из рыхлого болотного чернозема и подстилка под ними из камыша и хвороста расплзаются и каждый год исчезают в болотах, — что и заставляет ожидать, в замену им, правильного и прочного шоссе, для которого камень мог бы быть доставлен водой с берегов Тамани или Керчи. Кроме этого неудобства, как таманский, так и ставропольский тракты, пролегая вдоль военной кубанской границы, не считаются безопасными от нападений горцев. Вместо приятного и полезного совета — брать в дорогу одного дня хлеба на три дня, существует здесь несносное правило — брать во всякую дорогу оружие.

В разных местах военной кубанской границы устроены чрез Кубань четыре паромные переправы и один мост на плашкоутах, снимающийся на зиму. Впрочем, переправы эти относятся не столько к коммуникационным, сколько к операционным линиям для наступательных действий против горцев.

На всех трех почтовых трактах войско содержит из своих доходов 25 станций и на них 150 троек лошадей из местных пород, в превосходной степени годных для почтовой гоньбы.

---

¹ В содержании этого сообщения войско участвует ежегодным отпуском из своей казны 1700 руб.

Почтовые станции расположены в степных пространствах, вне населенных мест, из-за подножного корма для лошадей. Помещения их более чем скромны. За исключением приюта, нагретого санными объедьями, проезжающий напрасно будет искать в них других дорожных удобств. Вместо бархатного воротника в четырнадцатом классе пред него предстанет и спросит подорожную стриженный в скобку малой, с издающими известный запах сапогами и заспанным в высшей степени лицом: Развернув подорожный документ для прописки, будет он углубляться в него с таким сосредоточенным видом и столько раз оттряхнет к затылку свои неприглаженные волосы, как бы пред его глазами была хартия, никогда в жизни им не виданная и писанная при царе-горохе. И даже на привычный зов проезжающего не всегда явится самовар, худой, толстый, искалеченный, пышущий здоровьем, вымытый, замусоленный, улыбающийся, утрюмый — какой бы ни был. Необозримый и неисчислимый ряд этих официальных сосудов, проливающих ободрение ослабевшим и утешение задержанным путникам на всем почтовом протяжении от Москвы до Ейского городка, здесь прерывается. Остается только жалобная книга на привязи у стола, всегда белая, да темное расписание на стене, и еще хилые часы у дверей, с привешенными к одной из гирь, в виде добавочного жалованья, старой подковой и таковым же наперстком от косы. Несмотря на это сугубое поощрение, старослуживые часы идут вяло и совсем не в ногу с временем. Не нужно иметь большой проницательности, чтоб прочитав на их мрачном челе, что им уж не до службы у Сатурна, и что одно только жестокосердие кондиций удерживает их на столь трудном месте. Но видимые недостатки черноморских станций окупаются одним, сокрытым под их камышовой крышей, нравственным достоинством: здесь вы никогда не услышите неблагозвучного, потрясающего желчь путешественника, в самом ее основании, и вызывающего наружу все дурные его свойства: «нет лошадей!» И потом лошади, которых дают вам, лихие черноморские лошади, мчат вас с быстротой, равной вашему нетерпению, а иногда даже превосходящей оное, — что уж бывает не вполне приятно, ибо тогда от полного состава повозки достигает следующей станции одна

только тачка с передними колесами. Если на тройке черноморец, он не будет кричать и растобаривать, как ямщик чисторусский; но, как удивительный человек, который не хочет петь в один голос с другим, который по доброй воле никогда ничего не делает против внутреннего убеждения, и который безусловно убежден, что лошадь не понимает слов, он — свистит. А свистит так, что в пределах Ростовского уезда слышно. На первой от границы Черноморья станции названного уезда ямской староста, у которого были на руках докучливые проезжающие, нетерпеливо ожидал возврата своих троек, выпущенных с тяжелой почтой на черноморскую станцию. Послышался колокольчик с черноморской стороны, и озабоченный староста послал мальчика выглянуть за ворота — свои ли обратные идут, или, чего доброго, черноморец скачет с новым гоном. «Еще далече, — обозвался мальчишка за воротами, — не видать гораздо, а слышно свистит». — «Коли свистит, так черноморец», — произнес староста с уверенностью, которую не сильны были бы поколебать никакие громы, и почесал взатылке.

Почтовые дороги так же пустынные, как и станции. Они не обозначены ни рвом, ни деревцом. В темную осеннюю ночь или в зимнюю метель вся надежда на редкие поверстные столбы и, еще более, на чуткость и памятьливость степной тройки. Основательный страх остается тогда, скорее всего, за переезды чрез мосты, которых насчитывается на почтовых, чумацких и проселочных дорогах до 170. Из них три только каменные, а все остальные деревянные, по безлесью, сколоченные кое-как. В них часто усматриваются ненужные отверстия, а перилы их обыкновенно расходуются чумаками для варения каши с салом в мокрую погоду, когда другое подручное топливо, бурьян и камыш, не хочет гореть. Той же участи подвергаются и дощечки, прибиваемые к поверстным столбам для показания числа верст.

Не слишком удовлетворительное состояние сооружений по части путей сообщения воспето даже в народной поэзии казаков. Черноусый «паробок»¹ требует объяснения от черноморской

---

¹ Холостой человек. «Па» — пол, «робок» — работник; выходит — полуроботник.

дивчины, по каким причинам она забарилась (замешкалась) явиться на «юлицу». Оробевшая несколько ответчица приводит в свое оправдание дурное состояние войскового моста, чрез который следуя, она завалилась и оттого забарилась¹. Статься может, что этого совсем и не было. Но что неудобства на мостах и переездах действительно существуют, так это ясно видно из самых наименований некоторых урочищ сухопутных сообщений. Например: на ростовском чумацком тракте есть балка «Вырвихвост», каковое название доставил ей следующий случай, рассказываемый старожилами. Некоторый путешественник, следуя чрез нее, по собственной надобности, в ненастное время и в тяжело нагруженной кибитке увяз на самой середине черноземной насыпи, перекинутой чрез дно балки. Когда усталые кони, за всеми усилиями грудью, вызволить кибитку из грязи не могли, — путешественник нашел себя вынужденным прибегнуть к последнему средству: приладить упряжь, вместо груди, к хвостам лошадей. (Способ и в позднейшее время употребляемый в отчаянных обстоятельствах.) Затем, вследствие новых, жесточайших понуканий, кони рванули так сильно, что хвосты немедленно отделились от остального их организма, и это странное событие увековечило за балкой вышеупомянутое прозвище. Потом, существует балка «Малевана», название которой проистекло из того, что экипажи и лошади путешественников выходят из нее размалеванными краской темного цвета. Наконец, есть еще балка «Загубичобот», — но это в глуши, на одной из проселочных дорог.

В городе Екатеринодаре находится войсковая почтовая контора. В городах Тамани и Ейске, а также в куренях Полтавском и Уманьском, где имеют пребывание окружные власти, учреждены почтовые отделения, подведомственные войсковой конторе. Почтовый сбор в них составляется преимущественно от денежных посылок и старых паспортов, отправляемых иногородними людьми *ко двору, в Рассею*.

---

¹ Ой, де-ж ти була,
Забарилася?
— На дирявім мосту
Провалилася я.

и проч., не относящееся до путей сообщения.

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

Войсковая казна. — Сравнение быта казака
с бытом поселянина

Казак несет военную службу Государеву, для которой исключительно и занимает место в государстве. Солдат делается воином, казак рождается им. Воин от пазухи матери и до могильной ямы, он, по преимуществу, природный слуга Царю и родине. Недремлющим стражем обходит он любезное отечество кругом в дни мира. А в дни брани тоже отечество говорит ему: «Перестань меня кормить, иди меня защищать»¹. И когда новые успехи оружия усыновили новую землю отечеству, он первый ставит свое копьё и свой очаг на новой земле. В таком положении, при таком призвании, казак свободен от всяких денежных окладов, не только государственных, но и земских. Неразлучные с земской оседлостью, повинности он отбывает натурой, насколько возможно их отбыть в таком виде, то есть в виде личной и имущественной послути, а не денежного взноса². Но как, во-первых, не все повинности могут быть отправлены натурой, и для отправления остальных требуются денежные способы, и, во-вторых, как каждая отдельная в государстве область должна своими местными способами покрывать денежные издержки, потребные на ее управление и на водворение в ней благоустройства, гражданского и общественного: для этого в крае, казаками заселенном, существует войсковая казна.

Исправление повинностей подводной и по устройству дорог падает преимущественно на отставных, а квартирной и этапной на всех вообще казаков.

Каким образом войсковая казна составляется?

---

¹ Cesse de me nourrir, viens me défendre.

² Годичная стоимость натуральных повинностей: квартирной, подводной и по устройству дорог, оценивается в Черноморском войске до 100 тысяч рублей.

Для исправления натуральных повинностей подводной и по устройству дорог выражается в год: подвод до 11 тысяч, с таким же числом проводников, и сверх того рабочих до 400 человек.

Для составления ее казак, личность которого освобождена, по прекрасному нашему старинному выражению — обелена, от всяких денежных налогов и взносов, отчуждает от своего частного пользования в принадлежность общественную, в войсковую артель, те из естественных произведений и промысловых угодьев, или другого рода выгод обитаемой им земли, которые он может удалить от себя, не впадая чрез то в скудость или затруднение относительно содержания своей семьи и снаряжения себя на службу царскую. Таким способом составляется войсковое, или, если угодно, общественное, хозяйство, а из войскового хозяйства истекает войсковая казна.

Из сказанного видно, что учреждение в населенном черноморскими казаками крае денежных общественных способов, или *казенных интересов* ничего не имеет сходного с существующими в губерниях учреждениями этого рода. В казацкой земле, по единству сословия или общества, все денежные общественные источники направлены в один ящик, которым располагает одно ведомство. Такому единению общественных интересов подлежит даже денежное достояние церкви: церковные суммы прибыльных разрядов (исключая приношения на алтарь) ведаются войсковым начальством. По войсковому положению определены в куренях станичные доходы; но в действительности их не существует по той причине, что не существует еще правильного распределения земли. Вследствие чего войсковая казна нашлась в необходимости уделить часть своего дохода от рыболовного промысла в особые, общественные доходы куреней.

Вот главные статьи войскового хозяйства, или иначе — источники войсковой казны.

Продажа в пределах Черноморья горячего вина, заготовляемого войском на свои капиталы и сбываемого общепринятым в государстве, акцизно-коммиссионерным способом. Отсюда годового дохода в войсковую казну 400 000 р.

Денежный капитал в два миллиона рублей, составившийся в прежние годы, из остатков войсковых доходов против расходов и, потом, из процентов от обращения этих сбережений в кредитных установлениях. От него указных процентов в год 60 000 р.

Рыболовный промысел вообще и ачувский рыболовный завод в частности. Годового дохода 82 000 р.¹

Соляной промысел по войсковым соляным озерам. Годового дохода до 25 000 р.

Нефтяные источники и пиявочные болота. От них дохода в год до 1000 р.

Пастьба на войсковой земле скота, лошадей и овец, искупленных прасолами, и выгон их за пределы Черноморья, равно как и вывоз разных от них произведений. От этой статьи пошлинного, в роде таможенного, сбора в год до 8000 р.

Войсковые лавки и торговые на ярмарках места. Годового сбора до 8000 р.

Сбор с иногородных торговцев за право торговли и с казаков, состоящих в войсковом торговом обществе, до 12 000 р.

Разные мелкие статьи, из которых некоторые принадлежат к городским доходам в губерниях. Годового от них дохода до 30 000 р.

Наконец, к разряду доходных статей причисляется «жалованье войсковое», установленное Императрицей Екатериной II из государственного казначейства, в годовом окладе 5714 р. 28 к.²

Всего поступает в войсковую казну дохода в год 631 714 р. 28 к.

Годовой расход из войсковой казны приводится обыкновенно в равновесие с доходом. Главные статьи расхода:

Содержание присутственных мест и других штатных учреждений, равно как и лиц в отдельных должностях, по частям: военной, гражданской, медицинской, училищной, духовной и др. до 330 000 р.

Поставка провианта для полков и других частей, содержащих кордонную линию, а также провианта и фуража для внутренне-служащих в войске нижних чинов до 100 000 р.

---

¹ Доход этот показан в том виде, как давал его откуп, который в настоящее время должен быть заменен другим способом взимания дохода. Правила на это еще не состоялись. Один ачувский завод будет оставаться по-прежнему в откупном содержании. Он дает 30 тыс. руб.

² В грамоте Екатерины II Черноморскому войску от 30 июня 1792 года изображено: «На производство жалованья кошевому атаману, с войсковыми старшинами, на употребляемые к содержанию стражи отряды и на прочие, по войску нужные, расходы повелели Мы отпускать из казны Нашей по двадцати тысяч рублев на год».

Содержание артиллерии и конно-ракетных команд до 12 000 р.

Содержание войсковых хоров музыки и певчих 2300 р.

Содержание врачебных и богоугодных заведений до 40 000 р.

Содержание на почтовых трактах почт до 60 000 р.

Содержание переправ на кордонной линии и на почтовых трактах, равно как и паровозного сообщения чрез Керченский пролив до 9000 р.

Содержание войскового общепольного рассадника и при нем сада 335 р.

Содержание войсковых пансионеров и пансионерок в разных учебных заведениях до 10 000 р.

На разные мелкие и случайные расходы по военной и гражданской частям 50 000 р.

Всего расхода из войсковой казны в год 613 635 р.

Само собою разумеется, что большая часть приведенных цифр по годам изменяются; но из представленного перечня статей дохода и расхода можно видеть их приблизительный объем и значение.

Покойный генерал Вельяминов, командовавший войсками на Кавказской линии и в Черноморье, полагал, что казак не должен быть богат, потому что богатство изнеживает воина. Беспристрастное воззрение на дело обязывает добавить, что казак не должен быть и беден. Казаки никогда не были бедны в действительном значении этого слова. Как ни суров кажется их старинный степной быт; но нужд у них было всегда меньше против средств удовлетворять нуждам. Этот-то перевес средств над нуждами и делал их военными людьми, потому что всегда оставлял им, сколько было нужно, досуга для военного воспитания, для «гулевщины». По мере того как казак начал подвигаться под общие обязательства гражданственности и цивилизации, нужды его начали увеличиваться, и если нужды обгонят средства, тогда явится действительная бедность. А бедность, с ее непрерывной работой и заботой, не даст казаку приготовиться и развиться ни нравственно, ни гимнастически для военного молодечества. Это возможно только при некотором досуге, а досуг возможен только при некотором довольстве, то есть при перевесе средств над нуждами. У противников казаков, кавказ-

ских горцев, молодой возраст посвящен наполовину работе и наполовину гимнастическому воспитанию. То же самое должно быть и у казаков; иначе их молодежь не будет знать, как горит на полке порох и как седлается конь, до самого того времени, как нужно стать ей в строй. А она должна знать это гораздо раньше, потому что никакой рекрутской школы или переходного состояния между поселянским бытом и боевой службой для казачьего недоросля не существует. По крайней мере так это здесь, на линии. Переночевав в последний раз в пастушеском кишле, или на гумне, следующую ночь он уже проводит в секрете и разъезде на Кубани. Тут уж учиться владеть оружием и конем поздно. С того возраста, как государственный поселянин становится работником, а казак служакой, потребности последнего значительно превышают потребности первого, включая даже сюда все, что первый обязан отдать государству. Конечно, казак может выехать на службу и плохо одетый, и плохо обутый, и на коняшке каком-нибудь; но лучше, если все это и многое другое будет у него из хорошего достатка. Тогда и он смотрит бодрее, и на него смотрят с большим доверием. Тогда он будет служить и не тужить, и уличные зеваки не посмеют швырнуть в него прибауткой: «семеро в кувшине, одной мыши не задушили». А потом, сколько в быту казачьем случаев вдовства и осиротения, и сколько черных дней, про которые не иметь запаса худо. Этих случаев не бывает в быту государственных поселян и наполовину. Всякую, наконец, хозяйственную и промысловую работу государственный поселянин выполняет лучше и, следственно, с большей для себя пользой, чем казак: он лучше вспашет, лучше засеет и лучше скосит. Казак не дойдет до него в этом, потому что казак делает от этого отвычку на службе.

Очень желательно, чтоб в боевых рядах казаков было сколько можно больше исправных и удалых молодцов; в такой же точно мере желательно, чтоб в домашнем их быту было сколько можно меньше бедняков.

Вот соображения, полагающие известную черту между доходами войсковой казны и домашними потребностями существования, воспитания и снаряжения казаков.

РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ

Степень образованности. — Способы к ней. — Взгляд на воспитание казачки. — Черкесский язык как предмет изучения. — Хаджи Нотаук-Шеретлук

Можно ли ожидать благородных и справедливых дел там, где нет в обращении идей, им предшествующих и их вызывающих, где права и интересы мысли не возбуждают ни в ком сочувствия, где человек, влачась рабски от насущной заботы одного дня к заботе другого, ниспадает до инстинкта животной смысленности и самоохранения?..

Профессор Никитенко.

Поучившись грамоте на медные деньги, мужик берется за книгу Бытия, читает, читает и начитывается, а иногда и «зачитывается»¹. Совершив трудное путешествие, с указкой в руке, до последних пределов псалтыри, где начертано: конец и Богу слава, — казак вооружается пером, пишет, пишет и дописывается до чина, или же «записывается». Грамотность в таком роде довольно обширна между черноморскими казаками, и они известны в кавказской армии, как писаки и дельцы. Но эта грамотность, пишущая *без препинаний* и читающая с трудом, точнее должна быть названа письменностью, про которую некоторый писатель пишет: «чернильная ржавчина точит булат, когда-то страшный туркам и татарам». Просто грамотный человек зовется у казаков «письменным», а пишущий с крючками и без препинаний величается «бумажным» человеком. Бумажных людей в войсковых присутствиях, канцеляриях и комиссиях, и даже в станичных правлениях — много, и перья их скрипят неумоимо, мало уступают скрипу ароб, слышному на закубанской стороне; но печальный опыт показывает, что дело скрипу их не боится и совсем не торопится скрыться в мраке архива, что несравненно лучше быть человеком сведущим, чем бумажно-скрипящим, и несравненно полезнее было бы для общества, если бы молодые годы, посвященные скорописанью,

---

¹ Явление, известное в простом народе, как болезнь, вроде горячки.

мы отдали ученью. Высказывающий эту истину совершенно далек от мысли сказать чрез нее: *несь якоже прочии человецы*. Нет, — он прямодушно сознает, что создан из персти недостатков своего общества, что он сам — «того же теста кныш». И его мелкое и мелкое самолюбие хватают судороги, когда уважение к истине и любовь к родине, — одной малой, как муравейник, и другой великой, как мир, — предписывают ему не брать на кисть светлой краски для изображения вещи темной. Как же мы сделаемся лучшими и как наше положение сделается лучшим, если разумно не сознаем и с честным прямодушием воинов не обличим того, что в нас и у нас дурно? Отцы наши думали сами благоденствовать и нам передать обеспеченное благоденствие в одиночку и втихомолку, в отделе от общества и в тени один от другого; но мы ясно видим ныне, как велика была их ошибка. Вместо благоденствия в одиночку, мы наследовали от них убеждение на опыте, что прочное, переходящее из рода в род благоденствие зиждется только в обществе, а общество скрепляется только обогащением ума сведениями и облагораживанием сердца добрыми стремлениями, — образованием и воспитанием. Неуспешный ход дел в местах, где заключена высшая наша умственная и нравственная деятельность, мы взваливаем на штаты, мы обвиняем их в ограниченности. Но если бы штаты вдруг получили способность оправдываться, что бы они сказали, в свою очередь, про нашу ограниченность? Будем же мало-мальски беспристрастны; пусть стихнет самолюбие, этот недобрый северо-восточный ветер нашей доброй, плодотворной природы, — пусть стихнет и даст нам прислушаться к голосу воспоминаний нашего детства. Слава Богу и Царю-Отцу — теперь не то; но тогда путь к просвещению, что ныне мерцает отчасти в наших канцеляриях и присутствиях, лежал чрез школу приходского дьяка и чрез писарню земского по-вытья, где наше робкое детское перо погружалось в обломок бутылки, заменявший чернильницу. Не был он длинен, этот путь, но шел по скалистой и крутой стороне Парнаса, и был усеян тернием титл, словотитл и кавык. От цветущей долины первых игр детства до чернильной вершины войскового Парнаса, считалось три поприща: граматка, часловец и псалтырь.

Последний шаг на каждом из этих трех поприщ ознаменовывался триумфом. Школяр, делавший победоносный переходный шаг, являлся в обитель науки в праздничном кафтане и с таким большим, как сам почти, горшком каши, приготовленной с роскошью не в пример обыкновенным кашам. На поверхности горшка возлежали дары наставнику: кусок шелковой материи и медный ключ к дверям дальнейшей грамотности — гривна медных денег¹. Это лакомое приношение, как для питомцев, так и для воспитателя, без сомнения, осуществляло изречение, приводимое в пример периода уступительного: хотя корень учения горек, но плоды его сладки. Сблаговолив принять дары и совершив обряд поднятия дароносного отрока за уши, выше стола, с пожеланием: «вот какой расти», учитель повелевал ученикам закрыть книги (что исполнялось с живейшим удовольствием), ставил между невкусной умственной пищей вкусную кашу и погружал в недра символического яства ложку — сам и птенцы его. Яство сие снедалось столь благоговейно, что каждая оброненная из ложки крупинка призывала на небрежно ядущего удар грозной тройчатки, — каковая, для сей именно цели, возвышалась в левой руке наставника над головами детей, как меч Дамокла. Бедные невинные существа получали урок, который, конечно, не удерживался у них в памяти, пока наступало время приложить его к делу, урок, с какой осторожностью и умеренностью надлежит пользоваться благами жизни. По окончании трапезы сам наставник возглашал: «едят убозии и насытятся», и выходил из храма Минервы; за ним в шумном шествии ученики выносили пустой горшок и вешали его на самый высокий кол плетня, охраняющего вертоград просвещения от нашествий невежественных животных. Потом, из того же плетня, запасались они палками, и с расстояния, указанного перстом наставника, разбивали сосуд, еще так недавно услаждавший их вкус. По совершении такого, по-видимому, неблагодарного поступка, будущие казаки бро-

---

¹ Это называлось в старой Франции Minervals. Описываемый обычай мог зайти на Украину, конечно, чрез Польшу. Но замечательно, что этот же горшок с кашей и дарами встречается за Кавказом, в народных школах армян.

сались подбирать черепки, и кто успел нахватать их побольше, тот вявшего удаивался одобрения из уст педагога. И черепки летели в воздух один выше другого: испытывались упругость и метательная сила детской руки. О, где та творческая кисть, которая воспроизвела бы нам сияющий гордым и вместе добродушным самодовольствием лик куренного ментора — корифея и Пиндара этих олимпийских игр, теперь так далеких от нас, казаков стареющего поколения!..

И под грубой внешностью этого школьного обряда не была ли сокрыта разумная мысль о необходимости для детей, призванных к славному поприщу военному, о необходимости образования нравственно-умственного, неразлучно и неразрывно с развитием внешним, с образованием гимнастическим?

На таких именно началах учреждена в Черноморском войске с 1849 года гимназия с благородным при ней пансионом. Сверх общеустановленного курса введены в старшие классы войсковой гимназии военные науки, фехтование, маршировка, стрельба, верховая езда и плавание. В зависимости от этого среднего учебного заведения, благотельно приспособленного к военному призванию общества, существует в Черноморье восемь заведений низших. Из них при двух окружных училищах, в куренях Уманском и Полтавском, учреждены благородные пансионы. Заведение для воспитания детей женского пола предназначено учредить при недавно открытой Мариинской женской пустыни.

Высший класс начинает живо чувствовать потребность воспитания женского пола. Это в естественном порядке и ходе дел. Но как должно быть составлено и направлено общественное воспитание женщины в высшем сословии черноморских казаков? Этот вопрос был затронут и решен еще недавно. При учреждении в Донском войске института для воспитания благородных девиц, в 1850 году, было предназначено в нем до десяти вакансий для дочерей дворян Черноморского войска. Так как дело касалось войсковой казны, из которой должна была производиться плата за черноморских пансионеров, то войсковому начальству сделан был запрос: нужно ли и полезно ли предположенное для дочерей черноморского дворянства ин-

ститутское воспитание? Тогдашний начальник войска, знавший край и общество, как никто другой, и любивший говорить правду с истинно-военным прямотушием и беспристрастием, отвечал следующим замечательным мнением¹:

«Дворяне Черноморского войска не обладают недвижимыми именными, крестьянами населенными, и не имеют никаких фондов, от которых могли получать доходы без личного труда. Напротив, дворянин в Черноморском войске поставлен в обязательство быть лично земледельцем и сельским хозяином, точно так же, как и простой казак, с той только разницей, что первый обязан, соразмерно с большинством своих нужд и потребностей, более трудиться, чем последний: потому-то и для того-то первому дается более земли, чем последнему. В этом и состоит некоторое различие, но отнюдь не отличие в быте дворянина и казака. В сущности же быт обоих одинаков: как тот, так и другой получают только в пожизненное пользование землю, но никаких, кроме личного труда, посредствующих пособий к извлечению для себя пользы из земли».

«Таким образом, беспоместное вообще, дворянство Черноморского войска не имеет других к своему пропитанию и к снаряжениям на службу источников, кроме земледелия и скотоводства, — или, одним словом, сельского, в теснейшем значении, хозяйства: потому что все прочие промысловые статьи в этом краю принадлежат исключительно войсковой казне — источнику удовлетворения нужд войсковых или общественных. Из сего явствует, что дворянин, вне службы, обязан снискивать себе пропитание тем же самым путем, что и простой казак. А как, по роду своей казачьей службы, дворянин часто покидает свое хозяйство и даже свой край, то от этого происходит, что дворянки, или женский вообще пол дворянства, несут большие обязательства по части труда и хозяйства, чем служилый пол мужеский. Уходя на далекую или близкую службу Государеву, здешний казачий дворянин оставляет на единствен-

---

¹ Рапорт исправлявшего должность Наказного Атамана Черноморского войска, генерал-лейтенанта Рашпиля командовавшему войсками Кавказской линии и Черномории, генералу от кавалерии Заводовскому, от 22 февраля 1851 г., за № 643.

ном попечении своей жены сбережение, поддержание и развитие своего хозяйства, равно как и воспитание детей, будущих казаков Государевых. От трудолюбия и рачительности жены исключительно и безусловно зависит благосостояние дворянина и его семьи. Это показывает насушный опыт. Тот же опыт показывает, что если здешний казачий дворянин, разбогатеv, начинает уклоняться от нормального своего земледельческого быта, начинает забывать простоту нравов и образа жизни своих отцов и жить на барскую статью, то в скором времени разоряется, и ближайшему своему поколению оставляет нищету. Все почти войсковые аристократические, богатейшие фамилии 1800-х годов ныне низошли на низшую степень убожества. Не приученные к простоте и трудностям своего быта, потомки таковых разорившихся дворянских фамилий, а по их примеру и многие другие, в позднейшее время достатки свои расточившие, или же вовсе нажить их не старавшиеся, войсковые чиновники начинают ныне делаться тягостным бременем для начальства и общества. Уклоняясь от своего земледельческого быта, они, вне служебных очередей, не находят употребления своему свободному времени и чрезмерно докучают войсковому начальству просьбами, на словах и на бумаге, о том, чтоб им давали должности в службу, — не для должностей и службы собственно, а дабы в должностях и службе обрести им способы к жизни, за неимением других к тому способов. Это явление, постепенно принимающее обширнейшие размеры, я не знаю — до чего доведет так называемый дворянский здешний класс народа, если класс этот совсем выйдет из своей колеи. Первоначальная же причина этого неутешительного явления кроется в недрах семейств, где священное имя матери и хозяйки утратило свое значение. Вообще мы, казаки, до тех пор только можем быть счастливы для себя и полезны для царских служб, пока наш женский пол не предъявит претензий на барство».

«Все это высказано мною к тому только, чтоб показать особенность назначения женщины в быту дворян Черноморского войска, — назначения, которое прямо и положительно заключается в воспитании и приготовлении здешнего дворянского юношества женского пола для труда, хозяйства и рачительного

призрения своих семейств, а не для парадов и удовольствий так называемого изящного света. В таком убеждении, не умозрениями, но действительностью и опытом во мне поселенном, я с глубочайшим благоговением читал в копии отношения Военного Министра к Главнокомандующему Кавказским корпусом от 6 августа 1850 года, за № 678, священные слова Государя Императора: *воспитательное для девиц заведение на Дону должно иметь главнейшею целью образовать для края как бы рассадник благоразумно просвещенных жен, хозяек и, в особенности, матерей, которые, будучи первыми наставницами детей, поселили бы в юных сердцах чувства христианского смирения и благоговения к воле Господней, искреннюю приверженность к православной церкви и неограниченную преданность к престолу; приучали бы дочерей своих к хозяйству, рукоделиям и порядку, согласно с бытом и обычаями казаков».*

«Вот действительное определение назначения женщины в быту народа, которому суждено оружием снискивать воинские доблести, а сохою способы к жизни. Такие христианские качества именно и преимущественно должны быть усвоены сердцам казачек, которые каждый раз, как провожают своих мужей и сыновей на службу, находятся в опасении остаться вдовами и сиротами. И если это было сказано для донцов, которые веками упрочили свое благосостояние, для которых существуют права потомственной земельной собственности, у которых собственного рабочего крепостного народа в полтора раза более, чем всех вообще жителей в Черноморском войске, и которых край находится несравненно в выгоднейшем положении; то тем более должны применить вышесказанное к своему положению и своему быту мы, Черноморцы, которые еще так недавно заселили дикий и негостеприимный край, у которых даже нет других рабочих средств, кроме собственных рук, у которых нет еще ни одного рекомендательного памятника общественного благоустройства. В теперешнем нашем положении и в отношении к тому быту, какой нам Государем Императором указан, дочерям нашим высшего институтского образования не надобно. А тем более не приходится войску, на счет своей казны, которая нужна на другие, существеннее важные предметы, доставлять таковое образование юным казачкам в Донском институте. Следовательно и предлагаемые для Черноморского войска в том институте вакансии войску сему не нужны. Если же кто из немногих за-

житочных здешних дворян пожелает образовать своих дочерей в сказанном институте, таковой волен это сделать на собственный счет. Принимать же на войсковое иждивение образование в оном институте дочерей войсковых дворян — бедных, бесполезно и даже вредно, а богатых несправедливо. Когда же окончательно устроится наша Мариинская женская обитель, в то время, на основании Высочайшего указания, мы будем ходатайствовать об учреждении, под священною сенью той обители, образовательного для нашего казачьего женского юношества заведения на таких началах, какие Государем Императором, в духе истинной мудрости, предначертаны (выше оные изъяснены), и какие нашему домашнему быту, служебному призванию и степени нашей цивилизации действительно соответствуют».

Мнение было принято, и проект об институтском воспитании дочерей черноморских дворян оставлен. Конечно, не будет это мнение забыто и при учреждении воспитательного заведения в Мариинской обители.

Для первоначального обучения детей войскового духовенства существует в городе Екатеринодаре уездное духовное училище, подчиненное Ставропольской семинарии.

Гимназия, с принадлежащими к ней низшими училищами, составляет *Дирекцию училищ Черноморского казачьего войска*, подведомственную попечителю кавказского учебного округа и содержимую на счет войсковой казны, с некоторой добавкой из станичных доходов всех сообща куреней¹.

На счет той же казны войско содержит из детей своего дворянства: 10 воспитанников в отделении восточных языков при Новочеркасской гимназии, 5 в Харьковской гимназии и тамошнем университете, 2 в одной из С.-Петербургских гимназий, 14 в военно-учебных заведениях, 1 в инженерном училище, 2 в лесном институте, 1 в горном и 1 в институте корпуса путей сообщения.

Всех учащихся в заведениях, как в войске, так и на стороне, средним числом 600, собственно казачьего сословия. По числу жителей мужеского пола, того же сословия, приходится один учащийся на 141 человека.

Юные казаки даровиты и восприимчивы, но несколько расположены чувствовать духоту в стенах школы и «тикать» в

---

¹ Училище в г. Ейске содержится из городских доходов.

степь — faire l'école buissonniere, может быть, от того, что растут они в одиночку, по глухим хуторам. Мудрому воспитателю предлежит внимательный уход за этими освещенными южным солнцем и рано расцветающими воображениями.

В пансионах при гимназии и двух окружных училищах учреждены особые вакансии для детей мирных черкесских дворян. Мера благотворная и совпадающая с нравами закубанских горцев. У них дети людей, отличенных родом, воспитываются не там, где родились, но на стороне, в чужих семействах, и как можно дальше от родительской нежности. Отец, когда бывает в том ауле, где воспитываются его дети, не войдет в дом их аталыка (воспитателя), если не захочет покрыть себя стыдом.

Школьное сотоварищество казаков и горцев молодого возраста помогает первым изучать язык последних, преподавание которого введено в гимназический курс. Изучение этого языка для черноморских казаков, поставленных в самые близкие и разнородные сношения с горцами, совершенно необходимо. И надобно сказать, что оно вполне доступно только для детского возраста. Язык горцев черкесского или адигского племени очень не богат числом слов, но очень труден для изучения по выговору. Частые придыхания, скудость гласных и огромное стечение согласных букв в слогах — вот что делает выговор его трудным, — для взрослого человека непобедимым. Этот язык без звуков, кажется, создан только для таинственных переговоров листьев прикубанского осокоя с полуночным ветром, да закубанских хищников между собой, когда они полагают ночное нападение. В пример бедности языка приведем осложнение простого слова *ахгхо* — пастух, *шш-ахгхо* — табунщик, *мел-ахгхо* — овчарь, *чем-ахгхо* — скотарь, *кхгг-ахгхо* — свинопас, *бсж-ахгхо* — пчеловод, буквально — *пастух пчел!!* И из подобных, одно к другому за волосы притянутых, слов большая половина языка составлена. Буйвол и петух в одно ярмо заложены. Редкое существительное не в кумовстве и свойстве со всеми остальными существительными, — к чему много способствует малоколичественность слогов в словах — естественное следствие скудости гласных букв в них.

Адигский язык не имеет письменности, и не легко передать все оттенки его звуков, дыханий и шипений посредством

какого бы то ни было алфавита. В этом отношении он сродни неудобноизобразимому языку Серединного государства. Однако сделаны уже опыты составления для языка закубанских горцев алфавита и грамматики. В какой степени они удачны, покажет само дело. Но замечательно, что еще задолго до того, как язык Адигского племени обратил на себя внимание ученых, та же мысль — сделать его письменным — занимала долго и глубоко одного природного Шапсуга, жившего в верховье речки Богундыра, среди населения, в превосходной степени разбойнического. Дворянин Хаджи Нотаук-Шеретлук (так звали этого замечательного горца, приятельски известного передающему нижеследующий факт) был старый человек, с обширной и белой, как крыло богундырского лебедя, бородой, с добрым и задумчивым взглядом и, что важнее всего, с миролюбивыми идеями, за которые, как сам сознавался, не был он любим в своем околотке. В ранней молодости совершил он путешествие в Мекку, с своим отцом, который, лишившись двух ребер и одного глаза на долголетнем промысле около русских дорог и хуторов, удостоился скончаться под сенью колыбели ислама, немедленно после поклонения. Оставшись сиротой на чужбине, молодой Хаджи Нотаук приютился в одном из медресе правовернейшего города и там провел пять лет в книжном ученье. Наконец вернулся он на родину и женился. Война, слава, добыча не имели уже для него ни малейшей прелести. Предоставив своей наследственной винтовке ржаветь в чехле, хаджи зарылся в книги и сделался моллой, к удивлению всех, ближних и дальних, уорков. «Клянусь, что, во всю мою жизнь, — собственные слова Нотаука, — я не выпустил против русских ни одного заряда и не похитил у них ни одного барашка». Хоть трудно, а надо верить. Под старость Хаджи Нотаук завел на Богундыре медресе, забывая для него пашню и покос, но видел с прискорбием, что его адигские питомцы, прочитывая нараспев арабские книги, не выносят из них ни одной мысли по той простой причине, что книги те писаны не при них, не на их языке. Тогда сеятель просвещения в богундырском терновнике задумал перевести арабские книги на адигский язык и стал сочинять адигский букварь. Но его долгий и упорный труд был прерван и превращен в пепел странным событием, напоминаю-

шим повествование о разбитой чернильнице Лютера, когда он трудился над переводом латинской Библии.

«Долго ломал я свою грешную голову, — личная речь Хаджи Нотаука, — над сочинением букваря для моего родного языка, лучшие звуки которого, звуки песней и преданий богатырских, льются и исчезают по глухим лесам и ущельям, не попадая в сосуд книги. Не так ли гремучие ключи наших гор, не уловленные фонтаном и водоемом, льются и исчезают в камыше и тине ваших прикубанских болот? Но я не ожидал, чтоб мой труд, приветливо улыбавшийся мне в замысле, был так тяжел и неподатлив в исполнении. Сознаю, что не раз я ворочался назад, пройдя большую половину пути, и искал новой дороги, трогал другие струны и искал других ключей к дверям сокровищницы знаков и начертаний для этих неуловимых, неосязаемых ухом отзвуков от звуков. В минуты отчаянного недоумения я молился. И потом, мне чудилось, что мне пособляли и подсказывали, и утреннее щебетанье ласточки, и вечерний шум старого дуба, у порога моей уны (хижины), и ночное фыркание коня, увозящего наездника в набег. Мне уже оставалось уломать один только звук, на один только артачливый звук оставалось мне наложить бразды буквы; но здесь-то я и не мог ничего сделать; на этом препятствии я упал и больше не поднимался. Дослушай. В один ненастный осенний вечер тоска меня гнетила, тоска ума, — это не то, что сердечная кручина, — это жгучей и злей. Я уединился в свою уну, крепко запер за собою дверь и стал молиться. Буря врывается в трубу очага и возмущала разложенный на нем огонь. Я молился и плакал, вся душа выходила из меня в молитве, молился я до последнего остатка телесных сил, и там же, на ветхом килиме молитвенном, заснул.

И вот посетило меня видение грозное. Дух ли света, дух ли тьмы — стал прямо передо мною и, вонзив в меня две молнии страшных очей, вещал громовым словом: Нотаук, дерзкий сын праха! кто призвал тебя, кто подал тебе млат на скование цепей вольному языку вольного народа Адигов? Где твой смысл, о человек, возмечтавший уловить и удержать в тенетах клочок горного потока, свист стрелы, топот бранного скакуна? Ведай, Хаджи, что на твой труд нет благословения там, где твоя молитва и твой плач, в нынешний вечер, услышаны; ведай, что мрак морщин не падает на ясное чело народа, доколе не заключил он своих поколений в вы-

сокоминаретных городах, а мыслей и чувств, и песней, и сказаний своих в многолиственных книгах. Есть на земле одна книга, книга книг — и довольно. Повелеваю тебе — встань и предай пламени нечестивые твои начертания, и пеплом их посыпь осужденную твою голову, да не будешь предан неугасающему пламени джехеннама...

Я почувствовал толчок и вскочил, объятый ужасом. Холод и темнота могилы наполняли мою уну. Дверь ее была отворена, качалась на петлях и уныло скрипела, — и мне чудились шаги, поспешно от нее удаляющиеся. Буря выла на крыше. На очаге ни искры. Дрожа всеми членами, я развел огонь, устроил костер и возложил на него мои дорогие свитки. Я приготовил к заклятию моего Исхака, но не имел ни веры, ни твердости Ибрагима. Что за тревога, что за борьба бушевала в моей душе! То хотел я бежать вон, то порывался к очагу, чтоб спасти мое ответственное сокровище, и еще было время. И между тем, я оставался на одном месте, как придавленный невидимой рукой. Я уподоблялся безумцу, который из своих рук зажег собственное здание и не имел больше сил ни остановить пожара, ни оторвать глаз от потрясающего зрелища. И вот огонь уже коснулся, уже вкусил моей жертвы. В мое сердце вонзился раскаленный гвоздь; я упал на колени и вне себя вскрикнул: джехеннем мне, — но только пощади, злая и добрая стихия, отпусти трудно рожденное детище моей мысли!.. Но буря, врываясь с грохотом в широкую трубу очага, волновала пламя и ускорила горение моего полночного жертвоприношения. Я долго оставался в одном и том же положении, рыдал и ломал себе руки...

На другой день уж весь Богундыр знал о моем ночном приключении, хоть я сам и не говорил про него никому ни слова...»

РАССКАЗ ОДИНАДЦАТЫЙ

Заведения врачебные и богоугодные. —
Учреждения, посвященные подвигам спасения

В Запорожском и, старого времени, Черноморском войске по всем необходимейшим в строении общества должностям или званиям были особые представители, носившие одинаковый с

предводителем войска титул: *войсковой*, то есть один из всего и для всего войска. Был войсковой судья, который чинил суд и расправу; был войсковой писарь, который хранил войсковую печать и рассылал по куреням «листы» (приказы); был войсковой асаул, который заведовал делами полиции; был войсковой «протопопа», который имел попечение о церкви; был войсковой «пушкарь», который заправлял артиллерией; был войсковой «довбыш», который бил в литавры сбор и тревогу, и был даже войсковой «кухарь», или интендант по части продовольствия. Но, к удивлению, не было одного, очень нужного лица, — не было войскового лекаря. Ужели тогдашние казаки были закалены до того, что их не брала никакая болезнь? Нет, это было бы выше человеческой природы. Платили и тогда дань природе, а еще большую дань платили войне: бывали больные и, еще чаще, бывали раненые. Но врачебная помощь не выходила из ряда обыкновенных услуг между односумами, и в каждом односумстве были люди, обладавшие знанием добрых свойств растений и магической силой наговоров. К разряду таких людей принадлежали преимущественно артельщики и кашевары. И дома, и в походе не переводился у них запас лекарственных зельев и снадобьев. Были они люди самых строгих правил, считали за грех дать уголек на трубку из костра, на котором варилась каша, обет безбрачия выполняли ненарушимо и за свою «працю» (практику) не требовали ни воздаяния, ни известности. И, может быть, эта самая скромность была причиной, что в составе войскового штаба не имелось войскового лекаря. Не будем касаться наговоров: темна вода во облацех воздушных. Но лечение травами, в разных видах, была чистая действительность. Самые тяжелые раны излечивались мазями из соков растений. Кто найдет это противным науке и теории вероятностей, может справиться с современным опытом, за которым не нужно дальше идти, как в аулы закубанских горцев; там тот же самый способ лечения ран растительными, жидкими мазями. *Натура*, скажут, сильная, не испорченная натура... Могла лечить и натура, но односумы, как упомянуто, все-таки помогали. Раненому не давали спать около трех суток; у его изголовья стучали в бубен и пели боевую песню. Лежал ли он на биваке или в курене, пред его глазами раскладывали огонь, блеск которого

облегчал тоску, какая чувствуется от потери крови и избытка телесных страданий. Пуше всего не допускали к нему людей с дурным глазом, с излишней, если угодно, восприимчивостью. Ни в каких костераздроблениях не прибегали к помощи хирургии; на конец концов, ей предпочитали смерть. Но если приключался антонов огонь, тогда другое дело; тогда бывали пациенты, что сами себе простым ножом отхватывали ногу или руку. Если нужно было вывести осколки кости из прострела ноги или руки, то вводили в рану волосяную заволочку и дергали ее взад и вперед несколько раз. Больше ли тогда было выздоравливающих или больше умирающих — отчетов не сохранилось; дело хоть и не слишком давнее, да не письменное.

Теперь же народное здоровье в куренях охраняется окружными медиками и лазаретами, которых три: один на Таманском острове, в курене Темрючком, другой на половинном протяжении Кубани, в укрепленном посту Старокопильском, и третий в главном месте Ейского округа, курене Уманьском, — каждый на 25 больных. Кордонная линия находится под попечением четырех участковых врачей, между которыми она поделена на медицинские участки. В войсковом городе Екатеринодаре состоят: войсковой госпиталь на полтораста больных и войсковая аптека. Там же находятся: богадельня, с отделением для умалишенных на 60, и при ней больница на 25 лиц. В здании богадельни устроена церковь. К чести войсковой филантропии надобно сказать, что здание богадельни самое лучшее во всем войске.

В войсковом госпитале бывает больных, в течение года, больше 4000; из них умирает больше 200. В трех окружных лазаретах бывает больных до 3000; из них умирает тоже больше 200. Окружные лазареты помещаются с меньшими удобствами, как войсковой госпиталь.

По войсковому штату предназначена к открытию еще одна богадельня. Место для нее указано на Лебежем полуострове, при Николаевской монашеской пустыни, основание которой почти современно поселению Черноморского войска на Кубани. По единодушному желанию новосельцев, одинаково преданных православной вере, и у порогов Днепра, и у низовьев Кубани Николаевская пустынь учреждена в 1794 году, — «для доставления престарелым и раненым на вой-

не казакам, по богоугодному их желанию, спокойной в монашестве жизни». Содержание же пустыни отнесено «во всем без оскудения, на попечение и иждивение войска Черноморского»¹.

Боевые люди и переселенцы, едва занявшие новый край биваком, думали уже о сооружении и содержании монашеской обители! Чтоб пояснить мало-мальски эту особенность, надобно сказать, что у черноморцев старого времени церковь сливалась с войском, и духовенство составляло нераздельный с остальным казацким сословием элемент. Казаки назначали из самих себя священников и причетников, которых кошевой атаман передавал епископу Феодосийскому для испытания и посвящения. Это была одна из давних привилегий войска². Нужно ли говорить, что при действии такой привилегии многим заслуженным казакам, сжегшим не одну лядунку пороху на войне, доставалось еще вжигать кадило у алтаря? И как все казаки того времени, старый и малый, брили голову, то случалось, что назначенные в «пан-отцы» кандидаты являлись к архиереям на постриг с одной «чуприной» — небольшим пучком волос на голове.

Николаевская пустынь получает от войска денежного жалованья 522 руб. 50 коп. в год и обеспечена значительным хозяйством, заключающимся в рогатом скоте, лошадях, рыбных ловлях, водяных мельницах, садоводстве и пчеловодстве. Для присмотра за хозяйством наряжаются от войска эконома и команда из шестнадцати внутреннеслужащих казаков. Монашествующей и послушествующей братии в обители до сорока лиц. В числе старцев можно еще отыскать участников очаковского штурма.

Из монастырских сооружений замечательна каменная соборная, четырехпрестольная церковь по обширности размеров, величию архитектуры и внутреннему благолепию едва ли не первое на всем Подкавказье здание. Сооружение и внутреннее украшение ее стоило до полумиллиона рублей восьмисотых годов. Вся эта сумма составлена была из войсковых и частных приношений казаков. В монастырской ризнице находятся старинные облачения, книги и утварь, перешедшие по наследству в Черноморское войско из упраздненного Киево-Межигорского монастыря, которого

¹ Указ Государыни Екатерины II Святейшему синоду, от 24 июля 1794 г.

² Она отменена окончательно войсковым положением 1 июля 1842 года.

войско Запорожское было «вкладчиком», а кошевой атаман того войска «ктитором». Посетив ризницу, можно остановить внимание на следующих, почтенных по своей давности предметах¹:

Крест кипарисный, оправленный в серебро, с серебряным пьедесталом. Надпись: «крест отменил (отказал) казак Поповичевского куреня Софроний 1769 года в Межигорский монастырь».

Евангелие, московской печати, с резной по серебряной оправе надписью: «1766 г. м. августа сделано сие евангелие в ставропигиальный Киево-Межигорский монастырь коштом того ж монастыря ексlesiарха Василия Завадского».

Серебряный, вызолоченный сосуд, с надписью: «1753 г. сия чаша дискос и звезда К.М.М. (Киево-Межигорского монастыря) сделана коштом иеромонаха Феодорита».

Серебряный дискос, с надписью: «За благословением о. архимандрита Арсения Бирла сделася сей дискос до мон. спаского Межигорского в р. (року) 1725 февраля 26 д.»

Митра красного бархата, с шестнадцатью серебряными бляхами и с таким же обручем. Надпись на обруче: «1711 г. Божиею милостью смиренный Варлаам Косовский епископ иркуцкий и нерчинский и даурские страны из Межигория».

Евангелие, московской печати, 1687 года, в серебряной оправе. Весу в серебре один пуд десять фунтов, с золотниками. Рукописная надпись: «Сию книгу великий господин всесвятейший кир Иоаким Московский и всея России и всех северных стран патриарх даде в Киевской Межигорской общежительной монастырь, в вечное поминовение по родителех своих, лета от рожд. Иисус Христова 1689, м. дек.».

Риза красного штофа, с золотыми и шелковыми травами. Оплечье красного бархата и на нем вышито золотом и серебром Преображение Господне. Надпись шитая: «Помяни Господи раба своего Кондратия и рабу свою Меланию и чад их. Кошту Яна Настича року 1661. М.А. Z».

Евангелие, московской печати, 1644 года, в серебряной оправе. Рукописная надпись: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.

---

¹Приведением в порядок ризницы и устройством своим, по всем частям, пустынь много обязана неусыпной заботливости нынешнего достопочтенного отца настоятеля, архимандрита и кавалера Никона.

Сие св. тетраевангелие, оправное властным коштом и накладом в Бозе превелебного его милости господина отца Варнавы Лебедевича игумена и всея о Христе братии св. общежительные обители Межигорския Киевския дарованное и оферованное на престол в храм трисвятого Преображения Вседержителя Господа Бога тое ж святой обители вечными часы за отпущение грехов своих...»

Апостол (книга) «Во граде Киеве накладом Е. М. (его мосци) пана Богдана Стеткевича подкоморного мстиславского, в типографии Спиридона Соболя року 1630».

«Евангелие учительное, або казаня на недели и праздники Господские, Кирилла Транквиллиона, в Рахманове, 1628 года».

Риза красного бархата, с золотыми травами. На оплечье вышиты золотом и серебром лики Спасителя и некоторых святых. Надпись шитая: «Року 1625 сии ризы надал раб Б. Григорий Дос в обитель Межигорскую при отце игумене Комментарии».

«Евангелие учительное, або казаня св. о нашего Каллиста архиеп. Конст. пред двема сты лет по кгрецку написанных, а теперь новозгрецкаго и славянскаго языка на русский переложены працею и старанием иноков общежительного монастыря братскаго Виленскаго св. животворящаго Духа, року 1616».

Из представленных образчиков ризничной старины видно, что в Николаевской пустыни живет память существовавшего в Киеве Межигорского монастыря, с которым связаны воспоминания Черноморского войска.

В день св. Николая, 9 мая, и в день Преображения Господня, 6 августа, в дни, бывшие храмовыми праздниками в древнем монастыре Межигорском, бывают и в Николаевской пустыни храмовые праздники, на которые стекаются со всех концов Черноморья, Земли Кавказского войска и Ставропольской губернии мошельщики и говельщики. За ними следуют, в своих громоздко-наложенных кибитках, ярмарочные торговцы. Недосыгаемые вервием, изгнавшим торжников из храма соломонова, они прикрепляют к стенам монастыря свои подвижные балаганы, как пауки свои паутинники, и располагаются с товаром. В оба праздничные дня, по окончании молитвы внутри обители, открывается у ворот ее ярмарка. Это в нравах на-

рода: так от этого не падает никакой тени на молитвенное его прибежище.

Учреждение мужеской иноческой обители было выражением усердия к вере первобытного Черноморского войска, половину которого составляли неженатые товарищи, «сиромы» (взрослые сироты), только что призванные тогда грамотой Государыни ЕКАТЕРИНЫ¹ «к распространению семейственного жития». С той поры протекло больше половины века, и благопечительная воля Матери Царицы² достигла конечного исполнения. Из бездомного, бессменно ратующего товарищества, при подошедшем к нему в подмогу, семейном народонаселении Малороссии, Черноморское войско преобразилось в семейное, военно-гражданское общество. Утратив без сожаления сиротский быт своих дедов, оно сохранило, как лучшее от них наследство, благочестивое усердие к православной вере. И это чувство выразилось вторично и в позднейшем населении набожным желанием основать в пределах войсковой земли монашескую женскую обитель. Событие недавнее; вот его подробности.

В 1846 году казачки, посвятившие себя иноческому житию в разных монастырях Малороссии, навестили Черноморье с скорбным сетованием о несуществовании на родной их земле иноческого для них приюта. Их благочестивый, если позволено так выразиться, ропот, подкрепленный народным сочувствием, подвинул войсковое начальство сделать представление об учреждении на Черноморье женской общежительной пустыни, во имя св. Марии Магдалины, драгоценное казакам имя, носимое Августейшей Супругой порфирородного Атамана казачьих войск в то время. Согласно с предначертаниями войскового начальства, в Военном Совете состоялось положение об учреждении сказанной пустыни на следующих основаниях:

«Пустынь предназначается для лиц женского пола, собственно войскового сословия.

---

¹ От 29 июня 1792 года.

² Так казаки старого Черноморья именовали во всех случаях, частных и официальных, Государыню Екатерину II.

Для устройства сей пустыни, и вообще для ее довольствий, отвести пустопорожнее, принадлежащее войску место на реке Керпилах, в количестве 171 десятины и 35 десятин под водами, земли.

Сооружение обители, с церковью и прочим, по планам, какие будут Высочайше утверждены, производится на счет добротных приношений и пожертвований.

В пособие на этот предмет от войска, отделить из войскового капитала 20 тысяч руб. сер., которые внести в одно из кре-

		Им жалованья сер. в год			
		Одному		Всем	
	Число лиц	руб.	коп.	руб.	коп.
Игуменя	1	48	—	48	—
Казначая	1	18	—	18	—
Монахинь	15	9	—	135	—
Священник	1	130	—	130	—
Дьякон	1	86	—	86	—
Причетников	2	20	—	40	—
Просвирня	1	13	—	13	—
Служителей из казаков внутренней службы, для присмотра и хозяйственных занятий по обители	8	—		—	
	30	«	«	470	—

дитных учреждений. Проценты на этот капитал, в течение 20 лет, предоставляются пустыни; по миновении же 20 лет, 20 тысяч руб. сер. обращаются в войсковые суммы и, вместе с тем, прекращается отпуск пустыни процентов.

В штате обители должны состоять:

Исчисленные по штату 470 руб. сер. в год, а также провиантское довольствие служителям из казаков внутренней службы производится, со времени открытия обители, из сумм Черноморского казачьего войска.

На поддержание зданий обители и ризницы обращать исключительно кошелевые и от свечной продажи вырученные деньги.

Пустыни предоставляется собственными средствами добывать для своего обихода, на ближайших войсковых озерах, до 300 пудов соли, с платою установленной в пользу войска акциза.

В иерархальном, церковном, хозяйственном и во всех других отношениях обитель состоит в непосредственной зависимости от духовного ведомства, на общих правилах.

Жителям войскового сословия дозволяется отдавать на воспитание в обитель детей женского пола, по взаимному соглашению родителей с инокинями. Впоследствии же, когда обитель получит прочное основание, предоставляется начальству войти с особым представлением об учреждении при ней женского пансиона».

Такое положение Высочайше утверждено в 11 день декабря 1848 года. В следующем, 1849-м году назначена в Мариинскую пустынь первая настоятельница игуменья Митрофана (в мире есаульша Золотаревская) и совершено заложение обители на левом берегу Керпилей, между куренями Тимошевским и Роговским.

Ревностная к богоугодному делу, как природная казачка, мать Митрофана не замедлила положить начало устройству обители и соорудить в ней деревянный храм. В прекрасный апрельский день 1850 года на лоне расцветшей степной весны последовало освящение новосозданного храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы. То был день, с которого Мариинская обитель начала свое неусыпное молитвенное бытие. И первая молитва новой обители была за Благочестивейшего Государя, учредителя ее, и за Августейшего Атамана и Супругу Его, имя которой соединилось навек с существованием святого учреждения.

Не *трубя пред человеки* о щедрых пожертвованиях, принесенных добрым казацким народом в основание Мариинской пустыни, скажем несколько слов о том значении, с каким яви-

лось между казачьими станицами это духовно-нравственное учреждение.

Прежде всего, здесь обретут молитвенное утешение и нравственное успокоение от бремени мирской жизни старицы и вдовы, потерявшие на защите отечественного порога своих кормильцев и помощников, или же понесшие другие невозвратные утраты в краю, стольким лишениям подверженном. *Придите ко мне*, так зовет их это духовное пристанище, *все труждающихся и обремененных, и аз упокою вы.*

Потом, при несуществовании в войске женских учебно-воспитательных заведений, ни общественных, ни частных, новоучрежденная обитель будет служить первым рассадником воспитания женского юношества, по началам местного быта, подобно тому как войсковая мужская пустынь в прежние годы была для казацких куреней первой исполнительницей творческого слова Государя Александра Благословенного: «да будет свет и в хижинах!»

Наконец, православная спасительная вера обрела в новой обители оплот на этом далеком рубеже страны православия, где еще так недавно положила свои оплоты победительная военная сила наша. Какое отрадное для верного сына церкви и отчизны зрелище: здесь сторожевая вышка, освещающая темные тропинки хищного неприятеля, а там, на одной высоте с нею, крест, сияющий духовным «светильником, на верху горы стоящим». В вечерние сумерки и на утренней заре несутся по дикопустынным берегам Кубани до самого моря и военное «слушай!», вызывающее бдительность, и церковный благовест, призывающий к молитве. Они сливаются в один говорящий русскому сердцу голос, и далекое эхо по ту сторону Кубани вторит им воплем побежденного Батыя: велик русский Бог!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Начало существования Черноморского войска. — Гражданско-военное устройство. — Состав военных сил. — Образ службы. — Отличительные военные качества. — Одежда и вооружение

В 1775 году, непосредственно после усмирения бунта в Яицком войске, положен конец существованию Запорожской Сечи на Днепре. На требование правительства сложить оружие часть Запорожцев дерзнула отвечать непослушанием и бежала на лодках вниз по Днепру искать преступной службы у султана; большинство же покорилося приговору, произнесенному правительством, и разошлось по ближайшим губерниям для приписки к мирным сословиям.

Немного спустя по договору, заключенному с Турцией в 1783 году, река Кубань объявлена нашей границей со стороны турецких владений на Кавказе. Имело ли правительство в виду заселение новой границы народом, приученным к войне, или предвидело новую войну с турками; но только оно обратилось к бывшим запорожским казакам с призывом на службу по старому казацкому уряду, только не на старом месте. Крым уже был наш. Призыв нашел много сочувствия в тех, к кому был

обращен: разбросанные сечевики охотно стягивались на сборный пункт между Днестром и Бугом, и к 1787 году из них составилось войско в двенадцать тысяч вооруженных и снаряженных для службы казаков. В то время вспыхнула война с Турцией, известная у черноморцев под именем «очаковского розмиру», и продолжавшаяся более трех лет. Новое войско получило мундир¹, артиллерию, знамена, булавы и другие знаки, и явилось на театр войны под неопределенным еще именем «коша верных казаков»², отличавшим его, на первый раз, от другого коша, отложившегося к султану и заклеяменного другим, приличным бунту и измене, именем.

Кош верных казаков, разделенный на *зиму* и *лето*, то есть на конницу и гребную флотилию, служил с одинаковым рвением и мужеством как на сухом пути, так и на воде, во все продолжение тогдашней войны, а с окончанием ее получил имя «верного войска Черноморского», был осыпан царскими милостями, напутствован на свое кавказское новоселье грамотой и хлебом-солью от Матери Царицы и перебрался на Кубань окончательно в 1792 году. *Зима* двигалась сухим путем, а *лето* водой, по Черному морю. В обоих прибыло на новую Украину под ружьем около тринадцати тысяч человек.

С переселением Черноморского войска на Кубань перешло с ним старинное сечевое устройство — кош и курени. Кош, с его кошевым атаманом и большим знаменем, представлял феодалного воеводу, а курени, с их куренными атаманами и малыми хоругвями, стояли на ноге вассальных дружин. Такой уряд продолжался около десяти лет, и это время обозначается в воспоминаниях казаков лаконизмом: *до полков*. Про это время можно высказать одно замечание: могли быть тогда у казаков предводители, не могло быть командиров; могли быть повинование и увлечение, не могло быть дисциплины. Можно высказать одно это замечание, а про другое что-нибудь, про то, например, как пра-

---

¹ Для конницы: синего цвета кунтуш, с отброшенными за спину рукавами, и красный исподний кафтан. Для пехоты: кунтуш темно-зеленого, а исподний кафтан белого цвета.

² *Кош*, собственно притон, означал главную квартиру войска, elat majog.

вил кошевой, как пополнялась убыль в куренях, как вырастали казаки *из падалищ*, как властвовала и интриговала войсковая старшина, то есть войсковая олигархия, и с какими вспышками угасало запорожское своеволие — лучше умолчать. С воцарением Александра Благословенного войско получило новое устройство, главные основания которого остаются донные.

Сообразно с двойственным состоянием казака, поселянина и воина, войско имеет двойное учреждение — гражданско-военное. По гражданской и по военной частям, в совокупности, управляет войском наказный атаман. Он состоит в правах и обязанностях гражданского губернатора и начальника дивизии. Как Черноморское войско входит в состав кавказской армии, то наказный войсковой атаман подчиняется главнокомандующему кавказской армией и наместнику кавказскому, находясь в ближайшей зависимости от командующего войсками правого крыла Кавказской линии. Учреждения, посредством которых атаман управляет войском, составляют две параллели, соприкасающиеся на многих точках и сливающиеся в последней, ближайшей к казаку инстанции — станичном правлении. Параллель гражданскую составляют: войсковое правление, совмещающее в четырех своих экспедициях предметы действий губернского правления, гражданской палаты, палаты государственных имуществ и казенной палаты, с прибавкой частей провиантской и комиссариатской; потом окружные суды (уездные суды и уездные казначейства); ниже их сыскные начальства (земские суды); и наконец станичные правления. Военную параллель составляют: войсковое дежурство с начальником штаба; при нем военно-судная комиссия, заменяющая палату уголовного суда; потом окружные дежурства, с начальниками военных округов, и при них военно-судные комиссии; наконец, опять станичные правления. По обоим параллелям вместе войсковой атаман — высший распорядитель, а станичные атаманы — низшие исполнители.

По военно- и гражданско-медицинской части войсковой атаман действует чрез войсковую врачебную управу, которой одинаково подчинены как гражданские, так и военные медицинские чины, врачебные и богоугодные заведения.

По управлению таможенной заставой портового города Ейска начальнику войска присвоены права и обязанности таможенного окружного начальника.

По управлению кордонной линией и мирными горцами, соседственными с Черноморьем, равно как по заведованию не принадлежащими войску, но в нем находящимися учреждениями и чинами провиантского комиссариатского и артиллерийского ведомств, атаман носит звание командующего Черноморской кордонной линией.

По гражданскому и военному, в совокупности, учреждению своему войско разделено на три округа: Екатеринодарский, Таманский и Ейский. Окружные власти первого из этих округов находятся в городе Екатеринодаре, второго в курене Полтавском и третьего в курене Уманьском.

За исключением портового города Ейска и немецкой колонии Михельсталь, все жители Черноморья принадлежат к военному состоянию, из которого не могут переходить ни в какие другие состояния в государстве.

Военную силу войска составляют: 1 дивизион лейб-гвардии, 12 полков конных, 9 батальонов пеших, 3 батареи конной и 1 рота, в тройном составе, пешей гарнизонной артиллерии.

Кроме полевой и гарнизонной артиллерии, находятся еще три конно-ракетных батареи, по восьми станков в каждой. Они состоят при конных полках, и для действия ими приучаются люди из полков. Особенных же личных составов для них не положено.

Полки шестиэскадронного, батальоны четырехротного, батареи восьмиорудийного составов. В тройном составе гарнизонной артиллерийской роты, размещенной по всему протяжению кордонной линии и пограничных куреней, числится 607 человек и 65 орудий, разного калибра и происхождения, на крепостных, полевых и неопределенных лафетах. Всех же чинов: в коннице более 11 тыс., в пехоте около 10 тыс. и в артиллерии более 1200; итого более 22 000 человек. Полевых медных артиллерийских орудий 24.

Сверх того находится в гарнизоне перечисленных из полевой во внутреннюю службу: урядников до 250 и казаков более

5000 человек. В нужных случаях они являются на линию наравне с чинами полевой службы.

По числу жителей мужеского пола, приходится на каждые 60 душ около 25 служивых чинов.

До 1810 года войско имело свою гребную флотилию, которая крейсировала у северо-восточного берега Черного моря и по низовым лиманам Кубани. В этом роде службы черноморские казаки слыли отличными воинами и потому были употреблены на лодках еще в предпоследнюю турецкую войну 1828 и 1829 гг., в продолжение которой особенно отличились под Браиловым.

Полки и батальоны имеют знамена. В полках и батареях употребляются трубы, в батальонах горны и барабаны. Кроме того, войско содержит хор военной музыки и хор певчих. Последний известен как лучший хор на Кавказе.

Как отправление должностей по войсковым правительственным, распорядительным и судебным учреждениям, так и командование строевыми частями возложены на офицеров из природных казаков, которые поэтому и должны быть одинаково способны к мечу и перу. Одного указа войскового правления достаточно, чтоб начальник сотни или роты перенесся на место начальника стола, хотя — нехотя¹.

Казак служит обязательно двадцать два года в полевой и три года в гарнизонной по войску службе. Офицер подчиняется тому же правилу, и притом ни тот, ни другой безусловной отставки не получают, но обязываются и в самой отставке соблюдать готовность для полевой службы, когда особенные обстоятельства того потребуют. Правилами войскового положения строевые части войска по всем трем родам оружия рассчитаны на три смены; но военные обстоятельства, большею частью, сводят на две. За исключением гвардейского дивизиона, каждый из эскадронов которого служит три года и столько же бывает на льготе, все остальные части сменяются погодно. Отслу-

---

¹ Одни только чиновники юстиции, финансового контроля, карантинного и почтового ведомств — сторонние. Лекаря и аудиторы могут быть из казаков.

жив очередь, воздав кесарево кесарю, казак весело возвращается к своим пенатам и находит под углой камышовой крышей лучшее из благ земных — радость семейной встречи и простоту патриархальной жизни. Ему сладки самые труды и заботы, из которых истекает жизнь его семьи. В день отдыха и молитвы весело блестит на его низменном «сырне» дедовский кубок. Так блестит его совесть и пройденная служба. Окружив себя детьми, чтобы поделить между ними плоды, возвращенные из новых семян, он рассказывает им длинную повесть про тот далекий и чудный край, откуда в пороховом газыре вывез он новые семена. Остроглазые крикуны слушают и не шевельнутся, — и тут западают в них первые зародыши казацкой сметки и бойкости про все случайности дня и ночи на военном поле...

Полки, батальоны и батареи Черноморского войска постоянно сохраняют свои личные составы. При сменах с очередных служб они не разрушаются, как это бывает в других казачьих войсках, удаленных от границы, но, можно сказать, размещаются только по кантонир-квартирам, имея характер войск постоянных. Поставленный на такую ногу, преданный душой и телом службе Царской, Черноморец переходит без запинки с недожатой нивы на походный бивак. В военную заповедь обратилась для него поговорка: «як дзвонять, так свьято».

Казак снаряжается для службы из собственного достояния: конем, сбруей, амуницией, обмундированием и холодным оружием; одним огнестрельным оружием он снабжается на счет войсковой казны¹. Если казак благоденствует в домашнем быту, то и на службу является исправным и бойким молодцом. Хорош на гумне, хорош и на войне.

Рассадники строевого в войске образования служат: для конницы гвардейский дивизион, для пехоты и артиллерии команды, посылаемые от батальонов и батарей, по примеру регулярных войск, в образцовый пехотный полк и в состоящий при образцовых войсках дивизион лейб-гвардии донской казачьей конно-артиллерийской батареи.

---

¹ Гвардейцы имеют одних только лошадей собственных, а все остальное получают от комиссариата, с некоторыми пособиями от войсковой казны.

По всем трем родам оружия Черноморское войско имеет свои неотъемлемые достоинства.

Воно хоч, бачиш, и негарне,
Як кажут то нелегулярне,
Та до війни самий злий гад¹.

Совокупность всех главных родов оружия, а особенно неутомимость, стойкость и отличная стрельба пехоты сообщают Черноморскому войску в войне с горцами значительную самостоятельность: оно в состоянии содержать полевые укрепления в самом сердце непокорного населения гор и делать легкие экспедиции в горы без поддержки другими войсками. На всем протяжении линии от Анапы до Усть-Лабы, по несколько лет сряду, не бывает регулярных войск.

Отдавая должную справедливость пехоте этого боевого и трудового войска, следует заметить, что конный черноморский казак уступает пальму превосходства своему соседу и сподвижнику, Кавказскому линейному казаку. Отчего? Вот вопрос, на который нельзя отвечать в немногих словах. Ограничимся указанием на обстоятельства, более очевидные. Отличительные ли черты местности, или первобытные распорядки и привычки внесли разницу в образ содержания одной и той же линии кавказскими и черноморскими казаками. У первых сжатость, подвижность и налет, и оттуда сила удара, если противник под него подвернулся, если ж увернулся — промах; у последних — растянутость, раздробленное и неподвижное выжидание неприятельского нападения на всех пунктах, где только оно признается возможным и вероятным. Там гонка за зверем, вышедшим на чистое место, а здесь облава в закрытом месте на зверя, еще не поднятого. У кавказцев вход черкесу подчас широк, да выход тесен; у черноморцев наоборот. Лучший судья, опыт, обнаруживает недостатки и той, и другой системы. Была темная ночь или был туманный день: кавказцы поздно вато заметили

---

¹ Шуточная, но тем не менее верная заметка про казачье войско родича Черноморцам, автора Перелицованной Энеиды.

неприятеля и налетели, когда уж след его простыл, — а после их они вовремя, несдобровать бы хищнику; черноморцы рано заметили, нащупали на самой переправе и следили неприятеля, да ничего ему не доказали. Вообще же, если кавказская линия часто пропускает хищников в широкие ворота между своими сильными *лезертами*, то еще чаще накрывает и поражает, или, по принятому в кордонных донесениях выражению, «наказывает» их; а черноморская линия, с густой, но тонкой цепью своих *бикетов* и *залог*, только замечает, останавливает и заставляет воротиться без успеха, но не наказывает хищников. Из двух горцев, возвратившихся в одно время с кавказской и черноморской линии, один говорит: «благодарение аллаху: едва, едва, убрался», а другой: «не удалось — надо еще отправиться». А как кордонная линия служит казакам школой для большой войны, то кавказская система имеет то важное преимущество, что развивает в казаке наездничество и удалство — качества, менее доступные конному черноморскому казаку, часто разлученному с конем и коснеющему в засаде, или на определенной точке неподвижного караула. Эти же качества придавлены в нем самым его вооружением, обмундированием и седловкой коня. Конный черноморский казак вооружен ружьем, пистолетом, кинжалом, шашкой и пикой. Всего этого слишком много. Что же касается последнего длинного оружия, то о нем у казаков спор. Приверженцы старины стоят за пику и, кажется, по одной только привычке по старинной прибаутке: «казакові без ратища, як дівчині без намиста» (казаку без пики, как девушке без ожерелья). Молодое поколение бросает остракизм против пики, потому что не видит подвигов, совершенных пикой, и, что еще важнее, не замечает в горах никакого страха к этому богатырскому оружию, страшному только в известном месте и при множестве известных условий. Действительно, не приученному к строю всаднику, у которого только и власти над конем, что легкая уздечка, который лишен даже пособия шпоры, трудно совместить ружье и пику. Одно другого длиннее, и одно другому помеха. Воинственные народы Азии, как, например, курды, при пике не употребляют ружья, а при ружье ограничиваются коротким холодным оружием. К последнему разряду

принадлежат: грузины, карабахи, карапахи и все кавказские горцы. Кавказские казаки последовали примеру кавказских горцев и не имели еще случая желать большей длины своему холодному оружию, не только дома, но даже в Анатолии, в сшибках с турецкими уланами, у которых пики очень длинные. Если бы Черноморскому конному казаку предоставлено было выбрать между ружьем и пикой, то он не расстался бы с ружьем, потому что оно ему родное оружие, — он стрелок по природе. Только он попросит себе хорошее ружье. Когда случится ему видеть мастерской выстрел, он обыкновенно хвалит ружье, но никак не стрелка. «Добре ружжо» — в этих словах вся дань удивления, какую только можно исторгнуть у него искусной стрельбой. Ему и в голову не приходит, чтоб из порядочного ружья могла быть плохая стрельба. Доверие к огнестрельному оружию доходит в нем до степени нравственной боевой силы; ни пред каким блеском шашек его рука не дрогнет и глаз не обмишурится, если в руках у него ружье испытанной верности. Да, такому всаднику, с добрым ружьем, нетрудно наверстать короткость холодного оружия. Выпутавшись из-под пики и сбросив тяжелый чобот, и он стал бы спешиваться, как линеец, пред сильнейшим неприятелем, вместо того чтоб утекать от него. Первое очень не нравится горцам, а последнее неизреченно любят они. В тысяче случаев линеец отстоял и отличил себя спешиванием, а возможностью спешиваться так быстро, как это нужно под соколиным налетом черкес, он обязан своему вооружению и остальному снаряжению, в том числе даже — ноговице и чевяку. Взяв у черкеса вооружение, одежду, седловку и посадку, вместе с тем он усвоил себе живость и удаль своего противника. Много значит, если казак *любит* свою одежду и вооружение, а линеец их любит. И кто не знает, что с одеждой и ухватками переходят дух и нравы? Пророк, воспаривший к небу, передал преемнику свою силу в своей одежде. Вполне применяясь к местным обстоятельствам, так важным в военном деле, старинные казаки, народ православный, не без достаточных причин принимали одежду, вооружение и даже басурманскую наружность своих соседей — недругов. Запорожцы одевались, вооружались, седлали коней и даже брили себе голову,

как крымские татары. Чтоб стать барсами для крымских гиен, они подходили к ним хамелеонами.

Если казаки стареют, два средства освежить их: или пересадить на новую почву, или радикально изменить вооружение и одежду. Старое должно исчезнуть сразу. Колебание может произвести только обратное действие. Не каприз, а обдуманное решение надобно видеть в том, что Фридрих Великий, дав своему войску новую одежду, старую тотчас жёсжег.

Если казацьи войска Черноморское и правофланговое Кавказское, соответственно единству содержимой ими линии, тождеству их стратегического положения, домашнего быта и служебного призвания, будут слиты в одно войско, хорошо управляемое, доблестное и грозное неприятелю, то первое, по своим отличительным качествам, составит из себя исключительно стрелковую пехоту и артиллерию, а последнее легчайшую в мире конницу — ураган легкой кавалерии.

Вседневную одежду конного черноморского казака составляют: обыкновенная военная шинель, как показывает опыт, не заменяющая черкески, полушубка и бурки, и потому прибавляющая лишнюю тяжесть к седельному вьюку; черкесская шапка с красным верхом и синие шаровары. При этом синяя черкеска, с жестяными газырями (нагрудным патронником), красный стамедовый бешмет (исподний кафтан), с суконным того же цвета, застегнутым на крючки воротником, составляют мундир. На гвардейском казаке синий суконный исподний кафтан и красная верхняя черкеска, которой рукава отброшены за спину. В этом мундире соединились для черноморского казака его прошедшее и настоящее: сзади кунтуш гетманской Украины и спереди боевой наряд Кавказских гор. Вообще же в форменной одежде строевых частей Черноморского войска выразилось колебание между одеждой кавказских гор и одеждой казацкой старины. Мундир артиллериста тот же, что и конного казака, только черкеска и шаровары темно-зеленого, а бешмет черного цвета. Вооружение его составляют: пистолет, шашка и кинжал.

Офицерский мундир в коннице и артиллерии, сохраняя тождество с казацьим, отсвечивает блеском галуна, в коннице

серебряного, в артиллерии золотого, — покрывающего шапку, грудь, полы и карманы.

Пеший казак одет в синий короткий, застегнутый на крючки кафтан с красными погонами и с жестяными на груди газырями. Шапка и шаровары те же, что в коннице. Через левое плечо у него патронташ, чрез правое ранец. Он вооружен легким ударным ружьем, с штыком, который, отмыкая от дула, носит на поясе спереди вместо кинжала. Пластуны, или застрельщики, вооружены нарезными штуцерами, к которым примыкаются известные тесаки.

В коннице, пехоте и артиллерии офицеры вооружены пистолетом, шашкой и кинжалом. Газыри, португеза шашки и пояс у конных и пеших серебряные, у артиллерийских золотые.

Прежнее вооружение пешего казака состояло из длинной винтовки (терновки, литовки, арнаутки и других наименований) и короткого суковатого копья, «подсоха». Во время перестрелки казак втыкал свой подсох в землю, клал ружье на один из его сучьев и стрелял не так проворно, но верно. В ручной схватке он забрасывал винтовку за плечо и встречал неприятеля острым дротиком подсоха.

Хотя пехота и конница резко отличены обмундированием и вооружением, но офицеров имеют они *общих*. Если оказывается недостача офицеров в пехоте, то они переводятся туда из конницы, и наоборот.

Такие переводы бывают довольно часты и делаются по усмотрению войскового дежурства, которое следит за балансом чинов во всех трех родах оружия. От этого происходит невольное переселение офицеров из службы одного оружия в службу другого, из одного мундира в другой. Такое шаткое и неточное положение офицеров, сколько неудобно для них самих, столько же невыгодно для службы. Оно может измениться не прежде, как с установлением особых линий чинопроизводства по пехоте и коннице, отдельно, как это уже сделано по артиллерии¹.

---

¹ Для офицеров, состоявших по войсковому управлению, военному и гражданскому, установлена особая форма одежды, во всех казачьих войсках одинаковая. Это кафтан темно-зеленого цвета, донского покроя, с

Вне строя, в походном и домашнем быту, казаки носят черкесскую одежду, предпочитая ее своей форме как за легкость и удобство покроя, так и за прочность сукна. В черкесской одежде, как бы тепло ни оделся казак, он одинаково будет поворотлив и проворен. Черкесская одежда и сбруя, черкесское оружие, черкесский конь составляют предмет военного шегольства для урядника и офицера. Вообще все черкесское пользуется уважением и предпочтением между казаками. Да оно и справедливо: «что хорошо выдуманно, то полезно и перенимать». В похвалу изобретательности и тонкому вкусу черкес следует сказать, что у них, не только воинское снаряжение, но даже земледельческие орудия, не только подсошки при ружье, но соха и вилы на гумне, отличаются легкостью, удобством и приятной отделкой¹. На самых пустых мелочах, выходящих из их рук, лежит грациозный отпечаток. Присоединив к этому их утонченный этикет, их уважение к женщине, пороховую воспламеняемость их самолюбия, наконец их физическую и нравственную легкость, мы не решимся противоречить тем, которые между адигами селят бургундских и лотарингских крестовосцев, — и поспешим кончить наше сухое описание казацких доспехов отрывком картины, нарисованной кистью народной черноморской поэзии:

Иде козак на Кубань
Знаряженный, мов той пан:
Кінь жвавий,
Сам бравий,
Хват неборак.

красным воротником; при нем темно-зеленого же цвета шаровары. По борту кафтана и по наружному шву шаровар красный кант. Шапка та же, что в строевых частях, но только с черным, а не красным верхом.

¹ Устройство черкесского плуга, очень легкого и ходкого, заслуживало бы подражания. Он не забирает так глубоко, как тяжелый казацкий плуг; зато кроит землю тонкими и ровными ломтиками, и по целине идет без малейшей запинки. Пахота черкеса — искусная ткань, загляденье. *Nota bene*: засеяв ниву, черкесы не заборанивают ее; они совсем не знают бороны.

Мушкетюга у чехлі,
А шабляка при боці,
Ратище
Довгее, —
Чом не козак?

Всунув ногу у стремено,
Ратюгою вперся в землю,
Й на коня,
Из пив-дня,
Прудко злетів.

Ой у того ж козака
Жинка гарна, молода,
З хати вийшла,
Честь обична,
Ему на провід.

РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ

Памятники войсковых заслуг и отличий. —
Войсковой в честь им праздник

Терпи, козаче, горе:
будешь пити мед.

В осевших и поросших колючкой валах Екатеринодарской крепости живет последнее воспоминание о Сечи Запорожской. Все в этой прикубанской крепостце устроено так, как устроивалась приднепровская сечь с отдаленнейших времен. Внутри обширного редута расположены четырехугольником невысокие и длинные казармы. Это старинные курени. Среди просторной, обчеркнутой казарменными зданиями площади, называвшейся в Сечи майданом и служившей вечем для войсковых «рад», возвышается шестиглавая войсковая соборная церковь. Сияющие в воздушной синеве кресты ее видны из-за Кубани на большом расстоянии и служат фаросом нашим пленным, когда они выбегают из гор на родную святую Русь. Близ церкви

отдельное, оберегаемое часовым строение с узкими окнами, задернутыми железной решеткой. В Сечи носило оно название «войсковой скарбницы». Ныне в этом скромном здании вмещается все наличное общественное богатство, сердце промышленной жизни края — войсковая казна. Но не здесь, а вон где — под священной сенью войскового храма черноморцы хранят свои драгоценнейшие, свои заветные сокровища: знамена, регалии и другие памятники доблестных войсковых служб и щедрых царских к войску милостей.

По обычаю, очень старому, каждый год, на второй день праздника пасхи, все неценное достояние казаков, собранное на поле чести и победы, выносятся с утра из войсковой церкви на майдан, на показ народу. Не умирай в народе, призванном к славным подвигам оружия, не умирай и не блекни память о высоких царских пожалованиях, — и пусть ведают о них и мать, и жена, и малые дети казака, и наезжие гости его... В тот день бывает соборная церковная служба и парад. После обедни войсковые знамена, предшествуемые крестами и хоругвями, троекратно обносятся вокруг церкви с чтением четырех евангелий и молитвенным пением. Потом, отделясь от крестов, проходят они пред народом и войсками. Народ их приветствует с сердечным трепетом, войска отдают им честь по воинскому уставу, — там и сям скатится слеза на седой ус, там и сям заискрится молодой взор, — и потом они относятся назад, в свое священное хранилище.

Бывает еще случай выноса клейнод с большим парадом. Это день присяги нового войскового атамана на должность. Тогда все куренные атаманы собираются в войсковой город и, с перначами в руках, присутствуют при присяге главы войска. Тогда все знамена протекшего времени обступают присягающего. И, осененный старейшими из них, он произносит клятву вести войско путем долга, чести и блага общего.

Воспользуемся одним из этих случаев и пройдем по всему ряду памятников заслуг и отличий войска.

Ряд этот простирается чрез пространство пяти царствований.

Вот первые знаки, запечатлевшие возрождение «коша верных казаков» из пепла Сечи: 1 булава войсковая и 17 перначей

куренных, 1 большое войсковое и 14 малых куренных знамен, *за веру и верность*, и печать кошевая, представляющая воина с мушкетом в одной и знаменем в другой руке.

Граф Суворов-Рымникский, чрез которого знамена и знаки были переданы черноморским казакам, объяснял им в ордере от 27 февраля 1788 года, что: «изображение на знаменах креста, с сияющим в середине солнцем, представляет привязанность войска к вере Христианской; на другой же стороне, в звезде, надпись ордена Св. Апостола Андрея Первозванного означает хранение войском веры, проповеданной сим апостолом в странах, по Днепру лежащих, и верность к Государю и Отечеству».

Этой первоначальной инвеституре войска последует грамота блаженной памяти Государыни Екатерины II от 30 июня 1792 г., «милостивое слово», укрепляющее войску нынешние его земли и воды, определяющее его права, преимущества и обязанности. Эту священную хартию окружают: большое белое знамя, *в воздаяние усердной и ревностной службы войска Черноморского, доказанной в течение благополучно оконченной войны с Портой Оттоманскою, храбрыми и мужественными подвигами на суше и водах*. Серебряные литавры, убранные шелковыми занавесками, с бахромой и кистями; две серебряные трубы, серебряная вызолоченная чаша с такими же: дискосом, звездой, двумя копьями, двумя лжицами и двумя блюдами; пара дорогих «ставратных» риз с принадлежащими к ним облачениями; серебряное, крытое густой позолотой блюдо и серебряная, жарковызолоченная солонка, осеняемая двуглавым орлом.

На этом блюде и в этой солонке казаки удостоились получить от Государыни в 1792 году хлеб и соль на путь-дорогу к берегам Кубани¹.

За царским хлебом-солью Екатерины II следуют памятники государствения Павла I: одно большое, белое, с золотыми лучами, и четырнадцать малых знамен — «в значение службы Всероссийскому Престолу», — и милостивое слово (от 16 фев-

---

¹ Часть хлеба и соли хранится в войсковой церкви донные.

ряля 1801 года), подтверждающее войску его права, преимущества и обязанности, и водворяющее в нем порядок и гражданственность.

Затем следует милостивое слово Александра I (от 31 мая 1803 г.), сопровождаемое шестью малыми знаменами, жалованными войску «в уважение его службы, с ревностью и усердием продолжаемой».

Эти шесть знамен, в соединении с вышепоказанными четырнадцатью Павловскими знаменами, розданы были в двадцать полков (десять конных и столько же пеших), в первый раз сформированных в 1803 году, на место сечевых куреней. Чрез двенадцатилетний промежуток времени, как свидетельство о доблестном участии войска в достопамятной отечественной войне, являются серебряные трубы, жалованные в 15-й день июля 1813 года черноморской гвардейской сотне *за отличия в войне с французами, неоднократно оказанные.*

Наконец разворачивается блистательный ряд георгиевских знамен, жалованных Государями Императорами: в Бозе почившим Николаем Павловичем и ныне благополучно царствующим Александром Николаевичем:

1-му конному полку *за отличие в Персидскую и Турецкую войны, в 1827, 1828 и 1829 годах.*

5-му и 6-му конным полкам *за отличие в Турецкую войну, в 1829 году.*

8-му и 9-му конным и 5-му пешему полкам *за отличие при взятии крепости Анапы, 12 июня 1828 года.*

1-му пешему полку *за отличие, 29 мая 1829 года, при разбитии Турецкой флотилии под Брашловым.*

8-му пешему батальону *за отличие при взятии крепости Анапы, 12 июня 1828 года, и за примерное мужество при обороне Севастополя, 1854 и 1855 годов.*

2-му пешему батальону *за примерное отличие при обороне Севастополя, 1854 и 1855 годов.*

Общее всему войску большое белое знамя Св. Великомученика и победоносца Георгия, пожалованное Государем Императором Николаем Павловичем, в 10 день октября 1843 года, *за пятидесятилетнюю, верную, усердную и храбрыми подвигами ознаменованную службу.*

Такое же большое знамя, пожалованное благополучно царствующим Государем Императором Александром Николаевичем, при нижеследующей грамоте:

«Нашему любезному верному Черноморскому казачьему войску.

Войско Черноморское, с примерною готовностью, снарядив сынов своих на защиту отечества против вторгшихся в оное иноплеменников, и достойно связав имя свое с геройской защитой Севастополя, явило в перенесении воинских трудов и опасностей минувшей войны многочисленные подвиги самоотвержения, мужества и примерной храбрости.

В ознаменование столь достохвальной службы, признали Мы за благо, особою Высочайшею грамотою Нашею, Всемилостивейше пожаловать Черноморскому войску Георгиевское знамя с надписью: *“за храбрость и примерную службу в войну против Французов, Англичан и Турок, в 1853, 1854, 1855 и 1856 годах”*, которое препровождая при сем, повелеваем: освятя оное по установлению, присоединить к пожалованным войску Августейшими предками Нашими войсковым знаменам, для употребления при всех торжественных сборах Войска, в воспоминание неизменного к нему Нашего благоволения.

Дана в первопрестольном граде Нашем Москве, в 26 день августа месяца, в лето от Рождества Христова 1856-е, Царствования же Нашего второе».

На подлинной написано собственной Его Императорского Величества рукой:

«АЛЕКСАНДР».

Сим милостивым словом и пожалованием оканчивается, так сказать, послужной список войска Черноморского.

Двенадцать лет тому назад, — как много отрадного в этом воспоминании! — милостивым словом и пожалованием в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича Черноморское войско вызвано было на празднование пятидесятилетнего юбилея боевой его линейной службы, — празднование, достойное жить в памяти казацкого потомства, по тем высоким народным чувствам, которым служило оно торжественным выражением.

Это было в мае 1844 года, по доставлении в Екатеринодар большого георгиевского знамени, приосенившего пятидесятилетнюю совокупность служб войска.

Для торжественного приема ново пожалованного войскового знамени были собраны в войсковой город атаманы всех куреней. Каждого из них сопровождали недоросли и престарелые казаки, служившие еще в «славном войске низовом, Запорожском». Старики сходились порадоваться торжеству молодого поколения да вспомнить на закате своих дней славную свою екатерининскую старину. Малолетние казаки призваны были в свидетели и участники войскового торжества, чтоб чрез них перешла в двадцатое столетие живая память о том, с какими чувствами черноморцы обыкли принимать награды своих Царей.

В то же время пришли к Екатеринодару пять конных полков и четыре пеших батальона, выраженные на смену частей, занимавших кубанские кордоны и закубанские укрепления. За ними прибыли команды внутренно-служащих казаков и две батареи конной артиллерии. Войска эти расположились лагерем на берегу Кубани, ниже войскового города.

За войсками, со всех концов Черноморья, стекался народ на екатеринодарскую троицкую ярмарку, этот первенствующий в крае рынок.

Вместе с жителями казачьего сословия собиралось в войсковую метрополию все куренное духовенство. Оно ожидало первого посещения и благословения первого Кавказского епископа, преосвященного Иеремии.

Были приглашены на войсковой праздник мирные черкесы и даже немирные шапсуги недалеких от Кубани аулов.

Обширный военный стан и еще более обширный съезд ярмарки вмещали в себе огромное число представителей для войсковой праздничной сходки.

Все приготовления к празднику сделаны были за городом, в лагере. Сюда, в большую атаманскую ставку, было перенесено из атаманского дома ново пожалованное знамя, еще не прибитое к дереву. У порога ставки был вкопан, дулом вверх,

старый чугунный единорог, которому предназначалось остаться памятником первого водружения знамени на войсковой земле.

В обе стороны от атаманской ставки были складены из зеленого дерна длинные столы, за которыми щедрое угощение ожидало куренных атаманов, стариков, недорослей и закубанских гостей.

На эти праздничные столы степи доставили фазанов, уток, зайцев; берега Кубани — кабанов, оленей, коз; Азовские лиманы — всех родов рыбу.

Для обеденных столов была приготовлена старинная деревянная казацкая посуда, про которую запорожцы говаривали: «хоть з корыта, да до сыта». Это почти то же, что «изба дымна, да трапеза в ней сытна».

Для заздравных чаш и других высших потребностей угощения из войсковой казны отпущено было 1200 руб.

10 мая кончены были все приготовления к празднику. С полудня лагерь стал наполняться народом. Сюда же тянулись и скрипучие арбы черкес. В то время послышался от всех городских церквей колокольный звон. Прибыл в войсковой город преосвященный Иеремия.

К вечеру войска выстроились впереди лагеря. К атаманской ставке собрались все чины военного и гражданского войскового управления. Позади их стояли станичные атаманы. Они заняли место между стариками и детьми, между воспоминанием и надеждой. Тогда прибыли в лагерь: войсковой наказной атаман, генерал-лейтенант Николай Степанович Заводовский, начальник войскового штаба, генерал-майор Григорий Антонович Рашпиль и преосвященный Кавказский и Черноморский Иеремия.

После встречи войска сделали перемену фронта к атаманской ставке.

По входе в ставку архипастырь осенил крестным благословением знамя, распростертое на большом столе, пред портретом Государя Императора Николая Павловича. И потом началось прибитие знамени к древку, по уставу.

Внутреннее убранство атаманской ставки вполне соответствовало торжественности события. Новое знамя осенено было со свода ставки старыми знаменами, на которых горели надписи «за отличие». Портрет Государя Императора Николая Павловича во весь рост, помещенный в углублении, противоположном дверям ставки, обведен был лучами из ста штыков и ружей. К подножию царского изображения сложены были: серебряные литавры, серебряные трубы, атаманские булавы, перначи и образцы оружия, употребляемого черноморскими казаками с давних времен. Из этих доспехов не были исключены и легкие пушки, которыми в прежние времена вооружалась флотилия Черноморского войска. Все, чем войско на врагов ополчается и чем пред соотечественниками красуется, преклонилось пред ликом Царя Самодержавного, во свидетельство благоговейной любви и преданности к нему единодушной войсковой семьи. Твое от Твоих Тебе!

Первый гвоздь вбил в древко знамени наказной атаман, второй — преосвященный Иеремия, третий — начальник войскового штаба. Потом вбиты были гвозди каждым из присутствовавших, от генерала до казака, представлявшего свою сотню, роту и батарею. Каждый вбитый гвоздь освящал последним ударом войсковой атаман.

Те из стариков, которые были жалованы в прежние времена армейскими чинами, также оставили свои гвозди в знаменном древке. Принимаясь за молоток, они искали глазами на своде ставки трофеев, современных своей молодости, и говорили: в древке этого голубого знамени должен быть гвоздь, вбитый в Очакове, мой в Браилове, а мой в Анапе...

В лагере царствовала тишина. Войска стояли под ружьем, и взоры рядов неподвижно обращены были к атаманской ставке, откуда глухо отдавался стук молотка. И эти недавно сплоченные ряды проникнуты были одним чувством, одной мыслью: чувством живой преданности Царю и долгу, мыслью про то, чтоб и вперед, на остальное пятидесятилетие, сделать войско достойным милостивых царских пожалований...

Целую ночь горел огонь в атаманской ставке. Знамя, соединенное уже с древком, все еще оставалось распростертым

на столе. Его окружал караул из урядников конных полков и пеших батальонов.

На другой день, 11 мая, хлынули в лагерь, вслед за его ранним пробуждением, толпы народа. Туда же спешили и нарядно одетые черкесы. В восемь часов утра из Екатеринодарской крепости раздались три пушечные выстрела, на которые артиллерия лагеря поспешно ответила. Это был призыв к литургии, которую готовился совершить в войсковой соборной церкви преосвященный Иеремия. От всех находившихся в лагере полков, батальонов, батарей и команд отряжены были части в город для слушания богослужения.

Чрез два часа после того загорелась учащенная пальба в крепости и в лагере. Этот переговор артиллерии чрез пространство четырех верст возвестил чтение Евангелия в войсковой церкви. Войска вышли на линию и послышалась команда: шапки долой, за тем что в войсковой церкви читалось Евангелие.

В Запорожском войске во время чтения Евангелия в сечевой церкви в торжественные праздники производилась перекатная пальба из пушек по валам Сечи. Вот почему слову любви и спасения вторил гром оружия на Кубани. *Во всю землю изыде вещание их.* Наконец, за последними тремя выстрелами, которыми возвещено было окончание литургии, войска стали в ружье вне лагеря. Их развернутый строй образовал три стороны каре, а четвертую составили старики, атаманы, недоросли и ученики войскового училища. Последние вышли из города с своими училищными хоругвями. Под хоругвью Минервы они поучались, как надлежит стоять под знаменами воинской чести и доблести. Обширная поляна, на которой стояли войска, пестрела тысячами зрителей всех состояний и возрастов. Конные черкесы держались поодаль, пешие теснились в общей толпе.

По прибытии в лагерь войскового атамана, начальника штаба и преосвященного епископа с многочисленным духовенством, знамя было вынесено из ставки к войскам. Гром барабанов, прокатившийся по рядам, и звук оружия, поднятого на караул, приветствовали его появление. Затем последовало освящение знамени, совершенное преосвященным Иеремией, с

настоятелем войскового монастыря, архимандритом Дионисием и семьюдесятью пятью священнослужителями. За провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царственному Дому, войскового атамана прочитал во всеуслышание войскам и народу царскую грамоту, при которой пожалован войску новый трофей храброй службы.

Тысячеустное ура, грохот шестнадцати орудий и народный гимн, исполненный войскового музыкой, все это, слившись в один торжественный голос, было откликом на милостивое Царское слово. Одушевление казаков сообщилось и черкесским дружинам. Они присоединили свой резкий гик к величественному, как сама победа, русскому военному клику. Хамышейцы, стоявшие до той минуты внимательными зрителями на левом берегу Кубани, у аула Бжегокай, подняли гик и пальбу, потом бросились на лошадях в реку и, полуизмокшие, присоединились к ликующему собранию. Грохот пушечной пальбы, производимой из лагеря и с валов Екатеринодарской крепости, тяжело переваливал чрез Кубань и, откатываясь к лесам и ущельям Кавказских гор, там постепенно замирал.

Когда первый взрыв народного восторга стих, войска пред новым знаменем произнесли присягу на верную службу Государю и Отечеству, на верную и честную службу до последней капли крови, — и знамя, сопровождаемое духовенством, величественно обтекло неподвижные ряды. И в эти минуты благоговейной тишины слышалось только одно благословение и победу свыше призывающее, молитвенное пение церкви о православном Царе и Его народе: «спаси, Господи, люди твоя».

Потом при звуках музыки знамя возвратилось к атаманской ставке и было водружено в дуло единорога, врытого у ее порога. А в ставке был уже приготовлен обед для высших чинов и духовенства.

В конце обеда пили, при пушечной пальбе и при дружных восклицаниях «ура», за здоровье и долголетие Государя Императора, Августейшего Атамана и всего Царственного Дома; за «великого пана», военного министра, за весь кавказский корпус и храброе Черноморское войско, и проч. и проч.

Оставим этот общий эпилог торжественных обедов и пройдем между дерновыми столами, где черноморцы «времен очаковских и покоренья Крыма» угощались родными запорожскими блюдами; где круговой «михайлик» (деревянная чара), как планета, проливающая свет и теплоту в своей сфере, распространял оживление и говор в кругу седых сослуживцев Потемкина и Суворова. Здесь помолодевшая старина расходилась, заговорила про былое. Один из столетников, с золотым очаковским крестом на груди, рассказывал с юношеским одушевлением, какими молодцами они, старые черноморцы, предводимые судьей Антоном Головатым, взобрались в полночь на неприступную Березань, сняли часовых, переоделись по-турецки и накрыли неприятельский гарнизон врасплох. Другой вспоминал про атамана кошевого Харька Чепегу, как он напускался к самым стенам Хаджибея (Одессы) и зажигал турецкие магазины под носом янычар и спагов. Третий указывал на берегу Кубани место, где за пятьдесят с лишком лет вбил он первый кол кордонного оплота. «Чи багато йще зосталось в Батурином курене наших?» — спрашивал один другого. — «Як колосин, пане брате, на пожатом жниву», — был грустный ответ..

А там, за пирамидами пик и штыков, за чертой воспоминаний, все шумело настоящей радостью, без помину про вчера, с говором про завтра. А что завтра? — Этому веселому военному обществу предстояло разойтись по пустынному берегу Кубани и по одиноким закубанским укреплениям, до свидания чрез год — «кому живому».

А знамя тихо развевалось над многолюдным сборищем, окружавшим его чугунный бушмат. Живая народная радость ручалась, что черноморцы оправдают символ этого железного основания, на котором утвердили они свое новое войсковое знамя.

Ветерок тянул к горам. Молодой казак не сводил глаз с полощущего знамени, и ему казалось, — была ли то игра света и колебания! — двуглавый орел стяхивался и расправлял крылья к могучему полету на те синие горы...

После вечерней зари горели потешные огни, венцом которых был вензель Государя Императора Николая Павловича. Огромный размер делал его явственно видным на левой стороне

Кубани. В эту ночь имя Николай было лозунгом на всем двухсотшестидесятиверстном протяжении Черноморской кордонной линии.

Последняя искра вензеля утасла. На прибрежном кургане вспыхнуло знамя, — знамя из разноцветных искрометных огней. И как отрадно было видеть искрящегося двуглавого орла на холме, где вспыхивала до того пожаром ночной тревоги линейная вежа.

Обернемся к атаманской ставке. У дверей ее выросли из черноты ночной темноты две высокие ели; их ветви составлены из множества пылающих и узорчато размещенных огней. Между этими эмблемами неизменяемости поставлены большие прозрачные картины, освещенные сзади. На первой и самой большей из них горит все тот же царский вензель, вправо вензель Августейшего Атамана; еще правее снимок с знамени; влево вензель Государя Великого Князя Михаила Павловича, а еще левее аллегорическое изображение 1844 года, увенчанного лаврами.

Между тем в ярко освещенной атаманской ставке поднялся пир, в основание которого входят преферанс и полька. И чернявые казачки под сенью знамен, за которые их деды и отцы умирали в далеких битвах, весело носились в вихре вальса и буре польки.

Но вне ставки войсковой певческий хор, отставая на полвека от войсковой музыки, в сотый раз напевал любимую народную песню, старую песню, которую черноморцы сложили и пели, когда шли с Днепра на Кубань.

Ой, годі нам журитися,
Треба перестати:
Заслужили от Цариці
За службу заплати!
Дала хліб-сіль и грамоти
За вірні служби;
От-тепер ми, односуми,
Забудемо нужди.
В Тамани жить, вірно служити,
Грядицю держати;
Рибу ловить, горілку пити,
Ще й будем багаті.
Та вже треба женитися
И хліба робити,

А хто йтиме из невіри
Непошадно бити.
Слава ж Богу, та Цариці,
А покой Гетьману:
Изгоїли в серцах наших
Горючую рану!
Подякуймо ми Цариці
Помолімось Богу,
Що вона нам указала
На Кубань дорогу¹.

День, ознаменованный для войска торжественным обнародованием Царского пожалованья, остался навсегда запечатленным в признательной памяти черноморцев. На той же широкой, прикубанской поляне, где стоит одиноко врытый до половины в землю старый единорог, каждый год, 11 мая, раскидывается атаманская ставка, выстраиваются конные полки, пешие батальоны, артиллерийские батареи, и собирается добрый народ. И то же войсковое георгиевское знамя торжественно переносится из войсковой церкви в казачий стан. И осененные им, стройные ряды склоняют оружие на молитву и молятся о здравии и благоденствии Царя; и окропленное молитвенной водой из Кубани знамя обходит ряды при звуках музыки, при говоре барабана и пушки. И одушевленные сознанием заслуги, казаки приветствуют хоругвь чести и победы громким, далеко слышным за Кубанью «ура!».

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Кордонная линия. — Служба на линии. —
Психадзе и хеджреты

Кроме чрезвычайных нарядов во время внешних войн государства и кроме ближайшего участия в деле покорения хищ-

---

¹ В этой песне пересказано содержание грамоты, данной Императрицей Екатериной II Черноморским казакам на поселение и службу их при Кубани. В той грамоте обязанность жениться была изъяснена в числе других главных обязанностей.

ного населения Кавказа, постоянную и главную службу черноморских казаков составляет содержание кубанской кордонной линии и возводимых впереди ее, на землях непокорных шапсугов и натхокаджей, полевых укреплений. Кордонная линия составляет оплот для края против набегов горцев и вместе служит основанием для наступательных военных действий против тех же горцев.

Черноморская кордонная линия нечто иное, как продолжение и окончание правого крыла Кавказской линии, с которой смыкается она ниже устьев реки Лабы, — а эта река, как известно, изливается в Кубань с северного ската Кавказского хребта, у крепости Усть-Лабинской¹. Пост «Изрядный — источник» служит соединительным узлом обеих линий. От этого исходного звена Черноморская линия тянется цепью укрепленных постов, батарей и пикетов, вниз по излучистому течению Кубани на 260 верст или около того. Вместе с бугазскими устьями Кубани линия оканчивается у северо-восточного берега Черного моря, недалеко от Анапы. На этом протяжении насчитывается 60 постов и батарей и более 100 пикетов.

Черноморцы перенесли с Днепра на Кубань вместе с другими ратными преданиями своих предков запорожцев, стародавнюю казацкую линейную фортификацию. Их пост и батарея (среднее между постом и пикетом укрепление) — это четырехугольный редут с земляным бруствером и небольшим рвом. На крону бруствера кладется гребень из терновника и по контрэскарту насаживается колючий боярышник, в предохранение укрепления от эскалады. Такой редут может с успехом держаться против приступов без артиллерии (*coups de main*).

Посты и батареи вооружены старой и разнокалиберной артиллерией. В этом вооружении попадают пушки, защищавшие еще Днепровскую линию от крымцев, во времена гетьманов, и вместе с казаками переселившиеся на Кубань для продолжения линейной службы против черкес. Над каждым из вышеназванных укреплений устроена на четырех высоких под-

---

¹ Усть-Лабинская крепость, возведенная в 1792 году, находится под 45° 12' с. ш. и 57° 19' в. д., в расстоянии от Ставрополя 201, Тифлиса 735 и от Москвы 1458 верст.

порах наблюдательная каланча — «вышка». Камышовая колоколообразная крыша вышки подобрана кверху пучком. Из этого пучка, так похожего на китайскую прическу, выбегает высокий и прямой, как пика, шпиль, на который насажена сверху поперечная перекладина. К каждой оконечности перекладины прилажен на бечеве огромный шар, сплетенный из ивовых прутьев. Перекладина с висящими по концам ее шарами имеет вид коромысла весов, а весь этот прибор в совокупности имеет вид начальной буквы в слове тревога. Да это и есть вестник линейной тревоги, телеграф, или, как обыкновенно называют его казаки, «маяк». Когда сторожевой завидел с вышки неприятеля и закричал оттуда вниз к своим: «Черкесы! Бог с вами!¹», ему обыкновенно подают голос снизу: «маяк же, небоже», — и вот, спущенные до той минуты шары поднимаются вверх, ветер их качает и они маячат на тревогу.

В некотором расстоянии от укрепления врыта высокая жердь, обмотанная пенькой и сеном или соломой, иногда с смольной кадкой наверху. Это «фигура», — у кавказцев — вежа. Если в темную ночь неприятель прорвет кордонный оплот, эти огромные факелы воспламеняются и проливают багровый свет по берегу. Учащенные выстрелы, — казачьи растянутые, как удар длинного хлыста, а черкесские сжатые, как луск раскушенного ореха, — и крик, и топот, и рев переполошенной баранты далеко отдаются по реке, и тревога тормошит линию.

И часто на зеленеющем холмике, по соседству с фигурой, встречаете вы потемневший, покачнувшийся на сторону деревянный крест, либо свежую черную насыпь на одинокой могиле polegших в ночном бою защитников отечественного рубежа...

---

¹ Здесь слова: «Бог с вами» относятся к казакам, к которым обращено извещение о появлении черкес. У черноморцев в обычае прибавлять эти слова к восклицанию: «Черкесы, неприятель, тревога!» Все резкое, внезапное и неприятное в военном быту казаков, особенно неприятные известия, смягчаются в их языке издревле условленными и временем освященными речениями, припевами. Упущение их в подобающих случаях почитается грубостью, вывеской рекрутской необтесанности.

И один остался зритель
Сих, кипевших бранью, мест;
Всех решитель браней — крест.

Поравнявшись с этой могилой, добрый русский человек, едуший из Керчи в Ставрополь с дарами крымской Помоны, скинет шапку, перекрестится и молитву сотворит за упокой казацких покойников.

Сообразно с местоположением, представляющим более или менее опасности, пост вмещает в себе от 50 до 200, батарея от 8 до 25 казаков. С первым светом дня сторожевой поднимается на вышку и все вышки зорят по Кубани до сумерков. Когда же голодный волк и хищный горец выползают из своих нор на ночной промысел, в то время значительная часть спешенных казаков выходят из поста на обе его стороны и украдкой, вместе с тенями ночи, залегают берег в опасных местах по два, по три человека вместе. В то же время, расставленные по пикетам, казаки покидают свои дневные притоны и также располагаются по берегу живыми тенетами для ночного хищника. Это «залога»... залог спокойствия и безопасности страны. Казаки, остающиеся на посту, держат коней в седле и находятся в готовности, по первому известию или по первому выстрелу залого, далеко слышному в ночной тиши, скакать к обеспокоенному месту кратчайшим путем, не разбирая, где куст, где рытвина, чтоб поспеть на зов тревоги прежде, чем «бояре мед попьют»... Между тем отряжаются с постов, с вечера, в полночь и на рассвете разъезды составом в два, в три человека каждый. При ожидаемом по слухам или по приметам нападении разъезды повторяются до шести раз в продолжение ночи; но никогда не бывают они сильного состава. Разъезды проходят прибрежными тропинками — «стежками», или проложенными и им только известными, соблюдая наивозможную чуткость и осторожность и перекликаясь с залогой загадья условленным, отрывистым свистом, либо глухим, счетным стуком шашки о стремя.

Проезжая по Кубани поздним вечером (конечно, по казенной надобности), и тревожно присматриваясь к мелькающим

мимо вас в темноте кустам, — не выскочил бы из них головорез шапсуг, — вы не видите разъезда, а он вас видит... Заметив, как беспокойно вы оглядываетесь то на ту, то на другую сторону, разъездной моргнул усом и думает про себя: не беспокойтесь, ваше благородие, езжайте себе, глаза зажмура: ведь мы не спим. Да, еще вы были версты за две, как он остановил коня, настрожил ухо и настроил глаз. И когда вы пронеслись мимо его и вновь умчались в темную даль, он все еще прислушивается к печальному звяканью колокольчика, не прервется ли оно вдруг... и добродушно провожает вас пожеланием, чтоб ваш поздний ужин не остался кому другому на завтрак.

Разъездные стежки прокладываются по местам скрытым, нередко закрытым наглухо кустарниками и камышами. Их не одна, а несколько. Разъезды часто меняют их из опасения сделаться жертвой неприятельской засады. Когда горцам нужно схватить разъезд, они выбирают для того темную ночь и заседают стежку по обе ее стороны в трех различных местах. Средняя засада, перекинув через стежку аркан, либо лозу дикого виноградника, устраивает таким образом барьер, в грудь коню от поверхности земли. С какой бы стороны разъезд ни следовал, крайняя засада пропускает его и, вслед за тем, гикнув ему в тыл, нагоняет его на барьер, где конь и всадник падают и делаются добычей средней засады. У казаков, разумеется, своя сноровка имеется против таких ухищрений «голомозгцев». Во-первых, разъездные не едут вместе, а тянутся гусем, на таком один от другого расстоянии, чтобы передний человек только маячил заднему. Оно, конечно, охотнее бы ехать односумам в кучке: запалили бы они люльки (закурили бы трубки), да чтоб не было им жутко, поразговорились бы про свой курень, про последние оттуда новости: кто с кем покумился и кто с кем побранился; поразговорились бы про свою домашность — будет ли, не будет ли снежная зима, достанет ли сенца прохарчевать худобку до «теплого Олексы»¹, — и мало ль есть о чем им повести

---

¹ Между черноморскими казаками, особенно между пластунами, есть доки, предузнающие с осени продолжительность и суровость зимы по наблюдениям над хребтами и внутренностями диких кабанов.

приятную речь? — да только оно не приходится; не так называл есаул с вечера. Есаульский наказ вот какой: езжайте вы, братцы, так и этак; примечайте, когда осторожится конь, и собственных очей не ховайте в кишеню (не прячьте в карман); почаще останавливайтесь, да прислушивайтесь, — да оглядывайтесь мне почаще назад, а пуще всего не съезжайтесь до кучи. Ты, Деркач, не доехал, вчерашнюю ночь, до съездного пикета. Это я знаю: меня, брат, не проведешь; смотри — ребра переломаю... Во-вторых, бывалый казак, как только услышит подирающий по коже гик позади себя, вмиг смекнет, что неприятель хитрит, козни строит, — и потому устремит он своего надежного коня не прямо, вперед себя, а в бок. Пробился конь чрез «хмеречу» (чашу) и чрез болото, исполать ему: он добрый конь, настоящий казацкий конь, — ни продать, ни подарить его; а застрял, так долой с него, — там он и оставайся, хоть бы пешему добраться как-нибудь до поста.

Последний разъезд, «световой», убирает залогу. Но когда над Кубанью висит туман, залога не снимается и движение разъездов не прекращается до полудня. Зимой, когда на Кубани лежит лед, по словам горцев, божий помост для хубхадедов (удальцов), — когда, с устранением естественных препятствий влажной границы, нападения бывают в больших, открытых силах, — ночная пешая залога заменяется конными караулами¹ и учащенными разъездами. Ни теметь, ни вьюга и стужа, ни угрозы близкого и сильного неприятеля, — словом, никакие обстоятельства не могут служить поводом к увольнению очередных казаков от трудного конного ночного караула.

Укрепление, называемое «бикет», имеет вид огромного тура. Оно обнесено высокой плетневой огородей, снизу по грудь двойной, с небольшим промежутком, засыпанным землей. Мелкий и узкий ров опоясывает огороду. Сторожевая

---

¹ Они не могут быть названы ведетами, потому что ставятся на далекое один от другого расстояние, не имеют взаимной связи и не составляют цепи.

вышка и вещая фигура составляют служебные принадлежности пикета, как и поста. Но на посту дымится труба хаты, более или менее гостеприимной; пикет же не представляет другого приюта, кроме шалаша, с разложенным посредине его огоньком и с растянувшимся около огонька котом. Кот делит сухарь с казаком в этом глухом, угрюмом аванпостном шалаше и дарит его единственным мирным и мягким впечатлением, единственным отрадным развлечением среди бессменных грозных впечатлений боевой черты, среди бессменных суровых дум об опасности и неприятеле. Вернувшись из поиска, казак подсядет к огоньку сушиться; его чело хмурится, его ус топорщится, на душе тяжело, в голове смутно. Подойдет на цыпочках котик и умильно уставит на него свои добрые серые глазки. Казак его оттолкнет; но котик подойдет, немного спустя, в другой раз. Казак его погладит и нежно подергает за жидкий ус. Тогда кот повиляет ему дружелюбно хвостом и помурлычет воспоминанием о своей бабушке, с которой играют где-то казачата. И вот морщины слетели с чела, ус прилег, от сердца отошло и на душе казака стало опять светло. Добрая казацкая душа не зачерствеет и не заплесневет ни в какой трущобе, ни среди каких суровостей военного быта...

В пикете помещается от трех до десяти казаков. Черноморцы способны держаться и за этими ненадежными защитами. Свойственный им недостаток ловкости и увертливости они с лихвой вознаграждают твердостью и стойкостью. Только бы сказали им стоять, так постоят. Каждый человек за себя возьмет. Не будучи, поэтому, похожи на тех прихотливых воинов, которым нужно, чтоб сорок веков на них смотрели, они черпают силу и мужество в решительные минуты боя из своего задушевного прадедовского убеждения: «Бог не без милости, а казак не без доли (не без счастья)». Были примеры, что человек десяток дружных односумов, внезапно осажденные в своем плетневом кошеле, с виду готовом скатиться в Кубань от одного толчка, не думали сдаваться на предложение черкес, сделавшееся ходячей поговоркой: «Эй, иван, гайда за Кубань», — не теряли головы и геройски выдерживали яростные приступы. Припав за плетневую загату, с прикладом при щеке, а шапки выста-

вив выше своих голов против плетневых амбразур, чтоб туда направить первый жестокий огонь неприятеля, они упорно и лихо отбивались, нанося сильный вред осаждающим, пока, наконец, не бывали выручены. И нередко кто-нибудь из них оставался еще невредим, чтоб отворить подошедшей подмоге дверь плетневой крепостцы. Такова история «суровской батареи», получившей свое название от приказного Сура. Этот Сур с десятью товарищами отбил несколько натисков огромной толпы шапсугов, стремившихся на разгром куреня Полтавского, — и мало того, что сам отбился, он спас еще курень, дав ему время приготовиться к обороне.

В нынешнее время горцы редко затрагивают пикеты, — и когда открыто переходят линию, то ограничиваются одним наблюдательным облежанием их. Для чего толпа, несущая огонь и меч в казацкую землю, оставляет на линии отряд, который не дает казакам выйти из пикета с донесением на пост, и вместе с тем обеспечивает наступающим своим силам отступление и обратную переправу чрез Кубань.

Старые черноморцы, между которыми много было «водяных», то есть приученных к действию на лодках служак, придумали было, вдобавок к сухопутным линейным укреплениям, плавучие караульни, двигавшиеся по всему низовому течению Кубани, от Екатеринодара до устьев. Эти кочевые пикеты назывались «байдаками», и число их простиралось до двадцати. Они устраивались наподобие паромов, но имели весла и слушались руля. Вооружались они фалконетами и по борту, обращенному к неприятельскому берегу, прикрывались шерстяными щитами, с отверстиями для ружей. На каждом из них помещалось до тридцати пяти пеших казаков с кухней и запасами. Один такой байдак, с двумя офицерами и двадцатью восемью казаками, был истреблен горцами в 1802 году. Байдаки гонялись за двумя зайцами и ни одного не ловили. Но, что еще невыгоднее — они оставались в бездействии большую половину года, чрез обмелевание и замерзание Кубани. А потому существование этих кордонных амфибий кончилось превращением их в простые паромные переправы чрез Кубань и Протоку.

Вся линия, с ее постами, батареями и пикетами, поделена на части и отделения, для занятия которых употребляется более трети войсковой конницы, пехоты и артиллерии. В медицинском отношении линия разделена на четыре участка. В каждом участке состоит лекарь.

В зимнее время обыкновенная кордонная цепь подкрепляется временными резервами, контрфорсами, которые называются, в своем особенном смысле, «отрядами» и в которые наряжаются полки, батальоны и батареи, находящиеся в домах, вне служебной очереди¹. А в тех случаях, когда горцы нападают на линию чрезвычайными силами, войско выставляет на Кубань, не в очередь, всю свою конницу, пехоту и артиллерию, даже «внутренно-служащих», т.е. таких чинов, которые прослужили уже в полевой службе двадцать два года и еще служат в войсковом гарнизоне три года. В то время пикеты, слишком выдавшиеся от прямой черты вперед, на исходящие углы глубоких займищ, покидаются; их караулы стягиваются к постам и батареям. Остаются на них одни коты, которые кормятся, во время отсутствия казаков, ловлею зббликов и других птичек. Посты и батареи, с их убогими помещениями, едва укрывают своих постоянных жильцов. Бесприютные вспомогательные отряды располагаются около бивачных огней, дымящихся под ненастным зимним небом. Трудности этого зимнего бивакирования для непривычных людей и лошадей были бы невыносимы. На два с лишком месяца, самых суровых в году, линия кордонная принимает вид боевой линии. Горцы употребляют тогда все усилия, чтоб истребить кордонные сена (обыкновенно складываемые с лета на лугах, в самых местах покосов), и отнять у казаков способы продовольствия их многочисленной

---

¹ Очередная служба на линии называется станцией, а безочередная отрядом. Отряд труднее станции. Если бы пограничные курени, которые именно и служат приманкой для хищнических нападений горцев, были отделены от общего военного состава, если бы служивое их население постоянно оставалось на месте для охранения своих жилищ, дорог, пастбищ и полей, и для всегдашней поддержки кордонных караулов, то, кажется, не было бы надобности в подкреплениях, и льготы полков и батальонов не нарушались бы.

конницы¹. И часто выстрел из пистолета, приставленного шапсугом к стoгу, превращает в пепел плоды летних тяжелых трудов казака.

Смутно как-то бывает тогда на линии. Ночью никому не спать, коней никому не расседлывать. Пройдохи лазутчики, один за другим, наезжают украдкой из-за Кубани с грозными вестями. Что лазутчик, то и особая весть. Полное осуществление казацкой поговорки: «пiди до ста бабiв, скажут тобi сто лихiв». По сказке одного из этих вешунов, в двух часах от Кубани такое скопилось сборище, что из камешков, брошенных *хубхадедами* на бурку, вышел настоящий курган², — и, что горше еще, это несметное сборище в эту же ночь обрушится на верховый курень Васюринский. По уверению другого, который сам два часа тому назад громче всех кричал на совете сборища, в Васюринском курене можно спать, укрывшись с головой, а гроза разразится на низу, над куренем Полтавским. Наконец, по решительному объявлению третьего, по дудке которого сам Магомет Амин скачет, у всех шапсугов и низовых абадзехов одно желание и одна дума — вломиться в Бжедугскаль и разобрать по саквам армянские лавки... Ну как тут отличить услужливую истину от коварного подвоха или от пустой, праздной лжи? Задача трудная. Тем более трудная, что у самого надежного лазутчика глаза велики, а язык без костей. На театре большой войны подмечают иногда за нами замашку преувеличи-

---

¹ Для конницы, постоянно и временно занимающей линию, готовится по Кубани каждое лето личными способами казаков, более 3000 стогов, или один миллион пудов сена. Заготовление сена на линии делается льготными полками и батальонами. В этом безочередном наряде льготный казак теряет сенокосное время в ущерб своему собственному хозяйству.

² Хубхадед у черкес то же, что у татар джигит. Ориенталист остановится на этом слове и подивится, из какой дали забрело оно в ущелья северной покатоги Кавказа.

Каждый воин черкесского сборища, затевающего открытый набег, бросает на разостланную бурку камешек. Все брошенные камешки считаются, и таким образом предводители сборища получают сведения о численном составе вооруженной силы, которой они располагать могут. Такова строевая отчетность людей, считающих унижительным прямой счет человеческих личностей.

вать, когда речь идет о силах замеченного неприятеля. Свиньем валит, — глазом не скинешь, — шестом не проворотишь, — все это выражения сильные, конечно; но это лишь капля в море, в сравнении с преувеличениями черкесских вестников, одаренных воображением Шехеразады и красноречием китайской реляции. Если бы сотая только доля угроз, одновременно перенесенных ими с гор на линию, сбылась, — давно бы уже ни черноморских, ни кавказских казаков не существовало на белом свете. «Як бы Бог слухав чередника (пастуха), уся б худоба сгинула».

Линейная опытность предписывает считать верным только то, что добудут свои неутомимые и бестрепетные разведчики. В темные ночи они дают сигналы огнем, зажигая камыш по передовым опушкам плавней. Гонимый и раздражаемый северо-восточным ветром, услужливый огонек разгорается неистовым пожаром. Пожар пустыни, — какое кому до него дело? — блуждает огромными клубами, много дней и ночей, по неисходимым пространствам камышей, пока не пресытится и не сляжет сам собою.

Открытым нападениям горцев чаще подвержены верховые, то есть более удаленные от моря, участки линии. Здесь пограничный рубеж, — правый берег Кубани, — менее представляет препон стремительным вторжениям неприятеля. Надобно сказать, что Кубань, пролегающая вдоль Кавказского хребта широким желобом, посредством которого нагорные воды стекают в два морских водоема, носит на себе резкие отпечатки главных видоизменений горного хребта. Ближе к своему верховью, к Эльбрусу, где горы имеют наибольшее возвышение, правый берег Кубани (который вообще на всем своем протяжении господствует над левым) возвышен, утесист и, как окрестная почва, каменйт. Отдаваясь к северо-западу от Эльбруса, по направлению к Черному морю, горный хребет оседает, освобождается от вечных снегов и вечного оцепенения, делается доступным для органической жизни. Берега Кубани также понижаются и принимают свойство песчано-глинистое и черноземное. Наконец, еще северо-западнее, еще ближе к Черному морю, — плуг бороздит возвышеннейшие скаты

хребта и Кубань отражает его обросшие лесом горбы в своих широких водах, тяжело движущихся в низменных илистых берегах.

Все прижимаясь к горам и все отбегая от правого своего берега, который почти неуклонно тянется прямой грядой, она вьется, как поспешно ползущая к своей норе змея, и крутыми изгибами, нередко простирающимися на несколько верст в радиусе, образует множество закрытых займищ. Сопредельное население гор, теснимое с другой стороны хребта Черным морем, придвигается все ближе и ближе к пограничной черте. Хищнические шайки находят себе скрытые притоны ввиду самых кордонных вышек, а островки и промели, рассекающие реку многими точками, значительно облегчают переправу наездникам, — при обычных им вспомогательных средствах: тулуках (кожаных мехах, наполненных воздухом), фашинах, карчах, долбленых челнах, а часто и без этих пособий — на одних добрых конях.

Между тем изломанное течение Кубани лишает кордонную линию важнейшего удобства — равнения, фронта. Оседлые посты держатся, по большей части, возвышенного гребня берега, этой хорды дуговидных течений реки; а батареи и пикеты, — эти легкие укрепления, способные держаться на какой-нибудь кочке, выдавшейся из топи поречья, смело и неотступно преследуют береговой урез по самым прихотливым его изворотам и уклонам. Так смелые гончие преследуют быстро несущегося по плавне вепря. Острым клыком подкашивает он старый камыш, и по широкому своему следу мечет горячую пену... Могучая растительность господствует вокруг передовых этих укрепленьцев, самых уединенных и пустынных. Хмель, ежевичник и другие ползучие широколиственные растения заволакивают их снизу доверху. Природа как бы приголубливает и укрывает от хищника их печальное сиротство и одиночество.

В последнем низовом участке необозримые плавни, покрытые озерами и длинными лентами вод, остающихся после разливов Кубани, широко раздвигают звенья кордонной цепи и пролегают мертвыми между ними пространствами.

Прямые сообщения между пикетами, батареями и постами затруднены бесчисленными препятствиями и возможны иногда на одних только легких долбленых челнах, «каюках», перетаскиваемых на руках от одного озера к другому. Подобная местность не много представляет неприятелю удобств для открытых наездов; зато покровительствует она прорывам мелких хищнических шаек «психадзе», которые не без основания слывут у казаков более опасными, чем сильные полчища «хеджретов».

Психадзе тихо просачиваются сквозь кордонную плотину, в незаметные скважины, которые, при всем старании, при всех хлопотах, не могут быть прочно забиты; а хеджреты переливаются через верх, волнами внезапных и шумных приливов, для отвращения которых недостаточно одного возвышения или упрочения плотины. Психадзе — по-русски «стая водяных псов», — так называются у самих горцев пешие, неотвязные и надоедливые хищники, достигающие добычи укрдкой, ползком, рядом мученических засад, — больше шакалы, чем львы набегов. Хеджрет — это открытый, доброконный, иногда закованный в кольчугу наездник, — это лев набега. Первый образ хищничества свойствен простым, по происхождению, и бедным, по состоянию, людям; а последний — дворянам и людям достаточным. Когда горец выехал из своего аула на такое расстояние, далее которого не отходят от жилья куры, — выехал, разумеется, не с одними голыми руками, а с зарядом в ружье и с десятью другими в газырях, с куском сухого сыра в сумке и с арканом в тороке, он — хеджрет. Преимущественно же и существенно принадлежит это название буйным бездомовникам, которые выросли в круглом сиротстве и неимуществе, — или которые, накликав на себя гонение в своих обществах, бежали с родины на чужбину, и там, по неимению недвижимой собственности и собственного тягла, промышляют себе хлеб насущный кинжалом и винтовкой. Эти люди, по выражению одного высокостепенного бжедугского эффендия, свинцом засевают, подковой косят, шашкой жнут. Долговременная кавказская война, осиротив тысячи семейств и истребив тысячи частных

имуществ в горах, произвела множество хеджретов, в первом смысле, — в смысле сиротства и неимущества. Нынешний посланец Шамиля Магомет-Амин, подобно двум своим предшественникам, Хаджи-Магомету и Сулейману-Эффенди, находит в хеджретах ревностных поборников своим возмутительным и фанатическим проискам между закубанскими горцами, — не потому, чтобы хеджреты сочувствовали его лжеучению, а потому, что находят они возможность составить около него свой круг, свою шайку и получать от него деятельность, которая наполняла бы пустоту существований, не принадлежащих ни обществу, ни семейству. Так оторванные от берега песчинки долго крутятся в гибких волнах Кубани, пока не нападут на точку опоры, пока не остановятся и не установятся около ветки, сломленной ветром с нагорного дуба и увязшей на дне реки. Тогда, сцепляясь одна с другой, они образуют из себя нанос, — нанос разрастается в огромную промель, по которой падкий на добычу горец пробирается в беспечную казачью станицу...

Хеджреты принадлежат к разряду людей, для которых жизнь копейка, а голова наживное дело. Они во всякое время готовы на предприятия самые дерзкие, на похождения самые отважные. По одежде они последние бедняки, по оружию первые богачи. Дорогой оправой винтовки и лохмотьями черкески одинаково тщеславятся; молодого человека, надевшего бешмет с галуном, язвят насмешкой. В этом отношении, но уже, конечно, ни в каком другом, они сродни тем циникам, у которых сквозь дыры старых плащей проглядывала гордость. Кожа с убитого хеджрета, говорят горцы, ни на что не годится, но когти этого зверя дорого стоят. Про удалых хеджретов поют песни; прекрасный пол честит их предпочтением на празднествах, — а это самая вожаделенная награда для черкеса, — награда, для которой сердце молодого наездника бьется ровно и спокойно под свистом русской картечи, пред сверканьем русского штыка. По свободному ли сочувствию к храбрости, или по наущению стариков, царица шапсугского пира проходит, не поведя глазом, мимо

блистающих красотой и галунами юношей и подает руку оборванному, затертому в толпе хеджрету, чтоб с ним составить звено в цепи ушю-курая. (Господствующая в горах пляска, в которой девушки и молодые мужчины, сцепившись плотно рука с рукою, локоть с локтем, делают из себя живую, движущуюся гирлянду.)

За Кубанью хеджреты то же, что за Терекком абреки. Хеджрет (от арабского хеджра, бегство) значит беглец, переселенец. Это чужое название горцы благосклонно приняли и водворили в свой язык в честь хеджры, или бегства, основателя ислама из Мекки в Медину.

Но dokonчим обзор линии.

Естественные преграды, противопоставляемые открытым нашествиям неприятеля местностью низового протяжения линии, исчезают в зимнюю пору, когда воды и болота Кубани замерзают. Тогда, напротив, препятствия обращаются в выгоды для горцев. Как при наступлении, так и при отступлении, они с решительным успехом прикрывают свои летучие толпища дремучими камышами, которыми задвинут этот порог.

Такие резкие оттенки пограничной местности, очевидно, должны были внести некоторые особенности в образование военных сил и в самый характер службы черноморских казаков. Первая и существенная особенность является уже в том, что Черноморское войско имеет пехоту, — летучую штыковую пехоту, делающую по двенадцати верст в час; тогда как мы привыкли представлять себе казака лишь на хребте степного коня, или на корме вооруженной ладьи. Потом, как в пехоте, так и в коннице исстари ведется особенный, единственный в своем роде разряд стрелков-разведчиков (*clairleurs*), предприимчивых, мужественных, неусыпных, которых могли вызвать и воспитать только известная местность и известные военные обстоятельства. Это пластуны¹.

---

¹ Пластун значит собственно — охотник, егерь. Слово малороссийское, которого корень польское *plazy*, т.е. ползающие.

РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ

Пластуны

Они стоят на первом плане ниже-кубанской линии и служат ей верхней опорой. Их положение в отношении к кордонной линии почти то же, положение застрельщиков в отношении к первой боевой линии. В наблюдении за неприятелем они зорче и дальновиднее сторожевых вышек, хоть и не так высоко, как эти последние, поднимают голову. На них падает первое взыскание за неподмеченный издали, невозвещенный в пору налет хеджрета и прорыв психадзе. Они рассеяны по всем постам особыми товариществами, и преимущественно любят держаться в самых передовых, оторванных от главной черты широкими излучинами Кубани притонах, «батареях». Каждая батарея имеет трехфунтовую сигнальную пушку (через что и называется она батареей), из которой пластуны палят «на гасло», на тревогу, когда неприятель наступает слишком быстро и в больших, открытых силах.

Узнав место, занимаемое пластуном на линии, следует познакомиться с его наружностью и нравственными свойствами.

Это обыкновенно дюжий, валкий на ходу казак, первообразного малороссийского склада и закалу: тяжелый на подъем и неутомимый, не знающий удержу после подъема; при хотении — бегущий на гору, при нехотении — еле плетущийся под гору, ничего не обещающий вне дела, и удивляющий неистощимым запасом и разнообразием, бесконечной тягучестью способностей в деле...¹ Это тяжеловатый и угловатый камень, которым неопытный и нетерпеливый зодчий может пренебречь,

---

¹ Мы позволим себе повторить здесь факт, рассказанный одним старым кавказским офицером, в следующих словах. При мне служил казак Олекса Цап, примерно честный и рассудительный человек. В одном месте пришлось ему порядком побегать по седельникам и быть свидетелем досады, которую причиняла мне неудовлетворительная работа плохих мастеров; причем он обыкновенно молчал. Наконец я заметил ему с сердцем: «Ты виноват, что все плохих мастеров мне находишь». — «Я не ви-

но который, если его поворочать на все стороны, может угодить в главу угла. Из служивых людей различных народностей, входящих в могучий состав русского воинства, быть может, черноморец наиболее имеет нужды в указании, ободрении и добром примере, и потом этот же черноморец наиболее бывает благодарен и отдатлив за всякую заботу о нем, за всякую оказанную ему справедливость и за всякое теплое к нему чувство. В старых песнях о добрых вождях казачества слышен просто плач... Сквозь сильный загар описываемой личности пробиваются добродушие, которое легко провести, и вместе суровая сила воли и убеждения, которую трудно погнуть или сломить. Угрюмый взгляд и навощенный, кверху вздернутый ус придают лицу пластуна выражение стойкости и неустрашимости. В самом деле, это лицо, окуренное порохом, превращенное в бронзу непогодами, как бы говорит вам: не бойсь, перед опасностью ни назад, ни в сторону! Когда вы с ним идете в опасном месте или в опасное дело, — от его шагу, от его взгляда и простого слова веет на вас каким-то спокойствием, каким-то забвением опасности. И, может быть, отсюда родилось это поверье, что один человек может заговорить сто других против неприятельского оружия... Пластуны одеваются, как черкесы, и притом, как самые бедные черкесы. Это оттого, что каждый поиск по теснинам и трущобам причиняет сильную аварию их наряду. Черкеска, отрепанная, покрытая разноцветными, нередко даже, — вследствие потерянного терпения во время починки, — кожаными заплатами; папаха вытертая, порыжелая, но, в удостоверение беззаботной отваги, заломленная на затылок; чевяки из кожи дикого кабана, щетиною наружу: вот будничное убранство пластуна. Прибавьте к этому: сухарную сумку за плечами, добрый штуцер в руках, привинтной штуцерный тесак с

новат, — отвечал черноморец, — что в этом месте нет дельных мастеров. А если вы меня *виноватите*, так я все поправлю и заново сделаю не в пример лучше...» — «Разве ты знаешь седельное мастерство?» — «Трохи тямлю (немного смыслу)». Оказалось, что Олекса Цап превосходный седельник и шорник. Расхваливая его изделие, я не мог не спросить: «Отчего же ты мне прежде не сказал о своем уменье?» — «Але ж вы мене не пытали» (но ведь вы меня не спрашивали).

деревянным набойником спереди, около пояса, и висящие с боков пояса, так называемые причандалья: пороховницу, кулечницу, отвертку, жирник, шило из рога дикого козла, иногда котелок, иногда балалайку, или даже скрипку, — и вы составите себе полное понятие о походной наружности пластуна, как она есть...

Довольно занимательно это соседство балалайки и скрипки с бранными доспехами героя плавней. То ли еще можно видеть на казацком биваке, в закубанских походах! Не все же метать громы герою плавней, — и ему есть время и охота побренчать на мусикийском орудии. «Не всегда натягивает лук Аполлон, и он заставляет поразговориться молчаливую музу»¹. Не так давно был вот какой случай. Пограничного Корсунского куреня пластуна Омелько Вернигора во время домовой льготы, возьмет, бывало, ружье и скрипку и отправится на левую сторону Кубани охотиться за кабаном и оленем. Покончив с охотой, зайдет он по дороге в мирной аул (он же знал шалтай-болтай по-черкесски) и давай потешать молодежь бойкой игрой на скрипке. За то его угощали «четлипшем» и подчас ссужали арбой для перевозки к Кубани убитого кабана. Девушки и «баранчуки» особенно его жаловали, и если случалось, что он долго не навертывался в аул, скучали за ним. Охота за Кубанью требует большой оглядки; это одно из тех дел, которых даже мастер боится. Доводилось Омельку раз-другой накинуть глазом *немирных*; но это были одиночки, и он знал, что ему делать. Вместо того, чтоб переменить направление, или спешить укрыться, он держался своей тропинки и еще более выставлялся на вид. Горцы не видели пользы тратить с ним время и уходили себе, куда шли. Они подозревали засаду. Да притом храбрейший из горцев не откажется немножко струсить, если на него никто со стороны не будет смотреть, если не случится свидетелей с длинными языками. Когда нет в виду добычи, черкес любит, чтобы яркое солнце светило на его подвиг, чтоб на него смотрели если не сорок веков, так сорок земляков, у которых ведь сорок языков.

---

¹ Non semper arcum tendit Apollo,
Tacentem et ille suscitatur musam.

Наконец выпала Омельку Вернигоре недобрая встреча: шапсу-ги подстрелили его в ногу и накрыли лежащего. Сидит подстреленный пластун в глубокой яме, в немирном ауле, и думает думу, какую? — он про то знает. Ночи длинные; попытаться бы выкарабкаться из западни, так нога совсем не служит. Стало быть надобно потерпеть и выждать: Бог же не без милости, а казак не без доли. Действительно, отважному Омельку недолго пришлось горевать в неволе. Его вызволила скрипка. Когда в мирных аулах узнали о плене пластуна-Орфея, тотчас молодые хубхаеды, по просьбе своих «дыхедед-псассе» (пожалуй *dames de leurs pensees*) взялись пособить беде и благополучно выкра-ли пленника.

Рассказанный случай принадлежит к самым обыкновенным похождениям пластунов, которых дело — кочевать непрерывно по обоим берегам Кубани, в лабиринте плавней, которым задан нескончаемый урок — открывать неизвестные или вновь являющиеся тропинки в болотах и броды в пограничной реке, класть и поверять приметы на всех проходах, схватывать следы, залегать живым капканом.

Они пускаются в свои трудные поиски мелкими партиями, от трех до десяти человек. Искусство пользоваться местностью, по-своему, — чуткость, зоркий глаз, выстрел без промаху заменяют им численную силу. Пластун скорее теряет жизнь, чем свободу; а если, в недобрую минуту, и попадетя он в железный ошейник хеджрета, то скоро из него вырвется — «выкрутится». Купить в горах порядочному хозяину пластуна — один разор. Чтоб ни предложено было ему работать, у него один отзыв: не умею, а на уме одна мысль: уйти! Скоро или не скоро приберет он самый неупотребительный способ выплутаться из цепи или из колоды, выкарабкается в трубу очага и все-таки убежит в свою кубанскую плавню.

А какое добро в плавне? В весеннюю и летнюю пору там полно комара и мошки. Над проходящим или сидящим человеком эти кровожадные насекомые, жалиющие как крапива, сгущаются в облако пыли, крутимой вихрем, — и их усиленное гуденье дает заметить сторожкому психадзе, где приготовлена ему засада. Зима приносит пластунам неодолимые трудности.

Тогда их скрытные пути погребены под сугробами снега, сметаемого в болота с возвышений, тогда их походы оставляют по следу глубокие отпечатки, которых ничем не заметишь; тогда обнаженные камыш и кустарник их не укрывают и конный хеджрет набегаёт на них, ни оттуда, ни отсюда. Турецкая армия, как известно, бывает плоше зимою, чем летом. То же заметно отчасти и в пластунах. Однако суровые питомцы боевых невзгод и в зимнюю вьюгу, как в летний туман, идут бодро и терпеливо навстречу опасности; проводят в своих отважных похождениях целые сутки сряду, чутко стерегут приближение врага, и первые встречают его своими меткими выстрелами, и первые приносят на посты вести о «неблагополучии». Замеченные, в свою очередь, вдали от опорных пунктов и достигнутые превосходным в числе неприятелем, они умеют так рассчитать свой огонь, что не скоро дадут подавить себя многолюдством. Были примеры, что пять-шесть дружных односумов, неся на своих плечах многолюдную погоню, в первой попавшейся им навстречу, чаще камышу, осоки, можжевельнику, оборачивались, разом прикладывались в противников и, не открывая огня, приседали, кому за что пришлось. Этот смелый и решительный оборот останавливал преследующих. Они вдавались в опасение засады, начинали осматриваться на все стороны и открывать медленный, рассчитанный огонь, на который, однако ж, казаки не посылали ответа. Ободренные этим молчанием, горцы принимали движение в обход или бросались напрямик в шашки с обычным криком, который не всегда выражает у них увлечение на решительный удар. Но от страшного, как и от высокого, один шаг до смешного. В том месте, где казаки присели, горцы находили только шапки и башлыки, надетые на сломленный камыш. Пластуны уже исчезли как привидение, и горцам осталось только повторить часто употребляемое восклицание: «шайтан гяур!»

Ясно, что отправление подобной службы, во всем ее странстве и во всех ее случайностях, не может быть подчинено определенному наблюдению, уставу и контролю. А потому пластуны предоставлены в своих поисках, засадах и встречах соб-

ственной предприимчивости и изобретательности. Они отда-ют отчет только в упущениях. Может быть, из этой отрешенно-сти в трудном подвижничестве пластуны черпают свои воен-ные добродетели: терпение, отвагу, сноровку, устойчивость и, на придачу, несокрушимое здоровье. Когда по линии смирно (это бывает обыкновенно во время полевых работ), они обра-щают свои поиски в охоту за диким кабаном, козой, оленем, и таким образом непрерывно держат себя в опытах своего труд-ного назначения.

Охота за кабаном требует не меньше осмотрительности, как поиск за неприятелем, и учит правилу:

Хоч утека, не все женися.

Два пластуна, отец и сын, залегли ночью на кабаньем сле-ду, в плавне. Только рассвело, послышались им пыхтенье и хруск: огромный черный кабан ведет свою семью к водопою¹. Пластуны произвели легкий шорох, кабан насторожил уши и стал как вкопанный. Отец предоставил себе честь первого вы-стрела, — выстрелил и поранил, но не повалил кабана — не уго-дил старина ни в лоб, ни под лопатку. Свинья с поросятами шарахнулась назад, а кабан сделал было яростный прыжок впе-ред, на первый запах порохового дыма, но, ощутив рану, тоже повернул назад и покатил вслед за своим стадом. Отец продул ружье и стал заряжать, ворча, — успел-де понаведаться дурной глаз, начинает моя литовка легчить... А сын со всех ног махнул за раненым зверем по горячему следу. Видит он кровавую струй-ку и слышит звучный треск очерета впереди себя, да никак не

---

¹ Дикий кабан кубанских плавней, до четырех лет своего возраста, носит рубашку пеструю — желтые полосы с темными, а в четыре года (это его совершеннолетие) получает он сплошную черную и лоснящуюся шерсть. Это животное многогамное. Самец, как Сатурн, пожирает своих нововыметанных детенышей, если самка, как Рея, их не спрячет. Выво-ды (от восьми до двенадцати рыл) отделяются от самца и самки не преж-де, как по достижении четырехлетнего возраста. Поэтому кабаны живут большими семьями и, при нападении волков, умеют строить неодолимое каре: сильные впереди, слабые в середине. При нападении охотника глаза кабана, маленькие и выразительные, горят гневом, уши ходят ходенем, углы рта пенятся, длинная шетина на хребте встает дыбом, и весь вид жи-вотного поистине бывает страшен.

уловит глазом утекающего зверя, — слишком густ был очерет. Пробежал он этак шагов сотню; кровавый след и торопливый треск все впереди его... Вдруг что-то сзади толкнуло его в ноги и больно, будто косою,хватило по обеим икрам. Повалился пластун навзничь и очутился на спине кабана. Тряхнул кабан спиной, махнул клыком и располосовал пластуну черкеску с полущубком от пояса до затылка. Еще одно мгновение, один взмах клыка — и свирепое животное выпустило бы своей жертве все внутренности; но в это бедовое мгновение раздался выстрел, пуля угодила в кабанье рыло, пониже левого глаза, и кабан с разинутой пастью растянулся на месте во всю свою трехаршинную длину. То был выстрел отца молодого пластуна, так удивительно попавшего на кабаный клык, лезвие которого чуть ли не острее черкесской шашки. А удивительного, впрочем, тут ничего нет. Раненый кабан, чуя за собою близкую погоню и прикрывая бегство своей самки с детенышами, бежал-бежал, да вдруг вернулся назад, по своему следу, прыгнул в сторону и сделал засаду на своего преследователя, которого и подкузьмил сзади, как скоро тот миновал его. Обе икры бедняка были прохвачены до кости. «А шо, хлопче, будеш теперь знати, як гнатись, да не оглядатись», — проговорил старый пластун, перевязывая сыну раны и журя его за неосмотрительность.

Природа мой букварь, а сердце мой учитель — говорит мудрец; пластун скажет, что плавня с дикими ее жильцами — его военная школа, а охота — учитель. И действительно, в этой школе приобретает он первый и твердый навык к трудам, опасностям и самоотвержению, и из этой выучки выходит он таким совершенным стрелком, что бьет без промаху впотьмах не на глаз, — на слух. Примеры подобного стрелецкого совершенства между пластунами многочисленны, иногда даже печальны. Приходит иногда в курень с кордонов плачевная весть, что в темную ночь пластун Левко застрелил пластуна Илька на засаде, в глухой плавне, пустив пулю на хруск камыша.

Пластуны принимают к себе новых товарищей, большею частью, по собственному выбору. Прежде всего требуют они,

чтобы новичок был стрелок, затем что на засаде, в глуши, без надежды на помощь, один потерянный выстрел может повести дело на проигрыш; потом требуют, чтоб он был неутомимый ходок — качество, необходимое для продолжительных поисков, которым сопутствуют холод и голод — и наконец, имел бы он довольно хладнокровия и терпения про те случаи, когда надобность укажет под носом превосходного неприятеля пролежать в камыше, кустарнике, траве несколько часов, не изболчив своего присутствия ни одним неосторожным движением, затаив дыхание. Иногда — странное наведение! — эти разборчивые и взыскательные подвижники принимают, не говоря ни слова, и даже сами заывают в свое товарищество какого-нибудь необстрелянного «молодика», который еще не перестал вздыхать по «вечерницам» своего куреня, и еще не успел представить ни одного опыта личных своих служебных достоинств, но которого отец был славный пластун, сложивший свои кости в плавне. Вообще пластуны имеют свои, никем не спрашиваемые, правила, свои предания, свои поверья и так называемые характерства: заговор от пули, от облоя горячего коня, от укушения змеи; наговор на ружье и капкан; «замовлень» крови, текущей из раны, и проч.; но их суеверья не в ущерб вере и не мешают им ставить свечку святому Евстафию, который в земной своей жизни был искусный воин и стрелец, сподобившийся видеть на рогах гонимого им пустынного оленя крест с распятым на нем Господом¹.

Что касается тактики пластуна — она немногосложна. Волчий рот и лисий хвост: вот ее основные правила. В ней вседневную роль играют: след, «сакма», и засада, «залога». Тот не годится «пластуновать», кто не умеет убрать за собою собствен-

---

¹ «Я стану шептати, ты ж, Боже, ратовати...», т.е. избавлять, выручать... Вот, сколько известно, начальная формула заговоров и наговоров.

Нельзя не обратить внимания на самое слово *характерство*, которым определяется всякое волхование на случайности войны, а особенно заклинание или знамение, ограждающее воина от раны в бою. Известно, что подобное суеверие и у французов выражается словом *caractere*. Например: *Il ne fut pas tue, parcequ'il portait un caractere*. Какой ветер занес название поверья и, может быть, самое поверье с берегов Сены на берега Днепра, а оттуда и на берега Кубани?..

ный след, задушить шум своих шагов в трескучем тростнике; кто не умеет поймать следы противника и в следах его прочитывать направленный на линию удар. Где спорят обоюдная хитрость и отвага, где ни с той, ни с другой стороны не говорят: иду на вас! — там нередко один, раньше или позже схваченный след решает успех и неудачу. Перебравшись чрез Кубань, пластун исчезает. А когда по росистой траве или свежемуснегу след неотвязно тянется за ним, он заплутывает его: прыгает на одной ноге и, повернувшись спиной к цели своего поиска, идет пятками наперед, «задкует», — хитрит, как старый заяц, и множеством известных ему способов отводит улику от своих переходов и притонов. Как оборотни сказок — что чудно-дивно меняют свой рост — в лесу вровень с лесом, в траве вровень с травой, — пластуны своими мелкими партиями пробираются с линии, между жилищами неприязненных горцев, к нашим полевым закубанским укреплениям и оттуда на линию. Истина общеизвестная, что шаг за низовую Кубань — шаг в неприятельский лагерь, потому что поселения горцев на самом деле составляют обширный военный стан, в котором шатры заменены хижинами, не много, впрочем, отличными от бивачных шалашей. И какая бдительность, какая удивительная готовность в этом оседлом лагере! По первому дыму сигнального костра — днем, по первому выстрелу и гикну — ночью, все при ружье, все на коне и в сборе. И между тем, — истина не менее известная, — в прежние годы, когда еще в горах не было русских укреплений, а в обществах горцев не было так называемых «приверженных» к нам людей, пластуны проникали в самую сердцевину гор, осматривали местоположения аулов, сторожили за неприятельскими сборищами и их движениями, — и своим бескорыстным самоотвержением заменяли продажные, так часто лживые услуги нынешних лазутчиков.

Во всех обстоятельствах боевой службы пластун верен своему назначению. На походе он освещает путь авангарду; или, в цепи застрельщиков, изловчается и приманивается, как бы вернее «присветить» в хвастливо-гарцующего наездника; или, наконец, бодрствует в отводном секретном карауле за сон ротно-

го ночлега. В закубанском полевом укреплении он вечно на поисках по окрестным лесам и ущельям. Его услужливая бдительность предохраняет пастбища, рубки дров, сенокосы и огородные работы при укреплениях, а тем более и самые укрепления от нечаянных нападений.

Наши закубанские укрепления снабжены, сверх других средств обороны, ручными гранатами, про случай штурма. Пластуны придумали этим праздным снарядам свое особенное употребление. Пускаясь иной раз в слишком отважный поиск, они берут в свои сумки несколько ручных гранат; когда дойдет до тесных обстоятельств, они зажгут и бросят гранату в нос шапсугам, а сами — давай Бог ноги. «Нуте ж, ноги, да не лускайте».

По ныне действующему войсковому положению (1842 года), пластуны, так сказать, получили право гражданства в рядах военных сил Черноморского войска. Они признаны отдельным родом, и число их определено штатом: в конных полках по 60, в пеших батальонах по 96 человек в каждом. (Но их много сверх этих штатных чисел.) Вместе с тем, в справедливом уважении к их более трудной и полезной службе, назначено им преимущественное, пред прочими товарищами их, жалованье. Жалованье жалованьем, а как, по казацкой пословице, «вовка ноги годуют» (кормят), то и с вертела пластуна, во весь мясоед, не сходит лакомая дичь...

РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Плавни

— Куличе, куличе! як ти у болоті живешь?

— А я привык.

Свет, говорят восточные мудрецы, не что иное, как караван-сарай. Можно прибавить, что этот обширный караван-сарай очень давней постройки и требует непрерывных поправок. Особенно плохи в нем стали водопроводы и фонтаны. Постоляцы озабочены своими делами; были, да уехали, — а неисп-

равности старого здания становятся заметнее и заметнее. Уголок, в котором остановились черноморцы, дает слишком невыгодное понятие о съехавших перед ними постояльцах. Что это за неряхи были такие, что за беззаботные и буйные головы! Все переломали и опустошили. От диванов остались одни щепки, от цветочных горшков одни черепки. Но что особенно они понаделали с водотоками и водоемами, до чего их довели! Трудно пересказать: везде только лужи да плавни.

В природе, на каждом шагу — противоположности. Чем ярче краска, тем скорее заметна полинялость. Чем блистательнее свет, тем мрачнее тень от него. От гор, которыми все восхищаются, падает своя тень, которую никто не захочет восхищаться. Это плавни.

В верховых, более открытых участках линии, они залегают перемежающимися займищами, «кутами». Таково господствующее свойство прибрежной местности на протяжении первых трех участков, от Редутского до Славянского поста, который находится на половине кордонной линии. Отсюда до самого взморья плавни тянутся широкой полосой, с частыми «грядками», то есть незаметными для глаза, меж камышей, прогалинами открытой и сухой земли. Эти-то естественные плотины и служат воровскими путями предприимчивым психадзе. Мрачна эта дымящаяся туманом закраина зеленых степей и синих гор, — где гражданственность и дикость столкнулись на долгую борьбу. Как опустелое поле совершившейся битвы, уныло это широкое дно, покинутое шумными волнами древнего, величественного Гипаниса, поросшее очеретом и ивняком по бороздам якоря. Печальна эта дряхлая старость высокородного «князя рек», кипятком пробежавшего свою молодость.

От поста Славянского Кубань начинает уставать под своей водной ношей и слегчает ее в боковые каналы; но горы насылают ей новые избытки, и она, не зная куда с ними деваться, бросает их по удолам побережья. Кордонные укрепления отодвигаются к гребню старого берега, избегая наводнений и ища корму для коня, «пайщика службы шарския», терпеливого товарища еще более терпеливого стража этой пустыни. Остатки

разливов по набережью то расплываются в широкие плеса, то смежаются в «урмы» — узкие, беспорядочные течения. Их задвигают «плавы», то есть плавающие островки, от которых и местность получила свое название. Плавы состояются из корневой болотных растений и наносного илу. По этому основанию бывают они покрыты землей, из которой вырастают травы и цветы. Эти подвижные торфяники напоминают описание цветников и огородов, которыми покрыты озера около Мексики; но там творит искусство, а здесь колобродит природа, покинутая разумной помощью человека.

Подаваясь вниз по течению Кубани, к Ахданизовскому лиману, вы погружаетесь в самую глубину плавней и находитесь в участке линии, самом неудобном для обеспечения от опасности. Напрасно взор ваш, измученный мрачным однообразием узкой дорожной просеки, ищет простора или предмета, на котором мог бы отрадно остановиться и отдохнуть. Дремучий, безвыходный камыш! При ином повороте лениво подползет к дороге узкий ерик, дремлющий в своем заглохшем ложе, под одеялом из широких листьев водяного лопушника, водяной лилии и фиалки, — либо протянет к вашему стремени свои усохшие, искривленные ветви чахлая ветла, словно увечный, покинутый товарищами путник. Молит он проезжего о помощи, а проезжий... как бы только самому скорее проехать. Где мелькнет дикая коза и перебежит фазан, где-где покажется высокая пика разъездного казака, молчаливого, бесстрастного и угрюмого, как окружающая его местность. Глушь и оцепенение кругом. Только невнятный шепот камышей, слегка машущих своими салтанами; только однозвучное жужжание кружащих над вашей головой насекомых, да при объезде какого-нибудь лимана кваканье целых сонмов лягушек, — базарная болтовня, вздорная, удручающая ухо и внимание. То вам слышится в ней бесконечный шум шибко работающего мельничного жернова, то неровный треск раздираемой ветоши... Там долетит до ваших ушей какой-то задушенный вой, быть может, волчий, а там резкий, тоскливый писк ждущих корму птенцов хищной птицы. И это вздрагивание и этот бред погруженной в горячечный сон природы отдается в вашем чувстве самосохранения заветным

напоминанием отшельника: «memento mori!» Покинутое внешними впечатлениями воображение разыгрывается, наполняется мрачными представлениями опасности близкой, готовой вспорхнуть из-под копыт коня. Зловещее предчувствие неравного боя, внезапного плена и лишения всех прав гражданской личности — неволи в горах, налегает свинцом на душу. Завидев прежде вас обгорелый пень, чуткий конь поднимает голову, храпит и робко путает свои шаги. И вот где-то близко затрещал тростник, может быть, под клыком кабана, может быть, под чевяком психадзе. Всадник вздрагивает и торопливо заносит руку на приклад ружья. Чу — раздался выстрел и в медленных перекатах замер где-то в бездонной глубине, в бесконечной дали. И стая лебедей тяжело поднялась над лиманом, и стадо кабанов шаркнуло в камышах с треском и гуденьем. И всадник едва может сдержать сполохнувшегося коня.

Берега жизни вначале улыбаются и зеленеют, воздух благоухает, птицы поют по набережью, в кустарнике, — и солнце, поднимаясь из загустых ив, обещает прекрасный день. Между тем как ваша ладья скользит потихоньку, а вы, исполненные веры в будущее, нападаете на нее за то, что она медленно движется, ваша душа и ваше тело наслаждаются таким отрадным привольем, что вы находите удовольствие уже в том одном, чтоб жить.

Но те, которые плывут по реке впереди вас, кричат вам издали, — и их голос неприятно заглушает гармоническое журчание воды, колышущей тростник и трепещущей, — они кричат:

— Не предавайтесь этому удовольствию, которое нежит ваши чувства; это обольщение, это фантасмагория; все это, вот и не видно, как исчезнет.

Так они кричат, потому что они уже не видят по берегам ничего больше, кроме травы пожелтелой и обгорелой, кроме старых, усохших елей и воды, едва-едва движущейся, да болот, распространяющих гнилые испарения. Они желали бы подняться вверх против течения; но никакая человеческая сила сделать этого не может. Они думают, что эти прекрасные берега убежали, преобразились; нет, лишь сами они их миновали, а

берега остаются на месте для тех, которые следуют позади их и которые так же их минуют... Жизнь делится на три полосы: надежду, наслаждение и сожаление. Течение неотразимо увлекает вас чрез эти полосы, как бы вы ни были могучи. Вам надобно пройти там же, где проходят другие. Вы желаете остановить ваш взор на растении, подышать запахом цветка; нет, — течение вас увлекает, — ступайте. Удовольствие остается, а вы мчитесь. Вид растения, запах цветка, пение птички, есть позади вас люди, которые наслаются ими одну минуту, и которые, как вы, минуют их с сожалением...¹

РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ

Закубанские укрепления. — Закубанские воры

Ense et aratro²

Обитатель и оберегатель понизовья Кубани, черноморский казак домостроителен, как бобр. С этой склонностью он не разлучается и на службе. В походе за Кубанью, где только он сложит свою сухарную сумку, там тотчас явится, из земли вырастет «курень», шалаш. Недаром он зовет куренем и свою слободу, которая, по силе такого наименования, всюду за ним следует, то есть, можно сказать, что следует... Потом, едва кашевар успеет развести огонь и установить свой треножник, как уж «братья» похозяйничали: одни подсадили кабана, истребителя черкесских хлебов, другие наловили рыбы. По неимению никакой снасти, рыболовы должны были подняться на хитрость — превратить в сеть рубаху и ближайшую к ней статью казацкого партикулярного одеяния.

А если закубанский отряд для какой-нибудь военной операции простоит на одном месте продолжительное время, то шалаши казацкого бивака, принимая незаметно большие и

---

¹ Sous les tilleuls. *Alphonse Karr.*

² Мечем и плугом (*лат.*) — *Примеч. ред.*

большие объемы (потому что казаку все как-то тесно), достигают, наконец, размеров хат, из которых простодушно, как дома в слободе, выглядывают изредка и «дымари» — плетеные дымовые трубы. Около них возникают хлевы, насести, ясли, скотные дворы. Куры кудахтают, телята мычат, бараны блеют, — и на казацком обеде, в праздничный день, — кто поверит? — являются даже «вареники», — блюдо, как известно, любимое потомками Палея и Наливайка выше всех съестных благ мира сего; но вместе с тем, блюдо удивительно сложное и оседлое, и на походе возможное разве в поэтической мечте, в сладостном воспоминании да в игривом сновидении.

В постоянной службе на кубанском кордоне черноморский казак, когда ему нечего делать, кропает ножом ложку, вырезывая на ее рукояти и на обороте ее дна разные потешные узоры, долбит корыто, стружет вилу или ось и плетет из свежих ивовых прутьев «кошель», — подвижную житницу для зерна своей нивы. Если он человек малосемейный и малоимущественный, то кошель его имеет вид кувшина. А *petit mercier petit panier*. А если он отец большой семьи и обладатель полного плуга, то произведение его получает вид и широкий объем закрома. Пожалуй, оно займет его досуги на полгода. Тем лучше, — подобная полуробота разгоняет грусть-кручину казака по домашних и сближает его нравственно с далекими пенатами. В те минуты, как он плетет «всыпище» для своего амбара, улыбка шевелит его длинный ус и услужливое воображение плетет ему узорчатые, разумеется, воздушные кружева домашнего довольства, домашних радостей. За этим плетеным подарком приедет к нему на кордон, перед сменою, его молодлица круглолицая. С ней приедут домашние «поляницы»¹ и дети. Он взвалит кошель на воз и посадит в него детей. Малютки будут щебетать от удовольствия, как молодые ласточки в гнезде, откуда видны одни только их носики. Нужно ли больше пояснять вам, отчего улыбка

---

¹ Корень этого слова поле. Так назывались встарь в малороссийском войске небольшие пшеничные хлебцы, которыми казаки запасались, выходя в поход, в поле. Теперь это название принадлежит белому хлебу вообще.

шевелит суровый ус в те минуты, как привычка к труду шевелит руку, возделывающую пустырь и карающую врага гражданственности?

В Закубанских укреплениях, выдвинутых далеко вперед от линии и имеющих редкие сношения с нею, домостроительное свойство черноморцев достигает полного приложения к делу. Там, отчужденные от всего остального цивилизованного мира, они заводят огороды и бакши и, как Ной, только что вышедший из ковчега на трезвую землю, сажают виноградную лозу; там выделывают они кожи, выжигают горшки, плошки и разную глиняную посуду; а о постройках и заведениях, приятно напоминающих им жизнь домашнюю, и говорить нечего. Выходит, что черноморской казак способен приниматься для оседлой жизни на всякой почве, при всякой погоде, и что с несомненным успехом растет он живой изгородью на рубеже государства...

Вот польза занятия непокорного края нашими укреплениями, а укреплений таким войском, которое вместе со штыком носит заступ и вместе с порохом — семена колонизации.

Да, приговор справедлив; но справка к нему еще неполна. Вот второстепенные и однако ж важные обстоятельства дела.

В населении, густо покрывающем леса и ущелья Закубанских гор, нет обществ, потому что нет власти. Там есть только связи, постоянные и преходящие: одни связи крови и рода, другие связи для встречи общей опасности или для общего похода за добычей, за золотым руном, и третьи связи для разбирательства споров и развода столкновений, неизбежных во всяком сборище людей, как бы ни держались они врознь друг от друга. Но там неведом общество-закон, заповеданный в Божественном слове: «друг друга тяготы носите», и «воздадите Кесарева Кесареви». Неизвестны там и те бесчисленные благодеяния, которыми общество облегчает каждому из нас ношу жизни в замену обязанностей, им на нас возлагаемых. Эгоист-дикарь открывает глаза на одну только сторону общества, закрывая их для другой, — видит общество, взыскующее лихву, но не видит общества, дающего таланты, и вот почему страшится

он сделаться нам согражданином и собратом. И что же? За свое грубое ослепление он обречен бороться с волнами и бурями жизни, без кормила и якоря, без пристанища и убежища. Впадая в сиротство и нищету, делаясь жертвою многообразных зол рока или порока, он видит себя в беспомощном положении плователя, выброшенного на пустынный берег. Опека, призрение, общественное воспитание, общественное исправление, общественная благотворительность, все многообразные виды покровительства, обуздания и воздаяния общества — для него не существуют. Про частную благотворительность можно сказать: дитя не плачет, мать не понимает; одному обществу дано заглаживать несправедливость или смягчать справедливость и гнев судьбы. И вот от чего непокорные аулы Закубанских горцев обременены людьми, выросшими без всякой отцовщины, без призрения, без воспитания, без религии. Никто не может сказать, как эти люди выросли. Ничего не посеяно на пустыре их нравственного существа, возросли там одни волчьи животных стремлений. Повинуясь преобладающему из них стремлению к обеспечению своего существования и к соделанию его приятным, — каково оно у людей имущественных, эти бедняки преданы воровству всеми своими способностями. Жить и воровать для них одно и то же. Воровать у русских или у своих — для них все равно. Отчего же эти люди не живут и не богатеют работой у других людей? Оттого, что у другого может работать только «пшитль», раб, но никак не «тльфекхотль», свободный человек, каковы шапсуги все. И оттого, что есть потребности, до удовлетворения которых, если тащиться путем работы, надобно доходить годами, а удовлетворение их нужно сейчас. Нужна жена, а ее не дадут даром. И если в библейские времена служили за Рахиль в работниках по шести лет, то, при нынешней дороговизне женщин в горах, шапсугу пришлось бы прослужить вдвое больше. Итак, чтоб иметь возможность жениться, что имущественному человеку легко сделать законным и нравственным образом, бедняк из-за того ворует. За доказанное воровство его присудили к уплате пени, он еще ворует. За рану, нанесенную им своему соседу в драке (а он очень скор на это) его опять присудили к пени, и он опять

ворует¹. Ворует он до тех пор, покамест какой-нибудь решительный человек не подсидит его и не поступит с ним, как с втравившимся в овчарню волком. А это не так скоро может случиться, во-первых, потому, что воровство в обычае и даже в нравах адигских народов, — ни дать, ни взять, как было оно в нравах древних воинственных спартанцев. Воровать не стыдно, только попадаться стыдно. Более презрительного попрека не может сделать девушка-невеста присватывающемуся к ней молодому человеку, от которого нисколько еще не пострадала осьмая заповедь, как сказав ему, что он доселе и дойной коровы украсть не умел. Во-вторых, потому, что между горцами немного отыщется людей, у которых поднялась бы рука на истребление самого вредного для общества негодяя. Раз из мирных аулов был приведен к казакам, на кордонный пост, молодой черкес — отъявленный и неисправимый вор. Приведшие его убедительно просили казаков утопить этого негодяя в Кубани. Казаки были немало удивлены и спросили соседей: «хиба ж вы сами не зъумеете сёго зробишь?» — «Нам, братцы, грех, — отвечали черкесы, — мы свои, мы одна кровь».

Впрочем, погибая где-нибудь в тесном закоулке от ночного кинжала, вор может сказать, как Муций Сцевола: за мною еще триста таких же отчаянных голов.

Если что еще обуздывает воровство, так это трудность сбыта воровских животных и пожитков. Появление наших укреплений за Кубанью втайне обрадовало воров, которые увидели в них удобные пристани для поспешного сбыта предметов своей промышленности. Действительно, ни с чем они так не навязываются к черноморцам, занимающим укрепления, как с воровскими предметами, за которые выпрашивают самую

---

¹ По адату, то есть по народным обычаям и преданиям Закубанских горцев, за всякое преступление, даже за человекоубийство, виновный присуждается к уплате пени. Других наказаний нет. Такое уложение похоже на «Русскую Правду» Ярославову и, без сомнения, имеет общее с нею происхождение. В назначении пеней, особенно когда дело идет об удовлетворении князя или «уорка», нет никакой умеренности. Для уплаты их, при нынешней бедности горцев, нередко продают все имущество ответчика, продают в рабство его самого, его жену и детей.

ничтожную цену. Они готовы выкрасть у своих соотчичей лошадей и сделать их пешими; готовы выкрасть у них оружие и сделать их беззащитными; готовы, наконец, выкрасть рогатую скотину и баранов и сделать их голодными и холодными. Словом, наши закубанские укрепления могли бы сделаться сифонами, способными вытянуть из непокорных аулов все средства к сопротивлению и к существованию, если б только мы захотели воспользоваться недостойными орудиями в недрах самых враждующих против нас населений сокрытыми. Но честь и слава русскому оружию и русскому правительству! Ворота закубанских укреплений крепко заперты для толкущих в них обкрадывателей наших заблуждающих противников. Для базаров, бывающих при укреплениях, постановлено даже правило, внушенное нам великодушным опасением, как бы не купить чего-нибудь воровского, незаведомо того. Правилom этим требуется, чтобы всякое проданное горцем на базаре животное было выдержано при укреплении трои сутки на испытании — не окажется ли оно воровским.

Будем справедливы и к черноморцам, верным и добро-совестным исполнителям благих намерений правительства. В строгом повиновении запрещению принимать предложения закубанских воров они показывают честность примерную и твердость духа фабрицианскую. Соблазн велик. За воротами укрепления ржет добрый черкесский конь. На своей стороне не купить такого коня ни за сто рублей; а его отдают за пять. Там же мычит проголодавшийся «огуз», подъяремный вол, не так рослый, но крепкий и способный тянуть плуг по казачьей борозде; за него возьмут всего-то полтора карбованца¹. Так, огуз мычит привлекательно, а конь ржет пленительно; но что, в то же время, напевает совесть, которая никогда не молчит и не дремлет в нравственной природе черноморского казака? — И совесть ничего, — она снисходительно

---

¹ Из наших денег горцы берут одно лишь серебро (сребролюбцы!) и изредка медную монету; золота не берут, потому что вовсе не знают цены этого металла, не существующего у них ни в каких изделиях. Про них, Калифорния могла бы подождать еще несколько тысячелетий открывать свои заветные златохранилища.

объясняет: десятая заповедь не велит желать ни вола, ни осла ближнего своего, а это неприятельское... Видите теперь, каков соблазн-то.

Есть между горцами люди, которые разумеют и ценят наше великодушие в борьбе с ними и нашу рыцарскую разборчивость в средствах. О том и другом они отзываются с уважением, вполне сознанным, хоть и не слишком громко высказанным. Настолько же признательны они и к нашей осмотрительности в пропуске за Кубань железа и железных изделий. Через это между закубанскими ворами не может распространиться страшное в своем роде орудие — буравль. Для черкесских воров буравль то же, что для наших сказочных разбойников волшебное растение «разрыв-трава». Надобно знать, что закубанские горцы совсем незнакомы с употреблением железных запоров и замков. Двери их конюшен и кладовых заколачиваются на ночь деревянными клиньями. От чего в аулах каждый вечер и в одно время поднимается всеобщий стук, которым и заканчивается шум дневной деятельности.

Дверной запор горца гремит, колесо его арбы скрипит; но его шашка, упрятанная вместе с рукоятью в сафьянные ножны, не звучит; его винтовка, скрытая в черном косматом нагалище, как молния в туче, не блестит, пока не грянет громом выстрела; его чевяк, мягкий и гибкий, как лапа тигра, не стучит; его конь, охлажденный ножом легчителя, не ржет на засаде; его язык, скудный гласными и составленный из односложий, не имеет звуков при сговоре на ночное нападение...

При отпираньи, клин выбивается с другого конца, с тем же стуком. Выходит, что воровское ночное покушение отпереть дверь, заклепанную таким запором, не может обойтись без шума. А сон горца тонок, его жилье, амбар и стойло сдвинуты тесно; ясли коня от спальни наездника отделены одной тонкой перегородкой, и сквозь нее протянута привязь. Так вот, чтоб отпереть вышеобъясненный патриархальный запор без шума, вору прибегают к помощи буравля. Буравль направляется с головной части клина и вползает в него так тихо, как змея в нору; клин раскачивается и, уступая силе во-

ровских рук, выходит из своего гнезда без обычного, шумного содействия долбни, похожей (сказать мимоходом) на тех друзей, которые, оказывая вам услугу, шумят про нее на весь базар.

Вот почему зажиточный горец смотрит на буравль, как на орудие предательское и пагубное для его благосостояния. Самовар про нас хуже пушки и шерстяной шарф хуже шейной цепи: горло бутылки опаснее штуцерного дула, а буравль — это змей-искуситель для нашей молодежи, и смотрите, чтоб он не удружил нам изгнанием из дженета, — так проповедуют Несторы шапсугских сходок.

Один из великих двигателей нынешнего времени, архимедов винт, мог бы сдвинуть земной шар с его основания, если бы вне его нашлось место, куда эту страшную механическую силу упереть. Простой винт русского буравля мог бы сдвинуть с гор и опрокинуть на казацкую степь пожитки шапсугов и натхокаджей, если б в возвышенно-благородном образе мыслей и действий русских могла найтись ему точка упора...

Но последнее так же невозможно, как и первое. Разумейте языцы и покоряйтесь.

Уразумеют и покорятся. «Ты что сеешь не оживет, если не умрет». Придет время, и из русских костей вырастут на земле дикарей мир, безопасность, гражданственность, просвещение. Что наши нынешние укрепления, как не зачатки будущих органических, исполненных блага поселений? Сперва четыре вала полевого укрепления, потом четыре длинных, опущенных терновником плетня станицы, наконец хоромы и храмы города, — вот формы, под которыми последовательно и жизненно развивается русская мощь на Кавказе. Напрасно краснобаи шапсугских сходок, «языки народа»¹ льстят своим слушателям, отзываясь о русских укреплениях, что весь вред от

---

¹ Как все дела у горцев производятся и решаются устно, то дар слова ценится и уважается у них наравне с храбростью, часто и выше. *Caedant arma togae*. Люди, получившие от природы и обработавшие упражнением талант красноречия, бывают уполномочены от своих общин говорить за них в собраниях народных, и тогда они называются «язык народа». Быть языком общины, или быть вожаком шайки — две ступени, выше которых уже не могут подняться честолюбивые вождения горца. А как истинные

них заключается в потере какого-нибудь лоскута земли, едва достаточного под огород одного хозяина. Если это так в самом деле, то зачем они во всех своих хитросплетенных переговорах с нами о миролюбии и покорности прежде всего и больше всего домогаются уничтожения наших укреплений? Нет, горцы всегда трусили возведения крепостей на своей земле. В 1783 году, по присоединении Крыма к России, турки затеяли построить крепость на северо-восточном берегу Черного моря, на земле натхокаджей. Старейшины родов Натхокаджского племени долго не решались дать свое на то согласие; наконец задобренные подарками и обольщенные обещаниями выгод от торговли ясыром (пленными людьми), они, один по одному, перешли на сторону предприятия турок. «Большая важность уступить пядь земли, на которой мог бы установиться турецкий кальян», — говорили родоначальники, передавая своим женам парчу и дараю, привезенные ими с турецких кораблей. Но был один старейшина из сильного рода Супако, впоследствии прозванный Калечатом, который не сдавался ни на какие предложения и обещания и упорно противился сооружению крепости на земле своего племени. Он возвышал голос в народных совещаниях и остерегал своих соотечичей такую речь: «Турция не то, что мы; Турция государство. Она может вести войну с другим государством. По жребию войны, крепость может перейти во власть государства победоносного. Тогда и вся земля, на которой будет стоять завоеванная крепость, законно перейдет в обладание того же государства». Но противодействие одного, при согласии всех, было голосом вопиющего в пустыне. Крепость воздвигнута. Это нынешняя Анапа. Однако нога

таланты всегда и во всем редки, то крикуны, представляющие шумное горло толпы, большую часть бывают тонкие софисты и казуисты, запутывающие дела в такие узлы, которые уже не развязываются словом, а рассекаются лезвием шашки. Сверх того, в аулах Закубанских горцев повторяется явление, современное мелким республикам ахейского союза, — именно, что красноречие и храбрость, сила слова и сила руки редко достаются в удел одной и той же личности. «Язык народа», гремящий на джемаатах грозными филиппиками против русских, редко издает резкий гик перед русским штыковым «ура».

Калевата до самой его смерти не была в стенах Анапы. А пока пугавшая его крепость не отстроилась, он нападал на нее с своими людьми и не раз прерывал и повреждал работы. От чего и получил он прозвище Калеват, — что значит: «разоритель крепости».

Не только оружие, но уж одно близкое присутствие наше сокрушает строптивый, алкающий крови и грабежа дух горцев. *Слушай* русского часового, зарева дробь русского барабана, молитвенный благовест русского колокола отдаются в разбойничьих вертепах пророческим голосом русского певца:

Подобно племени Батяя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы.

ЭПИЛОГ

**Черноморское войско в 1794 и спустя полвека,
в 1846 году**

Настоящее объясняется прошедшим.

Чтоб видеть посев и видеть всход, мы сблизим под один взгляд два разновременные документа, в которых, как в зеркале, отразились внутренние дела Черноморского войска в две эпохи, на расстоянии одна от другой пятидесяти лет.

Эпоха первая.

«Первого генваря 1794 года, от атамана кошевого Захара Чепеги, войскового судьи Антона Головатого и войскового писаря Тимофея Котляревского, верного войска Черноморского

полковникам, бунчуковому товариству, полковым старшинам, куренным атаманам и всему войску:

Порядок общей пользы.

Да будет в сем войске войсковое правительство, навсегда управляющее войском на точном и непоколебимом основании все-российских законов, без и малейшей отмены, в котором заседать должны: атаман кошевый, войсковый судья и войсковый писарь.

Ради войсковой резиденции, к непоколебимому подкреплению и утверждению состоящих на пограничной страже кордонов, при реке Кубани, в карасунском куте, воздвигнуть град и, для вечного достопамятства нынешней жизнедательницы и благодетельницы нашей, Всемилостивейшей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, Самодержицы Всероссийской, именовать его Екатеринодаром.

По воинской дисциплине, ради собрания войска, устроенная довлеемого порядка и прибежища бездомовых казаков, в граде Екатеринодаре выстроить сорок куреней, под названием сим: Екатериновский, Кисляковский, Ионовский, Конелевский, Сергиевский, Динский, Крилевский, Каневский, Бутуринский, Поповичевский, Васюринский, Незамаевский, Ирклиевский, Щербиновский, Титаревский, Шкуринский, Кореневский, Роговский, Корсунский, Калниболоцкий, Уманьский, Деревянковский, Нижестеблиевский, Вышестеблиевский, Джерелиевский, Переяславский, Полтавский, Мишастовский, Минский, Тимошевский, Величковский, Лешковский, Пластуновский, Дядьковский, Брюховецкий, Ведмедевский, Платнировский, Пашковский, Кушевский и Березанский, — по плану; да и войско при границе поселить куренными селениями, в тех местах, где какому куреню по жребию принадлежать будет.

В курени избирать атаманов тех куреней войску, из достойных людей, и переменять их другими каждого года, месяца июня 29 числа, т.е. в день св. Апостолов Петра и Павла, и на верность должности приводить их к присяге.

Куренные атаманы должны в куренях, безотлучное пребывание всегда имея, по нарядам начальства на службу казаков чинить немедленное выстачение и случающиеся

между куренными людьми маловажные ссоры и драки разбирать голословно и примирять, с доставлением обиженной стороне справедливого удовольствия, а за важное преступление представлять под законное суждение войсковому правительству.

Все, обретающиеся у войске, старшины, без должности, какого бы ранга не были, и казаки да повинуются атаману и товариству; напротив того, и атаманы, с товариством, отдавая заслугам справедливую признательность, старшин и казаков, в недавно кончившуюся Турецкую войну, за веру и отечество Всероссийского Престола, действительно лично служивших и кровь проливавших, с уважением пристойным образом, да почитают.

Для заведения и утверждения по всей войсковой земли, к долгоденственному спокойствию, благоустроенного порядка, разделить войсковую землю на пять округов и завести окружные правления, под названием таковым: первое — при реке Кубани, между Козачим-ерком и Усть-Лабинскою крепостью, в городе Екатеринодаре — *Екатеринодарское*. Второе — от Черного моря до Черного ерка, на Фанагорийском острове, в называемой Тамани — *Фанагорийское*. Третье — от Ачуева вверх по Азовскому морю, до речки Чолбас и левой стороны течения реки Бейсуга, при устье его — *Бейсугское*. Четвертое — от реки Чолбас до реки Еи, при устье ее — *Ейское*; а пятое — при границе от стороны Кавказского наместничества, по размежевании земель, где способнее будет — *Григорьевское*.

Для управления округами, в окружные правления определить по одному полковнику, писарю, есаулу и хорунжему, и, на должность приведя к присяге, велеть им, исключая первую Екатеринодарскую округу, в последних четырех округах, выстроить окружные города, яко-то: *Фанагорию, Бейсуг, Ейской и Григорьевской*; а села всем поселять в тех местах, где назначено будет, переселяющимися из разных мест сего войска людьми, и для печатания письменных дел, поделать окружные печати за гербами, по приличию округов свойственными, яко-то: на Екатеринодарской, так как на границе про-

тиву врага имени христианского, козак, водрузивший ратище в землю и, приложив к нему воместо присешек ружью, держа левою рукою ратище и ружье, а другою приклад — врага стреляющий; на Фанагорийской, по морю плавающая лодка, со всем воинским прибором; на Бейсугской — рыба; на Ейской казак, на границе единовѣрных — с ружьем, на карауле стоящий; а на Григорьевской — от пустаго степу, так как на отводном бикете, казак, сидящий на коне, при всем воинском приборе.

Окружные правления и команды должны по посылаемым от атамана кошевого и войскового правительства письменным повелениям, чинить неперемѣнное и немедленное исполнение, без и малейшаго упущения.

Окружные правления имеют попечение о заведении жителями хлебопашества, мельниц, лесов, садов, виноградов, скотоводства, рыболовных заводов, купечества и прочих художеств, к оживлению человеческому способствующих; а имеющиеся леса и родящее дерево да сохраняют от опустошения вырубкою, скотом и пожаром, в целости, к общей войсковой пользе; так же между людьми встречающиеся ссоры и драки голословно разбирать, обиженных защищать, с доставлением справедливого удовлетворения, свирепых укрощать, ленивых понуждать к трудолюбию; для распространения семейственнаго жития, холостых к женитьбе понуждать, непокорящихся власти и непочитающих старшин, по мере преступления, штрафовать; а содеявших важное преступление, к законному суждению, присылать в войсковое правительство.

Окружные правления о благосостоянии в той округе всех военных жителей семидневные, а о чрезвычайностях, в тот же самый час, имеют присылать рапорты: атаману кошевому и в войсковое правительство, для донесения главной команды.

Окружные правления должны иметь прилежное смотрение, дабы все жительствующие в тех округах старшины и казаки, имея в себя на каждую мужескаго пола душу военное орудие, во всякой чистоте исправное, на случай

наглого военного времени, или воровским образом на войсковых жителей и проезжающих по сей земле посторонних Российских людей, неприятельского нападения, имущественные конно, а неимущественные пешо, к поражению неприятеля были на всякой час в готовности, и чтоб на войсковой земле, за всяким делом ездить, ходить, хлеба пахать, рыбу ловить и скот на паству гонить, без военного орудия никто не дерзал, а кто в сем ослушным окажется, на том же месте штрафовать.

Окружные правления да имеют смотрение по своим округам, чтоб на реках, болотах и где надобно, переправы, мосты и гати были во всей исправности.

Окружные правления должны смотреть за жителями, чтоб, в городах и селениях, по улицам и дворам, сохранена была чистота, и, на случай пожара, имели к утушению оною воду и обыкновенные для пожара железные инструменты.

В тех округах, где появятся вору и разбойники, окружного правления командиры должны с подчиненными им старшинами и казаками, стараться всех переловить и отослать к законному суждению, как и передержателей, в войсковое правительство, при рапорте.

Ежели в какой округе на людях появится заразительная болезнь, от чего Боже сохрани, окружные правления имеют тотчас, зараженных от здоровых людей отделя, окружить караулом, с великою осторожностью, дабы зараженные с здоровыми отнюдь не совокуплялись, и с подробным пояснением, откуда таково зло возымело начало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, без и малейшего замедления, для донесения о том главной команде.

При случае в тех округах скотского падежа, окружные правления, стараясь оное зло истребить, чрез кого следует уведав о том подробно, тотчас рапортуя: атаману кошевому и войсковому правительству, и, отделя скот больной от здорового, содержать больной на особом закрытом пастбище, пока от заразы выздоровеет, и с палого кож не снимать, а с оными зарывать в глубокие ямы, и как с того места куда зараженным не выезжать, так и в оное с стороны с здоро-

вым скотом въезжать запретить, покудова от заразы то место освободится.

В окружных правлениях чинов переменяет войсковое правительство другими каждого года, июня 29 числа, т.е. в день св. Апостолов Петра и Павла; а ежели из них первые явятся чрез тот год в препорученности своей должности исполнителями довлеемого по законам порядочного служения беспорны, то о таких уважая, приостановлять их при тех же должностях и на дальнейшее время; а которые окажутся в непорядочном поведении и законам противных преступлениях, сих, не дожидаясь года, в то самое время, когда уведано будет, переменя другими, предавать законному суждению и штрафу.

Сначала учреждения верного войска Черноморского, старшинам и казакам, во всю, недавно кончившуюся с Портою Оттоманскою войну, за веру, отечество и сию землю действительно лично служившим и тем вольность приобретшим, за их труды и подвиги, позволяется в городах и селениях, по желанию их, иметь собственные дворы, а в степи хутора и мельницы, завести леса, сады, винограды, хлебопашество и скотоводство, а на приморских косах и других удобных местах рыболовные заводы.

В отменное воздаяние старшинам, яко вождям, наставникам и попечителям, от общих сего войска благ, при своих хуторах сродственников и вольножелающих людей, населить дворов и определить под оные земли, по прилагаемой у сего штатной росписи.

Старшины населенных в своих хуторах людей да почитают не поддаными своими, а вольноживущими под ими казаками и выходить оным с старшинских хуторов на войсковые земли, куда пожелают, вольно, кроме долгов, коими ежели кто будет обязан, не имеет воли выйтить, дондеже долг хозяйну не возвратит.

Казаков, как выше писано, во уважение их службы и понесенных ими трудов, ни в какие общественные и войсковые тяжести, под конец их жизни, не употреблять.

Вышеписанным старшинам и казакам, на вечно-спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лесами, садами, виноградами и рыболовными заводами, владение, выдать открытые листы, с тем, чтоб до одного кроме хозяина и законного их наследия, ко владению никто права не имел, да и земель не утеснял.

Для военного время, а в случае и воровским образом нападения на войсковых жителей, или посторонних российских людей, от закубанских зловредных сосед, как служившие старшины, с поселенными людьми и казаками, так и неслужившие старшины, и казаки (исключая только старых сколоченных и малолетков, к службе негодных), словом сказать — без изъятия должествуют, со всем воинским исправным прибором, к поражению неприятеля, имущественные конно, а неимущественные пешо, быть на каждой час во всей готовности.

Войсковый есаул долг имеет, по границе и внутри войсковой земли разъезжая, смотреть за определенными в окружные правления чинами и кордонными старшинами, дабы все повеления атамана кошевого и войскового правительства были выполняемы в самой точности, без и малейшей отмены, и ежели за кем будет им усмотрена какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, с подробным пояснением его виновности, для чего от кошевого давать ему о том на оное наставление».

Спустя пятьдесят лет.

Представление исправлявшего должность наказного атамана Черноморского войска, генерал-майора Рашпиля командовавшему войсками на Кавказской линии и в Черноморье, генерал-лейтенанту Заводовскому, от 28 июня 1846 года (№ 3 089).

«...При заселении Черноморского края, частная польза предпочиталась общей. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить один поверхностный взгляд на станичные и хуторские селитьбы. Лучшие уголья и приволья заняты хуторами, т.е. частными людьми, а станицам, т.е. народу, предоставлена местность, не представляющая никаких особенных удобств и выгод. Мало того, хутора окружают, так сказать — содержат в облежании станицы, из коих большая часть имеет выход в поле только в одну сторо-

ну, так что казак, преимущественно долженствующий дорожить, вообще дорогим для земледельца, временем, принужден нередко выносить плуг и косу за десять и более верст от своей хаты. Вот где должно искать начала этой, так резко видимой в настоящее время в войске, потери равновесия народного благосостояния между чиновным классом и народом. Первый произвольно захватил лучшие, обширнейшие и притом неуместные участки; народу же достались участки, противу тех скудные, не представляющие никаких поощрений к развитию промышленности и даже производительности, а сверх того, для некоторых станиц — несоразмерно малые. Таким образом, неуместное сближение степных хуторов с станицами, подавив промышленные и производительные силы этих последних, было вместе с тем причиной крайнего упадка в станицах и сельских ремесл, так что в настоящее время во многих станицах трудно даже найти кузнеца или плотника.

Нет сомнения, что при степном скотоводстве хутора так же необходимы, как кочевые юрты; но их место в степи, вдали от станиц. И только с освобождением станиц от облежания хуторов и со снабжением их достаточными пропорциями земли, открывается возможность учредить правильное трехпольное хлебопашество, завести леса, станичные плодовые конные косяки и прочее, что к общественному благосостоянию станиц, Высочайшим о войске положением, преподано, и чего до настоящего времени нет и быть не может без размежевания земли.

Оказалось даже невозможным, за всеми предпринятыми попытками, достигнуть, посредством учреждения особых станичных табунов, одной из важнейших выгод для службы, чтобы конные казаки, возвращаясь со службы в свои станицы на льготу, не сбывали своих верховых лошадей — к чему принуждает каждого из них недосуг для ухода за конем, при хозяйственных занятиях и заботах. Предположенное, к отвращению этого видимого зла для службы, учреждение из строевых лошадей льготных служивых казаков, особых станичных табунов, а на зиму для них зимовников, с общими запасами сена, нашло решительную преграду в недостатке земли по станичным юртам.

Бедность казаков, происшедшая от перевеса народного благосостояния на сторону немногих, сильных в прежнее время в войске людей, произвольно захвативших огромные и лучшие участки земель, упала и на молодое поколение офицеров, не наследовавших хуторов. Так как войсковая земля досталась в произвольных участках их предшественникам, передавшим ее своим потомкам; то новому поколению офицеров суждено существовать одним казачьим окладом жалованья и, следовательно, содержать себя не прилично званию офицера, а на льготе и того лишаться, — и сверх того, не находить употребления свободному своему времени. Они виновны только тем, что родились после других, — и они так же, вместе с народом, ожидают скорейшего размежевания земли.

Словом, в краю далеко отброшенном от провинций, в которых развита промышленная жизнь, имеющем соседями враждующих дикарей, — в краю, где не промышленная деятельность, но, так сказать, только земля и вода, в соединении с простым, обрабатывающим трудом, доставляют обывателям средства благосостояния, правильное и беспристрастное разделение земли составляет одно из существенных условий народного довольства, и оно только может восстановить в войске нарушенное, между высшим и низшим классами, и между старым и молодым поколениями, равновесие народного благосостояния.

Кроме чувствительных для массы народонаселения лишений, пристекающих от этой, в своем роде, монополии на народное богатство, захваченной в руки немногих, — самое войско теряет от настоящего неуравнительного порядка в пользовании земельными довольствиями не малую часть своих доходов, ибо, при распределении войсковой земли на пропорциональные участки, войсковые обыватели, богатые стадами, не могущими поместиться на частных, в собственность стадохозяев поступивших, участках, должны бы были, по Высочайшему положению, платить войску за те огромные пространства пастбищ и сенокосов, которыми они пользуются без всякой платы.

Не распространяясь о дальнейших материальных выгодах размежевания войсковой земли, должно коснуться здесь и блага нравственного, неизбежно долженствующего сопутствовать сказанному размежеванию.

Казак-офицер и простой казак, вне фронтовой службы, суть равно граждане в своей станице. Общественные дела не только должны равно занимать обоих; но первый и в этом случае, как в службе, должен предшествовать последнему. Но как офицеры Черноморского войска имеют обыкновенно свои жилища в степных хуторах, а станицы населяются одними казаками, и как, притом, самые казаки, увлекаясь примером офицеров, при малейшем достатке, покидают свои станицы и так же основывают свои жилища в степи, одинокими хуторами; то и все общественные дела в станицах, как спорные и судные, так и касающиеся общественного благосостояния, обсуживаются и решаются на станичных сходках, одним народом. Легко же можно вообразить себе положение и поведение простого, ограниченного в понятиях о вещах и притом бедного, следственно на низшей степени нравственного достоинства стоящего народа, предоставленного в своем общественном быту самому себе. При этом так же легко составить себе понятие о произносимых народом этим, по общественным делам, приговорах, нередко касающихся и принадлежащих к станице чиновников. Но как Высочайшим о войске положением, поземельные участки определяются офицерам по жизни их, а не в потомство, и притом третья их часть отводится в общем станичном юрте; то это истинно благодетельное установление должно повести к тому, что офицеры, не теряя выгод от степных своих участков, перенесут свою оседлость в станицы, составят общество, сблизятся с казаком, облагородят его своим присутствием, на станичных сходках подадут лучший совет, лучшую мысль, подумают об улучшениях общественного быта, дадут воспитание и собственным детям, которые перестанут, прозябая в степи, видеть одни стада. А возвращение зажиточных казаков из хуторов в станицы подчинит и их отправлению тех земских повинностей, от которых находили они убежище в застаничных своих жилищах, к несправедливому отягощению бедных своих собратьев. Что же всего важнее — размежевание земли положит конец этим повседневному, бесчисленным распрям за поземельное довольствие, неизбежным при настоящем положении войсковой земли...»

Разделение земли и установление бдительной охраны на пределах земельных дольностей станиц и чиновных лиц (дело особой важности там, где нет прав земельной собственности) составит светлую эру в существовании Черноморского войска, составит эру возрождения. Упадок общежительности, разрозненность во взглядах и убеждениях, разрыв между чиновным и рядовым казачеством, общественный застой и весь нравственный туман поднимется и исчезнет. До этого времени никому не было дано, и потому каждый устремлял все свои усилия на то, чтоб взять; каждый истощался отдельно, и для общего дела не оставалось никого. Но этим эгоистическим, во взаимных встречах враждебным и для общества бесплодным, усилиям не будет больше места, когда последует раздача, а за ней и необходимость быть сыту определенной дачей. Тогда и правительству удобнее будет следить за истинными потребностями и входить в истинные нужды сословий и общества. Тогда все зерна улучшений, брошенные преобразованием 1842 года, примутся, взойдут и принесут плод. Почувствовав твердое основание под ногами и твердое обеспечение с тыла, молодое поколение, благородно мыслящее и благородно чувствующее поколение, дружно двинется вперед, навстречу попечениям и надеждам правительства. Раскроется и явится в прекрасных делах это врожденное в черноморском казачестве, потомке рыцарского казачества Украинского, расположение к добру, честному и доблестному.

Уже не далеко то время, когда в быту, нравах, гражданских и полевых качествах казаков исчезнет и последняя слабая тень времен отжитых, когда и в образованной Европе перестанут произносить имя казака с предубеждением, ныне почти неосновательным и вполне несправедливым. Древняя мимоидоша. Что прошло — прошло и против течения не всплывет. И пошли Бог долгие и славные дни Тому, Чьи благие попечения свели нас с нашего векового проселка на большую дорогу цивилизации. С нашими молодыми, сбереженными силами мы пойдем по этому пути без отсталых, и еще поведем за собою эти орды полудиких приемышей великодушного нашего отечества. И исполнится царское слово: да будет свет и в хижинах!

П.П. Короленко

ЧЕРНОМОРЦЫ

ЧЕРНОМОРЦЫ ЗА БУТОМ

Угрюмый вечер наступал,
Луна всплывала над холмами,
И тихо Буг шумя плескал
О берег мутными волнами.
Из поэмы «Нечай».

I

(1775—1786)

Уничтожение Запорожской Сечи. — Жизнь казаков до составления вновь войска. — Неверные запорожцы

Ой негаразд, негаразд запорожці вчинили,
Степь широкий, край веселій той занапалили.

Народная песня

В 1775 году императрица Екатерина II уничтожила Запорожскую Сечь¹. Предшествовавшие этому событию обстоятельства не входят в программу моих исследований, и потому замечу только, что с падением Сечи запорожцы волей-неволей должны были навек проститься с своей разгульной свободой.

С этого времени запорожское войско сошло с политической арены; казаки лишились войсковых своих заслуг; войско-

---

¹ Манифест Екатерины II, 3 августа 1775 г. См. «Полн. Собр. Зак.».

вая казна была отобранана¹; куренные селения и земли Запорожья причислены: лежавшие по левую сторону Днепра к Азовской, а по правую к Новороссийской губерниям, находившимся под управлением князя Потемкина-Таврического².

Многие запорожские земли были розданы помещикам, и самые запорожские поселяне, сначала поступившие на оброк, впоследствии были закрепощены помещиками на землях и надолго оставались в тяжком крепостном рабстве³.

Знаменитая Сечь Запорожья навсегда схоронила свою славу на берегах Днепра; угас воинский дух казаков, и даже имя запорожского войска державною волею навеки предано забвению. Казалось, все было потеряно для вечевых казаков... Но над ними сбылась русская пословица: «нет худа без добра». Дух единства и братской любви уничтоженного Запорожья не умер; казаки видели надежду на свое возрождение в благоразумных предприятиях своих старшин, заслуживших своей полезной службой русскому престолу и милость монархини, и особенное благоволение истинно-русского вельможи князя Потемкина-Таврического.

Не все, однако, запорожцы отдались в распоряжение русского правительства: часть из них, до 5000 человек, подстрекаемые отчаянными головами, подумав, погадав, решились удалиться к турецкому султану — просить службы и покровительства: отважные сечевики пустились в Турцию по бурным волнам Черного моря на своих утлых челнах, в глазах генерал-поручика Текелия, который, атакуя Сечь, забыл в своих стратегических соображениях казацкую хитрость и казацкую удаль. Впоследствии Текелий сознавался, что не понял запорожцев.

---

¹ 120 000 рублей ассигнациями, принадлежавших запорожскому войску, были отданы в ссудный городской капитал, для новороссийских поселенцев. Высочайше утвержденный доклад князя Потемкина, 20 апреля 1776 г. См. «Полн. Собр. Закон.»

² Там же. Манифест 3 августа 1775 г.

³ Прошение Черноморского войска правительства таврического генерал-губернатора 14 марта 1795 г. Из дел войскового архива.

Запорожские выходцы были приняты Османской Портой благосклонно и поселены при устье Дуная, называемом Георгиевским; но спустя несколько времени, вследствие ссоры с некрасовцами, турецкое правительство перевело кош запорожцев дальше, вверх по Дунаю, выше крепости Гирсова, в урочище Сеймены¹.

Запорожцы, удалившиеся в Турцию, по отважным предприятиям, приводившим некогда в трепет турецкие приморские города, были опасными соседями и для России. Вероятно, по этой причине русское правительство предлагало в 1779 году Османской Порте возвратить запорожских казаков в пределы Империи или же отодвинуть их далее от Дуная². Екатерина II, желая скорее осуществить первую мысль, надеялась милостивым царским словом вразумить неверных запорожцев: она объявила им прощение за побег в Турцию и даровала им все права подданных своих³.

Могли ли вольные задунайские запорожцы отрешиться и от своего управления по древним обычаям, и от разгульной жизни, с которой сроднились? Могли ли они усвоить себе чуждую мысль о подчинении мирным уставам России?.. Собратья их, оставшиеся в отечестве, доказали, что все это было возможно; но задунайские запорожцы пошли другой дорогой, поворот с которой был труден. Они для сохранения своей воли пожертвовали своими чувствами привязанности к дорогой отчизне; покинули своих кровных, родные берега Днепра, заветную свою святыню⁴, и ушли к народу чуждому по вере и языку, к народу, которого еще недавно заставляли трепетать, города которого не раз истребляли огнем и мечом и нагружали добычей утлые свои чайки... Этим-то недругам, нечестивым сарацинам, запорожцы пожелали верить свою судьбу. Золотые мечты их сбылись; но как грустно отозвались эти мечты в сердцах казаков

---

¹ «История Запорожской Сечи», Скальковского.

² Конвенция, заключенная Россией с Турцией 10 марта 1779 г. «Полн. Собр. Законов».

³ Манифест 5 мая 1779 г. «Полн. Собр. Законов».

⁴ Многие запорожцы, окончившие казенную службу, поступали в Киевский Межигорский монастырь, бывший на их *коште*. С уничтожением Запорожской Сечи был упразднен и этот монастырь; церковные

на чужой земле!.. Сечевики достигли своей цели, но были ли счастливы?.. Ответом служат приведенные Скальковским слова запорожской песни, сложенной, как можно полагать, за Дунаем:

Летів орел по-над морем та й став голосити:
Ой як тяжко міні бідному на чужбині жити!

Амнистию, дарованную запорожцам, императрица Екатерина подтвердила в 1780 году¹; но и этот призыв, как и первый, замер на дунайских берегах.

Запорожцы, очевидно, желали большего: они ждали, конечно, дарования особых прав своему разгромленному войску. Не возвратились сыны Днепра в родную землю, и чуждые берега Дуная надолго остались их отечеством.

II

(1787)

Война России с Турцией. — Фельдмаршал князь Потемкин-Таврический. — Призыв на войну запорожцев. — Войско верных казаков. — Войсковые клейноды. — Основание войскового коша. — Назначение кошевым атаманом Сидора Белого

Наступає чорна хмара, дрібен дощик з неба,
Зруйнували запорожье буде колись треба!..

Народная песня.

1787 год пробудил летаргическое оцепенение воинского духа запорожцев. Открылась война России с Турцией. Князь Потемкин-Таврический, командовавший екатеринославской армией, ценя военные достоинства запорожцев, сознавал необходимость призвать этих рыцарей на войну с османами,

---

вещи поступили впоследствии в Черноморское казачье войско. См. мою статью о Екатеринодарском войсковом соборе, напечатанную в «Кубанских Войсковых Ведомостях» 1867 г., №№9 и 10.

¹ Манифест 27 апреля 1780 г. «Полн. Собр. Законов».

понимал, что они своей неустрашимой отвагой и храбростью могли быть полезными слугами отечеству. Протянул Григорий Александрович свою мощную руку и исторгнул из мрака забвения запорожское имя; прикрыл рассеянных казаков несокрушимым щитом своего могущества; открыл им неисчерпаемый источник своих благодеяний и широкое поле для славы в войне с Оттоманской Портой...

В 1787 году, во время путешествия императрицы Екатерины II в Южную Россию, запорожские старшины, Сидор Белый, Антон Головатый и другие, поднесли от имени павшего своего войска ее величеству в Кременчуге адрес, в котором выражали искреннее желание служить под русскими знаменами¹.

Императрица благосклонно приняла изъявление верноподданнических чувств казаков и, как увидим, не оставила их без царской милости.

Князь Потемкин, ходатайствовавший за верных казаков, в конце того же 1787 года призвал их на службу отечеству. Из собиравшихся сечевиков князь Таврический сам старался сформировать волонтерские команды и доставить им военные припасы, сам входил во все нужды казаков, и обиженных им же днепровских детей окружал заботливыми попечениями и истинноотеческой любовью².

Радостно откликнулись запорожцы на зов *вельможного пана*; закипело казацкое сердце военной отвагой; явились вожди храбрых сынов Запорожья, и во главе их стали казацкие старшины: Сидор Белый, Антон Головатый и Захарий Чепега.

Словно быстролетные орлы собирались запорожцы под именем войска «верных казаков» на службу отечеству против врагов. Из них конные поступали под команду Чепеги, а пешие под начальство Головатого.

---

¹ Неизданное обозрение исторических фактов о Черноморском войске. Я.Г. Кухаренко. — «История Запорожской Сечи», Скальковского.

² В «Истории Запорожской Сечи» Скальковский говорит, что еще до завоевания Крыма Потемкин, желая увеличить число местных войск, по-

Императрица, в ознаменование особенного благоволения к вновь составленному из запорожцев войску, подарила этим казакам для нового поселения землю в Керченском куте, или на Тамани, предоставив выбор места высокому за них ходатаю, светлейшему князю Тавриды¹. Эту милость, оказанную императрицей войску «верных» казаков, Потемкин передал в ордере 31-го января 1788 года с пожеланием Божией помощи на ревностную службу отечеству. Но тогда казаки еще не могли воспользоваться царской милостью, поселиться на дарованной земле всем войском: они должны были остаться на театре военных действий.

Начальствование над войском верных казаков князь Потемкин вверил первому кошевому атаману, любимому казаками, храброму и мужественному подполковнику Сидору Белому. Этот незабвенный ходатай о благоустройстве своего войска основал, с дозволения князя Таврического, в начале 1788 года кош войска «верных казаков» за днепровским лиманом, с кинбурнской стороны². Помощниками кошевому атаману назначены были: войсковой судья Антон Головатый, войсковой писарь Иван Подлесецкий и войсковой есаул Алексей Кобиняк. Через Суворова князь Григорий Александрович передал кошевому атаману Белому: бывшее в Запорожье большое белое знамя войска, малые знамена для куреней, булаву для кошевого атамана, несколько перначей, также печать с надписью: «печать коша войска верных казаков». На печати был изображен воин с саблей при боку, держащий в одной руке мушкет, а в другой знамя с крестом. Усердному же помощнику кошевого, Чепеге, Потемкин пожаловал особо, в знак данного начальства, пернач, который доставлен был

ручил полковым старшинам Головатому, Чепеге, Тишковскому и Легко-ступу приглашать рассеянных запорожцев в царскую службу, но не объясняет, какие были результаты этой меры. Из имеющихся у меня документов не видно, чтобы были в сборе какие-либо части строевых казаков из запорожцев до 1787 г.

¹ Имен. Высоч. указ 14 января 1788 г. «Полн. Собр. Зак.». См. приложение III. Из дел войскового архива.

² «Походы в Турцию Румянцева, Суворова и Потемкина». Соч. М. Богдановича. По расписанию войск, находившихся на кинбурнской стороне, составленному 26 мая 1788 г., кош войска «верных казаков» был расположен в урочище Василькове. Копия этого расписания в делах войск. архива.

Захарию Алексеевичу генерал-аншефом Голенищевым-Кутузовым, при ордере от 26 января 1788 года.

Так из рассеянных запорожцев составилось вновь войско «верных» казаков, с кошевым управлением по примеру павшей Запорожской Сечи, но при других условиях.

Князь Таврический, устроив судьбу оставшихся верными казаков, старался вызвать запорожцев и из Турции. С этой целью Потемкин посылал в их кош воззвания, обещая им, именем государыни, прощение за оставление отечества, а от себя защиту и покровительство; предлагал им те же права, какими пользовалось войско «верных» казаков. Поручение было возложено на генерал-поручика Павла Сергеевича Потемкина, который, в свою очередь, поручил поступившему впоследствии на место Сидора Белого кошевым Чепеге войти в переговоры с турецкими запорожцами о возвращении их в Россию. На первое предложение, сделанное 24 сентября 1788 года, находившиеся на турецкой границе запорожцы отвечали, что воззвание светлейшего князя Потемкина отправлено к их кошевому атаману, и потому сами собой они решиться ни на что не могут, а чтобы отстранить неприятные столкновения, предупреждали Чепегу не искать более с ними свидания.

Воззвания Потемкина произвели волнение умов между дунайскими запорожцами: молодое поколение, видя русских запорожцев опять под управлением булавы кошевого атамана, горело нетерпением соединиться с ними; старое же казачество, сомневаясь в прочности *будущего* этого войска, а может быть и по другим причинам, противилось намерениям молодых своих собратьев. Кошевое управление «неверных» запорожцев, вероятно, было на стороне последней партии. Это доказывается тем, что кошевой Чепега, несмотря на все свои старания, не добился от турецкого запорожского коша никаких обещаний о выходе запорожцев из Турции в Россию. И последующие сношения Захария Алексеевича с самим войсковым есаулом турецкого запорожского коша не привели дела к желанному концу.

Тем не менее многие запорожцы, помимо всех переговоров, выходили в тогдашнюю войну из Турции поодиночке и по несколько человек разом. Такие казаки приводились в войско-

вом коше к присяге на верность службы российскому престолу и поступали в ряды днепровских своих товарищей¹.

От таких добровольных выходцев из Турции строевой состав войска «верных» казаков значительно увеличился: на театре военных действий их было до 2829 человек конницы и 9681 человека пехоты. Они сражались на суше и на море против врагов христианской веры и России².

III

(1788)

Участие войска «верных» казаков в военных действиях против турок. — Смерть кошевого Белого. — Новый кошевой Захарий Чепега. — Подвиг войскового судьи Головатого. — Наименование войска «верных» казаков «Черноморским войском»

Князь Потемкин, предоставив «верным» казакам все способности к борьбе с турками, снабдил войско мореходными лодками, достаточной артиллерией, дал боевое оружие, огнестрельные припасы, назначил жалованье и провиант; словом, обеспечил войско всем и во всем, и только тогда потребовал мужественной их службы на пользу России³.

В то время, как войска екатеринославской армии, предназначенные, по соображениям военных действий, для взятия Очакова, медленно двигались вниз по р. Бугу⁴, секунд-майор

¹ Сведения взяты из дел войск. архива.

² Доклад черноморского атамана Котляревского императрице декабря 1787 г. По другим же сведениям, именно в прошении войска императрице Екатерине II об отводе на Кубани земли значитя, что в турецкую войну 1787—1791 годов служило черноморских казаков всего 12 622 человека. Дела войск. архива.

³ По расписанию, составленному 26 мая 1788 г., за подписью князя Потемкина-Таврического (копия), кош войска «верных» казаков, с казачьей гребной флотилией, поступил во 2-ю дивизию действовавшей армии, под начальство генерал-аншефа Суворова. Из дел войск. архива.

⁴ «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». Соч. М. Богдановича.

Чепега был отряжен, с частью «верных» казаков, на Ингул, где генерал Голенишев-Кутузов предписал ему 21 апреля захватывать приближавшихся к нашему берегу неприятелей; сам же кошевой, Сидор Белый, находился в войсковом коше и зорко наблюдал за движениями турок.

20 мая, во втором часу пополудни, три фрегата, пять ботов и пять малых судов, из числа турецкого флота Гассана капудан-паши, сильно преследовали правой стороной днепровского лимана русский бот и другое небольшое судно, стараясь их захватить, что, однако, не удалось. Минуя устье р. Буга, один неприятельский бот взлетел на воздух, как можно полагать от оборонительных выстрелов с удалявшихся русских судов. После такой потери неприятельская эскадра отступила вниз по лиману, от устья Буга. Часть судов этой эскадры отправилась далее по лиману к видневшимся вдаль другим неприятельским судам, а семь судов бросили на ночь якорь в самом устье р. Буга.

Утром 21 мая, по случаю воскресного дня, кошевой атаман Белый, войсковой судья Головатый и есаул Кобиняк с прочими старшинами войска находились на утренней молитве в кошевой часовне. В это время, часа за полтора до восхода солнца, начальник кошевых передовых постов донес Сидору Игнатьевичу, что неприятель подходит судами, насупротив коша, к Константиновскому и Малому редутам. Кошевой, приняв доклад во время богослужения, тотчас сделал распоряжение об обороне своего воинского стана от врагов. Немедленно под командой Головатого и Кобиняка все наличное войско стало под ружье, береговые казачьи лодки мигом наполнились отважными казаками и гребная их флотилия меткими своими пушками готова была встретить и угостить незваных гостей по-казацки. Турки, видя приготовление к отпору со стороны казаков, не решились подходить близко к берегам, но, окруживши кош с лимана, открыли по нем сильную канонаду. Выстрелы с турецких судов летели в кош с 4 до 11 часов дня, однако по причине далекого расстояния не причинили никакого вреда. Казачьи лодки, находясь вне действия неприятельского огня, не отвечали. Видя напрасную трату времени и пороха, турки прекратили пушечную пальбу; к тому же один их фрегат сел на мель и,

освободившись, бежал в Очаков. Вышедшие из крепости конные турки, до 300 человек, остановясь над крутым берегом лимана, смотрели на казацкий кош; пехота же их расположилась лагерем на своем берегу, противу Константиновского редута. Не замечая с нашей стороны никаких движений, турки ограничились наблюдением над казацким кошем; остававшаяся же в устье Буга турецкая эскадра, в ночь на 22 мая, ушла из виду коша¹.

Суворов, находившийся в Кинбурне в день блокады коша, потребовал к себе три казацких лодки с «добрыми молодцами», как писал герой Рымника, а 22 мая приказал послать к командовавшему гребным флотом принцу Нассау-Зигену еще 15 таких же лодок. Кошевой атаман отправил 23-го числа на лодках к Суворову войскового полковника Савву Белого с 120 казаками, к принцу же Нассау командировал двух войсковых полковников, армии секунд-майоров Ивана Сухину и Левка Малого, с 684 казаками. Вслед за тем, 28 мая, по требованию принца Нассау-Зигена, отправился к нему в устье Буга и сам кошевой, со всей казачьей флотилией и находившимся при коше войском «верных» казаков. Принц расположил флотилию у кинбурнских берегов.

1 июня появился в лимане Гассан-паша и напал на казачьи лодки, надеясь уничтожить горсть храбрецов; но казаки смело вступили в бой с сильным неприятелем и нанесли туркам немало вреда. В этом деле со стороны казаков был убит куренный атаман, казаков убито и ранено 8 человек и повреждены четыре лодки².

3 июня казачья гребная флотилия, присоединившись к флоту принца Нассау, стоявшему тогда в глубокой пристани около 50 верст от Очакова, выстроилась в первой линии, и с того же дня казаки стали на своих лодках делать разезды для наблюдения за действиями неприятеля.

7 июня происходило жаркое дело между турецким флотом и русской гребной флотилией. Храбрый принц Нассау

---

¹ Донесение кошевого атамана «верных» казаков генералу Суворову. Из дел войск. архива.

² Донесение принцу Нассау-Зигену коша войска «верных» казаков 1 июня 1788 г., за № 531. Из дел войск. архива.

восторжествовал и заставил Гассана отступить. В деле этом «верные» казаки оказали чудеса храбрости и в награду получили от главнокомандующего, князя Потемкина, лестный рескрипт, писанный на имя кошевого атамана, старшин и всего общества. В рескрипте князь Тавриды писал: «Всякий опыт ревностного вашего к службе Ее Императорского Величества усердия, всякий подвиг, означающий вашу неустрашимость, производят во мне истинное удовольствие. И так, теперь чувствуя оное в полной мере, услышав о храбрых ваших деяниях во вчерашнем с флотом турецким сражении, сего я ожидал от вас, и вы совершенно оправдали мои заключения о людях верою православною и любовью к отечеству привязанных. Я объявляю всем вам мою благодарность и не премину о заслугах ваших засвидетельствовать пред монаршим престолом»¹.

Гассан-паша, раздраженный своим поражением, решил еще раз попытать счастья. Преодолев все препятствия при движении больших судов между мелями лимана, он 16 июня поднял весь свой флот от Очакова с тем, чтобы истребить нашу флотилию², и подойдя к ней на пушечный выстрел, бросил якорь. На рассвете турецкие корабли и фрегаты выстроились в передовую линию и двинулись против нашей эскадры. С презрением смотрели османы на наши гребные суда и, надеясь на превосходство своих сил, были уверены в победе. Каково же было изумление турок, когда лодки «верных» казаков бросились штурмовать трехпалубные корабли, посаженные принцем Нассау на мель! Жестокий бой загорелся по всей линии. Турки оборонялись отчаянно; картечные и ружейные выстрелы сыпались градом на штурмовавших, но неустрашимые казаки, сцепившись с турецкими великанами, жестоко поражали неприятелей, приведенных в ужас беспримерной отвагой «верного» войска. Зажженные нашими брандскугелями и калеными ядрами турецкие корабли пылали страшным огнем и взлетали на воздух; несколько мелких судов были затопле-

---

¹ Свед. из дел войск. архива.

² В распоряжении принца Нассау-Зигена в числе прочих судов были лодки войска «верных» казаков.

ны и захвачены. Разбитый наголову Гассан-паша отступил... На другой день гребной наш флот преследовал турецкие корабли, попавшие ночью, при отступлении, под убийственный огонь кинбурнской батареи¹.

Дорого, однако, стоила «верному» войску эта победа: оно лишилось своего любимого храброго кошевого атамана, армии подполковника Сидора Белого, одного полкового есаула и 14 казаков. Кроме того, турки захватили в плен 235 человек и сильно повредили одну лодку².

Принц Нассау-Зиген, преследуя Гассана, dokonчил поражение турецкого флота под Очаковым 1 июля³. В этом бою, как и в первом, «верные» казаки, мстя за смерть своего атамана, дрались отчаянно и потеряли убитыми одного куренного атамана и пять казаков, да ранеными шесть казаков. Четыре лодки их были сильно повреждены турками⁴.

За такие молодецкие дела «верные» казаки получили, в числе прочих войск, благодарность главнокомандующего.

По желанию войска «верных» казаков, на место смертельно раненого кошевого Сидора Игнатьевича Белого был назначен испытанный в боях армии майор Захарий Алексеевич Чепега, которому фельдмаршал Потемкин, в знак уважения и признательности, подарил дорогую саблю⁵.

Потемкин, двигаясь к Очакову с войсками обоими берегами Буга, 21 июля потребовал к себе половину казачьей флотилии. Чепега, отрядив 18 лодок с войсковым судьей Головатым, вручил этому вождю «верных» казаков войсковые зна-

---

¹ Из дел войск. архива. «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». Соч. М. Богдановича.

² Кошевой атаман Белый от полученной смертельной раны умер на третий день, т.е. 19 июня. Как об этом, так и о прочей потере казаков взяты мною сведения из донесения коша «верных» казаков князю Потемкину от 17 июня 1788 г., № 503. Дела кубан. войск. архива.

³ «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». соч. М. Богдановича.

⁴ Донесение коша войска «верных» казаков генерал-аншефу Суворову от 2 июля 1788 г., № 533. Из дел войск. архива.

⁵ О подарке Потемкиным Чепеге сабли значится в церемониале погребения сего последнего. Дела войск. архива.

ки достоинства, пернач и прапор; к оставшейся же под начальством принца Нассау казачьей флотилии был, за болезнью полковника Сухины, назначен войсковой полковник Мокий Гулик, при котором также находился один войсковой прапор.

Еще до этих распоряжений кошевой атаман Чепега двинулся со всем сухопутным «верным» войском к селению Коренихе, оттуда перешел к реке Аджигулу, а затем отправился на Еселки, для соединения с передовым корпусом армии, прибывшей к Очакову.

31 июня Чепега отрядил к светлейшему князю 300 «верных» казаков, для наблюдения в разъездах за действиями неприятеля, а на другой день получил приказание следовать со всей своей конницей за Березань, и, расположась при устье Телегула, делать разъезды вверх по этой речке и к стороне Аджибея, и наблюдать, не будут ли неприятельские суда приставать к берегу¹.

Зорко смотрели «верные» казаки на все движения турок близ наших берегов, и результаты их наблюдений весьма были полезны военачальникам в стратегических соображениях. Отважные и неутомимые старшины войска с храбрыми казаками не находили никаких препятствий в выполнении самых трудных поручений своих начальников.

Осенние бури в Черном море заставили Гассана-пашу удалиться с флотом из-под Очакова в безопасные места. Тогда князь Потемкин, чтобы поколебать дух защитников Очакова, приказал взять неприступный остров Березань. Отважное это предприятие он поручил войсковому судье Головатому, истинному витязю, для которого не существовало невозможного. Он со своими «верными» казаками действительно взял Березань². Об этом подвиге выписываю реляцию, приведенную Скальковским в «Истории Запорожской Сечи».

«Капудан-паша (4 ноября 1788 г.) с кораблями и фрегатами отплыл, и по показанию пленных пошел к Царюграду. Во время пребывания его пред очаковским берегом, держа фрегаты, шебеки и все мелкие суда, составлявшие переднюю его ли-

---

¹ Из дел войск. архива.

² Из дел войск. архива. Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова, соч. М. Богдановича.

нию, близ острова Березани, привел на оном крепость в оборонительное состояние и старался сделать невозможным вход на берег сего неприступного острова, построив батареи в самом том месте, где к острову приставать можно было, а для защищения крепости оставлен от него довольный гарнизон. По удалении флота турецкого, главнокомандующий препоручил войску верных казаков черноморских¹ поиск на сей остров, приказал их войсковому судье, подполковнику Головатому (Антону), идти туда со всеми своими лодками и стараться взойти на берег, разбить неприятеля и овладеть крепостью.

Предприятие сие, пред лицом всей армии, произведено в действо с совершенным успехом. 7-го ноября, поутру, казаки, приближаясь к острову, выдержали с твердостью и мужеством сильный огонь неприятельской, потом сделали залп из пушек и ружей, вскочили в воду и, всплывая на берег, бросились с таким стремлением, что прогнали неприятеля, отняли у него батареи и преследовали до самой крепости, где встречены были картечами; в сем случае, поворотили они против крепости орудия, с набережных батарей и с своих лодок взятые. Жестокая канонада их, движение, сделанное от флота, по данному сигналу, несколькими фрегатами, и отправление к острову лодок канонирских с бригадиром Рибасом заставили неприятеля умолкнуть и просить пощады».

Казаки-победители потеряли при штурме Березани одного полкового старшину, четырех куренных атаманов и 24 казаков².

Трофеями их победы были: 320 пленных турок, 23 орудия, 150 бочек пороха, более 1 000 ядер, 2 300 четвертей хлеба и несколько знамен, за которые главнокомандующий, фельдмаршал Потемкин, приказал выдать казакам в награду по 20 р. за каждое знамя из главного дежурства екатеринославской армии³.

---

¹ «Верное» войско после этого дела получило наименование «Черноморского». Об этом будет сказано далее.

² «История Запорожской Сечи», Скальковского.

³ Предп. главн. дежурст. екатеринославской армии в кош «верных» казаков от 8 ноября 1788 г., № 3 270. Из дел войск. архива. «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова», соч. М. Богдановича.

Князь Потемкин остался весьма доволен взятием Березани и потребовал к себе старшин войска для изъявления, в лице их, своего удовольствия и благодарности, за такое молодецкое дело, всему кошу «верных» казаков¹.

6 декабря команды «верных» казаков участвовали в колонне правого крыла при взятии штурмом Очакова и дрались мужественно при занятии гассан-пашинского замка².

За оказанные в этом году отличия в военных действиях, войско «верных» казаков, кроме благоволения императрицы Екатерины II, милостей и покровительства князя Потемкина-Таврического, удостоилось получить наименование «Черноморского войска»³.

IV

(1789)

Участие Черноморского войска в сражении под Бендерами при взятии штурмом Хаджибея. — Покорение Бодграда и взятие Аккермана. — Набег под Килию. — Покорение Бендер

Храбрость и отвага — девиз черноморцев.

Князь Потемкин, покорив Очаков, имел в виду овладеть Аккерманом и Бендерами, действуя на удобнейшей операционной линии от Ольвиополя к нижнему Днестру.

3 января он дал повеление кошевому атаману Черноморского войска, собрав пехоту казаков на кинбурнской стороне, следовать в Очаков по вскрытии лимана, куда должны были перейти и оставшиеся на Березани казаки, которым приказано перевезти оттуда возможно большее количество про-

---

¹ Предп. главн. дежурства екатеринославской армии в кош «верных» казаков от 7 ноября 1788 г., № 42. Из дел войск. архива.

² «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова», соч. М. Богдановича.

³ «История Запорожской Сечи», Скальковского. Сведения в делах войскового архива. Высочайше утвержденный доклад военной коллегии от 13 ноября 1802 г. (в «Полном Собрании Законов»).

вианта и при очищении острова разорили тамошние укрепления. Расположившаяся по Громоклее черноморская конница, с кошевым своим атаманом, по приказанию князя Потемкина передвинулась к мостам на Буге и остановилась, 14 мая, при устье Мертвых вод, в ожидании дальнейших по велений¹.

7 июня кошевой Чепега получил приказание генерал-майора Голенищева-Кутузова следовать с конными черноморцами к Егорлыку и, соединившись там с бригадою походного атамана донских полков, полковника Исаева, с Бутским казачьим полком и с прочими войсками, прикрывать с неприятельской стороны от Бендер следовавшего по Егорлыку генерал-майора Богданова, со взятыми на Дунае пленными турками, которые препровождались из екатеринославской армии в Турецкую Балту².

В происходившем 18 июня под Бендерами деле черноморские казаки подвигами мужества и храбрости заслужили полную благодарность знаменитого впоследствии Кутузова³.

Проводив генерала Богданова, черноморцы расположились на Чичаклее, куда пришел и весь казачий обоз, стоявший до того у Мертвых вод⁴.

По распоряжению генерал-майора де Рибаса, черноморские казаки с августа месяца, делали разъезды под Хаджибей и наблюдали за всеми действиями неприятеля, а 4 сентября кошевой Чепега получил от де Рибаса повеление готовиться к походу под Хаджибей 11-го числа, храбрый Харько, с тремя конными и тремя пешим полками, вошел в Кривую балку и соединился с прочими войсками генерал-майора де Рибаса.

14 сентября черноморские казаки, участвуя во взятии штурмом хаджибейского замка, отличились особенным мужеством и храбростью, за что получили благоволение главнокомандующего армией, фельдмаршала Потемкина⁵.

---

¹ Предп. князя Потемкина кошевому Чепега от 27 апреля 1789 г., № 277. Дела войск. архива.

² Сведения из дел войск. архива.

³ Предп. генерала Кутузова Чепега от 19 июня 1789 г., № 1308. Из дел войск. архива.

⁴ Такое же предписание от 27 июня 1789 г., № 1342. Из дел войск. архива.

⁵ Из дел войск. архива.

Вообще, в этой экспедиции черноморцы много способствовали войскам в открытии неприятеля, в доставке снарядов и провианта в опасных местах, а главное — проводили войска по трудным дорогам очаковской степи, издавна им знакомой¹.

После хаджибейской экспедиции три полка черноморцев отправились Черным морем к Болграду, участвовали в покорении этого города и оставлены здесь, в виде гарнизона, вместе с Троицким пехотным полком². Остальное войско, с кошевым атаманом Чепегою, 27 сентября, по повелению князя Потемкина, придвинувшись к Аккерману, участвовало во взятии этого города и в рекогносцировках под Килию.

11 октября партия черноморских казаков в 400 человек, с полковым старшиною, армии капитаном Тиховским, ночью подошла под самую Килию, захватила трех валахов и одного турка, а около форшлага крепости казаки загнали до 400 штук рогатого скота и до 40 лошадей. Всполошившиеся турки, выскочив из крепости в числе 300 человек, завязали с казаками жаркое дело, продолжавшееся часов до трех. Казаки положили на месте четырех турок и троих взяли в плен, потеряв с своей стороны одного изрубленного казака и несколько лошадей³.

Отважные черноморцы неоднократно повторяли подобные разезды, захватывали турок под самой Килией, снимали их пикеты, неустанно тревожа неприятеля, и доставляли нашим полководцам точные сведения о движении и расположении турецких войск.

Князь Потемкин, собрав все легкие войска к Болграду 15 октября, распорядился из трех черноморских полков, назначенных в гарнизон этой крепости, оставить один полк в занятой турецкой паланке, а кошевому Чепеге приказал следовать к Каушанам, для наблюдения, в числе прочих войск, за Бендерами, куда отрядил на 47 лодках и остальную пехоту

---

¹ Приказ князя Потемкина-Таврического от 14 октября 1789 г., за № 1464 (копия).

² Из дел войск. архива.

³ Донесение атамана Чепеги в корпусное дежурство 2-й части, от 14 сентября 1789 года. Из дел войск. архива.

черноморских казаков с войсковым судьей, Антоном Головатым¹. Он надеялся, что турки, видя превосходство наших сил, сдадут Бендеры без выстрела; но заметив упорство их, 30 октября начал осаду этой крепости с обеих сторон Днестра. В то же время черноморские лодки, не-смотря на сильный огонь турецких орудий, подошли к самым стенам крепости, и только тогда грозное русское оружие заставило турок, 2 ноября, сдать Бендеры победителям².

Войска были затем расположены на зимние квартиры, и черноморские казаки могли отдохнуть после понесенных боевых трудов.

V

(1790)

Князь Потемкин пожалован гетманом черноморцев. — Войско черноморское получает для поселения землю между рр. Бугом и Днестром. — Командорский знак Головатаго. — Действия Головатаго при истреблении турецкого флота под Измаилом. — Штурм Измаила и черноморцы

И, мощной княжеской рукой,
Взмахнув гетманской булавой,
Пути ко славе указал,
Богатство, славу, милость дал.

Потемкин — черноморцам

Смерть австрийского императора и вмешательство других держав изменили, в этом году, ход военных действий.

---

¹ Приказ князя Потемкина от 15 октября 1789 г., за № 1468. Из дел войск. архива.

² «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». соч. М. Богдановича.

После того как Австрия заключила с Портой перемирие, прибывший к Бухаресту, для содействия войскам принца Кобургского, Суворов отступил на левую сторону Серета. Таким образом Порта, обеспечив себя до этой реки от вторжения русских в Валахию, имела возможность усилить свои действия против наших войск, имевших для наступательных действий весьма неудобно пространство между Галацом и берегами Черного моря, где турецкие войска были прикрыты рукавами нижнего Дуная и обширными болотами.

Ввиду ожидаемого с Турцией мира русские войска ограничивались занятием завоеванных пунктов, и наступательных действий с нашей стороны не было до самой осени¹.

Во все это время князь Потемкин Таврический, в числе многих государственных забот, не забывал черноморского войска и усердно хлопотал об устройстве судьбы «верных» казаков.

Императрица Екатерина, видя полезную для государства заботливость князя Тавриды об устройстве казачьих войск, в поощрение заслуг этого достойного мужа и в ознаменование особенного благоволения к казакам, назначила Потемкина великим гетманом казачьих екатеринославских и черноморских войск.

Князь Григорий Александрович, получив столь высокое достоинство, ознаменовал свое гетманское звание новыми милостями Черноморскому войску. Вместо Высочайше пожалованной войску земли на Тамани, гетман, соображаясь с выгодами черноморских казаков, назначил им под поселение привольную землю между реками Бугом и Днестром, по берегу Черного моря, и подарил им собственные свои богатые рыболовные места на Тамани. Об утверждении за Черноморским войском отведенной земли Потемкин представил государыне, но не суждено было ему дожидаться разрешения, долженствовавшего упрочить внутреннее благосостояние казаков-черноморцев.

Черноморское войско, с присоединившимися к оному, по разрешению правительства, заграничными выходцами из придунайских княжеств, начало заселять вновь отведенную По-

---

¹ «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». Соч. М. Богдановича.

темкиным землю и основало свою кошевую резиденцию в селении Слободзее.

И в то самое время, когда свободные от службы казаки устраивали домашний свой быт на новом месте, строевые казаки продолжали оставаться на театре военных действий.

Потемкин, имея в виду дать решительный оборот войне, избрал предметом своих действия Измаил, но предварительно, по совету Суворова, предполагено было овладеть устьями Дуная и взять Килию и Тульчу.

С этою целью черноморские казаки на своих лодках, под командою войскового судьи Головатого, прошли из днепровских 19 гирл Черным морем в Дунай, 18 октября соединились с гребной флотилией генерала Рибаса, по повелению которого полковник Головатый на другой же день вошел в устье реки Килии, а 23-го числа прибыл под самую крепость Килию¹.

При содействии черноморской флотилии крепость Килия была взята; равно взяты были турецкие укрепления при входе в Сулинский рукав, замок Тульча, обстреливавший этот рукав, и замок Исакча, при Дунае. Таким образом, открыт был путь к Измаилу.

Пятисотенный конный полк черноморских казаков охранял коммуникационную линию, проведенную от Сулинского гирла, где стояла наша флотилия, до лагеря графа Гудовича, расположенного на острове, где лежала старая Килия².

По занятии Исакчи Потемкин приказал генералу Рибасу истребить турецкий флот, стоявший под стенами Измаила. Для этого, в числе прочих войск, назначены были и черноморские «верные» казаки³. 18 ноября Рибас, приблизившись по килийскому рукаву к неприятельскому флоту, стал выше крепости, а черноморский войсковой судья Головатый, с казачьими лодками, расположился ниже крепости.

---

¹ Сведения из дел войскового архива. «Походы в Турцию Румянцева, Суворова и Потемкина». Соч. М. Богдановича.

² Извлечение из дел войск. архива.

³ Предписание генерала Гудовича кошевому Чепеге от 4-го ноября 1780 года, № 147. Из дел войск. архива.

На другой день, вечером, на занятом Рибасом острове Читале «заложены были батареи под прикрытием канонады обеих наших флотилий, выдержавших сильный огонь всех неприятельских судов и крепости»¹. В этот же день, приготовляясь к решительному бою, полковник Антон Головатый получил от генерал-майора Рибаса брейд-вымпел на свое судно, чтобы «столь почетный командорский знак, — писал Иосиф Михайлович Рибас, — служил вождю храбрых моряков-черноморцев, на казачей флотилии, честью и славою»².

Наутро 20-го ноября были окончены наши батареи, и обе флотилии, Рибаса и Головатого, подойдя к крепости на картечный выстрел, открыли вместе с батареями по Измаилу жестокую канонаду. Капитан Ахметов, с капитан-лейтенантами Поскочиным и Кузнецовым, подвели свои баркасы к турецким судам, стоявшим у каменного бастиона. Устрашенные турки оставили бастион и большую часть судов, из которых было сожжено семь, а 18-пушечное судно брандсугелем взорвано на воздух. Между тем полковник Головатый, пройдя со своими лодками под градом ядер и картечи мимо крепости, атаковал неприятельский флот и нанес туркам такое поражение, что они потеряли потопленными и сожженными до 90 судов³.

При истреблении под Измаилом неприятельского флота полковник Головатый вполне оправдал надежды и доверие генерала Рибаса, доблестными подвигами поддержал честь русского оружия и покрыл новой славой храбрых своих сподвижников, казаков черноморских.

Оставалось для победоносных русских войск покорить неприступную турецкую твердыню-город и крепость Измаил, охранявшийся многочисленным гарнизоном. Это трудное, но славное дело Потемкин поручил исполнить Суворову.

---

¹ «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». Соч. М. Богдановича.

² Из дел войск. архива.

³ «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». Соч. М. Богдановича.

9 декабря Суворов отдал следующий приказ: «Сего дня — молиться; завтра — учить войска; послезавтра — победа, либо славная смерть». Одушевленные именем Суворова и неразлучной с ним победой, войска наши 11 декабря пошли на штурм Измаила, и грозный турецкий оплот не выдержал удара славного русского вождя. В этот день черноморцы находились в составе войск под начальством генерал-майора Рибаса, назначенного штурмовать Измаил со стороны Дуная. Распределение черноморских казаков было следующее: в 1-й колонне, генерала Арсеньева, 2000 человек; во 2-й, центральной, колонне кошевого атамана черноморцев, бригадира Чепеги, 1000 человек, и в 3-й колонне, гвардии секунд-майора Маркова, 1000 человек; на судах 1500 человек да в авангарде 766 человек, всего 6266 человек, считая в том числе конных, пеших, рядовых и старшин черноморского войска. Черноморская гребная флотилия состояла под команду войскового судьи Головатого¹. Весь наш флот под Измаилом был расположен в две линии; впереди стояли черноморские казачьи лодки с десантными войсками.

Накануне приступа войска наши с сухого пути и с флота открыли по Измаилу сильную канонаду, сами выдерживая жестокий огонь турецких орудий. В ночь на 11 декабря, по второй ракете, флотилия построилась в боевой порядок, в расстоянии версты от крепости, а по третьей двинулась вперед. Флотилия, приближаясь к берегу на веслах, производила по крепости живую канонаду, на которую неприятель отвечал огнем всех своих батарей. Подошедши к крепости на картечный выстрел, первая линия нашего флота, состоявшая из 100 черноморских лодок, под градом ядер и картечи высадила на берег войска в совершенном порядке².

Во время покорения Измаила Черноморское войско отличилось особенным мужеством и храбростью. За доблестные подвиги вожди черноморцев удостоились Высочайшей награды орденами: Чепега — Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-го класса, Головатый, Св. Равноапостольного князя

---

¹ Извлечено из документов войск. архива. По Богдановичу, только 3500 человек черноморских казаков участвовали в штурме Измаила.

² «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». Соч. М. Богдановича.

Владимира 3-й степени, войсковые есаул Сутика и писарь Котляревский произведены в подполковники. Кроме этих лиц, еще 500 черноморских офицеров награждены следующими чинами, всем войсковым чиновникам в числе прочих офицеров армии, пожалованы золотые знаки с надписью: «за отменную храбрость» и «Измаил взят декабря 11-го 1790»; нижним чинам розданы овалы серебряные медали, на одной стороне с вензелем Императрицы, на другой с надписью: «за отменную храбрость при взятии Измаила декабря 11-го 1790».

На штурме Измаила черноморское войско потеряло убитыми 160 и ранеными 345 человек¹.

Для прикрытия Измаила оставлено было 18 черноморских лодок с казаками, а с остальной флотилией и с черноморскою пехотой Головатый расположился на зимовку при старой Килии².

Так закончилась кампания 1790 года, доставившая случай Черноморскому войску еще раз покрыть себя военной славой и заслужить особенную милость царицы и лестное внимание своего атамана.

VI

(1791)

Поход черноморцев под Галац. — Вероломство турецких запорожцев. — Сражение при Бабадаге. — Участие Черноморского войска при разбитии турок под Мачином. — Прекращение военных действий. — Мир с Турцией. — Смерть гетмана князя Потемкина-Таврического

Устань батьку, устань Грицьку!

Промовь за нас слово,

Проси у Царици — все буде готово.

Народная песня

¹ Сведения собраны из дел войск. архива. «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». Соч. М. Богдановича.

² Предп. Рибаса Головатому от 27 декабря 1790 г., № 650. Из дел войск. архива.

По распоряжению генерал-майора Рибаса в начале марта месяца 1791 г. выкомандирован был пятисотенный черноморский полк на смену находившейся трехсотенной команды на островах между Килией и Сунни, Измаилом и Тульчею; со всею же остальною черноморскою конницею и обозом кошевой атаман Чепега двинулся под Галац, где был сосредоточен корпус генерал-аншефа князя Репнина, назначенный для действия против турок на Дунае. Туда, по назначению Кутузова, была отправлена и гребная казачья флотилия, на соединение с флотом Рибаса¹.

В том же месяце мачинские укрепления и оставленный турками редут на полуострове Кунцефане были заняты нашими войсками. Рибас перешел затем на остров между Кунцефаном и Браиловым, на котором было сильное неприятельское укрепление, взятое штурмом. В этом деле участвовали два полка черноморских казаков².

Флотилия черноморцев, занимаясь перевозкою войск через Дунай на остров под Браилов, проходила под картечными выстрелами батареи турецкого укрепления, находившегося близ города. Видя, что крепостной артиллерийский огонь не устрашает отважных черноморцев, турки решились воспрепятствовать переправе наших войск своими судами; но управлявшие перевозными лодками старшины войска вступили в бой с неприятелем и заставили турецкие суда удалиться. Этим удачным действием черноморцы открыли свободную переправу войскам нашим на остров.

31 марта 2000 лодочных черноморских казаков, высадившись на берег к войскам бригадира Лещано, полковника Рибаса и войсковых полковников Давида Белого и Кордовского, на рассвете бросились штурмовать турецкое укрепление. После двухчасового упорного боя, поддержанного пушечным огнем с флотилии, укрепление было взято; находившиеся там

---

¹ Предп. генерала Рибаса бригадиру Чепеге от 18 марта 1791 года, № 175. Донесение полкового старшины Чернышева кошевому атаману Чепеге от 2 апреля того же года, № 279. Из дел войск. архива.

² Свед. из дел войск. архива. «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». Соч. М. Богдановича.

неприятельские войска частью истреблены, частью потоплены, и только немногие турки спаслись бегством к городу.

Черноморцы при штурме взяли с боя четыре неприятельские знамена, которые полковой старшина Чернышев представил генералу Рибасу.

В этом молодецком деле черноморцы потеряли 6 убитыми и 16 человек ранеными¹.

Считаю нелишним сказать несколько слов по поводу участия в этой войне черноморских казаков.

Черноморское войско, в продолжение всей войны 1787—1791 гг., редко находилось в целом своем составе в делах против неприятеля, а больше дробилось на отдельные части. По этой причине уследить за всеми передвижениями и действиями малых команд, терявшихся в целой армии как капля в море, невозможно, по неимению на это достаточных данных. Хотя войско и состояло в непосредственном подчинении своего гетмана, но кроме князя Григория Александровича, черноморцами в продолжение войны, как видим, распоряжались: Суворов, Кутузов, Потемкин, Рибас и другие лица.

Не имея по этим причинам возможности описывать в последовательном порядке действия Черноморского войска, я старался не упустить из виду, по крайней мере, тех случаев постепенного явления казаков на театре войны, где фактически выказывались деятельность их и старание заслужить пред троном монархини доброе имя — «верных и храбрых черноморских казаков».

После описанных действий войска на острове Браилова по распоряжению Голенищева-Кутузова девять черноморских лодок, с орудиями и снарядами, были отправлены в Галацы, десять отряжены для сторожевой службы в килийский рукав, две лодки к мысу Читалу: с остальными шестью лодками полковой старшина Чернышев прибыл тоже к Галацам². Как флотилия, так и черноморская конница были по частям раскомандированы в разные места; например, из 2000 человек находи-

¹ Донесение полк. старш. Чернышева кошев. черном. атаману от апреля 1791 г., № 279. Из дел войск. архива.

² Донесение полкового старшины Чернышева кошевому Чепеге от 25 апреля 1791 г., № 217. Из дел войск. архива.

лось на Дунайском острове, с войсковым полковником Козьмою Белым 500 человек; далее располагались команды ниже Галац на пикетах и разъездах, у перевоза в устье Прута, в Галацах и при дежурстве корпусного штаба, в препровождении по Пруту провианта байдаками, для заготовления леса и прочих войсковых надобностей. Остальные стояли при обозе. Кроме того, были расположены лагерем против Тульчи, для наблюдения за неприятелем, два черноморских полка Давида Белого и Кордовского¹.

При таких командировках черноморских казаков 7 мая случилось интересное происшествие. Полковой старшина Василий Камянецкий на шести лодках доставил из Килии в Галацы пороховой запас. Сваливши 8-го числа свой груз, Камянецкий приказал всем находившимся на лодках собрать своих казаков к обратному походу. Сотник Иван Строц, желая выказать свою исправность, первый отправился на кременчугской лодке вниз по Дунаю; он надеялся, что и прочие лодки вслед за ним двинутся с места. Видя, что ночь приближается, а другие суда не идут, Строц пристал к берегу и приказал своей команде готовить горячий ужин; затем, поставивши возле лодки часового, казаки, в ожидании товарищей, улеглись спать. В полночь караульный, услышав треск, дал каззцкий оклик, но в ответ посыпался град пуль на спавших казаков. Подкравшиеся турецкие запорожцы, сделав несколько выстрелов, бросились на оторопевшую малочисленную команду Строца. В этой схватке «неверные» запорожские братья убили одного казака, трех ранили и девять захватили с собою. Прочие же казаки и сам сотник Строц спаслись бегством в камышах. Неприятели, взявши лодку с пушкой и находившимся на ней казаками, отплыли на другой берег Дуная, к стороне Тульчи².

---

¹ Сведения собраны в делах войскового архива. В одном донесении кошевому Чепеге Кордовского полка полкового старшины Лисенко встречается, что из этого полка и полка Белого казаки-черноморцы, по приглашению турецких запорожцев, ездили к ним через Дунай в гости и к себе их звали. В результате же всех увеселений вышло то, что несколько наших казанов не возвратились.

² Донесение генералу Рибасу кошевого Чепеги от 23 мая 1791 года, № 1356. Из дел войск. архива.

Для избежания подобных столкновений с турецкими запорожцами, по одежде ничем не отличавшихся от черноморских казаков, генерал-поручик Голенищев-Кутузов приказал последним носить на правой руке, выше локтя, белые из платков перевязки¹.

Обратимся опять к военным действиям. Визирь, несмотря на неудачи турецких войск, собирал армию на нижнем Дунае. Князь Репнин, получив известие, что сильный корпус турок сосредоточивается у Бабадага, послал против него отряд генерала Кутузова, стоявший у Измаила.

Кутузов, переправившись 3 июня через Дунай к Тульче, двинулся против неприятеля. На другой день к войскам Кутузова присоединились пешие и конные черноморские казаки, с кошевым своим атаманом бригадиром Чепегаю. Для открытия неприятеля Чепега послал в авангард к полковнику Рибасу 50 человек казаков. Черноморцы, служившие проводниками войскам, заметили впереди небольшое число турок, вследствие чего Чепега поспешно отправился в авангард, со своими казаками, для личных наблюдений за движениями турецких отрядов. Полковник Рибас, увидев кошевого Черноморского войска, явился к нему в команду, но Захарий Алексеевич благородно отклонил от себя подчиненность Рибаса и предложил ему действовать вместе. В скором времени Чепега открыл в значительном числе неприятельские войска. Полковник Рибас, получив об этом известие, приказал войскам, шедшим в авангарде, приготовиться к бою; но турки, видя стройное и спокойное движение русских войск, отступили.

На другой день, 5 июня, кошевой черноморский атаман, наблюдая неприятеля с одного высокого кургана, заметил приближавшуюся к нашим войскам, с правой стороны мачинской дороги, турецкую конницу в пяти колоннах. По доношению об этом Кутузову, Чепега получил приказание атаковать неприятеля. Бригадир Чепега, отрядив вперед полков-

---

¹ Приказ генерала Кутузова в кош «верных» черн. казаков 1 июня 1791 г., № 86. Из дел войск. архива.

ника Алексея Высочина с 500 черноморских казаков, поспешил за ним и сам для атаки первой колонны турецкой кавалерии. В подкрепление кошевому отправился, с довольным числом черноморцев, и войсковой писарь Тимофей Котляревский. Чепега атаковал турок, разбил их и обратил в бегство; потом, оставив часть своих казаков на месте разбитой колонны для дальнейшего наблюдения за движениями неприятеля, направился с остальными черноморцами влево от мачинской дороги и завязал с турками сильную перестрелку. В это время черноморский казак Павел Помело столкнулся со своим братом, служившим в рядах турецких запорожцев. Дрогнуло сердце «неверного» запорожца, и рука его не поднялась на брата по крови, по вере и по народности. Желая предохранить черноморцев от пролития дорогой казачьей крови, «неверный» запорожец, при звуке оружия сражавшихся, сказал своему брату Помелу: «Братец! не дуже вгоняйтесь: бо то куча, стоящая по праву сторону с татарами и некрасовцами самого хана, а еще большая куча татар есть в закрытьи, в глубокий балке на заставе. Хан ожидает приближения вашего и хочет напасть на вас с тылу». С этим словом братья расстались... Турецкий запорожец оказал нашим великую услугу.

Чепега, наступая на неприятеля, не выходил из пределов возможности дальнейшего натиска. Турки, отстреливаясь, отступали к ханским войскам, но, видя неудачу с черноморцами, завязали перестрелку в другом пункте с донцами, для того, чтобы завлечь их в засаду. Испытав и здесь неудачу, быстро собиравшиеся неприятельские войска потянулись к бабадагской дороге, с целью ударить в тыл на нашу кавалерию. Присланный на помощь черноморцам полковник Рибас объявил Чепеге приказание Кутузова: примечать атаку донцов, а самому ударить на хана. Бригадир Чепега тотчас предписал премьер-майору Белухе, с частью пехоты от бутского егерского корпуса, занять крутую гору над неприятелем и растянуться фронтом; сам же, со всей черноморской конницей, пошел в атаку на хана. Рибас подкрепил его каре своими егерями. Неприятель, несмотря на отчаянное сопротивление, не устоял пред грозным ударом чер-

номорцев. Храбрый Чепега гнал расстроенные ханские войска до речки, устилая поле битвы вражескими телами. Только за речкой хан спасся от дальнейшего преследования черноморцев.

В этом деле потеря черноморцев состояла в четырех убитых и 35 раненых.

Атаковавшие наши войска турки, видя поражение хана, поспешно отступали под покровительством пушечных выстрелов; но в это самое время кошевой атаман Черноморского войска получил, чрез полковника Рибаса, приказание Кутузова непременно гнаться за неприятелем. Тогда Чепега вновь повел своих «верных» казаков на турок. Напрасно османы употребляли все усилия удержать напиравших на них черноморцев; напрасно дрались с ожесточенным отчаянием: ничто не могло остановить храбрых казаков. После жаркого боя Чепега рассеял турецкие войска. Трофеями победы были три пушки и несколько знаменных древков, с которых уstraшенные турки сами сорвали знамена, потеряв надежду спасти их. Но кошевой Черноморского войска этим не удовольствовался: он погнался, со своими удалыми казаками, за бежавшим неприятелем, при этом турецкий тяжелый обоз и шестерых турок захватил в плен.

6 июня, по приказанию генерала Кутузова, бригадир Чепега с Черноморским войском и прочими частями, бывшими в авангарде под командою полковника Рибаса, занял бабадагские магазины с провиантом, сжег и разорил оставленный неприятелем город Бабадаг, истребил скрывавшихся там турок и зажег соседние: бабадагские селения.

Во всех делах бабадагского похода кошевой атаман со своими «верными» казаками оказывал чудеса храбрости и разумной отваги. Скромный Чепега не приписывал себе всего успеха выигранных дел, но рекомендовал Кутузову полковника Рибаса и премьер-майора Белуху, усердно помогавших ему во всех подвигах черноморцев¹.

---

¹ Донесение о бабадагских делах генералу Кутузову от кошевого атамана черноморцев июня 1791 г., № 1513. Из дел войск. архива.

Кутузов возвратился в Измаил, а кошевой Чепега, с 800 черноморских конных казаков, при войсковом полковнике Письменном, отправился на реку Серет к Сербештам, куда собиравались войска князя Репнина против румелийского сераскира Мустафы-Валесы, сдвигавшего 70-тысячную армию у Мачина¹.

В последний раз кошевой атаман Черноморского войска участвовал, со своими «верными» казаками, в разбитии турецких войск под Мачином. В деле этом Чепега потерял убитыми семь и ранеными 17 человек².

До заключения мира Черноморское войско содержало кордоны (посты) от устья реки Прута до гиялецкого адмиралтейства и от Галац до нижнего Чулеица.

В ноябре Черноморское войско было расположено на зимние квартиры: войсковой судья Головатый, с пехотой, стал в Фальче и в Галаце на лодках; кошевой атаман Чепега, с конными черноморцами, разместился в селениях своего войска, на левой стороне Днестра, именно на Очаковской степи³.

Заключенный с Турцией мир положил предел славным боевым подвигам Черноморского «верного» войска. Черноморцы блистательно заявили свою любовь и свою преданность к престолу и отечеству.

Но рядом с торжеством военной славы черноморские казаки оплакивали смерть своего благодетеля, того, кто устроил их быт — великого гетмана князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, скончавшегося 5 октября 1791 года⁴. Заплакали черноморцы *певаючи*:

Устань батьку, устань Грицьку!
Великий гетмане!
Милостивий добродию!
Вельможний наш пане!..

¹ Из дел войск. архива. «Походы в Турцию Румянцева, Потемкина и Суворова». Соч. М. Богдановича.

² Свед. из дел войск. архива.

³ Извлеч. из расписания зимних квартир южной армии имеющегося в копии в делах войскового архива.

⁴ См. Прилож. XV.

Не встал Грицько на зов своего «верного» и любимого войска. Не встал он к тем вящшему горю черноморцев, что, по смерти его, для них вновь наступила пора невзгод, которую они пережили только благодаря духу единства, связывавшего казаков...

В память своего великого гетмана «верное» Черноморское войско изготовило белое атласное знамя, которое и донныне хранится в екатеринодарском войсковом соборе. Этот дорогой знак памяти казаков *к открывшему* им широкий путь военной славы окружают два голубые знамени, сооруженные для Черноморского войска 21 апреля и 26 мая 1791 года доблестным кошевым атаманом Захарием Алексеевичем Чепегою, водившим на славные победы своих верных сподвижников¹.

VII

(1792)

Отправление войсковой депутации в С.-Петербург. — Представитель Головатый. — Царские награды войску. — Переселение черноморцев из-за Буга на Кубань

Харько² листи засилае,
На Кубань ричку зазивае,
Даруе лисами, рибними плесами
И ще й вольними степами.

Народная песня

Великий гетман Потемкин, собирая из разрозненных сечевивов Черноморское войско, дозволил принимать в казачью семью всех служивших прежде в войске Запорожском, включая зачисленных в воинские поселяне и в легкоконные полки. Но местное начальство, препятствуя свободному переселению казачьих семейств, распорядилось отпустить из

¹ Из дел войск. архива.

² Захарий Чепега.

екатеринославского наместничества на казацкую землю тех только казаков, которые служили и оконченную с турками войну. Кроме того, местные власти признавали членами семейств одних жен и детей; родители же, братья и сестры и прочие близкие родственники, принадлежавшие к одной семье должны были оставаться по-прежнему в наместничестве. Переселяющемуся казаку предстоял трудный выбор: или раздроблять семейство, или скрепя сердце оставаться всем на месте и платить тягостные для казака денежные повинности. Такие стеснительные меры порождали множество жалоб как со стороны обывателей-казаков, так и со стороны черноморского правительства; но все просьбы и ходатайства, за смертью Потемкина, большею частью оставались гласом вопиющего в пустыне.

В течение двух лет переселилось, однако, на отведенную Потемкиным землю 1759 черноморских казачьих семейств, в которых считалось мужеского пола 5068 и женского 4414 душ¹.

В представленных исправлявшим должность войскового есаула капитаном Неяким, в феврале, в черноморский кош сведений, показаны между реками Бугом и Днестром следующие селения Черноморского казачьего войска:

По реке Днестру.

Незавертай ..... на Днестре
 Головкивка ..... при урочище Маяку
 Аджидар ..... при урочище Аджидары
 Яска ..... при устье реки Кучургана

По реке Телигулу.

Котляровка ..... в вершине Телигульского лимана
 Сасички ..... в урочище Сасичку
 Журавка ..... при устье Журавки

¹Прошение Черноморского войска Екатерине II от 29 февраля из дел войск. архива.

По реке Березани.

Оники ..... при урочище Ониках

При Очаковском лимане

Аджидол ..... при урочище Аджидол

По реке Бугу

Солониha ..... при Буге

Троицкое ..... при Буге

Ковалевка ..... при урочище Шостаковой

Пещана ..... при урочище Голенькой балки

Чичаклей ..... при урочище Чичаклее

Парканы

Терновка

Суклий

Карагаш

Слободзея (резиденция войска)

Собручи

Гнила

Короткая

Николаевка

Котляровка — вторая

Петрова

Кроме того, много было устроено хуторов и жилищ при рыболовных заводах по речкам и лиманам.

Не успели черноморцы обжиться на отведенной гетманом земле, как получили повеление готовиться к новому переселению на Высочайше пожалованную войску землю на Тамани (Фанагорийский полуостров).

Это известие как громом поразило черноморцев. С одной стороны, оказывался крайний недостаток пожалованной земли для удобного поселения всего Черноморского войска; с другой, казаков торопили переселением, следовательно, лишали их возможности сбыть что-либо с выгодой из хозяйственного устройства за Бугом. А в хозяйстве заключалось все достояние

черноморцев!.. Но делать бы нечего... Черноморцы мирно встретили новое и неожиданное испытание их в покорности и верности отечеству и престолу. Тогдашнее жалкое состояние черноморцев отразилось в песне Головатого, живущей и донныне в памяти народной. Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст!.. Так порешили казаки на общей войсковой раде и смело пошли навстречу судьбе.

Первым делом черноморского коша была посылка войскового есаула Гулика для осмотра пожалованной земли и прилегающего к ней дикого и пустынного Кубанского края, занятие которого черноморцами входило в программу общих кошевых предположений.

Мокий Семенович Гулик отправился с приличною командою в дальний путь и со всею подробностью в топографическом отношении осмотрел Таманский полуостров и Кубанский край. Гулик пробрался до Георгиевска, где был ласково принят кавказским корпусный командиром, генералом графом Гудовичем. Возвратившись в Слободзею, старшина этот представил кошевому атаману отчет о своей командировке¹.

В то время как Гулик странствовал по диким пустыням Черноморья, войсковой судья Головатый, с разрешения графа Михаила Каховского и по приговору войсковой рады, был послан в столицу для испрошения у государыни прав на вечнопотомственное владение той землей, на которую должно было переселиться Черноморское войско².

Незабвенный Антон Андреевич Головатый, отправившись в С.-Петербург с прошением от войска, усердно хлопотал об охранении благосостояния черноморцев на новом месте жительства. Дружественные связи с значительными лицами в государстве, личные ходатайства у царицы, ласково его принявшей, и умное исполнение поручения увенчали труды Головатого полным успехом³.

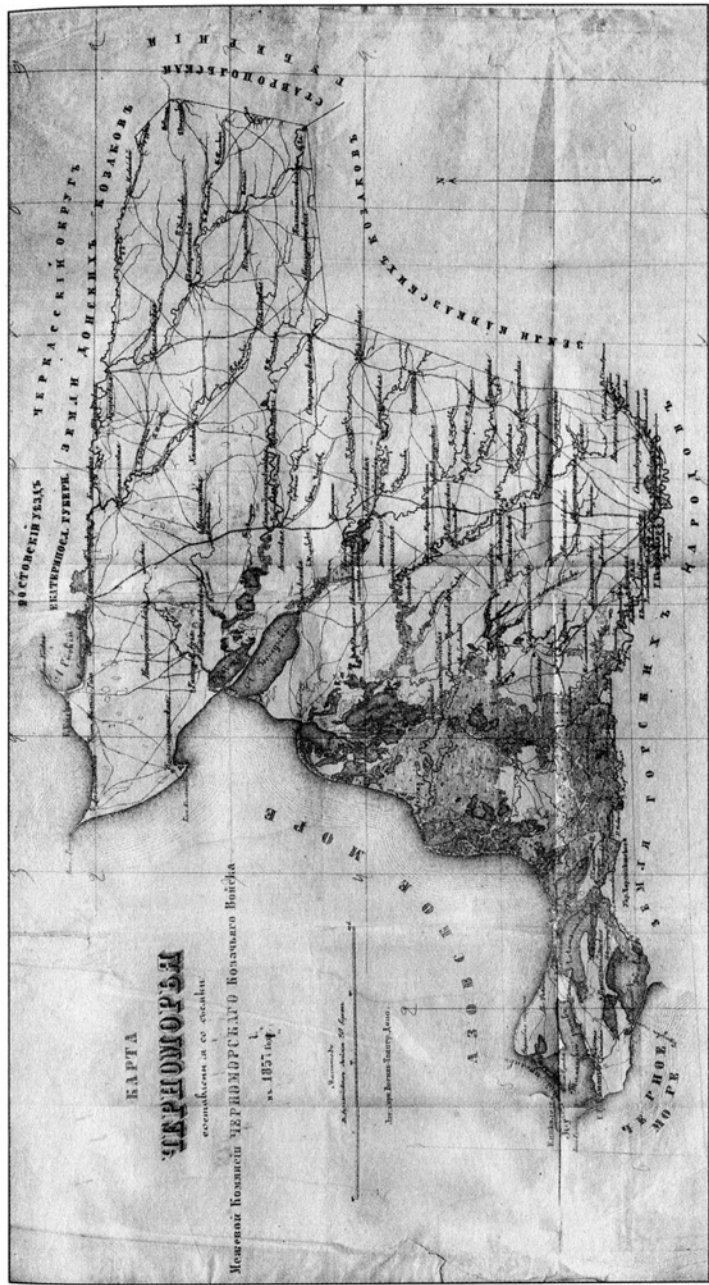
---

¹ Отчет Гулика. Из дел войск. архива.

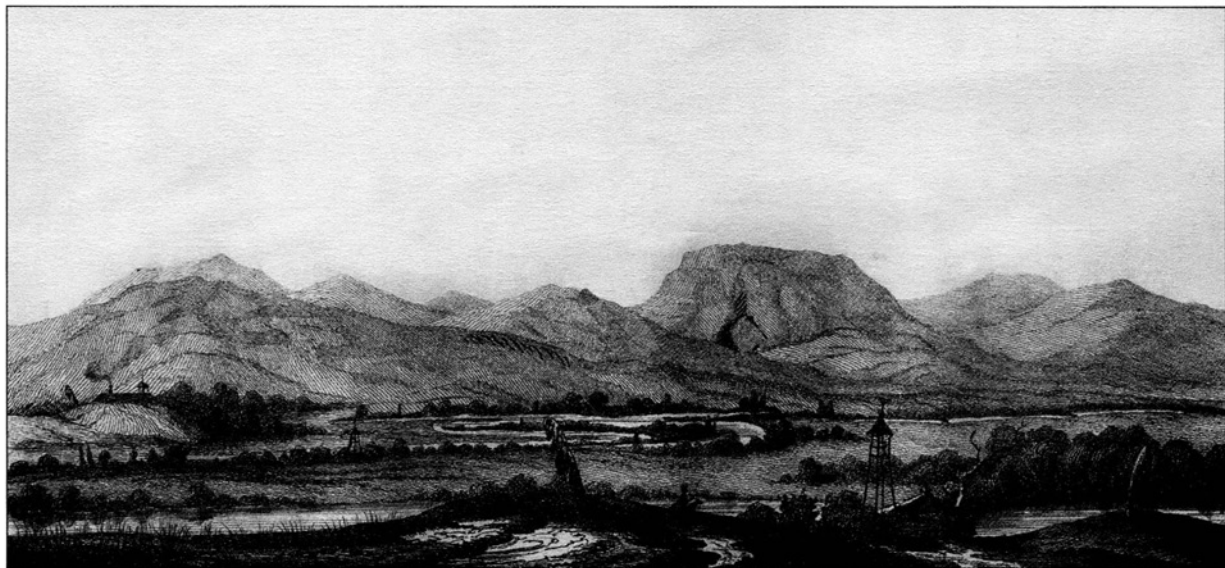
² См. из дел войск. архива.

³ См. из дел войск. архива

Карта Черноморья из книги И.Д. Попко «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту», СПб., 1858 г.

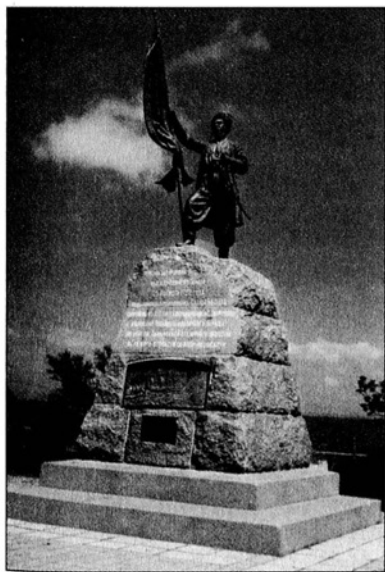

*Вид кубанской полосы Черноморья. Литография художника Н. Берзе из книги И.Д. Попко
«Черноморские казаки в их гражданском и военном быту», СПб., 1858 г.*

Запорожские казаки

Запорожец-бандурист

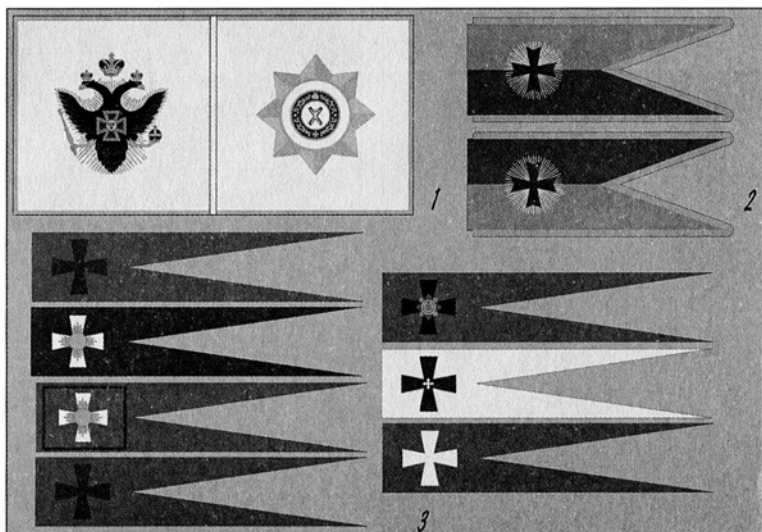
Памятник первым казакам-запорожцам, высадившимся на Кубани в 1792 г.

Черноморский казак

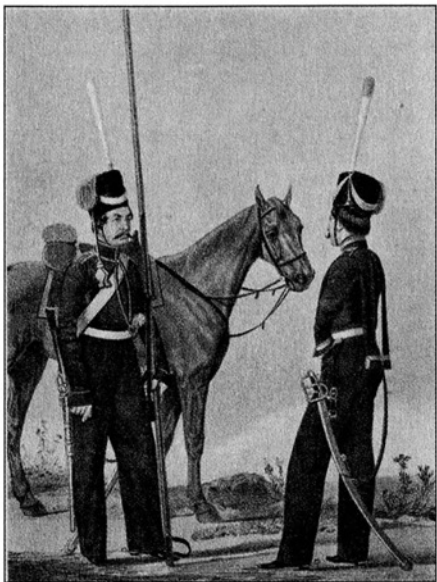
*Урядник лейб-гвардии
Черноморской казачьей сотни.
Художник А.И. Зауервейд.
1819 г.*

*Флаги Черноморского казачьего Войска. 1. Военное знамя 1788 г.
2. Куренные значки 1788 г., пожалованные Екатериной II.
3. Знамена 1803 г., пожалованные Александром I*

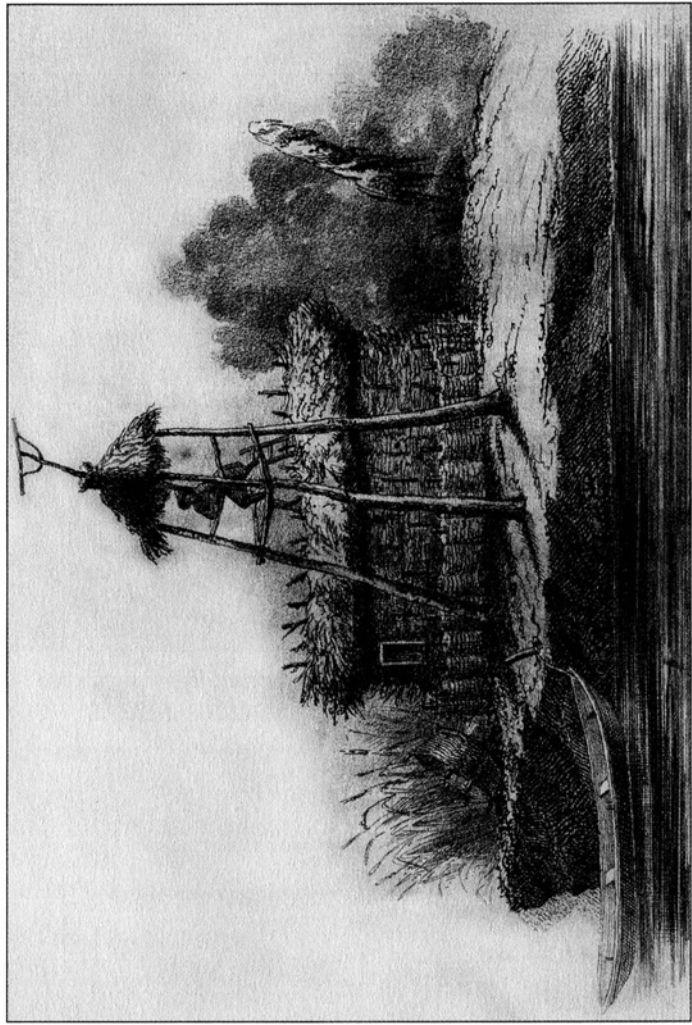
*Штаб-офицер Черноморского
Войска. 1816—1820 гг. Урядник и
обер-офицер Черноморской казачьей
артиллерии. 1816—1820 гг.*

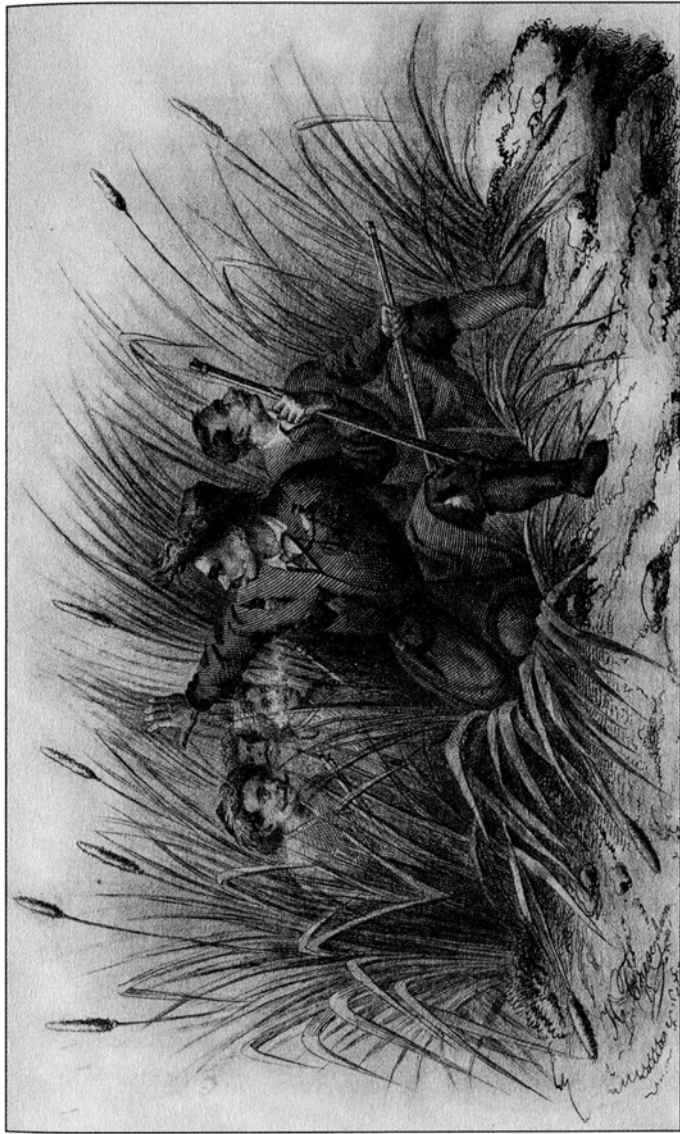
*Казак и урядник Черноморского
Войска. 1816—1820 гг.*

*Казак Черноморского Войска.
1822—1825 гг.*

Пикет на Кубанской линии. Литография художника Н. Берзе из книги И.Д. Полко «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту», СПб., 1858 г.

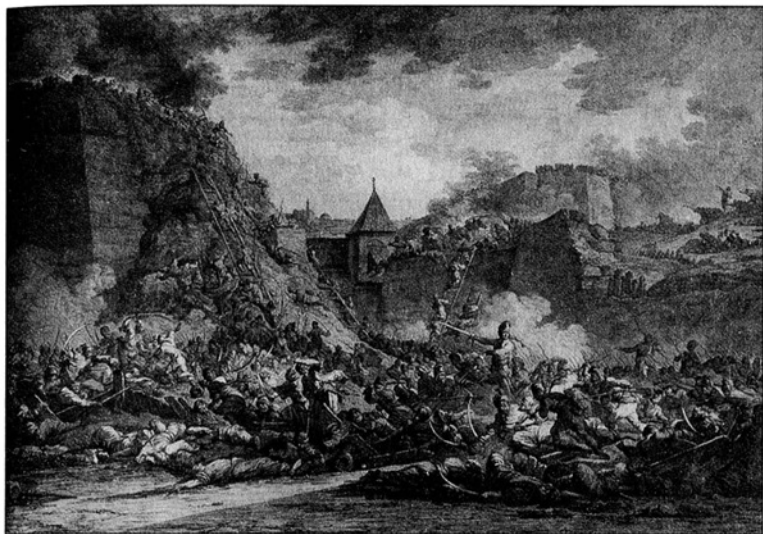

Пластуны. Литография художника Н. Берзе из книги И.Д. Попко «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту», СПб., 1858 г.

*Хеджрет. Литография художника Н. Берзе из книги И.Д. Попко
«Черноморские казаки в их гражданском и военном быту»,
СПб., 1858 г.*

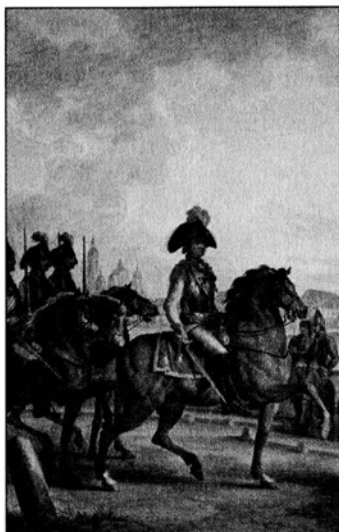

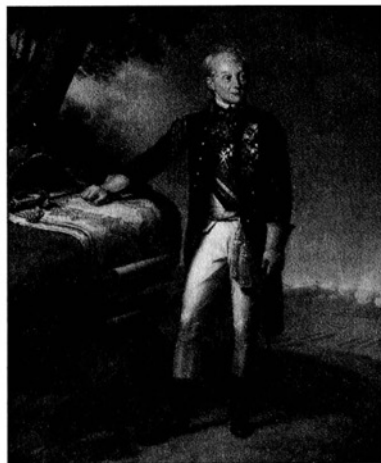
Штурм Очакова

Одно из сражений Русско-польской войны 1792 г., в которой принимали участие черноморские казаки

*Князь Потемкин-
Таврический.
Художник М. Иванов. 1798 г.*

*Портрет Суворова. Художник
К. Штейбен. 1815 г.*

*Портрет М.И. Кутузова.
Художник Д. Доу. 1829 г.*

Атаман Антон Головатый

*Атаманы Сидор Белый и Захар
Чепига. Фрагменты памятника
Екатерине II в Краснодаре*

Генерал Н.Н. Вельяминов

Казак, убивающий турка

Донской казак

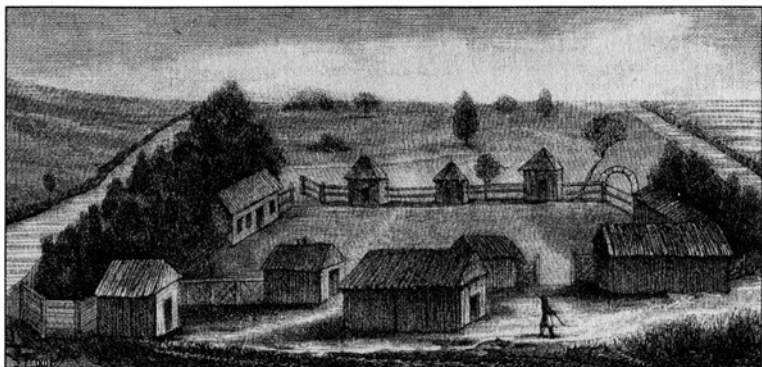
*Вид куреня.
Современная реконструкция*

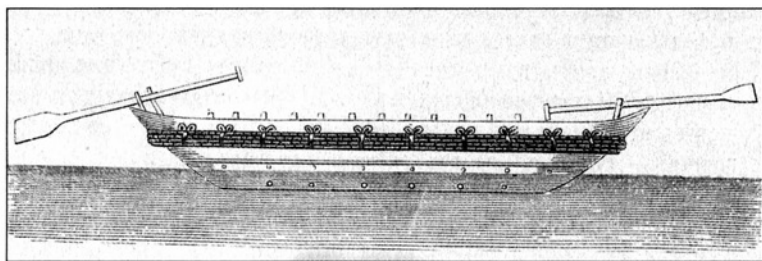
Казаци. Художник И.П. Жазе. XIX в.

Украинские казаки. Рисунок XVII в.

Казацкий зимовник

Казацкий челн

*Казацкий гетман
и полковник*

Казацкий сотник

Линейный казак

Черкесы

*Крымские татары.
Художник Е. М. Корнеев*

Янычары

Дипломат наш и поэт —
Знаменитый Головатый
Испросил нам край богатый,
Где промчалось много лет:
Давших славу нам военну,
Милость Царску незабвенну,
Мирных дней драгой покой,
Век счастливый, золотой!

Испросив для войска две Высочайшие грамоты, Головатый удостоился благодарить лично великую монархию за оказанные милости «верным» черноморцам.

Общую радость войска Антон Андреевич выразил в песне, сочиненной им на обратном пути из Петербурга в Слободзею, с драгоценными залогоми монаршей любви к Черноморскому войску.

Высочайшими грамотами была дарована войску земля между Черным и Азовским морями, по реке Ею и до Усть-Лабинского редута. Войсковому начальству предоставлено самому чинить внутренний суд и расправу; черноморцы получили право заниматься торговлею и всякими промыслами; были ограждены вообще многими привилегиями и обязывались только охранять границы на Кубани от набегов горских народов.

Императрица Екатерина, награждая депутацию черноморских казаков благосклонным приемом, милостивым вниманием и денежными подарками, излила чрез этих представителей царские щедроты и на все свое «верное» войско Черноморское. Кроме Высочайших грамот, определявших права и вольности казаков, ее величество пожаловала войску, в 30-й день июня, большое белое знамя, серебряные трубы, печать с надписью: «Е.И.В. печать коша Войска Верного Черноморского», и подарила, чрез Головатого, войску на новоселье хлеб и соль на золотом блюде, с такою же солонкою¹. На этих царс-

---

¹ Из дел войск. архива. Речь протоиерея российского, напечатанная в 1820 году в журнале «Соревнователь просвещения и благотворительности». «История Запорожской Сечи» Скальковского. «Черноморские казаки» И. Попки.

ких подарках вычеканены были следующие слова надписью на блюде: «дар Екатерины Великой Войску Верному Черноморскому. 1792 года, июля 13-го. В Царском Селе. Чрез войскового судью и кавалера Антона Головатого»; на солонке: «подарена с хлебом Войску Черноморскому. 1792 года, июля 13-го».

Со всей царской благостыней Головатый прибыл в войско благополучно. Кошевой атаман Чепега командировал для встречи дорогого гостя, за тридцать верст, пятисотенный полк, пригласил в войсковую резиденцию всех старшин войска, херсонского архиепископа и прочее духовенство. На устроенном великолепном месте кошевой Чепега, при собрании казаков и многочисленном стечении народа, окруженный свитой, выслушал приветствие Головатого и принял с честью Высочайше пожалованную ему, за доблестное управление войском, саблю, алмазами украшенную. Препоясавшись дорогим подарком, Чепега, с чувством глубокого умиления, взял от войскового судьи драгоценные знаки Монаршего благоволения к Черноморскому войску, объявил народу Высочайшие грамоты и с подобающей церемонией, возблагодарив Бога в войсковой церкви, угостил войско царским хлебом и солью на славу. Этот незабвенный для черноморцев день был, при громе пушек и мушкетов, отпразднован с общим веселием, по старому казацкому обычаю, а чтобы сохранить навсегда память незабвенного дня, черноморцы соорудили такое же знамя, какое пожаловано Императрицей Екатериной II.

За все излиянные на черноморских казаков милости Чепега, от имени войска, благодарил государыню всеподданнейшим письмом.

Готовясь к дальнему походу, Черноморское войско снарядило при Фальче 51 лодку и одну яхту. На этой флотилии, до прибытия еще Головатого, пешие черноморские казаки, в числе 3847 человек под командою войскового полковника Саввы Белого и в сопровождении бригадира Пустошкина, отправились Черным морем на Тамань, куда прибыли 25-го числа августа¹.

---

¹ Донесение полковника Белого кошевому Чепеге от 26 августа 1792 года, за № 88. Из дел войск. архива.

По прибытии на место Савва Белый отрядил войскового полковника Чернышева с частью войска, на 12 лодках, к устью Кубани, в Кизильтажский и Суковров лиманы, для наблюдения за действиями закубанских черкесов и для охранения от них войсковых рыбных ловлей, а полковника Кордовского поставил с командою при Старом Темрюке.

Для облегчения же казачьих судов находившиеся на лодках пушки и артиллерийские припасы по Высочайшему повелению, были сгружены в Фанагорийскую крепость¹.

Кошевой атаман Чепега, по окончании торжества войскового праздника, оставил за Бугом, с Головатым, один конный и один пеший полк, 2-го и 5-го сентября выступил, со всем войсковым штабом, обозом и остальным казачьим войском, тремя конными и двумя пешими пятисотенными полками, в поход на новопожалованную землю, сухим путем².

В конце октября Чепега прибыл к границам Черноморья на р. Ее и, изнуренный дальним путем, в неблагоприятную осеннюю погоду, остановился зимовать при Ейской косе в Ханском городке. Для наблюдения за действиями с неприятельской стороны, от Кубани, в степи, за 150 верст, была поставлена команда из 200 казаков при р. Челбасах. В следующем, 1793-м году была занята Черноморским войском и вся кубанская граница. В этом году пришли из-за Буга на Кубань, с Головатым, остальные полки с семействами переселявшихся черноморцев.

Не привлек, однако, безлюдный край заграничных выходцев из Польши, из Молдавии и Валахии. Они все остались на месте. Напротив, черноморцы рассеянного Запорожья старались сплотить за Кубани одну родную семью, в главе которой находился их батько-кошевой Харько Чепега. Ради пользы правительства черноморцы жертвовали своею собственностью: за неимением покупателей они должны были оставить за Бугом

---

¹ Ордер таврического губернатора Жегулина полковнику Савве Белому, 28 декабря 1792 г. Из дел войск. архива.

² Донесение полковника Головатого графу Каховскому в сентябре и письмо кошевого Чепеги 2-го числа того же месяца 1792 г. Из дел войск. архива.

непроданными все свои хозяйственные заведения и неудобное к перевозке, по дальнему пути, движимое имущество¹. Такое плачевное состояние забугских черноморцев выразилось в нескольких словах сложенной тогда песни:

Течуть рички из загори мутни,
Идут люди из городив смутни,
Покидают вжитки, песики любезни
И предорогие грунти...

По переходе из-за Буга черноморцы нашли кубанскую землю необитаемую, со многими заросшими камышом речками и болотами. Пустынный край требовал для своего оживления необыкновенной деятельности малочисленных пришельцев. Черноморцы преодолели все трудности первоначальной бездомной жизни, победили, можно сказать, самую природу; мертвая кубанская сторона обратилась в оживленную область, и тем оправдались и слова, сказанные Головатым у монаршего трона, и надежды Екатерины II, выраженные в Высочайшей грамоте.

Новый край черноморцы заселяли хуторами и куренями (станциями), давая последним названия, существовавшие в Запорожском войске.

Я уже говорил, что помещики екатеринославского наместничества закрепили, незаконными путями, в свое владение многих жителей бывшего запорожского войска; теперь следует сказать несколько слов о последствиях этого самоуправства.

Когда последовало повеление князя Потемкина-Таврического о составлении из всех служивших в Запорожском войске Черноморского войска, не малого стоило труда способным носить оружие казакам избавиться от помещицкого господства, чтобы стать в ряды войск, действовавших тогда против турок. Когда же дело дошло до переселения семейств казаков бывшего

---

¹ Доклад Императору Павлу I черноморского войскового атамана Котляревского, 1 декабря 1797 года. Из дел войск. архива.

Запорожья на землю между Бугом и Днестром и в Кубанский край, то помещики решительно воспротивились распоряжениям начальства, насильно удерживали у себя казачьи семейства и только в крайних случаях выпускали людей вконец уже разоренных. Некоторые помещики и их управители обнаружили еще более возмутительное самоуправство: жен и детей казаков они ссылали во внутрь России, а некоторых казачек отдавали в замужество за крепостных, чтобы черноморцы не могли отыскать их; отбирали от казаков имущества; наказывали их до полусмерти; остригали усы, чуприны отпиливали пилами или отрезывали... Словом, все со стороны помещиков-самоуправцев было направлено к тому, чтобы не допустить черноморцев воспользоваться дарованными войску Монаршими милостями¹.

При таких условиях переселение в Черноморье тянулось медленно. Черноморское войсковое правительство не раз жаловалось в Петербург на бездействие власти екатеринославского наместнического правления и на потворство своеволию и самоуправству помещиков в насильственном задержании семейств казаков. Наконец последовало распоряжение генерал-фельдцейхмейстера графа Зубова отпустить на Черноморье из екатеринославского наместничества тех только казаков и их семейства, которые в бывшем Запорожье служили в военном звании и были в строевом составе под знаменами Потемкина в минувшую войну, а остальных запорожцев, не бывших в военной службе, велено оставить на прежних местах их жительства².

Несмотря на все невзгоды, перешло из-за Буга на Кубань мужеского пола до 17000 душ³.

На новоселье черноморцы, придвинувшись к берегам Кубани, принесли Богу общую молитву, положили основание городу Екатеринодару и новую свою жизнь начали под управлением войскового правительства.

---

¹ Рапорт войскового судьи Головатого генерал-фельдцейхмейстеру графу Зубову, от 17 марта 1795 г. Из дел войск. архива.

² Отзыв графа Платона Зубова полковнику Антону Головатому, от 23 августа 1794 г. № 551. Из дел войск. архива.

³ Донесение полковника Головатого графу Зубову, 16 марта 1795 г. Из дел войск. архива.

С этого времени начинается кровавая борьба черноморцев с горскими народами на рубеже кубанской границы.

Более семидесяти лет кавказская война не давала Черноморскому войску отдыха от боевых трудов при защите края, охрану которого монархи вверили храброму казачеству.

И все эти тревоги беспокойной казачьей жизни прошли так, как будто их и не бывало!.. Они живут и будут жить только в воспоминаниях казака...

Кубань! Кубань!.. Сколько на рубеже твоём проведено черноморцами бессонных, сопряженных с величайшими опасностями ночей! Сколько пролито казачьей крови на защиту края!.. Мужеством, самоотвержением, неустанною борьбою и с людьми, и с природою храбрые черноморцы засвидетельствовали пред потомством свою непоколебимую верность престолу и любовь к отечеству.

ЧЕРНОМОРЦЫ НА КУБАНИ

Отдел первый

Благословен Господь Россию укрепивый,
Довольством, тишиной — ее благословивый;
И в весех и градах, на суше и морях,
На отдаленнейших Кубанских берегах!

К. Россинский

I

Кубань. — О древних народах Кубанского края. — Тмутаракань и русские. — О татарах и ногайцах. — Таманский остров. — Кубанский край

Река *Кубань*, берущая начало в истоках эльборусских снегов, охватывает своим течением северную сторону Кавказского горного хребта и вливается двумя рукавами, *Протокой* и *Переволокой*, в *Азовское море*, а главной массой своих вод, Бугазским гирлом, в *Черное море*.

На Кубани был когда-то довольно значительный остров — *Каракубанский*. За двадцать верст выше Копыла — старого турецкого укрепления, — Кубань взяла направление влево, под названием *Каракубань*, а направо пошла речка

Кубанка. Каракубань протекла десятки верст в земле черкесов и соединялась с Кубанкой верстах в десяти ниже речки *Курка*, впадающей в *Курчанский* лиман, который соединяется с Азовским морем около Темрюка. Каракубанский остров имел в длину 76 и в ширину 9—12 верст. Теперь Кубанка пересохла, Каракубань течет под общим именем Кубани и самый Каракубанский остров не существует. Из названных правых рукавов Кубани Протока впадает в море близ Ачуева, знаменитого богатым рыболовством, а Переволока, захватывая Ахтанизовский лиман, вливается тоже в море Темрюкским гирлом.

Относительно направления в древнее время истоков Кубани, г. Серафимович указывает, что, по описанию Страбона, Кубань (*Гипанис*) текла сначала к северо-западу, вливаясь в губу, заключенную между *Кимерийским* островом (где ныне Темрюк) и Сандийским мысом (на нем станица Старотитаровская), потом изменила свое направление на юго-запад, ниже Сандийского мыса, который преобразован в остров Таманский¹.

Кубань называется по черкесски *Пииз*; в некоторых русских источниках эта река имеет древнее название *Ахардай*; г. Дебу придает Кубани оба древние наименования, Ахардай и Гипанис. Последнее название, по исследованию *Шафарика*, принадлежит р. Бугу.

Относительно названия г. Серафимовичем Таманского острова Кимерийским, не будет лишним добавить объяснение г. Ригельмана, что в стороне от Дона до Черного и Азовского морей жило некогда племя *Гемеры*, известное под именем *Кимеры*, т.е. кимвров, от которых и *Меотийского* озера (Азовское море) устье, впадающее в *Понт Эвксинский* (Черное море), называют *Босфор Кимерийский*. Можно, следовательно, полагать, что и самый Таманский остров назывался в древности по этой причине Кимерийским².

¹ Интересное исследование о р. Кубани г. Федорова напечатано в №40, 42 и 43 «Кубанских Ведомостей» 1867 г.

² «Куб. Вед.» 1868 г. № 23. «Кратк. обозрение горских племен на Кавказе», *Берже*. — «Сочинение о Кавказской линии и Черномории», *Дебу*. — «Славянские древности», *Шафарика*, перев. Бодянского. — «Повествование о Малой России», *Ригельмана*.

В верховьях своих Кубань, извиваясь змеей между дикими скалистыми берегами, быстро и шумно стремится по камням до истоков в нее горных речек. Принимая чужие воды, Кубань изменяет каменное русло на песчаное и белые прозрачные струи на желто-бурые волны, крутящиеся в частых водоворотах, на всем протяжении реки. Чем далее вниз по течению, тем Кубань от притоков с северной покатости горного хребта делается глубже и шире; дикие и угрюмые берега исчезают, и вместо мрачных ущелий появляются роскошные долины, — с живописными ландшафтами обширных лугов, кустарников и лесов, обрамленных вдали исполинскими горами Западного Кавказа. Нередко Кубань изменяет направление своих вод то в одну, то в другую сторону, образуя песчаные отмели, выходящие потом островками, или вновь разливаемые прихотливою волною.

Правая сторона р. Кубани до Устьлабинского редута, р. Еи, Черного и Азовского морей с Таманским островом являет, за малыми исключениями, сплошную равнину, по исчислениям землемеров в $27417\frac{1}{2}$ квадр. верст. На этой-то земле, в 1792 году поселено *Черноморское казачье войско* именуемое ныне, с присоединением к нему части линейных казаков, *Кубанским*.

В Черномории замечателен в историческом отношении Таманский остров, называемый *Фанагорийским*, где некогда была столица *Боспорского царства*; напротив, Кубанский край не богат памятниками древней истории. Нельзя, впрочем, обойти молчанием следующий случай. Во время военных действий Суворова на Кубани генерал *Поликарпов* нашел, на месте нынешнего г. Екатеринодара, камень длиною в девять английских футов и в четыре фута в окружности, со знаками, которых тогда никто не мог разобрать. Камень этот был отправлен к Потемкину и ныне находится в Царстве Польском, в саду имени *Радзивиллов*.

Откуда и когда загадочный камень очутился на Кубанской земле, неизвестно; но Оленин говорит, что в завоеванных еги-

петским царем *Сезострисом* странах, простиравшихся до Та-наиса (Дона), были поставлены столбы с иероглифическими надписями, подобные иероглифам под сфинксами, украшающими в Петербурге набережную Васильевского острова. Надписи эти гласили: «*Сезострис, царь царей, государь государей, сии земли оружием своим завоевал*». Найденный Поликарповым камень — один из таких столбов.

Не беру на себя задачи исследовать, какие народы в глубокой древности обитали на Кубанской земле и на острове Тамани; но полагаю уместным сказать несколько слов об этом предмете по немногим имеющимся у меня под рукой печатным источникам. Решаюсь на эти отрывочные сведения единственно в том убеждении, чтобы хотя сколько-нибудь ознакомиться с краем, где пришлось вести историческую жизнь Черноморскому войску.

Шафарик в своих «Славянских древностях» говорит, что места, лежавшие по обеим сторонам Дона, были заселены в разное время разными переходными, занимавшимися грабежом народами, которые теснили друг друга. Около четвертого столетия одно поколение *болгарок*, под властью *Бадбая*, жило на севере Азовского моря и Кубани, между Доном и Волгой, но впоследствии, уклоняясь от нападения козаров, перешло оттуда в другие места.

В этом же веке, по разрушении скифами Готского царства, при Черном море, одна часть *готов*, перешедши со *скифами* в Кубанскую землю, смешалась с тамошними жителями. Потомки их, под именем *готов-тетракситов*, держались на Босфоре, близ устья Кубани, до шестого столетия. Место их заступили перешедшие из Крыма *кабардинцы*, которые в шестом столетии занимали остров, образуемый рукавами Кубани при впадении ее в Черное море, в названном татарами месте: *Кызил-там*, т.е. красный камень.

Кабардинцы, однако, жили здесь не долго; они передвинулись под начальством *Инала*, родоначальника всех кабардинских князей, далее на восток и расселились в нынешней Кабарде.

За кабардинцами являются на Кубанской земле *сираке-ны маиотского* племени, известные потом под именем *мадьяров*. Народы эти в VIII и IX столетиях вытеснены были *печенегами*. Около того же времени *козары* распространили свое владычество от Волги за Дон, до Черного и Азовского морей, господствуя в этом крае над побежденными народами.

В IX столетии вышедшие из-за Урала и Волги *половцы*, по мнению *Соловьева*, татарского племени и языка, а по исследованиям *Ригельмана* из готского народа, происходящего от кимвров, соединясь с печенегами, своими единоплеменниками, изгнали козаров по левую сторону р. Дона, а потом, поселившись при Черном море, вели постоянную с ними войну, наконец истребили их и завладели их землями. Соловьев говорит, что и печенеги были изгнаны из своих поселений теми же половцами, распространившими свои владения к северу до пределов России, а на юг до черкесов и кавказских народов¹.

Все эти племена, группируясь своими поселениями в местности между Доном, Кубанью, Черным и Азовским морями, судя по историческим фактам, занимали те самые места, на которых впоследствии (1792 г.) поселено *Черноморское казачье войско*.

Остатки названных народов, переходя одни за другими в разные страны, смешивались в разноплеменный сброд и долго толпились на *Фанагорийском* острове (*Тмутаракани*), именно до времен владычества здесь русских князей.

Прежде чем начнем речь о внесении в этот край русской власти, скажем несколько слов о *Фанагорийском* острове, известном ныне под названием Таманского острова. Некоторые полагают, что древний город Фанагория был на *Бугасе* (гирло, соединяющее Кубанский лиман с Черным мо-

---

¹ «Славянские древности». *Шафарика*, перев. с чешск. Боянского, Т. II, кн. I. — «Кратк. обзор горск. плем. на Кавказе», *Берже*. — «История России с древнейших времен». *Соловьева*, Т. II и *Карамзина*, Т. IV.

рем), или поблизости его, к востоку, между *Стеблиевским* селением и бывшим на Кубанской границе *Новогригорьевским* постом; другие говорят, что Фанагория была на месте нынешней *Сенной* почтовой станции, с портом у оконечности Таманского залива, и что остатки развалин древних фанагорийских сооружений находятся под землей и покрыты водой.

Оставив в стороне различные мнения о месте древней Фанагории, сливающейся в одно общее название с целым островом, нельзя не упомянуть, что здесь еще много неисследованных мест, заслуживающих особенного внимания, в развалинах крепостей и городов. Нет сомнения, что некоторые из них построены в позднейшие времена турецко-татарского владычества в этом крае, но нельзя также не отнести к более отдаленнейшим векам сооружение громадных твердынь, подобных и донныне уцелевшим следам укрепленного места на Темрюкской горе, к стороне Курчанского лимана и Азовского моря.

Как некогда новгородские славяне, разъединенные внутренними несогласиями, призвали к себе общего властелина, так и жители острова *Фанагории*: *козары, косоги, половцы* и другие азиатцы, терзаемые неурядицами, подчинились предприимчивым русским князьям, искавшим счастья вдали от родины. Фанагорийский остров, с появлением на нем русских, стал известен под названием *Тмутаракани*, испорченное древнегреческое слово — *Таматарха*, что значит: *рыбье звено, соленье рыб*. Остров этот действительно богат рыбными и соляными промыслами.

По смерти Владимира I, в 1015 году, Тмутаракань является одним из удельных княжеств Русского царства. Самое же подчинение Тмутаракани владычеству русских князей относится ко времени Святослава I, ходившего войною на яссов и когосов, жителей при-Кавказья.

По этому поводу Шафарик замечает, что Святослав в 964—966 годах победил яссов и косогов, предков черкесов, и в то же время, *кажется* (подлинное выражение Шафарика), Святослав покорил *Таматарху* (Фанагорию) и все Казарские области

на восточном берегу Азовского моря, известные после под именем Тмутараканского княжества.

В XI столетии Тмутаракань принадлежала Мстиславу, сыну Владимира I. Он, делая походы из Тмутаракани на кософов, победил их князя Редедю в единоборстве и взял его землю, а на жителей наложил дань. Предание говорит, что Мстислав, борясь с косожским князем и изнемогая в этой борьбе, воскликнул: «Пречистая Богородица, помоги мне! Если я его одолею, то построю церковь во имя твое!» Действительно, Мстислав в память своей победы построил, по данному обету, в Тмутаракани церковь во имя Пресвятой Богородицы¹.

Сохранившиеся памятники древности не указывают места, где была эта церковь, но есть свидетельства о водворении христианской веры в Тмутаракани во время владычества русских князей. При заселении черноморцами в 1792 году Таманского острова, найдены развалины древнего монастыря на горе, вдавшейся полукругом в Ахтанизовский лиман. Можно предполагать, что это был тот самый монастырь, который, по историческим исследованиям, построен в 1054 году иноком Никоном, другом св. Феодосия Печерского². По мнению Оленина, Никон был послан от тмутараканцев к черниговскому князю Святославу Ростиславовичу — «да пустит им сына своего Глеба на престол тмутараканский». И между местными жителями сохранилось предание, что монастырь основан во имя св. князей Бориса и Глеба. Набожные черноморцы, из выбранных в развалинах монастыря камней, выстроили в станице Ахтанизовской церковь. Место, где был древний монастырь, и поныне известно в народе под названием *Борисова гора*, из которой, по словам местных жителей, лиман и теперь еще вымывает камни монастырских построек.

В 1792 году черноморцы нашли камень, надпись на котором объясняла деяния князя Глеба и определяла расстояние от

---

¹ «Славянские древности» *Шафарика*, Т. II кн. I. «История России с древнейших времен» *Соловьева*, Т. I.

² «Кавказский календарь» 1868 г.

одного берега пролива до другого, ввиду пространства так называемого Верблюжьего брода, севернее (Чушка и Ениколь) ¹.

Политические обстоятельства заставили русских князей бросить Тмутаракань. Она осталась по-прежнему в руках разноплеменного населения, из которого, как можно полагать, господствующим были половцы.

В XIII веке монголы подчинили себе всю землю Половецкую, Тавриду, черкесов и других народов, в окрестностях Азовских.

Со времен князя Василия Темного сделалась известною *Крымская орда*, основанная *Эдигеем*. Сыновья его, по смерти отца, разделились и погибли в междоусобицах. Тогда монголы черноморские избрали себе в ханы восемнадцатилетнего юношу *Азы-Гирея*, который, покорив улусы в окрестностях Черного моря, основал независимую *Крымскую орду*. Но в 1475 году, в княжение *Иоанна III*, хан *Менили-Гирей*, взятый в плен турецкими войсками, принужден был признать над собою верховную власть султана ¹.

¹ Камень был найден на развалинах древнего города, близ крепости Фанагории; он имеет в длину 1 аршин $9\frac{1}{8}$ вершков, в ширину $5\frac{5}{8}$ вершков и в высоту $10\frac{1}{8}$ вершков. На нем иссечена, в две строки, надпись на славянском языке, буквами и цифрами того времени. *В лето 6576 (4068) индикта 6, Глеб князь мерил море по льду от Тьмутараканя до Керчева (Керчи) 10000 и 4000 (т.е. 14000 сажен).*

По мнению Оленина, надпись на камне означает расстояние от Тамани до Керчи в 21 версту, считая сажени того времени маховыми, а не нынешней меры. В 1793 году присланный по Высочайшему повелению инженер Самбулов построил на деньги, данные кошевым атаманом Черноморского войска, Чепеогоу, вокруг камня ограду; но так как этот памятник глубокой древности находился от Тамани около версты, в безлюдном месте, то, по ходатайству войскового судьи Черноморского войска Головатого, с разрешения таврического губернатора Жегулина, тмутараканский камень в 1795 году перенесен в Тамань, к выстроенной *коштом* Головатого первой в Черномории каменной церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы, и по сделанному Головатым плану, был положен на найденных при берегу Ениколя столбах и фигурах из мрамора. Впоследствии камень был взят в Николаев, а потом перевезен в Петербург, где и ныне хранится в мюнц-кабинете Императорского эрмитажа Зимнего дворца (из дел Куб. войск. архива. — Примеч. (3) ко II т. истории *Карамзина*).

² «История «государства Российского» *Карамзина*, Т. III, IV, V и VI.

Татарские орды, занявшие Крым, имели поселения свои и на Фанагорийском острове, где, кроме их, жили *некрасовцы*. Время поселения здесь этих казаков относится к царствованию Петра Великого и было следствием возмущения на Дону старшины Булавина. Главный сообщник Булавина, Игнатий Некрасов, ушел с набранною им шайкою на Кубань и отдался под власть крымского хана (1708). За ним последовали многие казаки-раскольники из станиц Голубинской, Чирской и разные беглецы из других мест. Первые пришельцы были поселены между татарскими городами Темрюком и Таманью, между морями Черным и Азовским, близ залива, и образовали три станицы: *Блудиловскую, Толубянскую и Чирскую*; вторые беглецы водворились, между этими станицами, слободами. И тех и других хан подчинил «кубанскому сераскиру». Впрочем, некрасовцы уже нашли своих земляков на Таманском острове, бежавших сюда с Дона еще прежде, также по причине гонений на раскольников.

Вместе с крымскими, кубанскими и горскими народами некрасовцы ходили войною на русских и не щадили, при набегах, даже земляков своих на Дону. В 1777 году, при занятии русскими войсками прикубанского края и острова Тамани, они бежали сначала к черкесам, а в следующем году в Турцию.

Эти исторические данные, приводимые Ригельманом, дополняются преданиями. Взятый в апреле 1793 года черноморскими казаками на Кубани в плен *абазинский некрасовец Андрей Мазанов* рассказывал, что он родился на Фанагорийском острове, где жили его отец и другие некрасовцы. Когда Россия овладела Тавридой, то переправившимся чрез Еникольский пролив, с татарами, ханом *Шангиреем* (Шагин-Гирей) выгнаны были все некрасовцы с Фанагорийского острова и переселены в Анатолию. Там Мазанов жил до 1787 года, а в том году отправился в турецкий город Анап (Анапу), откуда перешел к абазинцам и, занимаясь охотой и ловлей рыбы в Кубани с другими некрасовцами, брал в плен черноморцев и продавал абазехам, покуда и самого его на Кубани поймали.

Скальковский полагает, что некрасовцы из Тамани перешли прямо в Болгарию и поселились близ *Бабадага* и озера *Розельм*, где и жили до вызова их в Россию стараниями генерал-лейтенанта Тучкова.

Не беру на себя согласовать различные мнения об этом вопросе о некрасовцах, потому что история их не входит в мой рассказ, скажу только, что они действительно в указанное время жили на Таманском острове и оставленные ими пустые селения были видны еще во время переселения черноморцев на Кубань¹.

Фанагорийский остров имеет богатейшие рыбные ловли, соляные промыслы и нефтяные источники². При своих естественных богатствах и при выгодном топографическом положении от соединения двух морей остров должен был обратить на себя особенное внимание Турции. Возникли здесь крепости, города и ханские дворцы; все закипело жизнью; явились торговля, промышленность.

Фанагория — по-турецки *Таман*. От этого имени, данного первому здесь городу, и самый остров стал называться *Таманским*³.

Город Таман, или, как называют его ныне, *Тамань*, с огромною при нем развалившеюся крепостью, с бассейнами, с фонтанами, с роскошными садами и виноградниками, расположен над *Керченским проливом* (прежде Босфорский). При заселении черноморцами острова Тамань была еще городом, и 30 января 1848 г. Высочайше утверждён для него *герб*⁴, однако

¹ Повествование о донцах *Рагельмана*. Из дел Кубанск. архива. Опыт статистического описания Новороссийского края, *Скальковского*.

² Красная рыба и икра из нее, приготовленная на рыбных заводах Таманского острова, получили похвальный лист на всемирной парижской выставке в 1867 году.

³ Кроме города Тамани, здесь был еще город Темрюк. Оба эти города были взяты в 1557 году черкесскими князьями, союзниками царя Ивана Грозного в борьбе его с ханом Девлет-Гиреем; но потом оставлены ими.

⁴ Щит разделен крестообразно на четыре равные части; в первой, в серебряном поле пурпурового цвета, украшенная золотом и драгоценными камнями княжеская корона, на вершине которой золотой крест; во второй, в золотом поле, приморская крепость красного цвета, за нею огнедышащая сопка; в третьей, в голубом поле, серебряная рыба, и в четвертой, в красном поле, три бугра соли. Щит окружен зеленою каймою, на которой 21 золотая звезда, по числу станиц в Таманском округе.

и после этого Тамань, не имея городских учреждений, осталась со скромным именем станицы.

Темрюк, другой город на Таманском острове, получил свое название, вероятно, от *черкесского князя Темрюка*, на дочери которого был женат Иоанн Грозный. Быть может, этот самый князь жил на месте расположения самого городка, с теми черкесами, которые около 1502 года занимали весь восточный берег Азовского моря, от Дона до Босфора Киммерийского.

О местоположении Темрюка войсковой есаул Черноморского войска *Гулика*, осматривавший в 1792 году здешний край, говорит:

«По над *Атишским* и *Ахтинским* лиманами, за 25 верст песчаный ерик, идущий с Ахтинского лимана и впадающий в Азовское море. Напереди сего ерика город пустой, называемый *старый Темрюк*, где земляная крепость. Близ сей крепости, верст за пять, над Ахтинским лиманом и Азовским морем, на косе каменная пустая крепость, называемая *новый Темрюк*, и около оной на двух земляных батареях по две чугунных и по одной медной, всего шесть пушек, из числа коих одна чугунная разбита».

Городов, виденных Гуликом, теперь нет. От старого Темрюка уцелела только одна крепость с земляным валом, довольно: но еще высоким, и кой-где остатки разбросанных камней из бывших крепостных построек. При ломке камней из этой крепости, в 1835 году, для колокольни, строившейся в нынешнем Темрюке, открыт склад артиллерийских припасов, именно ядер трехфунтового калибра 450 штук, а в 1837 году, выкопали также медную трубу, весом в 2 пуда 8 фунт. Далее на восток около Темрюкского гирла заметны тоже небольшие земляные укрепления, и в одном редуте и теперь еще торчат в земле две огромные турецкие пушки. Не здесь ли был новый Темрюк, где проходит и упоминаемая Гуликом песчаная коса; или на противоположном берегу гирла, где была Темрюкская станица, а в настоящее время, по горке раскинулся город Темрюк, да еще и *портовый*.

Кроме городов Тамани и Темрюка, и многих крепостей, со времен турецко-татарского владычества был сильно укрепленный

город *Очуев* или *Ачуй* (Ачуев), где на батареях найдено Гуликом, в 1792 году, *девятнадцать* больших пушек. На Ейской косе, зашедшей в Азовское море, тоже была крепость с ханским дворцом, который русские называли *Шангиреевским ретраншаментом*. Здесь также найдены Гуликом четыре чугунные пушки. Как эти, так и прочие орудия, бывшие в Темрюке и Ачуеве, по распоряжению войскового судьи Головатого, перевезены в Екатеринодар. Ханский ретраншамент, по заселении края черноморцами, состоял в ведении таврической казенной палаты; но, по просьбе Головатого, разобран для постройки церкви при ейском окружном правлении, во имя *Преображения Господня*¹ (в Старо-шербиновской станице).

В то время когда обладатели Таманского округа, при оседлой жизни, развивали там внутреннее благоустройство, на привольных степях Кубанского края, к стороне Дона, кочевали отделившиеся от Золотой Орды *татары* племени *Ногайского*. Кубанские ногайцы, состоя в зависимости от крымского хана, подразделялись на две главные орды: *Чамбурлукскую* и *Едманскую*; по мнению же *Скальковского*, Кубанская орда происходила от колена *киргизов*, и главная ставка их сераскира была на р. *Аганлы* (Афганлы), близ впадения ее в Кубань, а кочевья их доходили до нынешнего *Копыла*.

Не знаю, насколько верно предположение Скальковского о происхождении кубанских орд, кочевавших некогда на земле, заселенной Черноморским войском, но замечу, что г. Скальковский издал свою книгу в 1850 году, а в это время, сколько мне известно, в Черномории не было и нет р. Аганлы или Афганлы, впадающей в Кубань; есть речка *Аниели*, или, так называемый, Ангелинский (на карте *Английский*) ерик, набирающий воду при половодье Кубани². Скальковский говорит, что главная ставка сераскира кубанских орд была при впадении р. Аганлы в Кубань. Если принять, что эта река есть упомянутый мною ерик и что впадение ее Скальковский разумеет соединение с

¹ «История России...» Карамзина, Т. VIII. «Краткий обзор горских племен на Кавказе», *Берже*. — Из дел. Куб. войск. архива.

² В этом ерике, по словам *Дебу*, найден камень, с высеченной греческими буквами надписью: «*Аниелинго тоаголло ныдеохио*».

Кубанью, недалеко от *Красного леса*, то и тут нет никаких признаков резиденции главного начальника кубанских родов, а такое место не могло бы остаться бесследным. Местопребыванием сераскира *Дебу* полагает Копыл, с чем скорее можно согласиться, потому что здесь и до сих пор видны развалины каменного укрепления над самой Протокой с левой ее стороны.

В 1770 году, во время турецкой войны, русские войска, вступив в Крым, заняли Таманский остров и города *Таман*, *Темрюк*, *Ахай* и *Алфону* (где были последние два города — неизвестно). Более 200000 татар, населявших остров и *твердую землю* (полагаю, Кубанский край), сдались русским войскам, но по мирному трактату, заключенному в *Кючук-Кайнарджи*, все татарские народы, *крымские*, *кубанские* и проч., признаны были состоящими под властью хана чингисского поколения.

По этому же трактату, Россия предоставила татарам, кроме Керчи и Ениколя с их уездами и пристанями, все города, крепости, селения, земли и пристани, в Крыму и на Кубани, оружием ее приобретенные; Порта, со своей стороны, отреклась от всякого права на крепости, города и жилища в Крыму, на Кубани и на острове Тамане лежащие, уступая все это татарам в независимое их владение. Кубань, как и прежде, осталась турецкою границею от татар. Таким образом, и Таманский остров и Кубанский край, завоеванные русскими войсками, были очищены.

По кайнарджийскому трактату, султан, имея в Крыму одно только религиозное значение, как глава ислама, старался возратить и прежнее политическое влияние на Крым, что, конечно, не могло соответствовать видам русского правительства. При таких враждебных влияниях двух соседственных держав, на Крымском полуострове образовались партии русская и турецкая, которые, защищая взаимные интересы, влияли на шаткую власть крымского хана. В 1775 г., преданный России хан *Сагиб-Гирей* был свергнут с престола, и на место его возведен угодник султана, *Девлет-Гирей*; но и он скоро принужден был уступить место хану *Шагин-Гирею*. Этот новый властелин

татарского народа начал вводить в Крым различные реформы, но вооружил против себя поборников старины, и, очутившись в затруднительном положении, искал покровительства России. Принужденный в 1782 году, вследствие открытого мятежа родных братьев, бежать в Таганрог, он хотя и был с помощью русских войск вновь возведен на престол, но своими жестокостями уже в следующем, 1783-м году дал недовольным повод к новому бунту.

Императрица Екатерина, с целью положить предел бунтам, волновавшим Крымский полуостров, поручила *Потемкину* вступить туда с русскими войсками.

Крым остался лишь номинально независимым государством: царство потомков грозного Батыя, видимо, разрушалось. Чтобы отдалить, однако, от Крыма ногайцев, кочевавших на кубанских степях, и черкесов и тем разъединить силы татар, Екатерина вверила исполнение этого плана *Суворову*. Прибыв на Кубанскую линию и обозрев места от Азова до Тамани, он занял эту черту укреплениями до морских берегов.

В 1783 году Шагин-Гирей отрекся от ханского престола. Крым, Таманский остров и вся правая Кубанская сторона вошли в пределы России. Договором, заключенным с Отоманской Портой в Константинополе 28 декабря 1783 года, река Кубань была постановлена границей между обеими империями. Граница эта еще раз подтверждена Турцией трактатом 29 декабря 1791 года.

Для торжественного объявления отречения крымского хана Суворов собрал ногайцев в городок *Ейск*, на юго-восточном берегу Азовского моря (близ ст. Старошербиновской), и предъявил ордынцам условия, на которых Шагин-Гирей, слагая с себя звание крымского хана, передавал русской государыне владычество над всеми ордами татарского народа. При содействии приверженных России *Мусса-Бей* и *Галиль Эфендия*, правителей *Чамбурлукской* и *Едманской* орд, подразделявших главную орду Ногайскую, он успел уговорить ногайцев мирно покориться необходимости, а некоторых султанов убедил вовсе переселиться из Кубанской степи за Волгу.

Часть же этих народов перешла в Крым и водворилась в окрестностях Перекопа. 28 июня ногайцы присягнули на подданство России.

Водворенное спокойствие было непродолжительно. Шагин-Гирей, подстрекаемый врагами России, явился первым зачинщиком волнения между татарским народом. Многие ногайцы и Закубанская сторона черкесов возмутились открыто; бунт разлился по Ейской степи; шедшие за Волгу на поселение ногайцы возвратились на прежние кочевья. Суворов разбил их наголову. Более 500 татар легло на месте; прочие убежали за Кубань, оставив в добычу русским: жен, детей, огромные стада и все свое имущество. До десяти тысяч ногайцев, с султаном *Тавом*, после безуспешной осады Ейского городка тоже ушли за Кубань.

Переправившись на левый берег Кубани, Суворов разгромил притоны бунтовщиков.

Крымский хан, живший в это время в Тамане, был перевезен, по приказанию императрицы, в Калугу.

Часть ногайцев князь Потемкин-Таврический переселил из Крыма на Уральские степи; но около тысячи семейств, стараниями едманского мурзы *Баязет-Бея*, воротились и водворились по р. Ее на землях прежних владений орд кубанских. Впоследствии прибыло сюда еще до 2000 ногайских семейств. В 1792 году и эти ногайцы переведены были в Крымские степи, на *Молочные Воды*¹.

После подчинения Крыма России и очищения от ногайцев Кубанских степей богатый остров Таманский обезлюдел, и только опустевшие города, крепости и селения свидетельствовали о недавнем пребывании здесь оседлых народов.

Чтобы прикрыть границы от неприятельских нападений и содержать в страхе татар и других хищных соседей, князь *Потемкин* протянул цепь войск по правому берегу Кубани и в других местах очищенного края. С тех пор наши регулярные войс-

---

¹ «История Суворова» *Полевого*. — Полн. Собр. Зак. 1783 г. Т. XXI (15708, 15901). Т. XXIII (17008). — «История падения Польши» *Соловьева*.

ка, заняв кубанскую границу, построили на Кордонной линии укрепления; в оставшихся в Тамане 150 старых турецких домах поместился батальон егерей.

Так рушилось владычество татар в крае между Черным и Азовским морями и р. Кубанью. Земли крымских татар, собственно Крым, Таманский остров и Кубанский край, окончательно вошли в состав государства Русского.

Между прочими распоряжениями, касавшимися устройства вновь присоединенного края, по указу, данному сенату 2 февраля 1784 года, остров Таманский присоединен к новой Таврической области, а Кубанская земля причислена к составу Кавказской губернии¹.

II

Стремление черноморцев к единству. — Выбор кошевого. — Кутузов и черноморцы. — Войсковая администрация за Бугом

Ой летит бомба з Московского стана,
Та посередь Сичи впала.
Ой хоть пропали славни запорожци,
Та не пропала их слава!

Народная песня.

С падением Запорожской Сечи, старинные вольности запорожских казаков рушились безвозвратно; население войска разбрелось во все стороны; многие старшины поступили в государственную службу, а простое казачество — *«кто до турка, кто до пана, а хто й в губернии приписано»*. Так говорили стародавние люди: *«а им батьки казали: “як сич руйнували та писню спивали”*»:

Чорна хмара наступае,
Либонь дощик буде,

¹ «Описание жизни князя Потемкина-Таврическаго», напечатано в Москве в 1808 г. — Полн. Собр. Зак. 1784 г. Т. XXII (15920).

Вжеж нашего запорожжа
До вику не буде.
Бо царица, мати наша
Напуст напустила,
Славне войско Запорожське
Та й занапастила.

Однако казацкий дух единства жил и в богатой храmine старшины, и в убогой хижине казака. Подавленная казачья воля рвалась на простор выказать свою удалую отвагу. Оставшиеся в России запорожцы подчинились власти правительства и терпеливо переносили испытание утраченной независимости. В самый безнадежный период своей жизни, от разрушения Сечи до нового казачьего коша за Бугом, они не утратили ни геройского духа предков, ни горячей любви к сословным интересам войска: общее желание запорожцев стремилось к одному знаменателю — к *казачьей вольности*.

Сильный дух запорожцев выражался народным представительством в лице старшин. Эти-то почтенные доверенностью войска ходатаи начали искать удобного случая воскресить вольное казачество. Турецкая война 1787 года решила судьбу запорожцев. Призванные князем Тавриды под знамена России, сечевики взвились орлами на Черном море и мощной казачьей грудью пробили дорогу к милостям Великой Монархини. Восстановление за Бугом, из остатков Запорожья, коша «*верного войска черноморского*», было наградой за доблестную службу запорожских казаков в войну против врагов отечества. Заветные мечты войскового товарищества сбылись, правление войска было установлено, и в главе бывших сынов Днепра стал по-прежнему в за-Бугском коше *батьковошевой атаман*.

Служа под непосредственным начальством могущественного своего покровителя князя *Потемкина-Таврического*, казакам нужно было удержать за собою ту славу, которою гордился *гетман* войска Черноморского, великолепный князь Тавриды. Всякое случайное неудовольствие этого своенравного вельможи могло поколебать шаткое еще устройство Черноморского войска.

Следующий случай обрисовывает тревожное состояние черноморцев в роковое время их возрождения за Бугом. В конце января 1791 года пронесся в армии слух, что татары в урочище *Монастырище* (на Дунае) захватили врасплох команду черноморских казаков, состоявшую под начальством войскового полковника *Чернышева*, из которых 25 были взяты в плен, а остальные 25 кое-как убралась в лодки и тем спаслись. Кошевой атаман *Чепега* и войсковой судья *Головатый* были в это время в *Яссах*, и когда получили печальное известие, то писали (2 февраля 1791 г.) Чернышеву, что они «находятся у его светлости (Потемкина) для всего Черноморского общества благополучия, которое и началось с хорошим успехом, но означенное зло привело их в горестное сомнение, так что и начатое дело приостановилось...». Для устранения подобных неприятных случаев равители войска поручали Чернышеву внушить казакам долг службы, повиновение властям, воинскую осторожность, и во всем этом наипаче убедить их словами: *«Собраться нам было трудно, а расточать нас чрез неповиновение — легко»*.

Хотя слух оказался ложным, однако самый факт показывает, что черноморцы крепко тревожились за благосостояние войска, если бы навлекли на себя гнев Потемкина.

Черноморцы, дорожа славой войска и заслуженными правами, не менее заботились и о сохранении среди войсковой семьи чистоты нравов и безупречного поведения, чтобы и с этой стороны не потерять у начальства доброго о себе мнения. По поводу этого расскажу случай, характеризующий нравственную сторону черноморцев. Кошевое начальство, известившись, что полковой хорунжий армии прапорщик Андрей *Белый* занимается воровством и другими дурными делами и тем наносит войску бесчестие, изгнало его из среды войскового общества *на собственное пропитание*, с запрещением не только вновь принимать на службу в войске, но даже не иметь с ним честным людям никакого общения, чтобы и другие не могли совертаться с истинного пути.

Черноморское войско, собравшись за Бугом, организовало у себя войсковой кош, по примеру бывшего в войске

запорожском. Первым кошевым атаманом за-Бугского коша был избран, по древнему обычаю казаков, старшина войска Сидор Игнатьевич *Белый*. Несмотря на войсковой выбор, Белый в звании кошевого был утвержден еще и со стороны правительства начальником края и военных сил там расположенных, фельдмаршалом князем Потемкиным-Таврическим.

После смерти кошевого Сидора Белого между черноморскими казаками образовались две партии: одна желала поставить во главе войска *Головатого*, другая *Чепегу*. Оба эти старшины были уважаемы в круге войскового общества, как первые народные представители; оба отличались военными достоинствами, и оба пользовались общею любовью и привязанностью казаков. И по положению в войске оба были из числа первых: Головатый, отличный администратор, был войсковым судьей, что давало ему, по службе в войске, первенство после кошевого атамана; Чепега, напротив, отличившийся в последнюю войну особенною храбростью, был одним из первых военачальников *верных* черноморских казаков, — что в тогдашнее военное время ценилось выше гражданских заслуг.

После долгих колебаний между мнениями *войскового товарищества* выбор пал на *Чепегу*. Известная во всем войске личная храбрость, распорядительность в бою и молодецкая отвага дали ему перевес над Головатым. Несмотря, однако, на соперничество Чепеги с Головатым из-за выборов в кошевые, оба они остались друзьями.

Эта борьба двух сторон была только слабым отблеском того, что происходило некогда в Запорожье, где выборы кошевых отличались необузданным разгулом и нередко сопровождалась кровопролитием при разногласии *рады* казаков. За Бугом ничего подобного не было. Воля начальства приковывала всех и каждого к порядку и военной субординации. При таких гарантиях тишины и спокойствия само начальство не могло не принять на себя решения игры партий скорым назначением кошевого атамана одного из двух выбиравшихся войсковых старшин, тем более что, по тогдашним военным обстоятель-

ствам, нужно было безотлагательно поставить человека во главе молодого войска, находившегося лицом к лицу с неприятелем.

По переходе казаков на Кубань высшее правительство один только раз требовало от войска выбора кошевого атамана, на место Чепеги, да и то утверждение избранного зависело от воли Императора; затем уже назначение войсковых атаманов постоянно зависело от Высочайшей власти.

Образовавшийся за Бугом кош Черноморских казаков не имел, по военному времени, прочных оснований; власть кошевого атамана была настолько несамостоятельна, что, несмотря на покровительство князя Таврического, черноморцы часто находились в зависимости от лиц, мало уважавших достоинство кошевого атамана. Казацкое самолюбие было задето за живое, и однажды дело дошло до взрыва. Это было по следующему случаю.

Для отыскания путей препровождения пленных турок, взятых на Дунае 6 июня 1789 года, генерал Голенищев-Кутузов предписал кошевому атаману Чепега следовать с конницею Черноморского войска, вместе с бригадою полковника *Исаева* и с Бугским казачьим полком полковника *Скаржинского*, чрез Тилигул, Куяльники и далее к открытию Бендер; для видимости же о всех распоряжениях по этой экспедиции Кутузов прислал в копии ордер, данный им по сему предмету полковнику Исаеву. По смыслу ордера, Чепега и Скаржинский должны были поступить под команду Исаева, от которого Чепега получил в то же время и отзыв о выступлении по назначению.

Вот от слова до слова ответ Чепеги Кутузову, отражавший в себе чувство оскорбленного достоинства кошевого атамана и всего войска Черноморского. Захарий Алексеевич 8 июня 1789 года писал: «Ныне прибывши я в кош как объявил старшинам и казакам, вашего превосходительства, — о походе и о бытии мне с войском подведомственным господину полковнику и кавалеру Исаеву — ордер, то старшины и знатные казаки, будучи о походе довольны, сказали мне *громко*, что эта подведомственность в крайнейшую нам обиду, разорение и в вечное

бесчестие, — так как будто бы Черноморское войско ничего незначашее и само собой справиться не может; а при том ведая прошлогоднюю от Донских войск обиду — *приговорили*: об увольнении от вышеписанной подведомственности и о бытии под одним только вашего превосходительства начальством, куда подлежит отнестись просьбою. О чем вашему превосходительству под высокое рассмотрение за долг почитаю сим поднести».

Такое представление Кутузову сильно не понравилось, и он, того же дня, ответил строгим предписанием кошевому: «тотчас следовать в сказанный поход и догнать на Тилигуле, 10-го числа, бригаду Исаева и Бугский полк»; в противном случае, угрожая признать Чепегу послушником, Кутузов добавил, что если не будет исполнено предписание, то он донесет *фельдмаршалу*, к которому и сам кошевой атаман должен будет явиться с главными зачинщиками неповиновения, побудившими его к такому *безрассудному поступку*. Кроме того Кутузов поставлял на вид, что так как Чепеге предписывалось только действовать вместе с Исаевым и Скаржинским, то от совокупных действий *с российскими войсками* он не мог отказываться. На обороте предписания Кутузов приписал своеручно: «Советую вам тотчас выступить и не подвергать себя и войско гневу его светлости, а себя строгому суду». Получив грозное повеление, кошевой атаман донес Кутузову, что хотя он и просил освободить его от подчиненности Исаеву, но от походу не отказывался, а соединившись с донцами и бугцами, выступил в предписанный путь и находится на марше, «чем долг воинской службы с тщанием исполняет».

Это донесение также не могло понравиться генералу Кутузову: в нем он видел *свою ошибку* в поспешном заключении о вине Чепеги в неисполнении «долга службы», чего вовсе не было. Тем более это было неприятно Михаилу Илларионовичу, что он, не выждав последнего донесения Чепеги, успел уже отрапортовать фельдмаршалу князю Потемкину о случившемся, не в пользу черноморского коша. Не верил ли Потемкин этому донесению, или снисходил к юному своему войску Черноморскому, только далеко не в Кутузовском тоне писал он

Чепеге, 9 июня (№ 472), что «он (Чепега) иначе понял данное ему от Кутузова повеление об общем с прочими войсками предпринятии к стороне неприятельской» и что «его (Потемкина) есть приказание всем действовать согласно», поэтому требовал, чтобы Чепега с войском «верных казаков черноморских как наискорее выступил в предназначенный поход». Но когда кошевой атаман, в защиту своей чести и чести войска, в тот же день донес Потемкину о точном исполнении ими служебных требований Кутузова, помимо просьбы о неподчинении Исаеву, то фельдмаршал заметил, вероятно, Кутузову о напрасно поднятой им тревоге, потому что последний, переходя от угрозы к ласкам, 11 июня писал кошевому атаману черноморцев: «Я уведомлен, что вы в назначенное от меня время в поход обще с донскими и бугскими казаками, выступили. Похваляю ваш усердие и исправность, и притом хочу изъяснить, что вы никак не должны почитать себя в команде г. полковника и кавалера Исаева, а посланы вы только содействовать ему, и спешествовать общему делу, — о чем объявить можете и войску Черноморскому. Я имею твердую надежду, что вы, с войском вам вверенным, и впредь, когда потребуется от вас Ее Императорскому Величеству служение обще с другими российскими войсками, усердно и дружно долг свой исполнять будете».

Теперь скажем несколько слов о внутреннем управлении войск.

По случаю военного времени Черноморское войско формировалось за Бугом из одних служивых людей; к ним малопомалу присоединялись семейства, поселявшиеся на отведенной князем Тавриды земле, между Бугом и Днестром, по берегу Черного моря, в пустых селениях молдаван, переведенных в открывшуюся с турками войну на левую сторону Буга. Не успели черноморцы водвориться за Бугом, как уже последовало переселение их на Кубань. При таком переходном состоянии войсковой кош хотя и был основан за Бугом по примеру запорожского войска, но не имел полного состава запорожского; кроме кошевого атамана, помощниками его по управлению

войском были войсковою судья, писарь и есаул; да и эти немногие должности замещены были только ввиду крайней необходимости, что видно из найденного в делах выборного листа на должность войскового есаула.

Избранные старшины утверждались в своих должностях за Бугом и на Кубани правительством.

Кроме войскового коша, за Бугом были учреждены три полковые паланки (окружные правления): *Березанская, Поднестрианская и Кинбурнская*. Они управлялись назначавшимися от коша старшинами. Каждой паланке были подведомы несколько казачьих поселений.

Кошевой атаман, управляя внутреннею администрацией войска, соображался, насколько было можно, с порядками, существовавшими в Запорожье. Все распорядительные действия коша, если не было повелений от высшего начальства, основывались на народной воле, выражавшейся в общественном представлении. Это право само правительство признавало за обществом Черноморского войска, но только за Бугом, что подтверждается многими официальными документами первых государственных лиц, относившихся в своей переписке так: «*Кошевому атаману, старшинам войска и всему обществу*».

Для примера, насколько общественное мнение имело влияния на действия коша, привожу случай, хотя и не законченный, но довольно характеристичный.

Кошевой атаман Чепега 18 августа 1789 года писал войсковому судье Головатому, бывшему тогда с пехотной командой на гребной флотилии: «По известиям, пехотная Черноморского войска команда служить по донскому не желает и сотников у себя избирать не хочёт; конная же команда возымела едино намерение просить его светлость о Таврической земле, дабы до тех мест, которые определяются для сего войска¹, прибавлено было на сю сторону Перекопа по Днепр, зачав от лимана даже

---

¹ Вероятно, речь идет о Фанагорийском острове, пожалованном Черноморскому войску по указу 11 января 1788 года (Полн. Собр. Зак.).

до Конской, а по оной до Азовского моря». Посылая к Головатому пять атаманов с казаками, Чепега просил «приложить старание привести и пехотную команду о земле в единоголасие, а также и о донской службе. При тех же нарочно посланных, кому следует приказать учинить настоящую выправку: какого она (пехотная) мнения, дабы и конная команда с пехотною могла быть в едином согласии». Через тех же нарочно посланных атаманов Чепега просил уведомления *за подписанием общих рук.*

По требованию этому 19 августа того же года служившею под начальством войскового судьи Головатого пехотною командою составлен был на Березане приговор, писанный вчерне рукою самого Головатого, следующего содержания:

«В дополнение просимое уже нами, для поселения войска верных черноморских казаков, впусе лежащей по способности и желанию нашему всей Кубанской стороны еще и на сей стороне Азовского моря Перекопскую степь, зачав от устья Бердянска по Перекопскую линию, а от оной по Кинбурн, а от Кинбурна берег лиманский и от правой до устья Конской впадающей в... и вверх по оной до вершины Бердянской, и там в низ по Бердянке. На первый случай переселить наших жен и детей и движимое имение с владельческих и казенных селений, равно престарелых, раненых и малолетних неспособных уже в службу. Просить, где подлежит, отводу оной. *Куренные атаманы согласны и заведомо куренного товарищества старших и меньших подписуемся...*» (следуют подписи атаманов).

Головатый, передавая этот приговор Чепега, того же 19-го числа августа писал: «Приговор, всходственность желаний присланных от вас депутатов сего войска учиненного, копию для объявления тамошнему обществу при сем препровождаю и притом советую учинить и также сходственно с него копию пришлите ко мне, дабы сие могло быть единственным уже и твердым на веки.

«Штат о жалованье и фураже, против донских войск, еще в прошлом годе, на майскую треть, его светлостью опробован и подписан, по которому нижние и *вышние* чины, а при том и сами вы жалованье и фураж на лошадей получаете, которого подлинник хранится у вас. Вы его рассмотрите и увидите, что оно все так как в прошедшую войну получали старшины, — кроме рядовых казаков. Все то нельзя и почитать, так как не по донскому положению мы ныне есть. Послужим, только постарайтесь. Касательно до пехоты, то она в своем существе, так как и была на военной ноге всегда готова проливать кровь *за веру, отечество и вольность*, которую заслужить положили с помощью Бога»¹.

Последние слова Головатого вполне объясняют стремления Черноморского войска — к восстановлению «вольности» казаков, как было в Запорожье...

Желание черноморцев сбылось; они действительно «с Божией помощью» заслужили то, чего так долго ожидали от времени, обстоятельств, усердной своей службы и милости царицы. Они благородной стезей дошли до прав и преимуществ, дарованных Черноморскому войску Высочайшей грамотой 30 июня 1792 года. Больших прав войску в то время нельзя было желать; такие независимые общины в государстве, как запорожский кош, были уже немыслимы в правительственной сфере.

Достигнув желанной цели, черноморцы на Кубани, как и за Бугом, крепко старались поддержать честь и славу своего войска и исполнить в точности священный завет матери-царицы: «бдительно хранить пограничную линию от набегов закубанских горцев, соблюсти имя храбрых воинов и заслужить звание добрых и полезных граждан».

---

¹ Отрывок этой интересной переписки найден в делах Кубанского войскового архива. Что последовало за приговором о желанной земле, неизвестно; но просьба, как видим из других фактов, не состоялась. Вместо означенной в приговоре 19 августа 1789 года земли, Потемкин позволил черноморцам поселиться на берегу Черного моря, между реками Бугом и Днестром, где они и жили до 1792 года, т.е. до переселения на Кубань.

III

Переселение черноморцев из-за Буга на Кубань. — Частное и войсковое хозяйство. — Войсковая администрация. — Медицина, гимназия и духовенство. — Мысли Ланжерона. — Заключение

Харько листи засилае,
На Кубань ричку зазывае.
Даруе лисами, рибними плесами
И ще й вольними степами.

Народная песня

Ни угрюмая пустыня необозримых степов кубанских, ни убийственный климат прикубанских болот, ни опасное соседство диких закубанских горцев — ничто не устрасило верных и преданных престолу черноморцев. Они, с покорностью судьбе стремились из-за Буга туда, куда призывала их польза государства. Они спешили укрепиться живою изгородью на южной русской окраине и мощною своею казацкою грудью заслонить свои новые жилища от гибельных набегов закубанских народов.

Черноморское войско, по воле Императрицы Екатерины II, в 1792 и 1793 годах перешло из-за Буга на Кубань, для заселения пустынного края и занятия границы по р. Кубани против черкесских племен, обитавших по левую сторону этой реки, в горах западного Кавказа¹.

Первоначально, 25 августа 1792 года, прибыли Черным морем к Тамани на гребной флотилии (51 лодка и одна яхта) 3847 человек строевых черноморцев, под командою войскового полковника Саввы *Белого*; за ними, в октябре того же года, пе-

---

¹ При переселении из-за Буга на Кубань Черноморское войско, по Высочайшему соизволению, получило в пособие от казны 30000 рублей, для вдов с детьми, потерявших мужей на сражениях в войне за отечество и провиант для казаков (Собр. Закон. 1792 года Т. XXIII (17058) и дела войск. архива).

решил сухим путем на кубанскую землю кошевой атаман Чепега с войсковым штабом, обозом, тремя конными и двумя пешими пятисотенными полками. Для устройства дел по переселению на Кубань семейных черноморцев остался на время за Бугом войсковой судья Головатый.

С ранней весны 1793 года Головатый объявил черноморцам чрез полковые паланки (Березанскую, Поднестрянскую и Кинбурнскую) о предстоявшем походе на вновь пожалованную землю; велел всем желающим на переселение запастись подводами и быть готовыми к выступлению.

Рассчитывая на долгую жизнь за Бугом, черноморцы обстроились, завели хутора, мельницы, рыбные ловли, хлебопашество, садоводство, пчеловодство, скотоводство и прочее хозяйство. Когда же было объявлено новое переселение на Кубань, то все уголья и учреждения, неудобные, или и вовсе невозможные к передвижению на Кубань, пришлось оставить на месте. Жаль было расставаться казакам с нажитым своим добром. Впрочем, им представлялось на волю — идти и не идти на Кубань. Но могли ли черноморцы расстаться с единством казачьей семьи? Могли ли покинуть своего любимого *батюка кошевого Харька Чепегу*, звавшего их с собой на пустынные, но привольные берега Кубани, — где все блага природы отдавались в полное владение казаков, на вечные времена!.. Нет! Они лучше согласились лишиться всего имущества, да быть вместе там, где душа казака, нестесненная условными требованиями, могла наслаждаться свободой и вольностью дарованных войску прав и привилегий...

Некоторым черноморцам удалось за Бугом запродавать свои усадьбы, но прибывши обратно на эти места молдаване начали присваивать себе все, что принадлежало черноморцам, под предлогом, что прежде это были их поселения; даже отнимали у казаков домашний скот на пополнение будто бы уворованного молдаванского скота. Поводом к такому самоуправству и притеснению *бедных казаков* послужило повеление правителя екатеринославского наместничества, генерала Каховского,

водворить молдаван в селениях выходявших на Кубань черноморцев¹.

Головатый оставил за Бугом, для ограждения прав казаков на их имущества, полкового есаула *Черненко*, исходатайствовав ему у графа Суворова-Рымнического содействие со стороны правительства; а сам в мае месяце двинулся на Кубань со всеми переселявшимися черноморцами *двадцатью* колоннами, чрез Буг, на Сокольский перевоз, потом чрез Днепр на Бериславль.

Черненко защищал права черноморцев со всей ревностью казака; но что мог сделать полковой есаул собственно властью там, где не было ни малейшего сочувствия местной власти к его представительству? Вскоре Черненко был отозван от своего поста, оказавшегося мало полезным для войска Черноморского.

Во время переселения многие черноморцы, преимущественно бездомовные *сиромы*, разбрелись по разным сторонам на заработки и, находясь вне войскового контроля, до поры до времени жили на своих местах. Для сбора этих-то казаков вице-адмирал *де Рибас* назначил есаула Черненко, на призыв которого собралось сот до семи казаков. Все они, с согласия генерал-фельдмаршала графа *Румянцева-Задунайского*, распоряжением графа *Суворова-Рымнического*, были употреблены, за рабочую плату, на лодки в *Гаджибее* (нынешней Одессе), где занимались вбиванием в гавани по льду свай и прочими работами, до отправления в Черноморское войско, на Кубань.

Собравшись на вновь пожалованной земле, Черноморское войско основало в Карасунском куте, при Кубани, город *Екатеринодар*, в котором была учреждена войсковая резиденция и, по примеру запорожского коша, построены крепость и, по сеченому уставу, курени (казармы) для помещения куренных атаманов и бездомовного товарищества; но среди крепости по-

---

¹ Донесение полковнику Головатому, полкового есаула Черненко, 21 мая 1793 года, № 18 (из дел войск. архива).

ставлена была Святотроицкая походная церковь, где ныне возвышается изящной архитектуры шестиглавый Воскресенский собор¹.

В то время, когда Чепега, утомленный дальним путем из-за Буга, перезимовавши при Ейской косе, отправился для занятия кубанской границы, пришли в Черноморию, с Головатым, семейные переселенцы. Они остановились таборами, под названием войсковых селений: Андреевка, Константиновка, Стояновка, Алексеевка, Захаровка, Онуфриевка, Тимофеевка и Антоновка. Черноморцы, по врожденной домовитости, несмотря на временную стоянку, занялись устройством хозяйства, покопали на зиму землянки, понапинали куреники, а некоторые успели обзавестись хатами и другими службами, приобретая для этого нужный лес на правом берегу Кубани.

Весной 1794 года войсковое правительство, с совета войскового общества, постановило: заселить землю Черноморского войска сорока куренями. Для этого кошевым атаманом были вызваны в Екатеринодар из названных временных селений депутаты, с которыми Чепега отправился для выбора мест под куренные селения, а где куреню селиться — был брошен жребий. Затем уже началось настоящее заселение Кубанского края и Таманского острова черноморскими казаками, в куренях следующих названий: 1) Екатериновский. 2) Кисляковский. 3) Ивановский. 4) Канеловский. 5) Сергиевский. 6) Динский.

---

¹ В 1849 году, 13 сентября, для г. Екатеринодара Высочайше утвержден *герб*. На нем изображен щит, разделенный крестообразно на четыре равные части: в первой и четвертой, в золотом поле, крепость червлёного цвета, над ней черный двуглавый орел, имеющий на груди московский герб; во второй и в третьей частях, в серебряном поле, по два на крест положенные знамена лазуревго цвета, с вензелями Императрицы Екатерины II, Императоров Павла I, Александра I и Николая I. Между знамен атаманская булава и по сторонам ее два бунчука; посредине малый червлёный щит, на котором вензель Императрицы Екатерины II и 1794 год. Над щитом золотая городская корона; щит поддерживают два черноморских казака; из них, с правой стороны, одет в прежнюю форму, а с левой в форму тогдашнего времени. Герб окружен зеленою каймою, на ней 59 золотых звезд, — число казачьих станиц в Черноморском войске.

7) Криловский. 8) Канивский. 9) Батуринский. 10) Поповичевский. 11) Васюринский. 12) Незамайевский. 13) Иркилевский. 14) Щербиновский. 15) Тимошовский. 16) Шкуринский. 17) Кореновский. 18) Рогивский. 19) Корсунский. 20) Калниболотский. 21) Уманский. 22) Деревянковский. 23) Нижестеблиевский. 24) Вышестеблиевский. 25) Джерелеевский. 26) Переясловский. 27) Полтавский. 28) Мишастовский. 29) Минский. 30) Титаровский. 31) Леушковский. 32) Величковский. 33) Пластуновский. 34) Дядьковский. 35) Брюховецкий. 36) Медведовский. 37) Платнировский. 38) Кущовский. 39) Пашковский. 40) Березанский.

Тридцать восемь куреней были тех же самых названий, какие существовали в Запорожском войске, а два добавлены вновь, первый *Екатериновский* — в честь Императрицы Екатерины, а последний *Березанский* — в воспоминание взятия черноморцами турецкой крепости Березани¹.

Неопытность в выборе мест в пустынной кубанской земле, под поселение куреней было причиною, что многие селения переносились с одного места на другое. Сначала это делалось с разрешения войскового правительства, впоследствии, когда подобные передвижения встречали препятствие, испрошено Высочайшее соизволение, последовавшее в рескрипте Императора Павла войсковому атаману Котляревскому 3-го ноября 1799 года.

Для отмежевания границ пожалованной войску Черноморскому земли таврическим губернатором в 1793 году был прислан областной землемер *Колчигин*, с тремя уездными землемерами; а в сентябре 1794 года, по данному тем же губернатором плану, прапорщиком *Гетмановым* разбит г. Екатеринодар.

Очевидцы рассказывают, что местность Екатеринодара, при заселении этого города, большею частью была покрыта лесом, с водянистыми лужайками, которые и теперь еще можно встре-

---

¹ Впоследствии, по увеличении народонаселения в Черномории, поселено еще несколько станиц.

тять в прикубанских лесах. Заселявшие город рубили лес, и на очищенных полянах строили себе хаты. Остатки первобытного леса и до сих пор сохранились в Екатеринодаре, во многих местах.

В первое время поселения черноморцев на Кубани житье их было незавидное. Пустынный край неприветливо встретил забугских переселенцев. Они терпели крайний недостаток во всем необходимом для первоначального обзаведения оседлой жизни в степном и безлюдном крае; несли тяжелую, по малолюдству войска, службу; страдали от болезней в новом климате и долго боролись со всякого рода лишениями. К довершению бедственного положения черноморцев вкравшаяся из-за Кубани, в марте 1796 года, чумная зараза много истребила их. Принятыми кошевым атаманом Чепегою, при содействии главного доктора пограничных краев Очакова, таможенного директора фон Матияжа и главного начальника таврических карантинных Гофельдена, распространение заразы было остановлено; но она более трех месяцев свирепствовала в Екатеринодаре, в Тамани и в других селениях.

Чтобы представить более наглядное положение черноморских казаков в первое время поселения их на Кубани, расскажу мою беседу с очевидцем, столетним казаком Шкуринским. Ветеран екатерининского века объяснил мне, что отец его был запорожец Шкуринского куреня, по прозванию *Нижник*. По зазыву кошевого, Харька Чепеги, в числе прочих переселенцев пришел и он с семейством в Черноморию. Сказав еще несколько слов, старик замолчал; глубокая дума отразилась на его челе; мысли его витали, конечно, далеко за Бугом, или на берегах Днепра... Но вот губы старика задрожали, столетние, голубые, как небо, очи заиграли огнем одушевления и, несмотря на свою старческую немощь, столеток запел тихим, чистым голосом с увлекательной украинской мелодией:

Ой Боже наш, Боже милостивий.
Уродились ми в святи нещасливи.

Пропев несколько куплетов этой известной песни, Шкуринский вздохнул, и слезы заблестали алмазами на седых ресницах прекрасных его глаз. Как он был тогда хорош!.. Успокоившись, дедушка продолжал рассказывать, что отец его, по приходе в новый край, был, против желания, поселен, вместо своего Шкуринского, в Екатериновском курене, где, водворившись, он вместо прежнего названия Нижника, усвоил себе прозвание *Шкуринского*, в память своего куреня в Запорожье. Сам рассказчик, по словам его, имел тогда лет двадцать. «Мене вже тоди, говорил он, в козаки записали, и Чепига повив нас грядицю займать на Кубани».

— Щож ви тут банили, роскажете дидусю — будьте ласкови.

— Давня рич баните, — меже чого й не згадаю.

Помолчав немного, старик собрался с мыслями и начал рассказывать.

«Як поприходили ми на сю землю, то пусто було скриз; тилько кой-де по над Кубанью черкесы хлиб пахали, та худо-бу пасли. Вони й тут не довго мешкали, як заняли ми грядицю, то неприятель вбрався за Кубань. черкесы тоди не воювались, и ми буде ходига до их у гости, а вони до нас; а все таки бреж вуха, а то по шкодят; сказано не вира... Трудно було сперва жить на Черноморьи. Люди прийшли з далеком сторони — пообдерались, знеможили и зо всим обиднили. Кругом убожество, болисть прокинулася, а тут ше й до служби припинают, до всего докопуються: щоб и кинь був добрий, мушкет справний, шабли гарна, той спис чиетий. Всю ту сбрею козаки на свий кошт справляли. А служби й кинця не було, служи пони й здужаеш...»

Действительно, в то время был такой порядок в Черноморском войске, что все казаки, способные носить оружие, без различия возраста, по малой числительности войска должны были служить до истощения последних сил, и тогда только, по свидетельствам ближайшего начальства, за совершенною неспособностью обращались в круг семейства, на домашнее жительство; или же израненные и недужные, по собственному

желанию, поступали в устроенную войском, в 1794 году, Екатеринолебежскую-Николаевскую пустынь, где находили мирную жизнь.

Черноморское войско, несмотря на все невзгоды, с примерным терпением переносило их, в надежде на лучшее будущее. Многие казаки, по словам столетнего Шкуринского, *хотили разбигаться*, но благоразумное управление кошевого атамана Чепеги, любовь и доверие к нему казаков удерживали легкомысленных.

Захарий Алексеевич Чепега личной своею храбростью, увлекательным примером простоты, скромною жизнью и несусыпными заботами о благосостоянии Черноморского войска заслужил уважение правительства, привязанность старшин войска и любовь казаков. Живи же в воспоминании потомков, добрый отец черноморской казачьей семьи, — незабвенный Чепега, и праху твоему, благородный *Харько*, да будет вечный мир!..¹

Войсковое правительство, заботясь об улучшении быта черноморцев на новом их поселении, усердно старалось извлекать источники к упрочению их благосостояния. Прежде всех устроились черноморцы, занявшие при-Кубанский край и Таманский остров. Кубанские леса давали средства строить жилища, а таманские рыбные ловли, соляные промыслы и другие дары природы, при мирных сношениях с горцами, поддерживали убогую жизнь казаков.

Высадившемуся на Тамани, из гребной флотилии, войсковому полковнику Савве Белому дано было от войскового судьи Головатого следующее наставление для *житья-бытя* в новом крае:

«1) Продажу соли, приобретенной в собственных своих пределах старшинами и казаками, черкесам Закубанским и покупку в них хлебных семян и других надобностей производить и заниматься купеческою коммерцией с ними, соблюдая от нашей стороны к ним ласковое обхождение, и при случае учреждения от российской стороны, или от них карантина, высиживать оный, в отвращение заразной болезни, быв всегда, на непредвидимый случай, вооруженным.

2) Имеющееся родючее садовое дерево не только стараться от опустошения защищать, внушив каждому, что оно может служить к благу общему, но еще употреблять все силы к разводу оною; также производить строение: хаты, торговые лавки, заводить рыбные ловли, пущать в продажу в разные места рыбу, без всяких от кого-либо препятствий».

Далее предписывались воинские предосторожности при заготовлении леса по Кубани и вообще при сношениях с горцами; велено было снабжать провиантом только тех казаков, которые будут на службе, а свободные старались бы сами о своем пропитании; приказывалось вводить хлебопашество и, вообще, стараться об устройстве хорошего хозяйства у поселенцев нового края¹.

С течением времени природные богатства края постепенно улучшали быт казаков от Кубани до Еи, и пустынная Черноморья развивалась в благоустроенную область. Необозримые степи и многочисленные речки в земле Черноморского войска дали возможность жителям, кроме куреней, расселяться еще и хуторами, в удобных местах, где заводили скотоводство, пчеловодство, хлебопашество и садоводство; устраивали мельницы, преимущественно водяные; *ветряками* же окружились куренные селения. Все это было свободно, вольно, без всяких пошлин и надзоров. Живи да Бога хвали!

Не скоро, конечно, обедневшие до крайности черноморцы достигли безбедной жизни. Вся здоровая рабочая сила поглощалась службою на кордонной линии Кубани, дома же, в большей части семейств, оставались хозяйничать казачки, с детками мал-мала меньше. Не менее были скудны и войсковые средства черноморского правительства, при первоначальном поселении на Кубани. Еще за Бугом, за усердную и ревностную службу черноморцев, князь Потемкин-Таврический дозволил им занять приобретенные оружием дунайские рыбные *гарды* в собственную войсковую пользу¹. Гарды

---

¹ Предписание Головатого Белому, 18 декабря 1792 года (из дела войск. архива).

эти были войском приняты и поручены в заведывание одному из офицеров войскового коша, который управлял ими и доход, выручаемый от продажи рыбы, представлял в кош.

До переселения черноморцев на Кубань, получено было с дунайских гардов дохода ..... 8842 руб. 10 коп.

и червонцев 15

За расходами осталось, при переходе войска,

чистого капитала ..... 4625 руб. 63 коп.

и червонцев 15

К этой сумме выручено еще за проданный на Березане, неудобный к перевозке на Кубань, экономический провиант, сбив, смолу, войсковой невод на Аджидоле и три лодки 1715 руб. 54 коп.

Всего ..... 6341 руб. 17 коп.

и червонцев 15

Кроме этой суммы, было еще церковных денег 1025 рублей 50 копеек, разный инструмент: плотничий, столярный, кузнечный, шанцевый, железо, такелаж из разнообразных лодок и прочее имущество².

С такими-то средствами Черноморское войско перешло из-за Буга на Кубань. Об артиллерийских запасах и о флотилии будет сказано в своем месте. За Бугом, впрочем, бралась еще с посторонних лиц, кочевавших на отведенных войску степях, пошлина с рогатого скота от 50 штук по одной штуке и от ста овец по одной овце. Пошлина эта под названием *десятина*, собиралась чрез особо наряженных чиновников; собранный скот доставлялся в кош, а там продавался с аукциона; годные же для работы быки и лошади употреблялись для войсковых надобностей. Но доход этот был так невелик, что не составил особого капитала для войска.

¹ Орд. кн. Потемкина Черноморскому войску 9 февраля 1791 года, № 552 (из дела войск. архива).

² Из дел войск. архива.

По переходе на Кубань первое место доходных статей занял подаренный войску князем Потемкиным-Таврическим Ачуевский рыболовный завод над Азовским морем, откуда долго, по распоряжению войскового правительства, отправлялись превосходнейшие балыки и икра к Высочайшему двору и государственным сановникам¹. Открылись и другие естественные богатства, с избытком наполнившие пустые закрома войсковой *скарбницы*. Войсковое правительство впоследствии пыталось завести фабрики и заводы, но то и другое не удавалось. Причина та, во-первых, что войсковое начальство, как известно, составляют несколько лиц, а где много нянек, там, говорят, «дитя будет без глаз»; во-вторых, фабрикой (суконной) и заводами (конским и овчарным) управляли большей частью лица *пришлые*, а чужими руками *кажуть добре жар загребать*.

Обратимся к другому предмету внутреннего устройства войска. Выше было замечено, что за Бугом в Черноморском войске образовалось кошевое управление по примеру бывшего коша в войске Запорожском; с переходом же на Кубань, по силе Высочайшей грамоты, пожалованной войску 1 июля 1792 года, нужно было расстаться с древними запорожскими уставами демократического правления и подчиниться коренным законам государства.

При исключительном положении Черноморского войска, поселенного в пустынном крае, требовалось такое управление, которое было бы применимо к местным условиям народного быта и согласовалось бы с коренными правилами закона. В этих видах, на общем войсковом совете, протоколом 1 января 1794 года установлено в Екатеринодаре *войсковое правитель-*

---

¹ В бытность Котляревского в Петербурге, в 1798 году, по его повелению заготовлено в Ачуеве «*ради Высочайшего двора: балыков 303 пары, весом 117 пуд. 2 ф. и икры ее в 79 бочонках весу 462 пуда*». Все эти продукты отправлены атаману Котляревскому в столицу с нарочным капитаном Геддишем. Это один случай только для примера, а таких посылок было много; много также рассылалось балыков и икры первостепенным государственным лицам и архиереям (из дела войск. архива).

ство Черноморского казачьего войска, для управления всех в войске дел, в котором заседали: кошевой атаман, войсковой судья и войсковой писарь.

Войсковая земля первоначально разделена была на пять округов: *Екатеринодарский, Фанагорский, Бейсугский и Григорьевский.* В каждом округе учреждено *окружное правление*, куда определено по одному полковнику (войсковому), писарю, есаулу и хорунжему. Правлениям даны были печати с гербами следующих изображений: *Екатеринодарского* — как на границе против врага имени христианского — казак, водрузивший *ратище* в землю, приложив к нему, вместо присошек, ружье. Он держит левою рукою ратище и ружье, а правую приклад, стреляя врага; *Фанагорийского* — по морю плавающая лодка, со всем воинским прибором; *Бейсугского* — рыба; *Ейского* — казак, при границе единоверных, с ружьем на карауле стоящий, и *Григорьевского* — от пустого степу, в пикете казак, сидящий на коне, при всем воинском приборе.

На окружные правления, кроме полицейской и распорядительной части, возлагалось: «попечение о заведении жителями хлебопашества, мельниц, лесов, садов, винограда, скотоводства, рыболовных заводов, купечества и прочих художеств, к оживлению человеческому способствующих; имеющиеся леса и родящее дерево сохранять от опустошения вырубкою, скотом и пожаром, в целости, к общей войсковой пользе; встречающиеся между людьми ссоры и драки голословно разбирать, обиженных защищать, с доставлением справедливого удовольствия; свирепых укрощать; злонравных исправлять; сирот и вдов заступать и во всем им помогать; ленивых побуждать к трудолюбию; для распространения семейного жития, холостых к женитьбе побуждать; не покоряющихся власти и не почитающих старейших, по мере преступления штрафовать; а содеявших важное преступление к законному суждению присылать в войсковое правление»... По встретившимся впоследствии недоразумениям для окружных правлений составлена была особая инструкция.

Наблюдение за исправным выполнением окружными правлениями своих обязанностей, возложено было на войскового есаула.

В каждом округе состояло несколько куреней (станций), в каждом курене учреждено *куренное управление*, в котором начальствовали: *куренный атаман*, *сельский атаман*, *сельский смотритель* и *писарь*. Куренному атаману подчинялись все находившиеся в курене старшины и казаки; он же заведовал делами, до части воинской в курене относившимися. Куренные атаманы не жили в куренях, а находились постоянно в Екатеринодаре, в устроенных в крепости куренных помещениях; принимали все распоряжения кошевого атамана и войскового правительства и исполняли их чрез младших сельских управителей.

В 1802 г. одно окружное правление — Григорьевское, было упразднено, а прочие четыре переименованы в *земские начальства*. В этом же году куренные атаманы отосланы из Екатеринодара к своим куреням, в тех соображениях, что они, живя в городе, отвлекаются от своих обязанностей смотреть за благоустройством в куренных селениях.

Так было до 1827 года. В этом году, положением Высочайше утвержденным 26 апреля об управлении Черноморского войска, *войсковая канцелярия*, образованная из войскового правительства, по Высочайшей грамоте Черноморскому войску 16 февраля 1801 года, была вновь переформирована, и открыты в войске еще особые административные учреждения, действовавшие на основании указанных правил до положения о Черноморском войске, Высочайше утвержденного 1 июля 1842 года¹.

Вместе с образованием административного порядка была устроена в войске и врачебная часть, под управлением войскового медика. Открытые в разных местах войсковой территории лечебные заведения дали возможность заболевшим получать медицинское пособие не только на кордонной линии, но и внутри войска.

---

¹ Полн. Собр. Зак. 1827 года Т. II (1058); 1842 года Т. XIV (15809).

Войсковое Управление не забыло и учебной части, для образования своего юношества, заброшенного судьбою, со своими родителями, в безлюдный край, полный тревог и опасностей. Сначала учили в домашних школах кое-как и кое-чему, но в 1803 году, по ходатайству войскового атамана Бурсака, были вызваны в Екатеринодар из московского университета студент *Иванченко* и гимназист *Поляков*. Эти два учителя открыли первый шаг к основательному обучению молодого поколения черноморцев. 14 декабря 1806 года учреждено было в Екатеринодаре первоначальное училище, с ассигнованием на содержание оного по 1500 руб. из войсковых сумм; но добрые черноморцы, сочувствуя благим намерениям начальства, пожертвовали в пользу училища более 4000 рублей. В 1812 году были открыты новые училища в некоторых местностях Черномории, а в 1820 году, по Высочайшему повелению, учреждена в гор. Екатеринодаре гимназия, при открытии которой, 20 мая, после обычного молебствия, директор гимназии, протоиерей Кирилл Россинский, произнес речь, замечательную по изложенным в ней историческим фактам, относящимся к Черноморскому войску¹.

Мир праху твоему, добрый атаман черноморцев, незабвенной Федор Яковлевич Бурсак! Тебе принадлежит честь открытия в Черномории учебных заведений, для блага народа, поселенного на безлюдной южной окраине государства, в соседстве полудиких народов.

Усердное старание атамана Бурсака и черноморского общества о развитии в крае просвещения было удостоено следующим Высочайшим рескриптом:

«Войска Черноморского войсковому атаману, господину полковнику Бурсаку.

Видя из донесения министерства народного просвещения, с каким усердием и соревнованием общество войска Черноморского печется в устройении учебных заведений, для образования своего юношества служить отечеству полезнейше,

---

¹ Речь, произнесенная 20 мая 1820 года протоиереем Россинским, напечатана в журнале «Соревнователь просвещения и благотворительности».

приятно сердцу моему изъяснить вам и всему войску Черноморскому Мое особенное благоволение, с которым, приемля начатое, принимать буду и вяще растущие успехи наук к благу общему.

Пребываю Вам благосклонный

Александр».

В С.-Петербурге.

25-го августа 1806 года».

Остается сказать об образовании духовного сословия в Черноморском войске. С расселением черноморцев на вновь пожалованной кубанской земле, в духовенстве был крайний недостаток. Войско, находясь в исключительном положении, не принадлежало ни к какой епархии, откуда можно было бы получать священников. При глубокой преданности черноморцев к догматам православной веры, которую они все вообще исповедовали, неимение духовных пастырей много смущало дух набожных казаков.

Чтобы поддержать религиозное настроение черноморцев и не допустить между ними упадка духа православия в их бедственном, — в первое время поселения, — положении, незабвенный Антон Андреевич Головатый решил послать семь человек казаков хорошего поведения и довольно грамотных к феодосийскому епископу Иову, для посвящения шести из них в священники, а одного в диаконы. Владыка, не имея разрешения синода о подчинении ему Черномории, не принял посланных, а посоветовал, на первый раз, выбрать двух достойных казаков, выдать им увольнительные свидетельства на поступление в духовное звание и потом прислать к нему. Так и было сделано. Казаки, отправленные к преосвященному Иову, были помещены им в монастыре, рукоположены во иереи и, приняв эту благодать Духа Святого, возвратились в Черноморию для пастырского служения. Вскоре было исходатайствовано у епархиального начальства дозволение строить церкви в Черномории и назначать в них священников¹. С тех пор из среды черноморцев выделилось духовное сословие, подчиненное епархиальному ведомству.

---

¹ Выс. указ Св. Синоду, 2 января 1794 года (из дела войск. архива).

Войсковое правительство, ходатайствуя о постройке в селениях храмов Божиих, испросило разрешение у Правительствующего Синода основать на войсковые суммы монашескую пустынь¹, для доставления приюта и покоя больным и раненым воинам, желавшим провести на старости лет, или по калечеству, остаток жизни в богоугодных трудах, при святом доме Божиим.

Над лиманом, означенным на старых картах Черномории *Лебязжим* (по многому числу водящихся там лебедей), в честь св. угодника Николая Чудотворца и в память милостей, оказанных войску Императрицею Екатериною, основана черноморцами *Екатерино-Лебязжская Николаевская пустынь*. Первоначально монастырская братия состояла исключительно из казаков; но впоследствии казачья пустынь обратилась в общий монастырь, доступный для монашества из всех сословий. В этот монастырь поступила большая часть ризницы из запорожской сеченой Покровской церкви и из содержавшегося на счет запорожцев Киевского Межигорского монастыря; она была передана в Черноморское войско с Высочайшего соизволения, последовавшего на ходатайство войскового атамана Котляревского².

Черноморское войско, несмотря на многие препятствия, пошло быстрыми шагами на пути развития гражданского своего быта. Менее чем в полсотни лет от поселения в пустынном крае он уже был благоустроенным краем; но среди общественных и богоугодных заведений не доставало того, что признавалось первой потребностью для боевой жизни казачьего войска, именно приюта для раненых и увечных воинов.

По поводу этого генерал-от-инфантерии граф Ланжерон писал: «Никто более не заслуживает внимания правительства, как штаб и обер-офицеры и нижние чины, при защите отечества получившие тяжелые раны. Пожертвование, при-

---

¹ Выс. указ Св. Синоду, 24 июля 1794 года (Полн. Собр. Зак. 1794 г., Т. XXIII, № 17235).

² Об этой замечательной ризнице более подробные сведения можно найти в статье моей «Екатеринодарский Собор», напечатанной в «Кубанских Войсковых Ведомостях» за 1867 год, № 9—10.

несенное ими на общую пользу, превосходит все пособия, какие только могут им воздаваться. Но не редко сии храбрые воины терпят величайшую крайность в пропитании и одеянии. Я говорю об ирегулярных войсках, подобных Черноморскому, кое не имеет постановления о пенсиях и ротах инвалидных; на службе же состоят не все те, кои имеют хозяйственное заведение. Получивший увечье, какое может иметь средство к содержанию себя!.. Он лишен сил; просить милостыню — это служило бы вечным стыдом тому сословию, которое бы до сего допустило. Однако, к несчастью, сие бывает; и нижние чины, лишённые членов, израненные, действительно, просят милостыню! Отвратительное и ужасное зрелище в нынешнее просвещенное время! Тогда как алчность к сребролюбию не предпочитается уже достоинствам и заслугам. Беспечность, как вредный порок, всеми вообще презирается; тем более достойно удивления, что при такой перемене или усовершенствовании нравственности, происходит еще беспорядок, довольно ощутительный для раненых. Я уверен, что правительство войска Черноморского сделалось довольно известным Всемилостивейшему нашему Монарху, отличив себя как против дерзких черкесов, так против турок и французов. Его Величество узнает также и о полезных в войске заведениях, кои не менее уважаются военных доблестей».

Граф Ланжерон полагал: для приюта лишённых куска хлеба раненых воинов-черноморцев открыть в Екатерино-Лебяжской Николаевской пустыни богадельню — на двух штаб-офицеров, пятерых обер-офицеров и 50 нижних чинов¹.

К сожалению, благое предположение графа Ланжерона не осуществилось.

Из всего рассказанного можно видеть, какими тяжкими испытаниями остатки войска Запорожского дошли до степени единства вновь образовавшегося войска Черноморского!

---

¹ Предлож. гр. Ланжерона Черноморской войсковой канцелярии 9 августа 1816 года, № 2521 (Из дел войск. архива).

Сколько бедствий и лишений претерпели они, поселившись на Кубани! Сколько военных трудов, крови и жизни принесли они в жертву Царю и Отечеству! Все это тяжелое время пережито; все это полузабыто, и пройдут еще десятки лет, как о боевых подвигах черноморцев на Кубани будут рассказывать молодому поколению только старики-очевидцы, как волшебную сказку из тысячи одной ночи, и многое и многое в жизни черноморца, взрослого на отдаленной окраине под влиянием постоянных тревог и опасностей, будет казаться невероятным.

Отдел второй

Ток веселья раздавайся
По Кубанским берегам!..

Народная песня

Висипали Запорожци —
Лиман човни вкрили.
«Грай же море...» заспивали,
Запинились фили.

Т. Шевченко

I

Военные виды Черноморского войска: флотилия, гвардия артиллерия, кавалерия, пехота. — Порядок службы

Широкое поле славы открылось войску Черноморскому на берегах Кубани. Более полувека река эта служила символом жизни и смерти для черноморца, заслонявшего стальной казачкой грудью пределы русского края от хищных горских племен. С заселением пограничной линии, Черноморское войско, под влиянием постоянно тревожного времени и непрерывных военных действий, образовало у себя военные силы, содержавшие кордонную стражу, вверенную черноморцам еще Императрицей Екатериной II.

Флотилия гребная, состоявшая из лодок, дана была князем Потемкиным-Таврическим Черноморскому войску еще во время турецкой войны 1787 года. В продолжение этой войны многие лодки пришли в негодность; а те, которые остались годными к морскому плаванию, недостаточны были для поднятия казацкой пехоты в поход на Тамань, и потому, с разрешения Потемкина, черноморцы построили весною 1792 года на р. Пруте, у селения Фальчи, еще 24 лодки и одну яхту, да присоединили к ним 26 старых годных к плаванию лодок и таким образом составили себе флотилию из одной яхты и 50 лодок.

На этой флотилии пешие черноморцы строевого состава, до 4000 человек, под командою войскового полковника Саввы Белого, с бригадиром Пустошкиным, приплыли к берегам Тамани, для занятия границы против черкесских народов. Прибывши к острову, Савва Белый отрядил 12 лодок к устью Кубани, в лиманы, для наблюдения за действиями горцев, две лодки поставил у Тамани для сообщения чрез Керченский пролив, а остальную флотилию разместил в Таманском заливе и в Азовском море.

В 1793 году Черноморская гребная флотилия уменьшилась: некоторые лодки были повреждены бурной погодой, другие разбиты; ветхие суда, в том числе и яхта, разобраны, и из годного леса были построены байдаки, для разведочного плавания по Кубани. По освидетельствовании флотилии присланными из Таганрогского порта чиновниками оказалось годных к плаванию до 20 лодок.

Опыт показал всю невыгоду держать флотилию в открытых местах, и потому войскового судья Головатый, по прибытии из-за Буга на Тамань, избрал для гребных судов гавань при устье Кизилташского лимана. Для устройства гавани в 1795 году, по соглашению с закубанскими владельцами, было доставлено из-за Кубани более 5000 деревьев, для паль, заграждавших проход льда из Кубани чрез лиман бугазским гирлом в море. При гавани построены — пороховой погреб, два цейхгауза, помещения для артиллерийских припасов, та-

келажа, для начальника и судовой команды, а при самом гирле, на переправе с турецкой стороны на Тамань, дом для проезжающих, и, наконец, сооружена батарея, обстреливавшая Бугазскую переправу. Все эти работы были исполнены в продолжение тринадцати дней, 50-ю старшинами и более 700 казаков.

В одну бурную ночь следующего года, морские волны разбили, что называется в пух и прах, гавань Головатого, со всеми при ней постройками и с батареей. Этот случай подал войсковому атаману Котляревскому повод к заключению о неудобствах места, избранного Головатым для гавани, и вместе с тем поднять вопрос о негодности всей старой войсковой флотилии и о замене ее новою.

По ходатайству Котляревского, последовало Высочайшее повеление вице-президенту артиллерийской коллегии, Кушелеву, снести с атаманом черноморцев об устройстве для войска новой флотилии, а для гавани избрать другое, более удобное место.

18 октября 1799 г. состоялось повеление о постройке 50-ти лодок, одной яхты и пяти барказов, и ассигновано на этот предмет от казны 620103 руб. 40³/₄ коп. в течение пяти лет и на содержание же флотилии определено, также от казны, по 31621 руб. 40¹/₂ коп. в год¹.

Нужно заметить, что Котляревский во время своего атаманства долго жил в Петербурге, имел сношения с знатными лицами, пользовался их содействием и заслужил благорасположение Императора Павла. Несмотря на такие благоприятные обстоятельства, ни флотилия, ни гавань не строились, но по представлению новороссийского военного генерал-губернатора, генерала-от-кавалерии Михельсона, Черноморскому войску подарены были, в 1802 году, выстроенные при Николаевском адмиралтействе десять новых

---

¹ Полн. Собр. Зак. 1799 года, Т. XXI (19160). — Предп. адмирала гр. Кушелева Черн. войск. атаману Котляревскому, 20 октября того же года (из дел Куб. войск. арх.).

канонирских лодок, вполне снаряженных и вооруженных 20 орудиями. Лодки эти, по распоряжению адмирала Черноморского флота Мордвинова, 18 августа были доставлены в Тамань капитан-лейтенантом Делегатом. Они предназначались собственно для крейсирования у берегов, составлявших границу войска от черкесских народов. В 1804 году были назначены еще два судна (флашкот-барказы), для переправы чрез *Боспорский* (Керченский) пролив, с тем, чтобы одно из них содержать от г. Ениколя, на счет казны, а другое от Тамани, на счет войска¹.

Подаренные лодки оказались непригодными: в море, при ветре, они ходу не имели, и все движения новой флотилии, в течение семи лет, были только от Бугаза до Темрюка и обратно. В первом месте лодки летом стояли и по временам крейсировали у Кубанских берегов, а в последнем — зимовали. Крейсирование ограничивалось временем высокой воды в Кубани и по избранным проходам: во всякое же другое время, и по берегам лиманов, где особенно нужно было иметь надзор за действиями неприятеля, войсковые лодки по мелководью не употреблялись. А между тем ежегодно назначался на флотилию целый пеший полк, без всякой пользы для службы в отношении обережения границы, потому что Бугаз, единственный важный пункт сообщения с неприятельским берегом, мог бы вместо флотилии, гораздо успешнее оберегаться береговыми кордоном с пушками²; и нужнее было разъезжать по пограничным лиманам и по некоторым местам Кубани, где хищники избирали себе притоны при набегах на пределы Черномории. Здесь крейсировали старые войсковые байдаки.

Такое неудобство тяжелой флотилии в водах Черномории заметил осматривавший, в 1808 году, Черноморскую кордонную линию генерал-лейтенант Дюк де Ришелье. По его требованию войсковой атаман Бурсак представил соображение, чтобы для разъездов в пограничных лиманах и по Ку-

---

¹ Предп. генер. Михельсона и Розенберга войсковому атаману Бурсак; 12 июля 1802 года, 18 июля 1804 года, № 554—1,372 (из дел Куб войск. арх.).

² Здесь разумеется Бугазское гирло.

бани, начиная от Копала и до Бугаза, в видах предупреждения неприятельских вторжений построить на первый раз десять плоскодонных байдаков (дубы), которые могли бы иметь ход не только у берегов лиманов и на Кубани, но и по кубанским гирлам. Байдаки эти Бурсак предполагал вооружить небольшими пушками; он выразил мнение, что расположенный на лодках пеший полк может служить подкреплением кордонной линии и тем принести войску и государству более пользы, чем бездействуя на неподвижной флотилии. Лес на постройку байдаков имелось в виду заготовить в окружающих границу лесах, а старую флотилию принять от войска в казну.

Предположение Бурсака, основанное на знании местности и военных потребностей, было одобрено высшим начальством. По сношению военного министра с министром морских сил и последовавшему Высочайшему разрешению, на первый раз построено было десять байдаков местными жителями, которые, как писал министр морских сил, «опытнее в этом искусстве ученых судостроителей». Вслед за тем черноморцы приступили к постройке еще десяти байдаков. На все эти *двадцать* судов адмиралтейство отпустило Черноморскому войску двадцать трехфунтовых орудий. Прежние лодки были сданы в керченское адмиралтейство.

Войсковые байдаки долго ходили по Кубани и по лиманам, но, по местному положению кордонной линии, даже эти легкие суда не приносили особенной пользы по надзору за действиями неприятелей и не могли препятствовать набегам хищников.

Мало-помалу, гребная флотилия Черноморского войска уничтожилась.

Було колись в Украин
Ревили гармати;
Було колись Запорожци
Вмили пановати...

Т. Шевченко.

Артиллерия была дана Черноморскому войску князем Потемкиным-Таврическим еще за Бугом, в турецкую войну 1787 года. Она состояла из разнокалиберных медных и чугуна-

ных пушек, частью из отбитых у турок, частью из бывших еще в коше войска Запорожского. Из последних семь орудий замечательны по старинным на них надписям.

Первое орудие в 9 пудов 19 фунтов, с обозначением 1706 года. На нем изображены российский герб и надпись:

«По указу Великого Государя и приказу Адмиралтейца Федора Матвеевича Опраксина, лита на Воронеже в Изюмский полк 1706 году. Мастер Ян Осипов».

Второе орудие 1713 года, в 11 пудов 32 фунта, с изображением российского герба.

Третье орудие 1732 года, в 15 пудов, с изображением российского герба и знака Андреевской звезды, с надписью посредине: — «*За веру и верность*».

Четвертое орудие 1759 года, в 18 пудов 2 фунта, с изображением российского герба, под которым, как бы на ленте, вычеканены слова: — «*Fama extendere factus*» (*славу стяжать делами*), а по сторонам герба запорожских казаков, в барельефе, следующая надпись: «Ее Императорского Величества Малые России, обеих сторон Днепра и войск Запорожских гетман, действительный камергер, Санкт Петербургской академии наук президент, Лейб-Гвардии Измайловского полку подполковник и российских орденов Св. Апостола Андрея и Святого Александра Невского, такоуж Польскаго Белого Орла и Голстинскаго Св. Анны кавалер, Российские Империи граф Кирило Григорьевич Разумовский, и при нем заправления генеральною артиллериею обознаго войскового генерального Семена Васильевича господина Кочубея».

Такие же надписи, с изображением одного российского герба, вычеканены на:

<i>пятом</i> орудии в	12 пудов	3 фунта
<i>шестом</i>	16	12
<i>седьмом</i>	15	18

На этих трех орудиях означено: *1753 г. октября 1.*

Вся войсковая артиллерия состояла в заведывании войскового пушкаря, до сформирования в войске штатных артиллерийских частей.

Несколько десятков пушек были перевезены из-за Буга на Кубань на войсковой гребной флотилии и, для облегчения войсковых судов, в декабре 1792 года сгружены в Фанагорийскую крепость; несколько пушек перевезено при полках, перешедших из-за Буга на Кубань с кошевым Чепегою, в 1792 году, и в следующем году с войсковым судьей Головатым; остальная войсковая артиллерия с запасами, шанцевый инструмент и другая войсковая экономия, при переселении войска из-за Буга, была перевезена из Слободзеи в Березанскую паланку, для отправления транспортными судами на Тамань. Некоторые предметы из войсковой экономии были проданы на месте в Березане, а пушки и другие артиллерийские припасы в апреле 1794 года доставлены чрез Керчь на Тамань.

Кроме артиллерии, доставленной из-за Буга, даны были войску еще несколько пушек от казны¹.

Вот сведения о войсковой артиллерии, доставленные херсонскому военному губернатору черноморским войсковым атаманом в 1810 г.

Тяжелыми орудиями были укреплены Екатеринодарская крепость и посты с батарейками по кубанской границе, а двадцать трехфунтовых пушек состояли при полках на кордонной линии, неподвижном составе; когда же последовало Высочайшее повеление, 13 ноября 1802 года, о формировании в Черноморском войске двадцати полков, то в каждый полк было назначено по два орудия в конном составе, с нужным числом канониров.

Херсонский военный губернатор, Дюк де Ришелье, первый обратил внимание на плохое устройство в Черноморском войске артиллерии. По его распоряжению в войске были, в 1814 году сформированы: одна жённая и одна пешая артиллерийские полуроты 6-ти орудийного состава, на две перемены, по положению полевых пеших рот. В 1817 году, по Высочайшему повелению,

---

¹ 20 пушек, пожалованные было войску в 1802 году, с 10 лодками, возвращены в казну в 1809 году. После этого еще несколько пушек и единорогов доставлено войску от артиллерийского ведомства, в 1823, 1825 и 1828 годах.

вместо конной полуроты сформирована конно-артиллерийская рота, на том основании, как содержалась таковая в войске Донском; пешая же полурота, по местным условиям, высшим начальством была признана неудобною и тогда же упразднена.

Черноморской конно-артиллерийской роте, по Высочайшему повелению, данному 4 августа 1818 года, присвоен № 6, переименованный в 1829 году в № 4.

Из этой роты в первое время находились на кордонной линии только четыре орудия, с полным числом артиллерийской прислуги, очередовавшеюся службою ежечетно. С 1820 года в каждую очередь назначалось по восьми орудий, с другим комплектом людей, — которые, именуясь запасною ротою, в 1829 году, по Высочайшему повелению, обращены в пешую роту 12-орудийного состава. В 1827 году, по случаю войны с Персией, а потом с Турцией, порядок артиллерийской службы в Черноморском войске изменился. Обе артиллерийские роты были вызваны на службу в разные места и, не получая долгое время смены, пришли в совершенное расстройство. Это обстоятельство вызвало в 1834 году распоряжение командира кавказского корпуса, генерала от инфантерии барона Розена, удвоить в обеих ротам комплект артиллеристов¹.

В таком порядке в Черноморском войске состояла артиллерия до положения 1842 года, по которому в войске сформирована артиллерийская бригада из трех конно-артиллерийских батарей и артиллерийской пешей роты. Затем последовали и другие изменения по артиллерийской части.

Гвардия была первоначально сформирована, по Высочайшему повелению, в 1811 году, в составе гвардейской сотни, на общих гвардейских правах. В ноябре 1811 года черноморские гвардейцы были уже на службе в С.-Петербурге.

Гвардейская черноморская сотня была в 1816 году переформирована в эскадрон № 7 (после шести донских номеров); к нему для облегчения службы в 1826 году добавлен от войска еще один полузэскадрон².

---

¹ Сведения взяты из дел войск. архива и Полн. Собр. Зак.

² Из дел Куб. войск. арх. и Полн. Собр. Зак.

Поступивших, по распоряжению князя Потемкина- Таврического, в турецкую войну 1787 г.	Пушек									
	Медных					Чугунных				
	12 ф.	8 ф.	3 ф.	2 ф.	1½ ф.	12 ф.	6 ф.	3 ф.	2 ф.	1½ ф.
	2	5	28	8	4	6	8	23	2	4
Итого	90 пушек									
Получено 1807 году, по повелению генерал- лейтенанта Дюка де- Ришелье, 9 ф. 6 ф. из турецкого города Анапа.	1	1	4	-	-	-	-	-	-	-
Итого	6 пушек									
В 1809 году, по его же распоряжению, доставлено из Тераспольской крепости Высочайше пожалованных»	-	-	20	-	-	-	-	-	-	-
итого	20 пушек									
всего	116 пушек									

По положению о Черноморском войске 1 июля 1842 года был сформирован лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион, — впоследствии получивший изменение, как и другие строевые части в войске.

Конница и пехота Черноморского войска, образовавшиеся еще за Бугом, во время турецкой войны 1787 года не имели сначала штатного устройства строевых частей. Старинные документы объясняют, что за Бугом формировались волонтерные команды из войска *верных* казаков, потом, по устройстве войскового коша, из Черноморского войска образовались конная и пешая команды, из которых последняя служила на флотилии; далее являются пятисотенные полки, без штатного, впрочем, состава. В таком виде конница и пехота Черноморского войска перешли из-за Буга на Кубань. Каждый пеший или конный полк, не имея номера, именовался по прозванию своего командира.

В 1794 году в первый раз, по Высочайшей воле, были скомплектованы для отправления в Польшу два пятисотенные конные полка по штату, присланному из Петербурга генерал-фельдцейхмейстером графом Зубовым, а в 1796 году, по тому же штату сформированы два пешие полка, посланные в Персию.

По докладу военной коллегии 13 ноября 1802 года, Высочайше утвержденному, в Черноморском войске были сформированы 20 штатных полков, из них 10 пеших и 10 конных; еще один конный полк скомплектован в 1819 году. Такой строй полков существовал до положения 1842 года.

Сначала все строевые части формировались из нескольких куреней, поселенных один от другого в ближайшем расстоянии; в полки брали совершеннолетних казаков, способных к военной службе; вербовали в службу обыкновенно тех, кто был под рукой», ибо многие черноморцы, скрываясь в ватагах по рыбным заводам или в степях за отарами и табунами, вовсе не служили. В то время служба не ограничивалась определенным числом лет; каждый казак и офицер служили до тех пор, пока за ранами, увечьями или болезнями не могли владеть оружием. Только в 1818 году определено было военной службы черноморцам 25 лет; по истечении этого срока казаки, уволенные от военной службы, перечислялись в службу внутреннюю, по вой-

ску, которую и несли до совершенной физической неспособности¹.

Высочайше утвержденное положение 1 июля 1842 года дало новый порядок службы Черноморскому войску. По окончательном сформировании оно имело в строю более 18000 человек.

II

(1794—1797)

Занятие черноморцами Кубанской границы. — Закубанские горы. — Плен хорунжего Бескровного. — Поход в Польшу и Персию. — Кончина Екатерины II, кошевого Чепеги и судьи Головатого. — Депутация черноморцев при короновании Павла I. — Неудовольствия казаков на Котляревского

Ой встань Харьку, устань батьку,
Кличуть тебе люди.
Ой ходимо до Царици,
По прежнему буде...

Народная песня

В первом отделе статьи я упомянул, что кошевой атаман Черноморского войска Чепега, утомленный дальним походом, остановился осенью 1792 года близ Ейского городка, в пределах пожалованной черноморцам земли. В следующем году, с открытием весны, Чепега, оставив в лагере на Ейской косе войсковые тяжести, при команде из двух сот казаков, с полковым хорунжим Зимую, передвинулся со всем войском к Кубани и стал лагерем в Карасунском куте, — куда в октябре пришел и Зима с войсковым скарбом. Стоя здесь, Чепега, по указанию командовавшего войсками на Кавказе генерал-аншефа графа

¹ Из дел Куб. войск. арх. и Полн. Собр. Зак.

Гудовича, занял по р. Кубани черноморскую кордонную линию, начиная от Воронежского редута, вниз по течению до Бугаза.

На этом пространстве по поручению кошевого атамана, войсковой полковник Козьма Белый расставил первые посты, или так называвшиеся кордоны: 1) Воронежский, чрез 10 верст; 2) Черноморский, чрез 10 верст; 3) Робленный, чрез 10 верст; 4) Кривый, чрез 10 верст; 5) Главный-Ореховатый, чрез 20 верст; 6) Видный, чрез 10 верст; 7) Черноморский, чрез 10 верст; 8) Армейский, чрез 10 верст; 9) Каракубанский, чрез 12 верст; 10) Казаче-Ерковский.

Эти посты образовали первую часть кордонной линии. Из них в Главном-Ореховатом кордоне было семь старшин и 163 казака, а в прочих постах от 49 до 57 нижних чинов, со старшинами. Всех же было поставлено, в этой части, старшин 25 и казаков 628 человек.

Во второй части кордонной линии шли посты, чрез одну версту от Казаче-Ерковского: 11) Главный-Копыльский, чрез 30 верст; 12) Калауской, чрез 30 верст; 13) Курчанский, чрез 100 верст; 14) Некрасовский¹, чрез 30 верст; 15) Суков, чрез 12 верст; 16) Бугазский, чрез 25 верст до Тамани; 17) Корсунский.

Здесь в каждом кордоне было от 20 до 25 казаков, и старшинах, а всех — 10 старшин и 216 нижних чинов. Всего в обеих частях кордонной линии поступило первоначально на кордонную стражу 35 старшин и 840 казаков.

Части пограничной линии были поручены особым войсковым полковникам, которые имели пребывание в главных кордонах и строго смотрели за порядком службы и за безопасностью границы.

---

¹ Такое далекое расстояние между постами Курчанским и Некрасовским можно объяснить неудобством сообщения в той местности, при существовавших тогда, да и ныне частью существующих, прикубанских болотах и лиманах; впрочем, нельзя безусловно верить в непогрешимость тогдашнего исчисления верст по кордонной линии.

Устроив таким образом кордонную линию на кубанской границе, кошевой атаман Чепега обнародовал повеление не пускать из-за Кубани на нашу сторону горцев, а кто из них перейдет на войсковую землю без ведома кордонной стражи, того брать на караул и представлять кошевому; если же кто из горцев имеет какую-либо особую надобность, то мог переправиться на нашу сторону на Бугазе, где был учрежден и карантин. Впоследствии сообщение с горцами происходило и в других местах кордонной линии, на меновых пунктах.

В 1794 году, при установлении общего порядка управления Черноморией, основан был на лагерном месте в Карасунском куте, при Кубани, город Екатеринодар, где сосредоточивалась гражданская и военная власть войска. Тогда же по стратегическим соображениям сделаны некоторые перемены и в отношении содержания пограничного караула. В каждую часть кордонной линии назначены, для начальствования и исполнения служебных поручений, по одному полковнику, по одному полковому есаулу, по одному полковому хорунжему и по одному полковому писарю.

Некоторые кордоны получили другие названия и к ним было добавлено, в необходимых местах пограничной линии, три поста. В каждый пост назначалось по одному кордонному старшине, по 25 конных и по 25 пеших казаков. Кроме того, на черноморскую гребную флотилию 25 старшин и 375 казаков; для вспомоществования, в непредвидимых случаях, и для переправы чрез пролив, в Тамани, 228 казаков; на содержание караулов при войсковых цейхгаузах 75 человек и в 40 куренях, для содержания в Екатеринодаре караулов, 240 нижних чинов. Всего по годовому наряду состояло на службе в Черноморском войске: полковников и старшин 53, и казаков 1918.

Для лучшего порядка в распоряжениях по военной части, кордонная линия была в 1797 году разделена на пять частей, с подчинением каждой части особому чиновнику. Некоторые посты были упразднены, иные добавлены и, с последним преобразованием, состояли в следующем порядке.

В первой части:

1) Кирпильский, 2) Кочатинский (с восточной стороны от линейного войска до Кубани). По Кубани: 3) Редутский, 4) Изрядный, 5) Воронежский, 6) Подмогильный, 7) Константиновский, 8) Малолагерный, 9) Александровский, 10) Павловский, 11) Главный, 12) Екатериновский.

Во второй части:

13) Александровский, 14) Елисаветин, 15) Елинский, 16) Марьянский.

В третьей части:

17) Новоекатериновский, 18) Ольгинский, 19) Славянский, 20) Великомарьянский.

В четвертой части:

21) Копыльский, 22) Петровский, 23) Староредутский, 24) Андреевский, 25) Смоляный.

В пятой части:

26) Новогригорьевский пост, с Таманью и Бугазом.

Для наблюдения за движениями горцев между постами устроены были пикеты и батареи, где постоянно находилось несколько казаков при урядниках.

Посты, с необходимыми помещениями для людей и лошадей, обыкновенно окапывались глубоким рвом, с бастионами, и обгораживались кругом колючим терновником. В таком виде посты, называвшиеся *кордонами*, ходили на малые укрепления¹.

При первоначальном занятии кордонной линии по Кубани, войсковое правительство, заботясь о сохранении пограничного края Черномории от набегов горцев, 10 декабря 1795 года сделал распоряжение о принятии воинской предосторожности повсеместно в войске. От всех куреней (селений) были доставлены войсковому правительству круговые подписки, подобные следующей:

---

¹ Не стану входить в подробные объяснения устройства пограничной цепи и вообще кордонной жизни черноморцев; эти предметы описаны уже г. Попкой и другими писателями.

См. «Черноморские казаки» г. Попки и статьи его и г. Скальковского в № 12, 13, 25 и 72 «Русского Инвалида» за 1855 год.

«1796 года, января 5-го числа, мы, нижеподписавшиеся, дали сию подписку Екатеринодарскому окружному правлению в том, что, по силе предписания оногo правления, последовавшего по указу войскового черноморского правительства, обязываемся иметь в исправности всякий, как для себя самого, так и для семейства своего, годные к отправлению войсковой службы: ружье, пику со всем прибором и запасом, также, и возможности, верховых лошадей, с тем, что когда только востребованы будем на службу, в то время выступать в повеленное место имеем. А для общей безопасности и к сохранению своего собственного имени от хищников закубанских и от разнообразных воровств, составить из себя около селения вооруженные обходы; скотину же иметь всяк в своих дворах, в загоне или на привязи; беглых же сомнительных людей принимать в свои дома никто не должен, а хотя в кой бы то ни был человек (кроме сего войска казаков) явился, объявить своего селения начальнику, и с позволения оногo принимать для ночлега или временного пребывания; ежели же кому случится из нас следовать по своим надобностям около учрежденных на земле сего войска и в Кавказском наместничестве кордонов, имеем, для корму скота, а особливо для ночлега, останавливаться при самых оных кордонах. В случае же кто окажется из нас в сем неисполнителем, то, яко нарушителя общественного и своего блага, подвергаем немилосердному наказанию. В чем и подписываемся с поручительством один по другому, в селении *** жительствоющие. Куренный атаман ***, сельский атаман ***, казаки ***, а за неграмотных подписал того же селения писарь ***».

Из этой подписки можно убедиться, насколько тягостна была постояннотревожная жизнь черноморцев на Кубани. Вот что писал генерал Дюк деРишелье военному министру: «Черноморцы, имея жительство на границе и защищая ее собою от набегов несут службу сколько для государства полезную, столько и претрудную. Полезную потому, что черкесы, встречая на сей стороне Кубани черноморцев, не смеют и не могут далее простирать своих набегов; а трудную потому, что каза-

ки, кордонную цепь содержащие, должны день и ночь быть готовыми встретиться с неприятелем и сражаться с ним»¹. Следует прибавить, что на всем протяжении кордонной линии были плавни и болота, покрытые непроглядными камышами (тростником) и другими болотными растениями, заражавшими гнилью воздух и порождавшими неизбежные болезни и смертность. В такой-то убийственной местности, наполненной мириадами комаров и мошек, беспощадно жаливших всякое живое существо, черноморцы проводили кордонную жизнь, испытывая всевозможные лишения и ежеминутные опасения за безопасность и спокойствие целого края. Мало того: черноморские пластуны, открывая прокрадывавшихся сокровенными путями неприятелей, день и ночь рыскали по болотам и плавням, в сообществе диких зверей, ежеминутно подвергая опасности жизнь свою. Не раз бесстрашные пластуны, застигнутые хищниками, употребляли невероятные хитрости избавиться от врагов. И до сих пор сохранились предания об истинно-удивительных подвигах этих оригинальных воинов и о не менее удивительных приключениях с ними. Нередко случалось, что храбрецы застреливали друг друга в густых камышах, полагая, что стреляют в диких кабанов.

Да, безотраднa была жизнь черноморцев на кордонной линии. Здесь, казалось, сосредоточились все невзгоды для бедного казака. «Тут — писал Ришелье, — черноморцы, люди с климатом ознакомившиеся, ко всему трудному привыкшие, могут только оберегать границы от злодеев. Известно, коликoй потери в людях стоило расположение на сей земле регулярных войск».

Прежде чем говорить о боевой жизни черноморских казаков против закубанских горцев, скажу несколько слов о самых сих азиятцах.

На протяжении всей черноморской кордонной линии с левой стороны Кубани жили горские черкесские народы, раз-

---

¹ Донесение Ришелье графу Аракчееву 4-го ноября 1808 года, № 5, 223.

делявшиеся на племена различных наименований¹. Не входя в ученые исследования о жизни этих азиатцев и о их расселении по племенам, что можно видеть из исторического описания горских племен г. Берже, упомяну только, что с беспокойным закубанским народом черноморцы прожили всю славную боевую жизнь свою на Кубани, до покорения Западного Кавказа.

По окончании, в 1791 году, турецкой войны, Оттоманская Порта трактатом, заключенным с Россией в Яссах 29 декабря того года, обязалась употребить всю власть и способы к обузданию закубанских черкесских народов, чтобы они не производили хищнических набегов на пределы России, не нарушали бы спокойствия русских подданных и не уводили их в плен; в противном случае Турция обязывалась наказывать горцев и, по заявлении русских пограничных властей, пополнять все убытки, причиненные хищниками русским подданным и возвращать русских пленных².

По силе такого договора, наблюдение за действиями закубанских народов Оттоманская Порта поручила анапскому паше. Тем не менее во все продолжение горской войны, несмотря на старания Турции подчинить черкесов своему верховному владычеству, последние не признавали над собою турецкого господства и крепко сохраняли свою независимость. Они уважали турок не как властелинов, а как единоверцев, иногда помогавших им в войне против русских.

Еще до поселения в прикубанском крае черноморцев некоторые черкесские племена пользовались особыми преимуществами у кавказского начальства. По просьбам князей горских народов командующий войсками на Кубани и на Кавказе, генерал-аншеф граф Гудович выдавал открытые листы, которыми присваивалось право подвластным тех князей людям въезжать в наши пределы пахать по правой стороне Куба-

---

¹ Наименование черкесских племен и в частных и в официальных бумагах, в старое время поселения черноморцев на Кубани, несколько раз изменялось в выговоре, — это продолжалось, впрочем, и до позднейших времен.

² Поли. Собр. Зак. т. XXIII, 1791 г. (17008).

ни поля под хлеб, пасти стада и иметь временное жительство. Пользовавшиеся таким дозволением черкесы, с прибытием сюда черноморцев, собрав с полей свои хлеба и другое хозяйство, перешли на левую сторону Кубани, вези всяких неприязненных столкновений.

Но широкое раздолье для пастбы скота и тучные пажити на правой стороне Кубани до того привлекли азиатцев, что жители Базадинской орды, получив от черноморцев извещение убираться за Кубань, в половине 1793 года подали кошевому атаману Чепеге просьбу, от имени мурз своих Батыр-Гирея и Тогур Оглы-Хашу-хана, о дозволении им окончательно переселиться на нашу сторону, с тем только условием, чтобы им было предоставлено право пользоваться угодьями нашей земли; они же обещали, в случае надобности, помогать русским войскам против горцев и высказывали надежду, что и другие закубанские племена последуют их примеру. Войсковое правительство, зная лукавство своих соседей, не доверяло их преданности русскому правительству; оно хорошо понимало, что только корыстные виды, именно: пользование богатыми угодьями нашей земли, побуждали их переселиться на привольные места правого берега Кубани. Таврическое начальство, соглашаясь с мнением черноморского войскового правительства, предписало объявить мурзам и жителям Базадинским дружески, что если они желают остаться навсегда верноподданными России, то могут водвориться внутри области Таврической, или за Перекопом в киргизских селениях, или же на Молочных Водах, при ордах Едиганской, Едичкульской и Джамбулуцкой, где им будут отведены достаточные земли для хлебопашества, сенокоса и скотоводства.

Теснимые горскими черкесами, ногайцы в 1794 году, в числе до 500 человек, перешли из-за Кубани на нашу сторону; но, не имея возможности осенью следовать на Молочные Воды, остановились близ Агданизовского лимана и там начали заниматься обработкой земли и обзаводиться хозяйством. Эти закубанские выходцы в следующем году, согласно их просьбе,

были, по Высочайшему разрешению, данному генералу Розенбергу 24 сентября 1794 года, поселены черноморским войсковым правительством на северо-восточной косе Азовского моря, верст за сто от Кубани, и на верность подданства России приведены к присяге.

Все было тихо и покойно на Кубанской границе; многие черкесские владельцы являлись иногда к кошевому атаману на переговоры о сохранении с обеих сторон мирного соседства. Доброе их заявление принималось с радушием, и хотя черкесы вели себя вообще мирно, но некоторые кубанские хищники, пробираясь тайком на нашу сторону, изыскивали случай погулять на наш счет. Они не хотели расстаться с склонностью своею своровать у своих и наших, что можно было, да и в плен захватить кого-либо из русских не считали преступлением. Первым пленником попался к горцам хорунжий Бескровный; однако удалый черноморец скоро устыдил азиатцев, очутившись снова в кругу своих земляков.

Вот как это случилось: полковой хорунжий, армии прапорщик Семен Бескровный, по распоряжению войскового полковника Саввы Белого, отправился на звериную ловлю за Протоку, где встретился с поручиком Уманцовым, а потом оба они сошлись с партией черкесов. Один из черкесов просил у Уманцова билета на свободную ловлю зверей на правой стороне Кубани. Получив отказ, азиатцы отправились далее. После того Бескровный, увидев плывших по Кубани дубом казаков, приблизился к берегу указать им дорогу к удобнейшему входу из Кубани в Протоку. В эту минуту черкесы бросились из-за кустов, схватили Бескровного и тотчас же переправились с ним за Кубань. По прибытии в аул, черкесы три дня держали Бескровного в сакле и кормили его пшеничными коржами. На третий день пленник, соскучившись в гостях, вылез из сакли в заднее окно и был таков! На дороге встретился он с русским солдатом, который, накормив его, повел к одному черкесскому князю, уверяя, что князь отошлет Бескровного домой. Но беглеца настигли чер-

кесы, снова завладели своим пленником и окружили его строгим надзором.

На другой день черкесы сказали Бескровному, что князь велел отпустить его; затем сняли с него хорошую одежду и, нарядив в лохмотья, посадили на коня и поехали, как они говорили, «на Русь». Но вместо «Руси» черкесы очутились в другом ауле, из которого повели Бескровного далее в горы, к абазинцам, на продажу. Три дня водили пленника в горах, но покупать его никто из черкесов не хотел; каждый, видя у Бескровного на голове *чуприну*, узнавал в нем черноморца и говорил продавцам: «купить разве только для того, чтобы товар пропал». «*Се баткал*». Тогда азиатцы, посоветовавшись между собою, обрезали Бескровному чуприну, обрили ему голову и в таком виде продали его за турчина одному черкесу, от которого Бескровный, недели через две плена, бежал в Черноморию.

Во время польского восстания Императрица Екатерина II рескриптом 22 апреля 1794 года дала повеление графу Платону Zubову отрядить из войска Черноморского к войскам графа Салтыкова два пятисотенных конных полка, под командою кошевого атамана. Граф Платон Александрович, передавая это Высочайшее повеление Захарию Алексеевичу Чепеге, приказал при следовании в Польшу захватить в Петербург¹.

Труден был этот поход для неустроившихся еще черноморцев, но воля Монархини была священна. Для дальнего пути полки были скомплектованы из отборных казаков, на добрых конях, под начальством опытных войсковых полковников — Высочина и Малого. 14 июня черноморцы выступили в поход, под командою старшего полковника Высочина; сам же кошевой Чепега вслед за ними отправился в Петербург. Граф Zubов принял Чепегу весьма ласково и представил его к Высочайшему двору. Императрица Екатерина, удостоив атамана черномор-

---

¹ Ордера гр. Zubова кошевому Чепеге 25-го апреля, 4 и 16 мая 1794 г. Из дел Кубан. войск. арх.

цев благосклонным приемом, отпустила его воевать против врагов отечества.

Вот что писал Чепега Федору Яковлевичу Бурсаку, 20 июля, из Царского Села:

«6-го числа июля я был представлен Ее Императорскому Величеству и допущен к ручке, а 9-го числа Его Высочеству Великому Князю Павлу Петровичу, супруге его Марии Федоровне и всей царской фамилии, и, того числа, обедал у царского стола, где и Государыня изволила кушать. За обедом сперва граф Платон Александрович, а после Ее Величество присылали мне в бутылке с рюмкою вина; потом Всемилостивейшая Государыня, оказывая мне высокую Монаршую милость, соизволила пожаловать, при окончании стола, на тарелке винограда и персиков.

По соизволению Монархини, я осматривал в Царском Селе и в Петербурге: все царские покои во внутренности, кунст-камеру, арсенал и прочие достопамятности. Показывающие мне оные говорили: “очень редко кому так позволяется всего во внутренности смотреть”, и что “мне, показыванием всего, великую честь Государыня делает”.

В Польшу отсель полагаю отправиться с 28-го числа сего месяца¹.

Императрица Екатерина, отпуская кошевого атамана Чепегу на войну с поляками, благословила его хлебом и солью и пожаловала саблю, алмазами украшенную, сказав: «Бей, сынок, врагов отечества»².

Еще перед отъездом из Екатеринодара Чепега получил предписание графа Суворова (6 июня, № 262) следовать черноморским полкам из Кременчуга на Ольвиополь, а оттуда на Балту, в Брацлавскую губернию, до Днестра; по прибытии же туда расположиться одному полку в Могилеве, вниз по Днестру, до Ягорлыка. На марше полковник Высочин получил новое по-

---

¹ Это письмо хранится в делах Куб. войск. архива.

² Об этих наградах Я.Г. Кухаренко упоминает в неизданном сочинении своем «Исторические акты Черноморского войска».

веление от Суворова о том, что, по Высочайшему повелению, черноморские полки должны следовать к Литовскому Бресту и там от генерал-аншефа Репнина ожидать дальнейших распоряжений.

10 августа Репнин предписал Высочину поспешать к Пинску, соединиться там с войсками бригадира Дивова и исполнять его приказания. Высочин, достигнув 25 августа местечка Столина, дал полкам отдохнуть, в ожидании дальнейших приказаний.

Чепега прибыл к войскам 2 июля, явился к графу Суворову в местечке Варковичах и, получив приказания, отправился в Пинск. Отсюда 25 августа он предписал Высочину оставить в Столине двести казаков для прикрытия провиантских магазинов, а с остальными следовать к Пинску. Вслед за тем, бригадир Дивов приказал Высочину откомандировать еще триста казаков для поиска остатков неприятеля из разбитого корпуса Грабовского.

7 сентября Репнин предписал Чепеге соединиться с Украинским легкоконным полком и следовать в Слоним, в корпус генерал-поручика Дерфельдена, от которого, 16-го числа, получено приказание направиться в селение Езероницу. Приказание это не поспело вовремя: Чепега был уже близ Слонима. Тогда Дерфельден дал повеление прибыть в м. Зельвии на соединение с корпусом. Здесь Высочин получил от корпусного своего командира предписание поступить под команду генерал-майора графа Зубова и расположить в авангарде на правой и левой стороне по сто казаков, отделяя от них сторожевые патрули и уведомлять заблаговременно о всех неприятельских движениях. Остальные черноморцы тем же порядком занимали места в арьергарде.

Состоя в корпусе Дерфельдена, черноморцы участвовали в сражениях с поляками сентября 12-го при м. Берестовицах, 19-го и 20-го при м. Колотовщязне; 21-го при м. Цопиках, 22-го при м. Соколках; в октябре 7-го числа при м. Броках, 14-го при м. Поповке, 18-го при м. Остроленке, а 24-го в штурме при взятии Пражкой батареи. В промежутки

черноморские казаки употреблялись в разъезды для открытия неприятеля и всегда отличались особенною храбростью и мужеством, нередко захватывая в плен поляков целыми партиями.

Боевая служба черноморцев в польскую войну удостоилась Высочайших наград и похвалы частных начальников; кошевой Чепега, произведенный в генералы, за особенное отличие при штурме Праги награжден орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 2-й степени большого креста. Дстойные его сподвижники черноморцы, не получившие во время военных действий особых наград, удостоились, по благоволению Государыни, общей награды: офицеры получили золотые знаки, а нижние чины серебряные медали, с надписью: «за труд и храбрость»¹.

После взятия Праги и покорения Варшавы черноморцы, в ноябре, перешли на зимние квартиры в Литве и расположились по селениям Брежского воеводства; штаб-квартира Чепеги была в местечке Шершове. Из зимних квартир в апреле 1795 года полки выступили в лагерь, откуда отправились, для содержания кордонов, вместе с Северским карабинерным, Украинским легкоконным и Фанагорийским гренадерским полками, между Бельским и Наревом. Затем уже в конце года они двинулись обратно в Черноморию и прибыли со своим кошевым атаманом в пределы войска в декабре месяце.

В архивном складе найдено нами весьма интересное черновое письмо Чепеги к одному его приятелю. В письме этом в коротких словах очерчена целая польская кампания.

Не успело Черноморское войско отдохнуть от польского похода, как в начале 1796 года получено было Высочайшее повеление о наряде двух пятисотенных полков для действий против персиян. Генерал-фельдцейхмейстер граф Зубов, сообщая об этом, требовал: «чтобы казаки были наряжены в поход

---

¹ Имен. Высоч. ук. генерал фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, 1 января 1795 года. В Полн. Собр. Зак. т. XXIII (17287).

самые отличные в пехотном строе, и с таким выбором, чтобы они могли служить с пользою на лодках и при надобности — на лошадях».

Сформированные два полка, под командою войсковых полковников Великого и Чернышева, поступили под начальство войскового судьи Головатого, назначенного в поход самим графом Зубовым¹.

26 февраля 1796 года полковник Головатый, отслужив напутственный молебен и приняв икону св. Николая Чудотворца, выступил в персидский поход, со своим тысячным отрядом, по направлению к Астрахани. Его сопровождали кошевой атаман и войсковое «товарищество».

Выпавший в Тавриде большой снег и сильные метели воспрепятствовали таврическому губернатору Жегулину проводить из Екатеринодара любимых им черноморцев. Вернувшись уже с дороги к Симферополь, Жегулин с курьером прислал черноморцам икону св. Спаса, 25 руб. на молебен и 200 руб. на 50 ведер «горилки». «Да сохранит Спас их (черноморцев) здоровыми и невредимыми и обделаает страшными врагам!» — писал Жегулин Чепеге, а водку просил выпить «по чарци»: за здоровье милостивого *батька* и за его.

Внимание главного начальника края было принято черноморцами с чувством искренней благодарности, которую Чепега, от лица войска, передал губернатору Жегулину. Письмо и подарки, не заставшие Головатого в Екатеринодаре, отправлены были вслед за ним с курьером и получены Антоном Андреевичем 11 марта в Прочно-Окопе.

Достигнув Астрахани, Головатый со своими черноморцами поступил на суда, под начальство генерал-майора Рахманова; 21 июня он прибыл к городу Баку, сданному русским войскам ханом Сонгулом где, в числе прочих обедал у хана со всеми своими офицерами. Пред обедом, как писал

---

¹ Предлож. Таврического губернатора Жегулина полковнику Головатому, 6-го Февраля 1796 г. № 94. Из дел Куб. войск. архива.

Головатый Чепеге, играла ханская музыка, составленная из балалайки, рожка, да двух небольших котликов, издававших звуки, похожие на литавры; потом персиянин плясал на голове, держа руками к глазам два кинжала и перекидываясь разными оборотами. За обедом хан был очень весел и велел стрелять из пушек. После обеда сами черноморские казаки составили оркестр из двух скрипок, баса и цымбал. С большим удовольствием слушал хан нашу казацкую музыку и благодарил Головатого за доставленное ему удовольствие.

Головатый, выгрузившись в Баку, стал лагерем близ крепости. Генерал Рахманов, по просьбе Головатого, приказал дать казакам палатки, для укрытия от сильной жары.

13 июня прибыл в Баку главнокомандующий, граф Валериан Зубов. Полковник Головатый встретил его при ставке, а черноморские полки, выстроенные под развернутыми знаменами, приветствовали главнокомандующего троекратною ружейною пальбою. Весьма довольный приветом черноморцев, граф Валериан Александрович благодарил их, изъявил удовольствие за успешный поход; расспрашивал Головатого о здоровье кошевого Чепеги, о делах на кубанской границе и в знак особенного расположения приказал выдать черноморцам тройную винную порцию. Этим не ограничилось внимание главнокомандующего: он записал себя в Черноморское войско войсковым товарищем, а сына своего, Платона, полковым есаулом. Затем и все чиновники штаба главнокомандующего записались в Черноморское войско войсковыми товарищами.

20 июля граф Валериан Зубов отправился к армии, а Головатый, на другой день, с передовой частью своих полков поплыл на транспортных судах и персидских киржимах мимо Сальян, у устья Куры, к острову Сару, лежащему насупротив Талышинских гор, в владениях Мустафы-хана. Он прибыл сюда 24-го числа; 28-го прибыли и другие казаки; недоставало только команды, отправленной Каспием с полковником Чернышевым.

Ступив на остров, Головатый, главным отрядом до 500 человек, стал на южных Талышинских берегах; из остальных, — 225 казаков, с подпоручиком Смолоу, занимались доставкой от Сальян, на персидских судах, по р. Куре провианта в главную армию.

4 ноября прибыли на остров Сару 15 казаков, с есаулом Гаркушею, из команды полковника Чернышева, и объявили, что Чернышев с офицерами своего полка и остальными казаками, с значками полковыми и двумя сотенными, с перначом и благословенною от таврического губернатора иконою отправился вперед; но где находится теперь, неизвестно. Это грустное известие поразило черноморцев: все жалели Чернышева, его сподвижников и казацкую святыню; за всем тем надежда на благополучный исход путешествия Чернышева по недружелюбному Каспию не покидала черноморцев. К одному горю присоединилось другое, еще большее. 9 ноября другой командир полка черноморцев, войсковой полковник армии секунд-майор Великий, отправляясь из Сары на остров Колишеван, для устройства там лагеря, был застигнут сильным штормом и, опрокинутый с шлюпкою, погиб в волнах Каспийского моря. Немногие из бывших с ним спаслись, уцепившись за шлюпку, и были выброшены, полумертвые, на берег Ленкоранский. На место погибшего полковника Великого назначен был командиром Черноморского полка капитан Головатый. Наконец, после долгого ожидания получено было известие, что полковник Чернышев потерпел крушение и был прибит к горам, верстах в 80-ти от Дербента. В начале 1797 года он присоединился к своим полкам.

В продолжение персидского похода черноморцы, служа на каспийской флотилии, участвовали в завладении островов, тюленьих и рыбных ловлей, а на южных берегах во взятии персидских крепостей и покорении областей до р. Куры и Аракса. В то же время они охраняли Талышинскую провинцию, до границ Ардебильских и Гилянских, от набегов войск Аги-Махмута хана.

Храбрость и мужество черноморских полков во всех военных действиях с персиянами обращали на себя внимание их начальников. Из военных подвигов черноморцев в эту войну расскажу замечательный случай, переданный Головатым в донесении кошевому атаману Челеге. Однажды, казаки под командою капитана Головатого отправились для поисков к Занзилейским берегам. Встретив неприятелей, упорно защищавших берег, казаки вступили с ними в жаркий бой. Долго не умолкал с обеих сторон огонь, но храбрость и отвага черноморцев заставили персиян отступить. Казакам удалось захватить несколько киржим, пустых, и с товарами; они освободили живших там армян и все доставили к эскадре. В это время сильным волнением понесло одну киржиму, под командою лейтенанта Епанчина, к Занзилейскому берегу. На судне находилось десять вооруженных черноморских казаков и армяне с их имуществом. До полутораста вооруженных персиян, заметив боровшееся с волнением судно, подошли к нему на малых киржихах. Лейтенант Епанчин, не видя спасения от превосходного числа неприятелей, взял с собою на лодку двух матросов и четырех армян и отплыл к стоявшему верстах в пяти русскому боту, а киржиму, с грузом и казаками, оставил временно на произвол судьбы. Испугавшиеся армяне скрылись под палубу; казаки не пали духом. Когда персияне, приблизившись к казацкому судну, выбросили красный флаг, черноморцы выбрали из среды себя начальником опытного казака, платнировского куреня Игната Сову, по его приказанию взяли у пассажиров красный пояс и отвечали этим знаком персиянам. Персияне пустили на них град пуль; казаки, со своей стороны, ударили из ружей, *с утором без промаху*, первыми же выстрелами уложили персидских начальников, а потом, как отличнейшие стрелки, *перебили и пидстарших нажив*, по выражению Головатого. Смущенные персияне продолжали слабо отстреливаться из-за бортов, пока ветром не отнесло их на далекое расстояние от казаков, которые не переставали провожать их меткими выстрелами.

Конные и пешие персияне, находившиеся на берегу, пытались прикрыть ружейною пальбою возвращавшихся товарищей, но безуспешно. Горсть молодцов черноморцев благополучно возвратилась на остров Сару.

Антон Андреевич Головатый, описывая этот случай, говорит: «Ще бичу козацька слова не загинуда, коли, исключая двух больных из числа десяти человек, косим могли дать персиянам почувствовать: що в черноморцив за сила!»

Подвиг восьми черноморских казаков может показаться невероятным, но им оставалось одно из двух: или отбиться от неприятелей, или погибнуть. Строгая дисциплина, меткость стрельбы, хладнокровие и ничем непоколебимое мужество спасли их.

В продолжение персидского похода черноморские казаки лишились любимого своего начальника, пожалованного в бригадиры Антона Андреевича Головатого, и командовавшего, после смерти контр-адмирала Федорова и графа Апраксина, Каспийскою флотилией и десантными войсками. Головатый умер 29 января 1797 года¹. Потеря «всегда чувствительная, но никогда для войска невозвратимая!» говоря словами покойного Якова Герасимовича Кухаренко.

Так кончился для войска Черноморского персидский поход. За исключением 100 человек, оставшихся в Персии при русском консуле, и 97 человек по другим местам, возвратилось в Черноморию (из 1011 человек) только 504 человека. Этот остаток черноморских казаков, с полковником Чернышевым, прибыл в Усть-Лабу 22 июля 1797 года.

Нельзя не вспомнить отеческой заботливости бригадира Головатого о благе войска Черноморского. Находясь в Персии и невзирая на военные заботы, он находил время вести деятельную переписку с кошевым *Харьком* Чепегию: об улучшении быта войсковых жителей и о других интересах, касавшихся войска Черноморского.

---

¹ Донес. полк. Чернышева. Из дел войск. архива.

Во время персидской войны Черноморское войско оплакало, вместе со всею Россией, кончину своей благодетельницы, Императрицы Екатерины. Вскоре новая печаль поразила сердца казаков. 14 января 1797 года они лишились любимого и уважаемого своего кошевого атамана, генерал-майора Захария Алексеевича Чепеги. Этот братолюбивый отец черноморской семьи и по достижении высокого чина и почетного звания сохранял до самой смерти своей простоту в образе жизни, служившей примером черноморцам. Мир праху твоему, знаменитый батько-кошевой, основатель рассадника доблестных черноморских воинов на негостеприимных степях Кубани!

При выборе нового атамана, по общему желанию войскового общества, жребий пал на отсутствовавшего войскового судью Головатого, а за ним указаны были и другие кандидаты. На представление о том, Император Павел дал генералу Бердяеву, 21 марта 1797 года, следующий рескрипт: «По присланному от вас донесению, Николай Михайлович, нет сомнения о выборе в войсковые атаманы Головатого, чем его и утверждаю. О чем и указ даю. Вам благосклонный Павел»¹.

Но этот почетный сан не застал уже в живых Антона Андреевича: преждевременная смерть его открыла войсковому писарю Котляревскому путь к атаманской власти в войске Черноморском, не по выбору общества, а по Высочайшему назначению².

Еще при жизни Чепеги было получено повеление о высылке из войска депутации для присутствия в первопрестольном граде Москве при короновании Императора Павла Петровича. Приготовлялся ехать сам кошевой; но когда смерть сразила его, а войсковой судья был в отсутствии, то войсковой писарь Котляревский, как старший в войске, отправился

¹ Высоч. указ Прав. Сен. 21-го марта 1797 г. (Из дел Куб. архива).

² Высоч. приказ 27-го июня 1797 года.

в Москву, со старшинами войска: секунд-майорами — Бурсаком, Малым, капитанами — Саком, Кухаренком и полковым есаулом Животовским. Они прибыли туда к 15-му числу марта 1791 года. Из Москвы Котляревский возвратился войсковым атаманом; но 16 августа того же года он должен был отправиться в Петербург по случаю беспорядков, произведенных в Екатеринодаре возвратившимися из Персии казаками, по неудовольствию их на войсковое управление и на самого атамана.

Буйная толпа казаков, двинувшись из Екатеринодарской крепости на площадь, где в то время была в сборе ярмарка, ломала на своем пути все, что не нравилось духу казацкой вольности, во имя ее они желали ниспровергнуть начальство, по старым запорожским порядкам, забыв, что запорожская «регула» умерла еще на берегах Днепра.

После этого прискорбного происшествия произведено было весьма много арестов. Казаков брали сотнями под караул, и многие несчастные, как рассказывали очевидцы, томилась в вырытых в земле ямах, из которых одна была на берегу речки Карасуна. В этой яме между прочими сидел казак Носак. Сын его рассказывал, что мать неоднократно приводила его к яме и, указывая со слезами ему на эту тюрьму, говорила: «*Он твий батько!..*» — «А я було, — говорил Носак, — тулюсь до матери, та боюсь шоб и мене в яму не вкинули».

Томясь в заточении, казаки подкопались в Карасун и в одну ночь человек до тридцати ушли чрез речку и пропали без вести.

В числе беглецов «накивав пятами» и отец Носака. Отчаянные головы пробрались, вероятно, за Дунай к своим землякам, турецким запорожцам.

Все дело было не так важно, как донес Императору граф Марков, — после личного удостоверения; но по суду оно было приравнено к бунту, и главные зачинщики строго наказаны.

III

(1795—1799)

Князь Батыр-Гирей. — Неприязненные действия черкесов. — Дипломатические сношения с Турцией. — Дворянин Шостан-Али. — Котляревский, атаман черноморцев. — Султан Али-Шеретлу-Оглы. — Изменник Явбук-бей

Еще в отсутствие Чепеги из войска, в польском походе, жившие при Кубани князя Бжедухский Батыр-Гирей, Хатукайский Магмет-Калабит и другие в конце 1794 и в начале 1795 годов открыли переговоры с начальствовавшим Черноморским войском войсковым судьей Головатым о сближении их с Россией. Князья эти говорили, что они в прежнее время находились во владении крымских ханов, но как Крым покорен Россией, то и они считают себя более принадлежащими России, нежели Турции, вследствие чего горские владельцы желали поступить, со своими землями и народами, под российскую державу. Всем подданным России, в том числе и черноморцам, они обязывались обид не делать; скопища абазинцев разгонять, а в случае упорства и истреблять; при разрыве России с Портой и открытии войны не только не вооружаться против России, но помогать ей всеми своими средствами. Князья просили принять их конские табуны на черноморскую войсковую землю, для пастьбы, с платою казакам за сбережение. В верном соблюдении условий хатукайцы дали присягу; прочие племена также обещались присягнуть на верность подданства России, когда долучат на предложенные условия согласие русского правительства. Хатукайцы просили еще позволения перейти, со всем их имуществом, на русскую землю, в пределы Черномории, но владельцы их на это не соглашались.

О переговорах с черкесами полковник Головатый донес правительству, с позволения которого преданные России князья, для ходатайства о принятии их под русскую державу, от-

правили в Петербург депутатом князя Батыр-Гирея. Для сопровождения его был командирован от войска Черноморского прапорщик Кравченко. На доклад графа Зубова о посольстве горцев Императрица Екатерина выразила волю свою в следующем рескрипте Платону Александровичу, 3 мая 1795 года:

«Видя из представления вашего изъявленное Хатукайским и Бжедухским князьями желание подвергнуться, со всеми подвластными им мурзами и народами, за Кубанью обитающими, под державу Нашу, с принесением присяги в верности, находим Мы, согласно с мнением вашим, что удовлетворение такому желанию их завело бы Нас в неприятные объяснения и хлопоты с Портою Оттоманскою, подав ей причину укорять Нас в нарушении заключенного с нею трактата. А потому и нужно отклонить их от сего шагу тем ответом, какой предполагаете вы учинить чрез полковника Головатого, который почитаем Мы самым основательным и положению дел приличным. Таким образом, держа помянутых князей в добром к Нам расположении и обнадеживая их сохранением мирного соседства и вспоможением при всяком случае в их надобностях, можно позволить конским табунам их ходить на пастьбе на земле Войска Черноморского, на том основании, как изображено в мнении вашем, которое Мы, во всей его силе, апробуем, — представляя вам, по вверенному вам над тамошним краем главному начальству, снабдить о том кого следует надлежащими предписаниями».

Основываясь на этом, генерал-фельдцейхмейстер граф Зубов 3 мая 1795 года предписал начальствовавшему войском Черноморским полковнику Головатому объявить искавшим русского подданства черкесам, что русское правительство во внутренние дела их мешаться не может; что они властны между собою, по обычаям своим, делать постановления, как заблагорассудит, и в сохранении оных обязываться присягою взаимною, которая однако же Россией принята от них быть не может, потому что это было бы противно трактатам нашим, с Оттоманской Портою заключенным. Впрочем, обнадежив

преданных России князей милостью Императрицы, внушить черкесским владельцам, что спокойное пребывание их в своих местах, сохранение на границе тишины и спокойствия, воздержание подвластных им народов от хищничеств на нашей стороне и беспорядков будет столько же благоугодною Ее Величеству жертвою, как бы и принесение самой присяги на подданство. Оставаясь в таком мирном соседстве, черкесы могут твердо надеяться на Высочайшее покровительство и вспоможение в их надобностях, как бы и самые Ее Величества подданные. В доказательство же Всемилостивейшего к ним благоволения дозволить преданным нам горцам перегнать табуны их на черноморскую войсковую землю, ради сбережения от хищничеств абазинцев, с пастьбой тех лошадей войсковыми жителями по вольному найму, отчего народы сии, как был уверен Зубов, получая способы к сохранению имуществ своих и отдавая, так сказать, в наши руки свои стада, а в них и главное свое имущество, будут спокойнее и для нас вернее. Зубов надеялся также, что ближайшее обращение горцев с русскими переменит или смягчит свирепые и хищные нравы их, войско же Черноморское оградится спокойствием, получит прибыль и возможною меною умножит собственное скотоводство свое к выгоде своей и к пользе края.

Хотя, таким образом, Батыр-Гирей и не достиг главной цели и даже не получил на руки разрешительных бумаг, но обласканный вниманием Императрицы, с удовольствием жил в столице и только 23 октября выехал из Петербурга. В Екатеринодаре он был встречен полковником Головатым, который проводил Батыр-Гирея до Кубани с вооруженными старшинами и казаками и, в знак Искренней дружбы, наделил его русским хлебом и солью.

Собравшиеся за Кубанью бжедухи ожидали Батыр-Гирея с нетерпением. При встрече с ним черкессы целовали у него руки, подстилали ему под ноги ткани и тем выказывали, по горским обычаям, почтение и радость о благополучном возвращении посла. Вместе с Батыр-Гиреем переправился на левую сторо-

ну р. Кубани и полковник Головатый. Они оба объявили бжедухам Царское решение на просьбу о подданстве их России. Горцы остались весьма довольны объявлением им Монаршего благоволения, и на радостях за здоровье Государыни и ходатаев за них, несмотря на запрещение корана, пили привезенную с нашей стороны водку и закусывали данным Батыр-Гирею от Головатого хлебом.

После этой торжественной встречи полковник Головатый возвратился в Екатеринодар; а Батыр-Гирей поехал в свои владения, сопровождаемый подвластным ему народом, с тем, чтобы собрать всех князей, с мурзами и дворянами, уполномочивших его на посольство, и отправиться с ними в Екатеринодар, для объявления им, в присутствии правителя Черноморского войска, Высочайших милостей.

Батыр-Гирей действительно прибыл с князьями, мурзами, дворянами и со множеством простых бжедухов и хатукайцев, 4 января 1796 года к Богдавленской пристани, близ г. Екатеринодара. Получив об этом известие чрез войскового переводчика, полковник Головатый, с довольным числом вооруженных старшин и казаков, выехал к той же переправе, на встречу своих гостей и, по просьбе черкесов, переправился к ним на левую сторону Кубани. Здесь князья и дворяне встретили Головатого с музыкою, состоявшею из четырех серебряных и одной медной сопелок и двух в серебряной оправе трешоток и с тремя черкесскими плясунами. По обычном приветствии, Головатый был приглашен в черкесский стан, куда отправился в сопровождении князей и дворян черкесского народа и с игравшей впереди процессии азиатской музыкой. Черкесы, видя торжественный прием правителя Черноморского войска, различными знаками выказывали свое удовольствие и радость. Головатый, собравши вокруг себя князей и дворян, торжественно объявил им решение Императрицы относительно просьбы их о принятии в число подданных России. Владельцы же черкесские, в свою очередь, растолковали значение речи Головатого всему прибывшему с ними бжедухскому и хатукайскому народу, который выразил Головатому чувства радости и удовольствия всеми понятными способами

и единогласно обещал сохранять на границе мир и быть врагом врагов России.

Но некоторые горские владельцы остались недовольны исходом посольства Батыр-Гирея. Из них султан Селим-Гирей и братья его, Ахмет-Гирей и Крым-Гирей, начали искать подданства России помимо войскового начальства, прямо чрез таврического губернатора.

На доклад об этом Зубова Императору Павлу последовал Высочайший рескрипт, 3 декабря 1796 г., следующего содержания:

«Князь Платон Александрович! Вследствие донесения вашего и представленных при оком разных приложений, относительно князей закубанских, просящих позволения вступить им с подвластными народами в подданство России, не можем Мы дать вам одного предписания как то самое, какое уже имее-те вы, в указе от 3-го мая 1795 года, что удовлетворение подобных желаний владельцев, зависящих от Порты Оттоманской, завело бы нас в неприятные с нею объяснения и хлопоты, подав ей повод укорять Нас нарушением заключенного с нею трактата. Наблюдая вышесказанное правило, яко нужное для сохранения с турками доброго согласия, повелеваем: султану Селим-Гирею и братьям его, Ахмет-Гирею и Крым-Гирею, отказать в том предложении, какое они таврическому губернатору Жегулину сделали. Пребываю впрочем вам благосклонный Павел».

Следует заметить, что непринятие в подданство России от-носилось только к одним коренным черкесам; о приглаше-нии же в Россию живших за Кубанью татар и ногайцев было даже настаивание со стороны правительства, как это видно из письма генерала Хорвата кошевому Чепеге 22 сентября 1796 года, по поводу перехода на нашу сторону 74 душ ногай-цев с мурзой Смаил-Агой. Эти выходцы объявили, что они бежали от абазинцев, забравших всех жителей из деревни Ада-ды, близ Анапы, в плен, в числе которых и они (ногайцы) на-ходились.

Где были поселены выходцы, сведений не отыскано; но из-вестно, что вышедшие из-за Кубани на черноморскую землю в

1800 году 46 душ ногайцев были приведены к присяге и водворены в Гривенском черкесском ауле.

Мирная жизнь черноморцев не была по сердцу неприязненному нам абазинскому племени. Абазинцы начали враждовать на приверженных нам закубанцев, в особенности начали мстить батыр-гирейцам, как пользовавшимся особенным благоволением русских государей. 25 июня 1796 года абадзехи, собравшись в числе 12 тысяч, намеревались сначала разорить аулы преданных нам бжедухов и потом вторгнуться в пределы Черноморского войска. Батыр-Гирей, узнавши о замыслах своих врагов и общих врагов Черномории, дал об этом знать кошевому атаману Чепеге и просил вооруженной помощи. Чепега отрядил к нему десять старшин, сотню казаков и одно орудие, под начальством войскового полковника Еремеева. Отправившись за Кубань, Еремеев присоединил к своему отряду всех вооруженных черкесов из владений Батыр-Гирея, принял над ними главное начальство и стал, со всеми силами, лагерем между реками Супом и Псекупсом в ожидании дальнейших событий.

29 июня наши аванпосты дали знать, что абадзехи, показываясь толпами, готовятся к нападению. Тогда полковник Еремеев, посоветовавшись с Батыр-Гиреем, решился предупредить абадзехов стремительным на них натиском. Более четырех часов продолжался кровопролитный бой. Благоразумные распоряжения Еремеева, личная храбрость Батыр-Гирея и губительный картечный огонь нашего орудия решили сражение в пользу нашу. Дравшиеся с ожесточением абадзехи, несмотря на численное свое превосходство, не устояли, дрогнули и бежали. Разбитый наголову неприятель потерял до 1000 человек убитыми и до 2000 ранеными; 300 пленных и 800 лошадей. С нашей стороны ранены были прапорщик Блоха и восемь казаков, из черкесов же Еремеева убито и ранено до 200 человек. С ними пал и храбрый их предводитель князь Батыр-Гирей.

Поражение абадзехов и помощь, оказанная черноморцами преданным нам горским племенам, возбудили зависть и неудовольствие между немирными горцами. Они стали пригото-

даться к общему нападению на кордонную линию с целью разгромить пограничные поселения Черномории. Анапский паша, узнав о намерении горцев, вызвал в Анапу двух абазинских султанов — главных возмутителей и казнил их. Братья этих султанов поклялись отомстить паше. Они взволновали все горские племена, собрали до 20000 человек, разграбили сначала Пашинский поселок, у Кизилташского лимана, забрали в нем всех жителей, а потом подступили и к самой Анапе, чтобы разорить ее до основания. Несколько дней Анапа находилась в блокаде; слабый гарнизон принужден был запереться в крепости; турки уже терпели недостаток в пресной воде; к счастью их, подоспели подкрепления из Трапезонта и из других турецких крепостей. Скопище черкесов разбрелось по горам; но анапский паша пошел по следам их и жестоко наказал в самых местах их жительства.

С этого времени черкесы начали постоянно тревожить черноморскую кордонную линию, и хотя казаки разбивали шайки, прогоняли хищников за Кубань, однако не всегда можно было подстеречь замыслы коварных неприятелей. В темные ненастные ночи, пробираясь между казацкими секретамми в наши пределы, черкесы воровали скот, уводили наших в плен или убивали и увечивали несчастные жертвы. Бывали примеры, что пленникам, которых нельзя было перевезти за Кубань, черкесы подрезывали ножные жилы и бросали их в кубанских плавнях¹. Если же кого уводили в горы, то там ожидали его все ужасы плена у дикарей.

Войсковое начальство употребляло все меры предосторожности на границе для охранения наших прикубанских поселенцев, которые, в свою очередь, научились тщательнее оберегать свою селитьбу и из среды себя составляли ночные вооруженные обходы вокруг своих жилищ. Принято было за правило, чтобы все отправлявшиеся к побережью Кубани останавливались на ночлеги только в кордонах, и потому нередко еще до заката солнца люди всех сословий, пола и возраста приходили

---

¹ Донесение войск. правит. екатеринод. окр. правл. 6-го сентября 1795 г. № 417. (Из дел Куб. войск. архива).

ночевать на посты. Все жившие вблизи границы, и на самой границе, были вооружены. Много помогали казакам преданные России закубанские владельцы: они удерживали подвластных им народов и других горцев от участия в грабежах, отбирая у разбойников угнанный скот и награбленное имущество, отнимая пленных и тем старались сохранить мир и дружбу с черноморцами. Однажды князь Ахмет-Калеобатов, по извещению кордонного старшины, поймал преступника из своих черкесов, воровавшего на нашей стороне скот. Закованного в железа он представил его в Ольгинский пост и требовал казни вора; но как начальник кордона на это не согласился, то князь Калеобатов велел своим черкесам снять с разбойника железа, связать ему руки и бросить с большого обрыва в Кубань, что и было исполнено на глазах кордонного начальника¹.

Неприятные действия закубанцев вынудили кошевого атамана Чепегу вступить в сношения с анапским пашой. В письме от 21 августа 1796 года, изложив все преступные действия черкесов против русских и сославшись на существовавшие трактаты с Турцией, просил пашу принять деятельные меры к обузданию подвластных ему горцев. Паша обещал употребить все средства к удержанию горцев от набегов в наши пределы, сам иногда извещал постовых начальников о намерениях хищников прорваться чрез кордонную линию, и, если верить его письмам, то и наказывал виновных; но он или не хотел, или не мог водворить спокойствия на границе. Дошло до того, что однажды черноморцы решились сами наказать закубанцев; взяли взвод артиллерии, переправились за Кубань и, соединившись с преданными нам бжедухами, жестоко потрепали шапсугов.

Шапсуги обратились к защите анапского паши. Саид-Мустафа-паша, приняв их сторону, потребовал объяснения от кошевого атамана Черноморского войска, поставляя на вид, что переход казаков за границу, с вооруженной силой, и сношения

---

¹ Донесен. гр. Зубову полк. Головатого 28 апреля 1795 г. № 556 (из дел, Куб. войск. архива).

их с подвластными Порте бжедухами могут повлечь за собой разрыв дружбы между обеими державами. Генерал Чепега отвечал, что закубанская экспедиция была вынуждена преследованием за Кубань злодействовавших на нашей стороне горцев, и что этот случай не может относиться ко вреду всего черкесского народа; напротив, беспорядки, производимые азиатцами на границе, и убытки, причиненные ими черноморцам, требуют безусловно прекращения своеволия горцев. Чепега прибавил, что если и впредь будет продолжаться бездействие турецкой власти в удержании горцев от набегов на кубанскую границу, то это послужит явным нарушением договоров между Турецкой и Российской империями.

Смерть кошевого Чепеги прервала переписку с анапским пашой, и черкесы в наступившем 1797 году еще более стали тревожить кордонную линию. В особенности зимою целыми сотнями нападали азиатцы на наши посты и пикеты, пробираясь по льду чрез Кубань в скрытных местах. Бдительная кордонная стража отражала злодеев, но все это стоило жертв со стороны казаков.

Возобновились жалобы нашего войска анапскому паше о своеволии закубанских горцев; требовалось возвращение наших пленных и заграбленного у черноморцев имущества, но все представления войскового начальства разрешались в большинстве случаев пашою тем, что он созывал черкесских старшин в Анапу, объявлял им о претензиях черноморцев и о требуемом удовлетворении. черкесы отвергали обвинения, или же возвращали какую-нибудь безделицу из награбленной добычи.

Такое положение дел на Кубани было доведено до сведения нашего посланника при Константинопольском дворе, тайного советника Виктора Кочубея. Он потребовал у блистательной Порты удовлетворения за причиненные горцами убытки Черноморскому войску; Порты же предъявила донесение анапского паши, что живущими на расстоянии 350 верст от Кизилташа казаками и кабардинцами захвачено пленных черкесов и их имущества вчетверо более, чем они взяли у русских, и что кроме того какой-то начальник, с казаками, захватил будто бы

у горцев 5000 баранов¹. Чтобы уличить анапского пашу в несправедливых показаниях, Виктор Павлович Кочубей потребовал объяснения от Черноморского войскового правительства и, получив донесение, что указываемая Осман-пашою местность захвата у черкесов баранов принадлежит не Черноморскому войску, а Астраханской губернии, и находится насупротив Усть-Лабинской крепости, где расположен Семейный Кубанский полк, да и кабардинцы не соседи Черноморскому войску². Имея в руках такой документ, тайный советник Кочубей возобновил пред Константинопольским диваном требование об удовлетворении претензии Черноморского войска за убытки, нанесенные подвластными Порте закубанскими народами.

Между тем тайный советник Жегулин дал Черноморскому войсковому правительству предложение отрядить в г. Анапу, к Осману-паше, опытного чиновника, с надлежащими полномочиями, который вошел бы лично в переговоры об истребовании от черкесов удовлетворения за причиненные войску убытки в течение 1794, 1795 и 1796 годов, простиравшиеся к исчислению на сумму 16210 р. 30 коп. Посланный в Анапу подпоручик Лозинский прожил там долго, но успел выхлопотать, вместо тысяч, десятки рублей, часть скота и оружия, да и то на незначительную сумму. И дальнейшие затем ходатайства у анапского пашы командовавшего на Таврическом полуострове войсками генерала от инфантерии Каховского и новороссийского губернатора генерал-лейтенанта Бердяева (преемника Жегулина) тоже не сопровождались успехом: чиновники, посылаемые в Анапу, возвращались с пустыми руками.

---

¹ Сообщ. тайн. соб. Кочубея Черном. войск. Правит. 1 июля 1797 г. (из дел Куб. войск. архива).

² Впоследствии открылось, что 18 казаков Кубанского полка, переправившись на левую сторону Кубани, с целью захватить конской табун азиатцев, но вместо лошадей, которых не нашли, угнали у горцев 5000 баранов, из которых часть продали, а остальные разделили между собою («Куб. ведом.» 1868 г., № 18).

Черноморское войсковое правительство, не видя пользы в сношениях с анапским пашою, в следующем, 1798-м году вновь сделало представление полномочному министру Кочубею об исходатайствовании у Порты вознаграждения Черноморскому войску. На этот раз Виктор Павлович декларацией, данной Порте 10 марта 1798 г., истребовал просимое войском вознаграждение, за 1792, 1793, 1794, 1795 и 1796 годы, в количестве 11027 руб. 867 коп. К сожалению, в архиве не нашлось сведений, какое назначение получил этот капитал.

Горцы между тем продолжали тревожить кордонную линию и, при удобном случае, злодействовали на нашей стороне. Порта посылала строгие фирманы и особых чиновников к анапскому паше, с приказанием обуздывать своеволие черкесов, но паша по-прежнему бездействовал. Ободренные этим черкесы не только не слушались повелений высшего турецкого правительства, но даже позволяли себе действовать против него неприязненно. Доказательством тому просьба одного турецкого чиновника нашему начальству о защите его против злых умыслов абазинцев, хотевших напасть на него при обратном следовании, с командою турок, из черкесских пределов, куда он был командирован Осман-пашою для взыскания с закубанцев причиненных ими черноморцам убытков. Просьба была исполнена: войсковою есаул Гулик проводил турецкого чиновника до Анапы под прикрытием черноморских казаков.

Преемник в Анапе Мустафы-паши, трехбунчужный Осман-Азат-паша, вступив в должность, прислал к начальнику Черноморского войска своего чиновника Селим-Агу и абазинского князя Мурадина для постановления условий к удержанию закубанских хищников. С этими лицами вел переговоры, на Бугазе, войсковою полковник армии капитан Прокофий Уманец. Переговоры кончились в мае месяце тем, что если горцы узнают о хищнических замыслах своих родичей, то для извещения наших пограничных караулов должны в назначенном месте на своей стороне разводить большие костры; если же с нашей сто-

роны будет о том дознано скорее, то делать такой же сигнал огнем на большой Курчанской могиле.

Для свободного пропуска на нашу сторону, во всякое время, чиновника Селим-Аги и князя Мурадина дана была им печать, которую они обязывались предъявлять на переправах, и сверх того, приближаясь к нашему берегу, перевязывать правые руки белыми платками.

Договор был словесный и потому не привел ни к каким последствиям. Напротив, черкесы, не встречая в турецкой власти преград дикому своему своеволию, по-прежнему грабили жителей Черномории, убивали и уводили в плен. Казаки по-прежнему защищались от нападений, сражались с шайками на своей земле, прогоняли горцев за Кубань и жестоко наказывали разбойников. Не раз черкесы прорывались в наши пределы большими партиями и быстрым налетом нападали на наши слабые пикеты. В таких случаях отчаянная храбрость горсти казаков не всегда могла торжествовать над превосходными силами неприятеля. Правда, сторожившие кордонную линию казаки спешили на помощь своим братьям, но и горцы, заметив тревогу, тотчас же спешили убраться за Кубань и скрывались в дремучих лесах.

Несмотря на такое безотрадное положение дел, войсковой атаман Котляревский жил все это время в Петербурге, и хотя получал частые донесения о гибели людей своего войска и об изнуренных грабежами кубанских жителей, однако не ехал в Черноморию к своему атаманскому посту. Не знаем, что удерживало его в столице; но есть сведения, что он много ходатайствовал у Императора о пользах войска Черноморского. В то же время Котляревский письменно громил из Петербурга управителей Черноморского войска за слабое содержание кордонной линии и вообще за беспорядки в войске; наконец, 20 июня 1798 года прислал куренным атаманам и товариществу увещание, в котором, излив все чувства преданности своей пользе войска, указал на беспечность и нерадение к службе и пользам Черномории всех в войске служащих «*Ланове* атаманство», выс-

душав грозное послание своего войскового *властелина*, из чувства почтения к нему или из страха, 1 августа того же года прислало Котляревскому адрес, в котором «со всеунижением» предавали себя навсегда его покровительству.

Живя в столице, черноморский войсковой атаман успел заслужить особенное внимание Императора Павла и в короткое время пожалован чинами полковника и генерала; 12 декабря 1798 года Котляревский возвратился в Екатеринодар.

По прибытии в войско Котляревский обратился, 18-го числа того же месяца, с письменной речью или с посланием к войсковым и полковым старшинам атаманам куренным и ко всему войску. Документ этот любопытен в том отношении, что проникает свет на тогдешнее внутреннее состояние Черноморского войска.

«От сотворения мира ненавидящий добра, начальник злобы сатана, всегда вооружающийся против человеческой добродетели, умиловляющей своего Творца и Бога, не удовольствуясь разрушением своими дьявольскими кознями храброго богопочитаемого странноприимчивого и братолюбивого бытия войска Запорожского, начал воевать и на нынешнее Черноморское войско, в котором сначала заведения его посеявши семя честолюбия, корыстолюбия, братоненавидения, несогласия, злобы, неповиновения и развратного своевольтва, беспрестанно делал на буйных сердцах влагу, желая видеть восход с того семени злых дел, на истребление и сего войска. Но не успевши в своем злоначинании, во время турецкой войны: видя его Богом хранимое и с помощью Божиею заслужившее себе честь, славу, Монаршую милость и для поселения по всегдашнему жительству землю позавидев; завидовав и начатому уже на новозаслуженной земле богоугодному сооружению молитвенных храмов, монашеской пустыни и для вящего благоденствия войска о устроении доброго порядка моему предприятию. И не терпли такого благоначинания для достижения своей цели усугубил труд своим сатанинским коварством, которым: изневежествующей простоты, а наипаче из бродяг не быв-

ших в прежнем Запорожьи и нынешнем войске прошедшую турецкую войну не служивших, не понимающих службы, страха Божия и праведного его суда и неведущих пользы душевной и телесной, и пользы общего блага, с приятным покоем сопряженного, поводом некоторых старшин оным подобных, отродил свое семя в плод неповиновения власти и междоусобия Дикуновским бунтом; которым кровью войска заслуженную честь и славу низвергнул во всегдашнии норок и нареkanie, навлек войску нынешнее горестное безпокойствие, отнял время от хозяйственного устроения в Екатеринодаре Божиих церквей, куреней, войсковых домов и прочих нужностей, помешал во всем моем предприятии, касающемся до испрошения у Государя Императора подтверждения войска Высочайшею своею грамотою, облегчения его от несносных тягостей и подкрепления войсковых сил приблизившихся до крайняго раззорения; затмил было наше войско от лучи Монаршого милосердия, которым избильно пользуются примерные сему войска Донское и Уральское; и все войско ввергнул в ров междоусобия, вражды, несогласия, разномыслия, уныния и отчаяния. О чем я безпрестанно сожалея духом сокрушался, а сердцем соболезнавал. И не щадя своего слабого здоровья, будучи в столичном граде в С.-Петербурге пред Монаршим тронем во всеподданнейшем моем донесении закрывая тот грех, с желанием войску благоденствия объяснил разные причины; и ходатайствуя войску за показанный бунт прощения по долгу моему предстательствовал ему того о чем отправленного мною в войсковое правительство копию из донесения уже войско уведомлено; а уведомил я для того, чтоб благомыслящее общество, которое о сем несчастном случае соучаствуя моему соболезнанию желает мира, тишины и общего благоденственного покоя хотя мало обрадовалось; и воздало Богу жертвы в теплых своих молитвах о ниспослании свыше на сие войско своей благодати в помощь известному моему предприятию о общем благе! да и сократившиеся с истинного пути, разженные сатанинскою яростью казаки, обратились

бы на благопристойный путь к единодушному согласию и благомысленному всего войска повиновению своему начальству, дабы таковым обращением и сердечным раскаянием о содеянном согрешении возмогло войско постыдить злобно-го духа сатану и далече его от себя прогнать; и с Божиею помощью, ревностью и усердием к службе, хорошим поведением, дружественным и любовным союзом и паки своего Всеавгустейшего Монарха Высочайшую милость к себе обр-атить. Но видно я потом обманулся, как меня начальство уведомило, что по прочтении копии моего донесения войс-ку, хотя некоторая часть войска и изъявила свое наружное удовольствие, однако многие казаки и некоторые старши-ны, затвердев в своей закоснелости, пребывая в прежней буй-ности, сочли оное за несправедливое, с насмешкою явно на-ругались, и не отставая от богопротивного и всему общему вредного заговора, своим куренным атаманам в нарядах на службу не повиновались; укоряя их с досаждением присяж-ными панам, усиливались часто переменять другими, един-ственно чрез то, что сии на верность службы законно приве-дены к присяге, а к тому, вымысливши какие-то доносы, зат-руднили здешнюю военного суда комиссию, только в один порок и бесчестие всему войску. Чего-ж было тут ожидать, и какого добра надеяться? Я созидаю общее благоденствие, а вы раззоряете сами себя и общий покой. Я ходатайствую все-му войску за бунт прощение, а вы и по сие время пребываете в своей грубости, против благоначинания бунтуете. Я в сто-лице, своими всеподданнейшими донесениями о войске, Всеавгустейшего Монарха умоливаю; а вы тут непрес-танными своими волнениями и противностью начальству Его раздражаете. Я о-сем несчастном случае соболезнаю серд-цем; о восстановлении в войске мира, тишины и общего по-коя, беспрестанно имел попечение, а вы о том торжествуя всячески стараетесь развращать благомыслящих сердца и привлечь к своему буянству на разорение не только покоя, но и всего войска. Я хочу войско, с Божиею помощью, хоро-шим порядком и добрыми делами восстановить и просла-

вить, а вы, будучи научаемы злобным духом, сатаню, усиливаетесь своими беспутными затеями более обесславить и имя его истребить. Я вас всех воскрешаю, а вы меня умерщвляетесь. Видите, какая разница между вами и мною! Чему-ж было тут должно быть, или какого добра ожидать? Хотя-ж и следовало мне кому надлежит о том представить, но я не почему другому, но, по единому человеколюбию своему, причитая все оное невежеству, в ожидании вашего покаяния пребывая незлобивым и прошу от великого Государя Императора всему войску великие и богатые милости; о которой вы уже известны, но покудова по тому воссияет на нас Божая и Монаршая милость, посмотрите на примерные войска Донское и Уральское, которые, со дня восшествия Его Императорского Величества на всероссийский престол, премного Его Высочайших милостей удостоились и ныне оными изобильно наслаждаются. А сие войско и поныне не только того лишается, но и навлекло на себя, сверх службы, многие отягощения такие, которые принадлежат только казенным поселянам и помещичьим крестьянам, т.е. продовольствием полковых лошадей; вспоможением 16-му Егерскому полку на разные полковые надобности деньгами, доставлением ему дров и, за неимением оных, камыша с великою трудностью, и получением отъезжающими из войска по необходимым надобностям с ростовского суда покормежных; отчего все прочие таковые же войска свободны. Вот до какой крайности вами войско уже доведено! Сколько оно прежде славилось, столько ныне себя опорочило, и сколько было уважаемо, столько ныне терпит от всех поругание и угнетение, почти наравне с не военнотружущими обывателями и даже самими крестьянами, касательно покормежных. Сие-ж последовало не от чего другого, а единственно чрез напрасное сопротивление власти от Бога и Монарха устроенное, ибо я, зная совершенно колико, за жизни покойных начальников, войско претерпело угнетения и раззорения разными образы, по умертвии оных, для облегчения войска напрягаясь с желанием доставить ему справедливое удовлетворение, все

бывшие угнетения переменил в пользу войска, а именно: переселение казаков с места на место приостановил, разделение земель и лесов уничтожил, рубить порядком лес каждому позволил; казаков употреблять в партикулярные работы запретил, винной откуп упразднил и дал свободу кому угодно промышлять вином и состоящих на пограничной службе казаков вымениваемым у закубанцев за соль хлебом и покупаемым за войсковые деньги, приказал продовольствовать и уже всем тем изобильно войско пользуется, что прежде не было. Да и по бытности моей в столичном граде С.-Петербурга, желая войску благоденствия и существования, при его правах утверждением о бывшем ему угнетении и от того изнеможении его сил мною, как выше прописано, и Его Императорскому Величеству в подробности во всеподданнейшем моем донесении изъяснено для того, чтобы сей премудрый Монарх, узнавши колико сие войско претерпело угнетения и разорения за содеянное войскам противу власти сопротивление, облегчил его от праведного своего Монаршего взыскания и не обратил бы по прежнему в казенные поселяне. Его-ж Императорского Высочества Наследника Государя Цесаревича и Великого Князя Александра Павловича, председательствующего в Государственной военной коллегии, также просил о освобождении сего войска от известных полковых тягостей и уездных покормежных, о принятии его под защиту Государственной военной коллегии примерно войску Донскому, и о позволении войску давать пашпорты от войскового начальства, о чем из приложенной при сем моего донесения копии подробно услышать можете. По каковым моим донесениям Его Императорское Высочество, Наследник Государь, в пользу войска все просимое сделать обещался; а Его Императорское Величество, Всеавгустейший Монарх, Всемилостивейший Государь Император Павел Петрович, Самодержец Всероссийский, яко чадолюбивый Отец ожидая от сего войска покаяния, в знак своего Монаршего к войску Черноморскому благоволения, Всемилостивейше соизволил повелеть бывшего войска Запорожского

войсковой церкви ризницу для сего войска и за поворованный у войска же черкесами скот с 1792 по 1797 год, полученные от Порты Оттоманской 11,027 рублей 86 копеек деньги, на удовольствие обиженных мне отдать, и Высочайше пожаловать меня генерал-майором и отправить в сие войско к моей должности, с тем, чтоб я, по прибытии моем сюда, в каком порядке найду войско, Его Императорскому Величеству сделал донесение, да и впредь, командуя войском обо всем касающемся к пользе отечества и пользы сего войска доносил бы прямо Его Императорскому Величеству, в ожидании на донесения мои Всемилостивейшей резолюции. Я исполняя Высочайшую Его Императорского Величества волю, получа отысканную часть церковной ризницы Запорожской и оные деньги, прибывши в город Екатеринодар, ризницу отдал в войсковую церковь, а деньги, до времени, хранятся у меня, и для получения оных о явке ко мне обиженных будет дано знать. На поднесенные-ж мною Его Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству всеподданнейшие мои донесения, без сомнения ожидаете Всемилостивейшие в пользу войска резолюции, а сей час за толика Его Императорского Величества войску Черноморскому Монаршее благоволение и Высочайшую милость, с которою вас поздравляю, благодарить Бога и о многолетном Его Императорского Величества и всей Высочайшей Его Фамелии здравии, воздайте Богове теплые свои молитвы с коленопреклонением. При чем молитесь Богу о ниспослании свыше на все Черноморское войско великие и богатые милости; а при первом моем вступлении в командование Высочайшие вверенным мне сим войском в пользу Отечества и всему войску в заведении мною в войске хорошего порядка и благоустройства, просите со мною Божией помощи, пребывайте верными своему Государю и поставленным от него начальникам послушными, так как вы уже и присягу учинили; а я буду иметь неусыпное попечение о доставлении всем вам справедливости в удовлетворение каждого. Да исчезнет от сего войска мрак невежества, междуусобия, вражды и горе-

стного сетования! и постыдится сатанинской дух, бывший при возмущении войска инструментом! и воссияет тут Божья благодать и Монаршая милость к благоденственному каждого житию, предстательством моим у Монаршего трона! Для заведения-ж с нового года должного порядка, для всего войска полезного, все господа старшины и казаки соберитесь к своим куреням или в куренные селения и изберите из себя в куренные атаманы самых достойнейших людей из старшин и знаменитых казаков, таковых, кои разумеют страх Божий, службу и хозяйственное распоряжение, с каковыми бы я возмог в войске устроить совершенный порядок, оградить Высочайше вверенную войску границу и утвердить ее непоколебимо противу всякого врага и супостата и тем, загладив войсковой порок, показать войска пред Монаршим тронем достойным Его Императорского Величества Высочайшего внимания и Всемиловитейшего благоволения».

Послание это атаман Котляревский передал войсковому протоиерею Порохне для прочтения во всех церквях и часовнях войска с коленапреклонением и молебствием о здравии Государя Императора и всей Царской фамилии.

В 1799 году Котляревский возобновил энергическую переписку с анапским комендантом Осман-пашою о беспорядках, производимых на черноморской кордонной линии подвластными Порте закубанскими народами. Паша оправдывался и жаловался, со своей стороны, на черноморцев, нападавших будто бы на черкесов и отнимавших у них имущество. Обменявшись несколькими письмами, не имевшими никакого результата, Котляревский 15 февраля писал, между прочим, паше:

«И так, приятель мой, знаменитый Осман-паша, объяснив вам сие дело в самой его тонкости, предаю все вышеизображенные черкес злодеяния правосудию вашему, яко прозорливому начальству, с тем, что вы по кратчайшем к делу вниманию и сами предувидеть можете: колико каждого собственность, трудолюбием приобретенная, есть чувствительна и особливо остающимся после убитых и захваченных черкеса-

ми в плен казаков, а их женам и родственникам на всю жизнь сожаления и горести, коих гласом к вам, знаменитый паша, отзываясь, покорнейше прошу силою данной вам от Его Султанского Величества над закубанскими народами власти, подобные неприятельские от черкес на войско Черноморское нападения и грабительства строжайше запретить, как и похищенных у казаков рогатый скот и лошадей повелеть возвратить, а за убитых казаков родственникам доставить справедливое удовольствие».

После подобных настаиваний и угроз разрывом дружественных сношений на границе Котляревский добился, что черкесы перестали делать хищнические набеги, и на границе водворилось давно желанное спокойствие, исключая, впрочем, воровства, без которого горцы никогда не обходились.

Анапский паша много способствовал умиротворению пограничных дел на Кубани. Он посылал доверенных от себя лиц к горским народам, узнавал их намерения, и едва замечал преступные замыслы черкесов против черноморцев, спешил уничтожать зло в самом его зародыше отчасти мирным путем, отчасти силою оружия, или же заблаговременно извещал пограничных наших начальников о принятии на известных пунктах кордонной линии воинской осторожности. И Котляревский старался не давать повода паше и горцам жаловаться на черноморцев; в особенности после получения от Императора 4 апреля рескрипта — не делать на черкесов нападений без особого Высочайшего повеления. Затем, со стороны нашей, никаких неприязненных действий против закубанцев не предпринималось.

Давно уже царствовали за Кубанью вражда и несогласие между горскими племенами и отдельно между владельцами. Главным предметом раздоров служили отношения их к русским. Были между горцами личности, которые по своему мирному расположению, но более из-за материальных интересов сохраняли преданность к русским. Таких людей было мало, и на них смотрели прочие горцы, как на своих врагов; теснимые со

всех сторон, они волею и неволею должны были искать убежища в пределах России. Один из подобных владельцев, султан Шеретлу-Оглы, отправился, с Высочайшего соизволения, в 1798 году в Петербург, просить о принятии его в подданство России, с подвластным ему народом, и о дозволении поселиться в земле войска Черноморского. Император Павел изъявил согласие и поручил своего нового подданного особенной благосклонности атамана Котляревского, который отозвался, что не только не встретится никакого препятствия на принятие султана Али в среду черноморцев, напротив, казаки охотно примут его к себе в сотоварищество. В поданном же действительному статскому советнику Лашкареву мнению Котляревский предполагал поселить закубанских выходцев на земле к Манычу и Егорлыку, подчинив их во всем Черноморскому войску.

Представление Котляревского не имело успеха. Император Павел, снисходя на просьбу султана Али, в рескриптах 17 и 29 ноября 1798 года новороссийскому губернатору графу Каховскому повелел принять Али, с его семейством и подданными в покровительство и подданство России и, по его желанию и указанию, отвести в незаселенных местах Черномории нужное пространство земли с угодыями, для жительства его и всех тех, которые с ним из-за Кубани переселиться пожелают.

Перешедшие к нам шапсуги были поселены на избранном ими месте от Копыла по казачьему ерику, за 60 верст, при р. Ангели (Ангелинский ерик).

Султан Шеретлу-Оглы прибыл из Петербурга в Екатеринодар в начале 1799 года и тогда же явился к возвратившемуся в войско Котляревскому. Тимофей Терентьевич принял султана ласково, познакомил с обществом, и для переправы его, с подданными азиятцами, на нашу сторону, вблизи Воронежского кордона, командировал поручика Харченка с командою казаков, при одном орудии. Под этим прикрытием султан Али перешел на правый берег Кубани, переведя с собой до ста душ шапсугов.

Котляревский, зная исконную страсть закубанских народов к хищничеству и вероломству, не верил в неизменную преданность нового подданного русского Государя; но, исполняя желание султана и волю Императора, полагал дать под поселение шапсугских выходцев землю на общем праве с войсковыми жителями, далее от р. Кубани к Азовскому морю или к р. Ее, и тем отклонить горцев от частных сношений на Кубанской границе со своими родичами, жившими хищничеством.

Соображения свои атаман Котляревский представлял графу Каховскому; но последний, имея в виду данные ему Государем повеления поселить закубанских выходцев на избранном по желанию их месте, не считал себя в праве изменить Высочайшую волю. Султан Али поселился, как сказано, при р. Ангели, верст за 60 от Кубани. Котляревский распорядился дать поселенцам все пособия к домашнему их обзаведению; предоставленные же им выгоды свободной ловли рыбы и хлебопашества обеспечивали их безбедным продовольствием.

Примеру султана Али последовали и другие выходцы из-за Кубани.

В 1796 году бжедухский князь Батыр-Гирей был за преданность России убит абазинцами. Когда власть его перешла к его брату, князю Явбук-Гирею, абазинское племя, питая непримиримую к нему вражду, за дружественные сношения с русскими начало его теснить и разорять подвластное ему племя бжедухов. Это побудило Явбук-Гирея искать у русских убежища от гонения врагов: 7 марта 1799 года он прибыл в Екатеринодар к войсковому атаману Котляревскому, для переговоров о принятии его, с подвластным ему народом, в подданство России. Явбук-бей, как его обыкновенно называли, объявил атаману, что если русское правительство не позволит ему переправиться из-за Кубани, то он, в своем отчаянном положении, переправится на землю Черноморского войска, несмотря ни на какие запрещения, даже если бы было употреблено против него и самое оружие. «Буде суждено, — говорил Явбук, — погибнуть мне с моим народом, то лучше пасть, не защищаясь, от оружия русских, чем от злодеев-абазинцев».

Император Павел согласился принять в подданство России этого князя, вместе с родственником его, Селимет-Гиреем, и подданными их в числе 1493 душ, и водворить их для совместного жительства с султаном Али-Шеретлу-Оглы. 15 мая, бжедухи были уже на нашей стороне и на верноподданство русскому Императору принесли присягу.

В это же время султан Шеретлу-Оглы заявил войсковому атаману, что избранная им безлесная местность неудобна для поселения закубанских выходцев, по крайней их бедности, и что он желает поселиться близ Кубани, где имеются леса, хотя на первый раз, покуда черкесы приобькнут к жизни с русскими. Али представлял, что удовлетворением этой просьбы можно расположить умы и прочих закубанцев в пользу России. Генерал-майор Котляревский, имея в виду Высочайшую волю селить вышедших из-за Кубани черкесов в местностях, избранных по собственному их желанию, не мог отказать в просьбе султана, но вместе с тем донес обо всем Императору. Рескриптом, от 27 июля 1799 года дано было разрешение водворить султана Али с его подданными над Кубанью при лесных черноморских селениях, позволено переходить, для поселения, на нашу сторону Кубани и прочим закубанским владельцам, искавшим подданства России¹.

Не успели закубанские выходцы-черкесы обжиться на нашей земле, как анапский Осман-паша возбудил переписку с войсковым атаманом, спрашивая: по какому случаю переселены на русскую землю закубанцы, в противность трактатов между Россией и Турцией, в силу которых горцы считались подвластными Порте Оттоманской. Паша прямо требовал возврата черкесов на закубанскую сторону, просил разъяснения по этому делу у графа Каховского и донес Высокой Порте.

Напрасно анапский паша поднял тревогу о закубанских выходцах: правильно устроенная жизнь и без этого не понрави-

---

¹ Султан Али не перешел к Кубани, а остался на прежнем месте, где с последующими выходцами образовался так называемый *Гривенский черкесский аул*.

лась Явбук-бею. Дикая природа родного края манила его в вековые леса и в недоступные ущелья гор Кавказа; тоска по родине не давала ему покоя. Не занимаясь хозяйством, он довольствовался провиантом, который давали сострадательные черноморцы ему и его подвластным, находившимся в крайней нищете.

Но за все попечения начальства и за казачью хлеб-соль коварные азиатцы заплатили изменой: в ночь на 30 сентября Явбук-бей, взяв с собою 102 черкесов, пробрался с ними лесистыми местами к Кубани, и пользуясь темнотою, успел переправиться на закубанскую сторону. Хитрый изменник, боясь мести горцев за переход к русским и не желая испытать на себе гнев анапского пашы и познакомиться с турецкою петлею, не поколебался оклеветать тех, кто окружал его отеческими заботами и кормил своим хлебом. Прибыв в Анапу, он объявил паше, что черноморские казаки, переправившись за Кубань с артиллериею, насильно переселили его на свою землю, просил у него защиты и ходатайства о возврате на закубанскую сторону и остальных бжедухов.

Паша, поверив обману беглеца, усиленно требовал переселения на левый берег Кубани остальных черкесов, перешедших в Черноморию с Явбук-беем. В одном письме к атаману Котляревскому Осман-паша, требуя их возврата, объяснил, что насильственным поступком черноморцев над Явбук-беем горские племена озлоблены и просят его защиты от русских; в противном случае угрожают разделаться с нашими казаками сами. Войсковой атаман, отвечая правдою, как было, опровергнул клевету изменника двух государств и высказал паше, что Явбук-бей, добиваясь усиленной просьбой подданства России, добровольно перешел на нашу сторону от притеснений абазинцев, что русское правительство из сострадания дало ему убежище в своих владениях, и, сверх того, еще продовольствовало от казаков как владельца, так и подвластный ему нищий народ. Во всем этом, прибавлял Котляревский, паша, если желает, может удостовериться, и, вместо неосновательных претензий, ему скорее следовало бы обратить внимание, в силу существующих трактатов, на хищничества черкесов в пределах

наших. Котляревский просил пашу прислать 3818 руб. за причиненные в тот год черкесами убытки Черноморскому войску, о которых паша хорошо знал. Требование атамана не было удовлетворено.

Донося о таких событиях на Кубанской границе, генерал майор Котляревский, между прочим, писал, что он не мог убеиться от обмана коварного Явбук-бея, и просил прощения у Государя за оплошность свою и кордонной стражи, пропустивших изменников за Кубань. Вместе с тем он испрашивал разрешения селить на будущее время закубанских выходцев на черноморской земле верст за 60 от Кубани, где нельзя ожидать со стороны горских выходцев обмана. На это представление Император Павел, в рескрипте Котляревскому от 3 ноября 1799 года, изъяснил, что «за уход бжедужского народа Бея Явбука Его Величество никакого неудовольствия не имеет, будучи уверенным, что со стороны его, Котляревскаго, никакого упущения не было, а произошло от того, что Явбук-бей поселен был на самом берегу Кубани, чрез что легко ему было перебраться на ту сторону». Для отвращения впредь подобного повелевалось: «поселят желающих перейти на нашу сторону в подданство, согласно с представлением Котляревскаго, не ближе 60 верст от Кубани. Оставшимся же у нас подданным Явбук-бея, которые пожелают с ним соединиться, не делать никакого препятствия».

Не долго заставил себя ждать «новым гостем» коварный Явбук-Гирей: собрав до 6000 своих единомышленников, он, 8 января 1800 года нагрянул к Кубаци, и, несмотря на сопротивление кордонной стражи, пользуясь своим многолюдством, переправился по льду на правый берег реки за остальными бжедухами и увел их с собою за Кубань.

Так окончилось подданство бжедухов. Кроме забот со стороны войска Черноморского при переселении этих азиатцев из-за Кубани и тех затраченных безвозвратно средств, которые доставлялись черноморцами для упрочения их домашнего быта, войско употребило чистого капитала для покупки черкесам продовольствия 7473 руб. 75 коп. И не одни материальные жертвы были принесены добродушными черноморцами: печаль-

ное событие стоило жизни и свободы верных долгу службы казаков — из них, при последней переправе Явбук-бея на нашу сторону, черкесы убили одного офицера и девять казаков, ранили одного офицера и шесть казаков, захватили в плен двух казаков.

По доведении об этом до сведения Государя, Император Павел Петрович 6 февраля 1800 года дал войсковому атаману Бурсаку (преемнику Котляревского) следующий рескрипт: «Имеv уже много примеров, что переходящие народы с той стороны Кубани на нашу, делают сие в том только намерении, чтобы опять возвратиться к себе, как только переменятся обстоятельства, которые заставили их к нам перейти, то, в отвращение сего их обману и в избережение вверенному вам войску напрасных издержек на их прокормление, повелеваю вам: отказывать им, когда будут предлагать перейти поселиться на нашу сторону, войдя к нам в подданство». На этом же рескрипте добавлено Царскою рукою: *«и впредь не впускать»*.

IV

(1800—1808)

Черноморский атаман Бурсак. — Военные действия за Кубанью. — Разбитие Явбук-бея. — Переговоры с абадзехами. — Царские награды Черноморскому войску. — Разбитие горцами черноморского байдака. — Экспедиция за Кубань. — Храбрая казачка. — Покорность натухайцев. — Награды черноморцам. — Экспедиция в землю шапсугов. — Тревожные слухи из-за Кубани. — Поход против турок. — Турецкие запорожцы. — Закубанские дела

Генерал-майор Котляревский, по преклонности лет и болезненному состоянию, просил увольнения от должности атамана Черноморского казачьего войска. Император, уволив его рескриптом 15 ноября 1799 года, предоставил ему самому выб-

рать себе преемника. Выбор Котляревского пал на подполковника Бурсака, который и был утвержден в звании атамана Высочайшим рескриптом 22 декабря 1799 года.

Вступив в управление войском, Бурсак обратил главное внимание на состояние Черноморской кордонной линии. Не надеясь на мирное соседство закубанцев, он сформировал для усиления линии особый пятисотенный полк, оставив его в своем непосредственном распоряжении.

Вскоре сборища за Кубанью абазинцев, с намерением напасть на наши пределы, встревожили всю кордонную линию; даже анапский паша предупредил о принятии мер осторожности со стороны кордонной стражи. 21 марта около 5000 черкесов, переправясь чрез Кубань, по льду, напали на Копыльский кордон и на тамошние поселения. Жители, соединясь с кордонными казаками, заперлись в старой Копыльской крепости и мужественно отразили неприятелей. Но в то же самое время другая толпа, переправившись ниже Копыла за две версты, захватила на отводных пикетах казаков, из которых двух убила, а четырех взяла в плен.

Преемник графа Каховского, генерал от кавалерии Михельсон, не видя конца черкесским набегам, вошел в сношение с анапским пашою и велел атаману Бурсаку послать в Анапу опытного чиновника для ведения переговоров. Назначенный для этого полковой есаул Гаджанов, явившись 12 апреля к Осман-паше, вручил ему депеши от Михельсона. В тот же день паша послал своего чиновника для сбора черкесских князей в Анапу, а Гаджанову советовал объявить горским представителям, когда они приедут, что генерал Михельсон в последний раз предлагает им прекратить неприязненные действия против Черномории, возвратить наших пленных и заграбленное имущество; в противном случае они будут жестоко наказаны нашими войсками.

15 апреля это и было объявлено собравшимся в Анапе горским князьям. На другой день они попросили у паши отсрочки до 28 апреля, ссылаясь на то, что будут отыскивать заграбленное у черноморцев имущество и пригласят еще и других князей для переговоров; но по вторичном приезде в Анапу объя-

вили, что вступят в окончательные переговоры с черноморцами тогда, когда соберут разные вещи казаков, находившиеся у черкесов.

Видя явную уклончивость горских старшин, паша командировал 30 апреля своего Кигя-бея, с тремя помощниками, и Гаджановым в горы, для отобрания уведенного скота, забранного имущества и пленных казаков. 1 марта Кигя-бей прибыл в селение Балкепсип. Черкесы отвечали, что так как русские войска собраны в Курках и намерены двинуться в закубанские пределы, то, по случаю происходивших мирных переговоров, необходимо приостановить движение русских. Платя за хитрость хитростью, Кигя-бей послал своего чиновника и Гаджанова к Варениковской пристани под предлогом остановить предприятие русских против горцев, а на самом деле поручил Гаджанову сообщить начальнику пристани, чтобы во многих местах на границе со стороны нашей были выставлены войска, готовые по первому знаку вторгнуться в закубанские пределы. Сам Кигя-бей, с черкесскими князьями и абазинцами, имел 6-го числа того же месяца переговоры с начальником третьей части Черноморской кордонной линии поручиком Легою, вследствие чего была возвращена часть нашего скота из-за Кубани и выражено обещание возвратить и остальное имущество черноморцев. Паша тоже дал слово употребить свое влияние относительно волновавшихся абазинцев. Но не все обещанное было выполнено. Даже Кигя-бей закончил свои действия тем только, что привел абазинцев к присяге на сохранение мира с русскими, что, однако, не мешало черкесам, подстрекаемым главным бунтовщиком в горах, заклятым врагом русских изменником Явбук-беем, продолжать свои набеги на землю Черноморского войска.

Казаки отражали хищников на границе; но наказывать их в самых местах жительства, за Кубанью, не смели, чтобы не нарушить существовавших с Оттоманской Портой договоров, в силу которых турки обязывались сами удерживать черкесов от вторжений в наши пределы. Между тем анапский паша или

хитрил, бездействовал, или просто не мог принудить горцев поинноваться турецкой власти.

При таких обстоятельствах «атаман Бурсак просил разрешения сделать экспедицию за Кубань для наказания коварных соседей в самых жилищах их». На представление это 17 апреля 1800 года последовал Высочайший рескрипт следующего содержания:

«Господин подполковник Бурсак! По случаю покушений, делаемых черкесами и абазинцами на селения вверенного вам Черноморского войска, дал я повеление генералу-от-кавалерии Михельсону 1-му откомандировать находившиеся в его ведении егерские полки Драшкевича и Лейхнера с орудиями, препоруча оные генерал-майору Драшкевичу, для учинения оным горским народам репрессалий, в наказание их дерзости; а по окончании сей экспедиции предписал, чтобы вышеупомянутые егерские полки для безопасности впредь войска, вам вверенного, расположились по Кубанской границе, правым флангом от Тамани до Усть-Лабинской крепости, содержа по всей оной дистанции кордон в перемене с черноморскими казаками и занять детаашаментами селения: Курки, Копыл, г. Екатеринодар, Петровский ретраншамент, Воронежский редут, и все сие будет в особом мнении генерала-от-кавалерии Михельсона 1-го. О чем для сведения вашего вас уведомляю. Пребываю вам благосклонный Павел I-й».

С этого времени начинается кровавая борьба черноморцев с черкесскими племенами на берегах Кубани и в горах Кавказа. Это был ряд обоюдных набегов: горцы вторгались для добычи, черноморцы наказывали их за то за Кубанью в собственных их аулах.

Генерал-от-кавалерии Михельсон немедленно распорядился послать войска в экспедицию за Кубань. Для этого были назначены находившиеся в Черномории 14-й и 15-й Егерские полки и собрано более 2000 черноморских казаков, с войсковым атаманом Бурсаком. Войска наши двинулись за Кубань тремя отрядами: Драшкевич отправился с своим полком

егерей, Бурсак с полками черноморцев, а черноморский подполковник Еремеев с одним полком и с полком егерей Лейхнера.

Бурсак, переправившись 2 июня со своим отрядом за Кубань, при Екатериновском poste, двинулся для преследования показавшихся партий черкесов. Не далек от Кубани казаки захватили нескольких всадников, рекогносцировавших наш отряд. Черкесы оборонялись отчаянно и некоторых из своих товарищей оставили на месте убитыми; с нашей стороны было ранено два человека. Достигнув черкесских аулов Арслан-Гирея и брата его Девлет-Гирея, верст за двадцать от Кубани, Бурсак встретил более 300 горцев и завязал с ними жаркую перестрелку. Горцы упорно защищали свои жилища, но принуждены были уступить стремительному напору казаков, вытеснивших их из аулов. Черноморцы нашли здесь рогатого скота 1211 голов, до 4000 овец и несколько лошадей, и захватили в плен восемь горцев.

На другой день горцы, собравшись в числе до 500 человек, старались заманить казаков в лес; но Бурсак не поддался на эту хитрость, а прогнав в горы Арслан-Гирея и пройдя с отрядом еще верст тридцать пять от Кубани, воротился на пограничный рубеж, 4-го числа, с богатою добычею.

Подполковник Еремеев, переправившись со вторым отрядом за Кубань при Марьянском poste, доходил до трех черкесских аулов, но не застав там никого из жителей, захватил более 1000 голов баранты и воротился на свою сторону¹.

Император в Высочайшем указе, данном 4 июля генералу Михельсону, объявляя Монаршее благоволение войскам, участвовавшим в закубанской экспедиции, повелел добычу разделить между казаками и другими войсками. На долю черноморцев досталось рогатого скота 660 голов и овец 2684 штуки.

---

¹ О третьем отряде Драшкевича сведений нет.

Чтобы отомстить за свои неудачи, горцы выжидали только удобного случая ворваться в наши пределы. 4 июля они, узнав, что черноморцы производят рубку леса в так называемом Головатого куте, близ Кубани, напали, под предводительством Явбук-бея, партией сот в пять человек на безоружных рабочих, но успели захватить только пять человек, и боясь преследований кордонной стражи, поспешили убраться за Кубань. Начальник первой части пограничного караула, капитан Кобиняк, с двумястами казаков погнался по следам их, настиг горцев у селения султана Магмет-Паки и, несмотря на численное их превосходство, смело вступил в бой и с первого же удара отбил пленных черноморцев. Тогда черкесы, увлекаемые примером отважного Явбук-бея, яростно бросились на слабый отряд Кобиняка, но неустрашимый Кобиняк, поддерживаемый одним 3-фунтовым орудием, дружно ударил с казаками, смял нестройные толпы черкесов и едва не захватил в плен самого Явбук-бея, под которым убил лошадь. В этом деле неприятель потерял много убитых и раненых, особенно от картечных выстрелов нашего орудия; у нас же было ранено только два казака.

Не довольствуясь разбитием партии Явбук-бея, Кобиняк бросился на аул его единомышленника, султана Магмет-Паки, и так как жители этого аула разбежались в горы, то удалый Кобиняк захватил 500 голов рогатого скота, трех лошадей, до 2000 овец и много разного имущества. Но казаки не могли воспользоваться этою богатою добычею: они должны были переправиться чрез разлившуюся Кубань, вплавь, на своих привычных к тому лошадях, и в виду собиравшихся со всех сторон горцев благополучно удалились на свою сторону.

Все эти враждебные столкновения с горцами не помешали, однако, вести переговоры в Анапе о сохранении мира на границе. Тревоги за Кубанью черкесы относили к проделкам перешедшего к нам султана Али-Шеретлу-Оглы, который будто бы извещал их, что черноморская граница бедна войском и не может защищаться. Теперь черкесы клялись на

коране: на будущее время отказаться от вторжений в наши пределы.

Между тем Кигья-бей и Гаджанов перешли во владения шапсугов. Племя это также готово было дать присягу, и уже собрана была часть скота и прочего имущества, для возвращения черноморцам. Но турецкий поверенный потребовал возвращения и хатукайцам забранного у них казаками скота в прежние экспедиции. Эти новые условия расстроили общий план мирных соглашений за Кубанью. Кигья-бей, вероятно, не предвидя успеха в своих делах, уехал под предлогом болезни в Анапу; назначенный же на место его чиновник, Гаджи-Магмет-Муррадин-бей, хотя и действовал с преемником Гаджанова, подпоручиком Лозинским, но не подвинул ни на шаг вперед мирных соглашений.

Переписка войскового атамана с анапским пашою о вознаграждении казаков за убытки также не привела ни к чему, и генерал Михельсон 16 сентября предписал Бурсаку, прекратить переговоры с черкесами, вызвать из-за Кубани нашего офицера.

Возвратившийся 22 октября подпоручик Лозинский донес атаману, что Муррадин-бей скрывал наших пленных и под разными предложениями препятствовал выдаче их.

В 1801 году открытых военных действий с черкесами не было; но этот год был памятен черноморцам в другом отношении. Император Павел I пожаловал черноморцам 16 февраля 1801 года Высочайшую грамоту, знамя и четырнадцать прапоров (малых знамен) с приборами¹. Царские награды были присланы с черноморским капитаном Животовским.

Для принесения Богу благодарения за новые дарованные милости войску, к 5 апреля были собраны в Екатеринодар с пограничной стражи и со всего войска: чиновники, куренные атаманы и от каждого куреня по пятидесяти человек исправных и доброго поведения конных казаков, и «войсковому кругу» объявлена Царская грамота, а знамя и прапоры были освящены.

Назначенный для присутствия во вновь организованной, вместо войскового правительства, войсковой канцелярии генерал-лейтенант Кираев, желая навсегда оставить в памяти черноморцев время подтверждения Императором Павлом Петровичем войсковых прав и привилегий, сделал чрез войсковую канцелярию распоряжение, чтобы куренные атаманы избрали, каждый в своем курене, по одной паре честного поведения казака и девицу, преимущественно из бедных и сирот, для обвенчания по обоюдному согласию. Каждой такой паре выдавалось из войсковых сумм по 100 руб. вознаграждения.

Император Александр I вступил на престол Российской Империи, и войско Черноморское дало присягу Его Императорскому Величеству на верность службы.

1802 год открылся печальным для Черноморского войска случаем. 28 февраля состоявший при войсковой артиллерии хорунжий Венгер, нагрузив на Бугазской пристани на байдак 200 пудов пороха и 200 пудов свинца из войсковых запасов, отправился вверх по Кубани для доставки этого груза в Екатеринодар. На том месте, где разделялась Кубань и Каракубань, судно должно было остановиться, так как Кубань была мелководна, а Каракубань, не представлявшая этого неудобства, протекала в черкесских пределах. Хорунжий Венгер, не желая иметь остановки, избрал последний путь; но 4 марта он был атакован, с обеих сторон реки, сильными партиями горцев. Скрывавшиеся в плавнях черкесы встретили байдак ружейным огнем, сначала с одной стороны. Начальник судна, прапорщик Жвачка, дал направление транспорту к другому берегу и вместе с тем выстрелил по неприятелю из 3-фунтовой пушки. Глубокий противоположный край Каракубани позволил байдаку плыть около самого берега, и здесь-то случилась беда. Едва байдак проплыл несколько сажень, как выскочившие из камышей горцы, дав залп по транспорту, с пронзительным гиком бросились в воду и достигли судна. Первой жертвой казацкой отваги пали оба офицера, Жвачка и Венгер; за ними два канонира и девять казаков; остальная команда была тяжело переранена.

Овладев байдаком с порохом, свинцом и пушкой, горцы взяли в плен, из раненых, одного канонира и десять казаков, а двух казаков и канонира, особенно тяжело раненных, и всех убитых бросили на берегу Каракубанского острова.

Тяжелораненые канонир и один казак, собрав последние силы, кое-как добрались до Кубани и сообщили об этом печальном происшествии.

Оказалось, что войсковой байдак был разбит Нартхачского владения князем Калабат-Оглы с родственником его Базешко-Смаилом и бывшими при них черкесами в числе до 300 человек.

Первоприсутствовавший в черноморской войсковой канцелярии генерал Дашков¹, донося о том инспектору крымской инспекции Михельсону, объяснял, что подобные нападения, убийства и грабежи происходят единственно от запрещения черноморцам не только отмщать горцам, преследуя их за Кубань, но даже приближаться к черкесским берегам, под опасением заразной болезни, и чтобы не раздражать черкесов, которые безнаказанно и бесчинствуют на кордонной линии. «Они тогда только сколько-нибудь были сносными соседями, — писал Дашков, — когда за обиды ими черноморцам наносимые, по разрешению Государя Императора, в 1800 году, был сделан горцам репрессаль. После чего черкесы на границе и показываться не смели целый год, а затем вошли по-прежнему в колею разбойнической жизни».

Дашков просил Михельсона исходатайствовать Высочайшее соизволение войску Черноморскому отмщать вооруженною рукою.

Император Александр, рескриптом 10 апреля 1802 года поручил генералу Дашкову потребовать у анапского паши «полной *сатисфакции*» (возвратить взятых в плен людей и строго наказать виновных в вероломстве) и объявить, что если требование останется без удовлетворения, то «учинен будет *репрессаль*».

---

¹ Назначенный на место Караева.

На запрос Дашкова анапский Али-паша ответил, что он в первый раз слышит о разбитии черкесами войскового байдака с артиллерийскими запасами. «Если бы я и знал, — писал паша, — то и в таком случае обнаружив виновного был бы и сам я много виноват».

О таком ответе анапского паши генерал Дашков донес прямо Императору и сообщил Михельсону для приведения в исполнение Высочайшей воли о наказании горцев.

До открытия еще военных действий за Кубанью, атаман Бурсак, 1 мая, сделал в Каракубанском острове поиск; но, встретив топкие болотистые места, принужден был воротиться. Набегавшие на отряд черкесские наездники объясняли, что они над собой ничьей власти не признают и будут бить русских и турок при всяком удобном случае.

Генерал от кавалерии Михельсон, после бесполезной переписки с анапским пашею, приказал командиру 14-го Егерского полка, подполковнику Штетеру, двинуться в неприятельскую землю со своим и с 15-м Егерским полками и с частью войска Черноморского. По распоряжению атамана Бурсака собрано было в экспедицию 336 офицеров, 2275 пеших и 3858 конных казаков. 29 мая с этим отрядом Бурсак переправился за Кубань при Ольгинском кордоне, где соединил свои силы с Егерскими полками.

Черноморским казакам и доступнее были закубанские болота и ближе к сердцу самая цель наказания злодеев. По этому атаман Бурсак, взяв в проводники преданного нам султана шеретлу-Оглы, в ту же ночь, т.е. 29 мая, повел своих удалых черноморцев с егерями к тем местам, где пострадали их товарищи с войсковым байдаком.

Отойдя от переправы верст за двадцать пять, Бурсак оставил егерские полки, артиллерию, с частью пеших и конных казаков¹, а сам с остальными черноморцами двинулся далее по топким местам, где один только казак, с обычной ловкостью кавказца, мог пробираться безнаказанно. Солнечный восход 30 мая встретил Бурсака у первых черкесских се-

---

¹ Оставлено было конных 200 и пеших 1000 человек.

лений князя Буджука, в восьми верстах от Каракубани и от места, где взят войсковой байдак. Скрытно пробравшись к аулам, Бурсак повел конницу на марш-марш, приказав спешить за собой и пехоте. У самых аулов завязалась ружейная пальба. Вскоре на выручку горцев появилась еще партия до 500 человек, и бой закипел. Неприятель дрался с ожесточением и густыми массами прикрывал убиравшихся из аулов за реку Ишиц жителей с имуществом, а наши войска, тесня черкесов, пробивались в аулы.

Черкесы долго не подавались; наконец часть казаков скрытно зашла в тыл, отрезана их от леса, бывшего за рекой, и преградила им переправу за Ишиц. Окружив таким образом со всех сторон аулы, казаки бросились на ура! — и смяли черкесские скопища. Разбитый наголову, неприятель рассеялся по окрестностям.

Это дело стоило черкесам до 200 убитых и до 300 раненых; с нашей же стороны было убито 4 казака, ранены два старшины и 13 казаков.

Немногие успели скрыться из разбитых партий горцев; атакованные со всех сторон, жители аулов и захваченные в бою атаманом Бурсаком черкесы взяты в плен. Всех пленных было 532 души, в том числе и сам князь Буджук с семейством.

В четырех разоренных горских аулах черноморцы забрали рогатого скота 1158, овец 1396 и коз 2432 штуки. Кроме этого, найдено было из разбитого на Каракубани нашего транспорта до 30 пудов пороха, до 40 пудов свинца и часть тележки.

31 мая атаман со своими казаками переправился на правую сторону Кубани¹.

Из добычи часть отдана была Егерским полкам, часть чиновникам, часть поступила в войска участвовавшим в бою. Остальной скот был назначен для продовольствия пленных черкесов.

---

¹ Донесение атамана Бурсака генералу Михельсону в июне 1802 г. № 895 (из дел войсков. архива).

За это молодецкое дело атаман Бурсак произведен в полковники, а сотрудник черноморцев, Шеретлу-Оглы, в подполковники, с награждением медалью «за усердие». Другие также не остались без награды.

Взятых в плен черкесов Государь повелел не отпускать до тех пор, пока не будут возвращены из-за Кубани все наши пленные. Волей-неволей горцы начали собирать русских по своей земле, и вскоре начался размен пленных с обеих сторон. Много, однако, осталось в горах Кавказских русских страдальцев, много и горцев осталось на русской стороне, но они содержались на всем войсковом продовольствии и жили безбедно. Оставшиеся неразменными пленные черкесы разобраны были казаками на свое содержание и в 1809 году окончательно причислены к Черноморскому войску.

Экспедиция не успокоила, однако, кордонную линию: горцы продолжали тревожить ее своими вторжениями.

До 1800 года, кроме обороны от набегов азиатцев и преследования их, открытых военных действий за Кубанью не было. Затем, хотя и предпринимались экспедиции за Кубань, но нужно было всякий раз испрашивать на это Высочайших разрешений.

По возбужденному вопросу об отмене таких отношений наших к горцам последовал 31 декабря 1802 года на имя генерала от кавалерии Михельсона следующий Высочайший рескрипт:

«...Признавая справедливым мнение ваше, что народ необузданный, привыкший к хищничествам и делая из одного единственное свое упражнение, не иначе может быть воздержан и принужден жить в добром соседстве, как страхом наказания за всякое их хищничество, ибо по невежеству своему могут приписать к немогуществу снисхождение им оказываемое из человеколюбия; но также, если позволить нашим делать им репрессалии и входить к ним в пределы, не ограничивая сие позволение, то весьма вероятно, что из сего произойдут злоупотребления, ими делаемые — против их, столько же несправедливы, как они теперь против нас; в предупрежде-

ние сего, и чтобы утвердить спокойствие границы нашей, застава их опасаться делать покушения, предписываю сим: 1) Настрожайше подтвердить всем командующим дистанциями по границе, отнюдь никакой несправедливости соседственным народам не делать, а иметь с ними дружественное обращение и всячески стараться приобрести их доверенность; всякой же противной сему поступок настрожайше наказан будет, за исполнением чего бдительно наблюдать главным командирам, за что и сами отвечать будут. 2) Если, невзирая на сие доброе обращение, соседственные народы будут беспокоить границу нашу, тогда немедленно сделать им для наказания репресаль и преследовать их, если нужда того востребует, в пределы к ним; но не участвующих в учиненном злодеянии не трогать и отнюдь оставлять в покое, и тем доказать им, что наказание единственно на виновных всегда простирается. О всяком таком происшествии и репресали Мне доносить, — обстоятельно означив именно за что оно учинено и под опасением заслуживаемого наказания начальника, который отвечает, чтобы сие не было употреблено во зло. 3) Предоставить командиру тамошнего кордона расположить по границе разьезды к лучшей удобности и безопасности кордону, — уведомля Меня какие против теперешнего сделаны будут перемены».

1803 год горцы начали рядом нападений на пограничную линию. Морозный январь давал возможность хищникам удобно пробираться на нашу сторону по льду. Черкесы жгли казачьи пикеты, кордонное сено, проникали даже в прикубанские селения, захватывали скот и уводили людей.

В ночь на 12 января двенадцать хищников, переправившись чрез Кубань в Чернолесской слободке, напали на дом казака Семена Дзюбы, бывшего в отсутствии, разбили двери, вскочили в хату, схватили жену Дзюбы в одной рубашке и босую потащили за волосы, по снегу, к Кубани. Когда казачка закричала, один горец ударил ее шашкой по боку. Дзюбина жена, собрав последние силы, рванулась, ускользнула из рук своих мучителей, очолевших от сильного холода, и хотя истекала кровью,

но добралась до соседа казака Кравченки. Казак этот, выбежав, выстрелил по горцам, на его выстрел откликнулись выстрелы других проснувшихся казаков, а вслед за ними поднялась тревога на кордонной линии; но черкесы, пользуясь темнотой, скрылись.

19 января многочисленная толпа горцев бросилась на Александровский кордон, окружила его со всех сторон, одолела слабый гарнизон и ворвалась в кордон. Черкесы убили постового начальника, хорунжего Коротняка, и двух казаков; но, поражаемые на каждом шагу меткими выстрелами черноморцев, принуждены были удалиться, успев, однако, захватить в плен жену Коротняка и восемь казаков.

В ту же ночь конные горцы, партией до 3000 человек, напали на Копыльский пост, имея в резерве за Кубанью много пехоты. Казаки и егеря, здесь находившиеся, встретили их пушечными выстрелами и ружейною пальбою. Несколько раз черкесы с ожесточением бросались на кордон, но всегда были отбиваемы с уроном. Подоспевшая на помощь, с Протоцкого поста, команда решила трехчасовой бой: черкесы отступили.

В этом деле Копыл дал по неприятелю 52 пушечных выстрела и 3515 ружейных. Берега Кубани были устланы трупами горцев; разлитая повсюду кровь свидетельствовала о чувствительном поражении хищников.

Главными распорядителями в кордоне были 14-го Егерского полка подполковник Блюдов и ревизор пограничных караулов капитан Ерько¹. Этим храбрым начальникам Копыл был обязан своим спасением.

Отступив от Копыла, черкесы бросились на Протоцкий пост, но подоспевший из Копыла капитан Ерько с командой помог и здесь отразить неприятелей с уроном.

Затем горцы всей массой ввалились на второй пикет от Славянского поста и взяли здесь трех казаков.

16 февраля черкесы собрались до 4000 человек, напали на Петровский пост, но после упорного боя, несмотря на свою

---

¹ Должность пограничных ревизоров была установлена атаманом Бурсаком, для наблюдения за исправностию кордонов.

многочисленность, отступили, потеряв 23 человека убитыми и много ранеными. При отступлении они сожгли находившийся у поста почтовый двор, увели почтовых лошадей, ограбили хутор казачки, которую с семейством взяли в плен, и угнали ее скот. Лишь часть его была отбита у хищников капитаном Мазоном.

Прибрежные камыши и непроходимые кубанские плавни, благоприятствовали набегам горцев, особенно в темные ночи, так что не было никакой возможности уберечься от них. Носились слухи, что черкесы часто дрались под Анапою с турками, вовсе не признавая своей зависимости от блистательной Порты.

В том же году несколько ногайских мурз, с подвластными им татарами, вышли из-за Кубани в Россию. Они должны были следовать в Крым, на Молочные Воды; но, по осеннему времени, остановились близ Ахтанизовского лимана, где обзавелись хозяйством, стали обрабатывать землю и, быв поселены на северо-восточной косе Азовского моря, на верность подданства приведены к присяге в мае 1805 год¹.

Отчасти неоднократные неудачи при набегам на русские пределы, отчасти притеснения от турок поселили несогласия между горскими племенами. Одни требовали решительных действий против русских, другие искали с ними сближения. В числе последних были закубанские владельцы племен натухайского — Магмет-Калабат-Оглы и Темиргоевского Бейджук. Открыв переговоры с атаманом Черноморского войска, владельцы дали присягу не предпринимать неприязненных действий против Черномории; даже обязывались, в черте своих владений, охранять кубанскую границу от нападений враждебных племен и вознаградить казаков за понесенные убытки. Один горский владелец, Алкас, дал слово, со всеми своими подданными, перейти на русскую сторону. За это был щедро награжден: он получил в подарок от Государя саблю с

---

¹ Высоч. рескр. генер. от инф. Розенбергу 24 сентября 1804 г. (из дел войск. архива).

золотым эфесом и ножнами в серебряной оправе, лисью шубу и шапку черкесского образца с золотым галуном и собольею опушкой¹.

Можно было ожидать, что Алкас своим влиянием в горах побудит и других закубанских владельцев признать над собою власть русского Государя и перейти в наши пределы, но ни Алкас не перешел, ни другие мирные владельцы особенной пользы для кубанской границы не сделали. Только одна причина могла побуждать их вступать по временам в дружественные сношения с нашим начальством, именно, чтобы уклоняться от наказания за разбой.

С такими-то соседями провожали черноморцы жизнь свою на кубанской границе, несли тяжелую кордонную службу и стойкой грудью обороняли пограничную линию.

В награду за столь доблестную службу казаков Император Александр пожаловал Черноморскому войску 31 мая 1803 года, *грамоту*, с милостивым словом, и *шесть знамен* для черноморских полков.

3 января 1804 года, при торжественном богослужении и при освящении знамен, войсковой протоиерей Кирил Россинский произнес в Екатеринодарском войсковом соборе речь, глубоко тронувшую слушателей.

Зима 1804 года прошла покойно. Одно только шапсугское племя было раздражено против черноморцев; но враждебные замыслы его предупреждались приятелем нашим Калеобат-Оглы и мерами осторожности на кордонной линии. Шапсуги успели, однако, ночью 27 марта, в дистанции Копыльского поста захватить в плен пятерых разъездных казаков. Но с наступлением глубокой осени они выдумали попытать большого счастья.

16 сентября, собравшись до 2,000 человек, шапсуги бросились на нашу сторону в дистанции Елинского поста. Переправившись в половинном числе чрез Кубань, они направи-

---

¹ Эти подарки Алкасу присланы войсковому атаману при предписании генерала Беклешова, № 556 (из дел войск. архива).

лись к Тимошовской станице. Бывший в то время на кордонной линии войсковой атаман стянул к месту переправы горцев до 300 казаков, вступил в бой, три раза опрокидывал горцев, но, подавляемый превосходными силами, должен был отойти. Между тем, прибыл из Екатеринодара взвод артиллерии и решил дело в нашу пользу. Загудели ядра и картечи, повалились тела шапсугов, обагрились берега Кубани вражеской кровью. Разбитые на голову полчища убрались на свою сторону. По показаниям лазутчиков, горцы потеряли до ста человек убитыми; раненых же гораздо более. У нас был ранен обер-офицер, убиты 4 и ранены 10 казаков.

Чтобы остановить беспрестанные покушения горцев на нашу границу, последовало Высочайшее повеление строго наказать хищников, о чем инспектор крымской инспекции, генерал-от-инфантерии Розенберг, сообщая, 11-го сентября 1804 года, атаману Черноморского войска, предписал приготовиться к походу за Кубань. Для одновременного же действия за Кубанью сообщено было инспектору кавказской инспекции, генералу Глазенапу, которому, по предмету сему, 1-го сентября того года, дан особо Высочайший рескрипт.

Розенберг полагал, что «репресаль» шапсугам послужит уроком и другим горским племенам: все же мирные закубанские владельцы должны были, для доказанья своей преданности России, соединиться за Кубанью с отрядом Бурсака и действовать с нами заодно. Они изъявили согласие; но когда войска собрались и Бурсак объявил им изготовиться к походу, мирные закубанские владельцы отозвались, что русские должны сначала сами наказать шапсугов, а потом уже они, владельцы, будут разорять их, шапсугов, землю.

Делать было нечего: нужно было шадить коварных приятелей, вследствие полученного Розенбергом Высочайшего повеления — «сохранять дружбу с закубанцами, в добром соседстве пребывающими».

Для уяснения отношений мирных горцев к черноморцам атаман Бурсак писал 11 ноября закубанским владель-

цам Шупако, Харзену и Куюзуну, напоминая им договоры и присягу как их самих, так и прочих владельцев быть мирными соседями Черномории. Кроме того, Бурсак требовал захваченных на нашей стороне русских пленных и заграбленного имущества казаков. На это письмо не было получено ответа.

Войсковой атаман сдвинул к Кубани восемь конных и пять пеших черноморских полков, батальон 12-го Егерского полка и шесть орудий войсковой артиллерии, и 30 ноября — 1-го декабря переправился за Кубань. Он направился тремя колоннами по речкам Шебже и Афипсу в землю шапсугского племени. На рассвете 4-го числа Бурсак разделил свой отряд на четыре части и со всех сторон вломился в шапсугские владения. Шапсуги начали рассеиваться по лесам и подаваться в горы; но, встречая везде казаков, стали сбиваться в партии сот по пяти человек. Выходя из леса, они хотя и открывали жестокий ружейный огонь, но не выдерживали натисков нашей кавалерии и спасались бегством в свои леса; однако и там наша пехота не давала им покоя.

Потеряв до 150 человек убитыми и много ранеными, шапсуги начали смыкать свои партии до 1 000 человек; с отчаянием бросались на наши колонны, но, поражаемые артиллерийским и непрерывным ружейным огнем, обращались в бегство.

С рассвета до пяти часов пополудни длился бой на всех пунктах. Горцы, как и всегда, дрались ожесточенно; но, потеряв много убитыми (до 250 человек, как говорили лазутчики), а еще более ранеными, рассеялись по горным трущобам. Казаки, преследуя бежавших, довершили их поражение.

Бурсак разорил пепутные аулы со всякого рода запасами и имуществом, забрал рогатого скота 1300 голов и до 6000 овец; затем стянул весь свой отряд и стал на ночь при р. Шебже.

5 декабря отряд простоял на месте. В этот день Бурсак послал часть войска осматривать местность на р. Обунь, где шапсуги еще не были наказаны. Прибыль в горных речках воды не позволила отряду двигаться далее, и потому атаман, забрав

добычу, пошел обратно к Кубани, чтобы выждать удобного времени вновь двинуться в землю неприятелей.

12 декабря сильный мороз сковал горные речки. Бурсак, воспользовавшись этим случаем, двинулся со своим отрядом к шапсугам за р. Обунь. Вечером этого дня отряд дошел до р. Кочубас и, несмотря на усталость, тотчас же начал переправу. По причине стужи, с большим снегом, и весьма крутых берегов речки войска едва к рассвету перешли Кочубас; к счастью их, леса и камыши, окружавшие место переправы, позволили отряду укрыться от наблюдений неприятеля и отдохнуть здесь целый день. Наутро поднявшаяся вьюга и снег, выпавший на пол-аршина, хотя и затрудняли движение отряда и проводники сбивались с дороги, однако войска шли безостановочно вперед. В восемь часов утра открыты были первые селения шапсугов. Черкесы начали поспешно уходить в леса, а собиравшиеся партии открыли ружейный огонь. Наши войска сбили горцев и заставили их удалиться в лес. Преследуемые кавалерией, шапсуги в этот день потеряли убитыми до 50 человек, много ранеными и четырех пленных.

Бурсак разорил затем шапсугские жилища, выжег запасы хлеба и сена и захватил до 500 голов рогатого скота и до 2000 овец.

Между тем шапсуги собрали в скрытном месте партию в тысячу человек и бросились, с диким гиком, на наш авангард.

Не давая разыграться отчаянному нападению горцев, Бурсак пустил в ход кавалерию, которая быстрым натиском сбила неприятеля с позиции и обратила в бегство. Казаки во время преследования положили на месте до 100 черкесов, но черкесы, рассыпавшись по высотам с обеих сторон отряда, неустанно нападали на нашу пехоту, находившуюся в арьергарде, и только выставленные в цепь стрелки принудили врагов скрыться в горы.

Бой этого дня длился до четырех часов вечера. Неприятель понес чувствительные потери и более не тревожил наши войска.

Искрестив, во всех направлениях, страну врагов Черномории, Бурсак приказал отряду готовиться к обратному походу. Пехота заняла высоты; конница открывала дорогу; в арьергарде оставался один пеший полк, с частью кавалерии. В таком порядке отряд двинулся к Кубани. Неприятель, более десяти верст забегая вперед, старался вредить нашим войскам, но, открываемый стрелками и летучими отрядами, всякий раз обращался в бегство.

15 декабря отряд переправился на правый берег Кубани.

В обе экспедиции с нашей стороны убито: обер-офицер 1, казаков 57; ранено: обер-офицер 1, милиционеров из черкесов 2 и казаков 40 человек.

Взятые у горцев рогатый скот и овцы были разделены между участвовавшими войсками; награждены казаки, лишившиеся в походе строевых лошадей, и те семейства, которые лишились своих членов, павших от рук горцев. Остальной скот отдан на госпиталь, лазарет и продовольствие арестантов.

Во всем двукратном походе в землю шапсугов много помог, знанием местности и опытностью в горной войне, подполковник султан Али-Шеретлу-Оглы и бывшие с ним дворяне¹.

Неприятные покушения горцев на пределы Черномории, вследствие этого разгрома и усиления в опасных местах кордонной линии, были на время прекращены.

За храбрость и распорядительность атаман Бурсак был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, алмазами украшенным; прочие храбрые его сподвижники также были достойно награждены.

Зимой 1805 года черкесы пробовали прорвать черноморскую кордонную линию, но встречали везде мужественный отпор казаков.

Даже злейшие враги наши, шапсуги, и те искали мирных соглашений с черноморцами при посредстве анапского паши.

---

¹ Донес. атам. Бурсака генералу Розенбергу 15 декабря 1804 г. № 2271. (из дел войск. архива).

В начале 1806 года генерал-лейтенант Дюк де Ришелье, посетив Черноморию, осматривал всю кордонную линию по кубанской границе. Найдя все в должной исправности, он донес Государю об особенной деятельности и усердии войскового атамана Бурсака к пользам края.

21 мая 1806 года состоялся следующий рескрипт на имя Бурсака:

«Господин полковник, войска Черноморского атаман. Получа донесение генерал-лейтенанта Дюк де-Ришелье о той исправности Черноморского войска и благоустройственном повсюду в оном порядке, который видел он, при осмотре его, Я не только отдаю совершенную справедливость вашему о том попечению, но особливим Себе удовольствием ставлю сим изъяснить вам за оное Всемиловитвейшее Мое благоволение. Пребывая благосклонным Александр».

В октябре того же года распространились слухи, будто абадзехи собираются, в большом числе, под предводительством натухайских владельцев Смаила Калабата и Мурадина, которые подговорили живших по ту сторону Анапы черкесов *Хачена*, и на пятнадцати или более мореходных лодках, в числе 2000 человек, замышляют вторгнуться конными и пешими к Темрюку, Копылу и далее, а на лодках подойти к селению при Бугазе и на самый Бугаз.

По поводу таких известий возникла переписка с высшим начальством. Положено было, с Высочайшего соизволения, если черкесы сделают враждебное покушение, войском черноморским и бывшими в Черномории регулярными частями сделать им за Кубанью «репресаль»; а для большей предосторожности кордонная линия подкреплена резервами из льготных частей. Были ли это слухи ложные, или черкесы отчаялись в своем успехе, но никаких враждебных действий на пределы Черномории не случилось.

По выступлении части войск из Крыма против французов генерал-лейтенант Дюк де Ришелье 13 декабря предписал атаману Бурсаку отрядить в Карасубазар один конный Черноморский казачий полк, для разъездов по берегам Черного моря.

В январе 1807 года командирован был 7-й конный полк, под командою войскового полковника Ляха. Переправившись из Тамани в Керчь 21—31 января, Лях прибыл в Карасубазар 6 февраля и занял там караулы; в марте он перешел в крепость Судак, а в июне прибыл в Старый Крым. В ноябре полк возвратился в Черноморию.

В том же году повелено было: командировать один пеший полк черноморских казаков в Крым, в команду адмирала де Траверсе, — выбрав для этого людей, способных к мореходству и действию на судах пушками.

Атаман Бурсак, получив предписание министра военно-сухопутных сил от 2 февраля 1807 года, сформировал экстренно 9-й пеший полк, под командою подполковника Паливоды. Полк этот, переправившись чрез Керченский пролив в Ениколь, двинулся по приказанию адмирала де Траверсе 10 марта форсированным маршем в Херсон. Отсюда Паливода отправился с полком, на судах, морем к Дунаю для службы на 23 канонирских и трех разъездных барказах, под наименованием 3-го морского полка¹.

Во время военных действий с турками подполковнику Паливоде поручено было подойти к береговым турецким батареям и уничтожить их внезапным нападением. Неустрашимый Паливода, выбрав, на 12 мая, бурную ночь, пустился под разыгравшуюся с вечера погоду по Дунаю, к турецким берегам; но буря расстроила барказы казаков; сам Паливода был отнесен течением под турецкие батареи. На рассвете турки, увидя казачий барказ, бросились к нему. Несмотря на отчаянное сопротивление черноморцев, борьба оказалась слишком неравною: Паливода и с ним многие казаки были убиты, другие ранены, а уцелевшие взяты в плен².

---

¹ Сведение из дел войскового архива.

² Случай бесстрашного подвига Паливоды и его смерти частью взят мною из бумаг войскового архива, частью из неизданного обозрения актов о Черноморском войске, составленного Я.Г. Кухаренко. Но ни в том, ни в другом источнике не сказано, в каком именно месте Паливода был убит. Читая историю тогдашней турецкой войны, можно предположить, что Паливода погиб или под Тульчей, впереди которой были турецкие батареи, или под турецкими батареями на острове Четале.

На место Паливоды, по требованию Дюка де Ришелье, был отправлен войсковой старшина Матвеев.

9-й пеший полк, участвовавший во многих делах под стенами турецких крепостей и на водах Дуная, постоянно отличался храбростью и отвагой. Достойный предводитель черноморцев, Матвеев, был награжден за свои подвиги: чином подполковника и орденами Св. Георгия 4-го, Св. Анны 2-го и Св. Владимира 4-го классов. По заключении с турками мира и по сдаче полка сыну атамана, войсковому полковнику Бурсаку, он возвратился в войско в 1812 г. Бурсак, приняв от Матвеева 9-й пеший полк, поступил с ним в дунайскую армию адмирала Чичагова. По соединении этой армии с армией Торماسова он был откомандирован генералом Лидерсом, в числе прочих войск из Молдавии, для прикрытия транспортов, двигавшихся из Волыни, Подолии и Украины; но Кутузов, узнав о понесенных полком больших потерях, в 1813 году, возвратил его в войско¹.

Во время турецкой войны Усть-Дунайского-Буджакского войска хорунжий Иван Губа находился под г. Измаилом; желая оказать свое усердие России, он явился к генералу Михельсону с бывшими при нем казаками и с четырьмя собственными судами. За отличную службу в русской армии, за мужество и храбрость, он, по ходатайству барона Мейендорфа, был награжден чином полкового хорунжего, а в конце 1808 года, по повелению Дюка де Ришелье, Губа с буджакскими старшинами и казаками, в числе 400 человек, прибыл в Черноморское войско, принял присягу на верность службы и включен, со всеми выходцами, в число казаков.

Кроме Губы, в 1807 году, по распоряжению Ришелье, доставлено в Черноморию еще до 50 турецких запорожцев, вышедших из Килии. Они также были зачислены в Черноморское войско.

В продолжение блокады Браилова и по покорении сей крепости некоторые из находившихся там турецких запорожцев, не желая, по капитуляции, заключенной о сдаче Браилова,

---

¹ Из дел войск. архива. — Примеч. к XXXI гл. истор. Богдановича «Война с Францией 1812 г.», т. II.

последовать за турками, явились к нашим военачальникам добровольно, с просьбой принять их, как и других, в Черноморское войско. Михельсон принял их и, кроме того, вызывал и остальных турецких запорожцев в подданство России. Он даже ходатайствовал о возобновлении на Дунае Запорожской Сечи, но ходатайство его, конечно, не могло быть уважено. Вообще, в продолжение этой войны много переходило к нам турецко-подданных запорожцев, заблудшихся сынов Днепра¹.

Недовольные запорожцы, уходя некогда из России, пели:

Пришли до Тураса,
Та й вклонидися низько:
«Ой дай же нам землю
Та й коло гряниці близько».

«Як будете, хлопци,
Мини вирно служили,
То дам я вам землю
Та по прежнему жити».

«Дарую вам землю,
Ще й обидна лиманы,
Ловите, хлопци, рибу,
Та справляйте жупани!»

Опыт многих лет доказал, что жизнь в Турции полюбилась не всем. Мы видели уже, что во время турецкой войны 1787—1791 года турецкие запорожцы переходили к нам целыми партиями; и теперь, несмотря на прожитые вне отечества десятки лет, родина вновь тянула днепровских сынов с берегов Дуная, и только самые упорные остались под властью султана. Но и эти зачерствелые сердца, увидя в турецкую войну 1828 года русские войска, истосковались по родине. Неверные запорожцы тогда уже не десятками — как в первую, и не сотнями — как во вторую войну, а целым «войском», со своим атаманом Гладким, перешли в родную землю, святую Русь! Часть запорожцев ос-

---

¹ Из дел Кубанск. войск. архива. — Описание турецкой войны Михайловского-Данилевского.

талась, правда, в Турции; но придет время, когда и последние скитальцы в чужой стране воротятся туда, где протекла их славная историческая жизнь. Не далее как года два-три назад я встретил турецкого запорожца, который, оставив в Турции своих детей, отправился вместе с женою в Россию, на богомолье в Киев, и уже не воротился в пределы Оттоманской Империи. А он говорил, что там было жить хорошо... Но, видно, отечество дороже всех чужеземных благ. Обратимся теперь к военным действиям на кубанской границе. Оттоманская Порта, начиная войну, ввиду развлеченія наших военных сил посредством агентов из Анапы, взбунтовала закубанские горские племена. Они стали открыто нападать на кордонную линию, грабили казачьи хутора и селения, жгли запасы сена, и хотя несли чувствительный урон, но набегов своих не прекращали. 20 марта горцы, пользуясь слабыми силами в четвертой части кордонной линии, разграбили Курчанские хутора, многих жителей побили, а других взяли в плен; 22-го числа, приблизившись ночью на лодках к Кизильташскому лиману, напали на Стеблиевское селение, откуда увели до двадцати жителей; 24 марта, прокравшись через Кубань, зажгли и разграбили Титаровское селение¹.

Даже считавшиеся преданными нам черкесские владельцы сделались нашими врагами, и только весьма немногие из них остались спокойными; но и их дружба была крайне сомнительна.

Такое положение дел на границе заставило атамана Бурсака выдвинуть на кордонную линию изнутри Черномории *все* льготные строевые части казаков; старикам же и малолеткам приказал оберегать селения при Кубани, что было весьма тягостно для Черномории, и без того имевшей мало свободных и способных рук для поддержания своего благосостояния.

---

¹ Государь Император, соболезнуя о разорении черкесами черноморцев, Высочайше повелел: пожертвованные черноморцами в 1807 году на внутреннюю милицию 11000 руб. обратить на вспоможение жителей, наиболее пострадавших от закубанских горцев. Таковыми были признаны жители разоренных селений Стеблиевского и Титаровского.

Поставив на границе крепкую преграду покушениям горцев, Бурсак хотел доказать им, что черноморцы, несмотря на разглашения турок о слабости казачьих сил на кордонной линии, попрежнему найдут дорогу в неприступные жилища черкесов. С этой целью Бурсак вошел в сношение с адмиралом маркизом де Траверсе, убеждая его в необходимости двинуться с отрядом в горы; де Траверсе приказал сделать закубанцам «репресаль». Начальником отряда был назначен генерал-майор Гангеблов; из Керчи и Ениколя собрались в Тамани десять рот 12-го Егерского полка и два гарнизонные батальона, с шестью орудиями легкой артиллерии. К этим частям предполагалось присоединить такое число черноморских казаков, какое, по местным обстоятельствам, будет возможно собрать, не ослабляя кордонной линии. Для крейсирования же у берегов Анапы, чтобы воспрепятствовать туркам давать помощь черкесам, назначен был фрегат «Златоуст».

Некоторые из этих распоряжений Бурсак считал несоответствующими положению дел на кубанской границе. Назначение в отряд регулярных войск, с начальником тоже из регулярных генералов, могло внушить горцам мысль о слабости Черноморского войска и подвинуть их еще на большие дерзости. Вот почему Бурсак, отклонив помощь регулярных войск, испросил у маркиза де Траверсе позволение предпринять экспедицию за Кубань с одним войском Черноморским.

Едва черкесы увидели, что черноморский войсковой атаман сдвигает силы Черномории на Кубань, как убедились в ложности уверений турок о бессилии казаков. Мятежные владельцы закубанского края явились 15 апреля с повинной головой к Бурсаку в Александровский пост. Бурсак приказал им явиться в Екатеринодар. Переговоры окончились тем, что некоторые закубанские владельцы дали присягу к покорности русскому правительству, и порукой за спокойствие кубанской границы оставили у нас заложниками князей Алкаса и Ахмета. Но это далеко не было выражением мирного расположения *всего* гор-

ского населения, и в особенности свирепых шапсугов, не имевших у себя народных представителей. Да и те немногие владельцы, которые условливались о сохранении мира, действовали так единственно от страха вторжения русских войск в закубанский край.

При предначертанном походе за Кубань, положено было не разорять владений присягнувших России горских князей. Генерал-майор Гангеблов, оставляя черноморцев действовать отдельно, 2 мая переправился с отрядом регулярных войск за Кубань. Бурсак, собрав у Староредутского поста шесть конных и четыре пеших полка, при восьми орудиях, 4 мая двинулся туда же навстречу Гангеблову. Пройдя по топким болотистым местам в землю шапсугов, он нашел аулы их пустыми; дал насупротив Копыла утомленным войскам своим отдых, и на другой день соединился с отрядом Гангеблова против Курок. Здесь оба начальника, после долгих совещаний, решились действовать одновременно обоими отрядами, над которыми главное начальство принял, по старшинству чина, Гангеблов.

Неизвестно, что побудило Бурсака, настаивавшего действовать отдельно, соединиться с регулярными войсками. Не вследствие ли воли высшего начальства отказался атаман от прежнего плана?

Утром 7 мая Гангеблов, поставив свои войска на правом, а казачьи на левом флангах, выступил по направлению к Анапе, а на другой день приказал идти обратно к Екатеринодару. В этот день войска тронулись двумя колоннами: впереди Гангеблов, за ним в пяти верстах Бурсак. Дошедши до р. Псебет, войска первой колонны переправились на правую сторону; полк Кухаренки, бывший в первой колонне, по приказанию Гангеблова завязал на левой стороне перестрелку с горцами у аула между гор, в тесной и лесистой местности. Соображая крайнее неудобство иметь в таком месте конному полку дело с горцами, Бурсак откомандировал в помощь Кухаренке особый отряд казаков, приказав им ударить в тыл неприятелю, а сам поскакал на место боя, принимавшего серьезный характер. Черкесы, пользуясь пересеченной местностью, дрались с Кухаренко ожесточенно; но увидя у себя в тылу казаков, а с другой стороны приближав-

шихся егерей, обратились в бегство и скрылись за высокой горой, — потеряв убитыми и ранеными до семидесяти человек. С нашей стороны были ранены войсковой полковник Кухаренко саблею в лицо, а сотник Варапай в голову и бок; пять казаков убито, восемь ранено.

Гангеблов, тронувшись после этого дела от р. Псебет, приказал Бурсаку следовать позади первой колонны. Весь отряд ночевал на р. Псиф. 9-го числа колонна Бурсака выступила вперед; за ней последовал Гангеблов. Достигнув рр. Кудак, Агидьтх и Гайтух, войска приблизились к аулам, и хотя были встречены горцами, но скоро рассеяли их, прогнали в леса, сожгли и разорили аулы. В этот же день высланные из колонн казаки и егеря выжгли аулы на рр. Гичитин и Зимес. Расположившиеся по горам черкесы неоднократно нападали на наш отряд, но всегда были отражаемы с большим уроном. При р. Корванди отряд стал на ночлег.

На другой день, поутру, черкесы показались на противоположной стороне речки, в большой массе и, гарцуя на быстрых своих конях, в щегольском оружии, вызывали охотников помериться с ними. Видя многочисленность горцев, Гангеблов не решался вступить с ними в бой, но намеревался идти прямо к Ольгинскому посту, для переправы на нашу сторону. Напротив того, войсковой атаман, зная, что горцы, оставленные без наказания, непременно ринутся вслед за нашими войсками беспокоить арьергард, уговорил Гангеблова смело ударить на неприятеля. Немедленно посланы к черкесским селениям за речкой три пешие, два конные Черноморские полка и егерские роты. Черкесы одной толпой встретили этот отряд, а другой ударили на колонны. Завязалось жаркое дело. Опрокинутые и наголову разбитые, горцы потеряли до 70 убитыми и до 80 ранеными; аулы их были истреблены. У нас был убит сотенный есаул и девять казаков, да ранено 23 казака. Бурсак желал продолжать наступление, но Гангеблов не согласился. Обе колонны тронулись к Ольгинску и 10 мая были уже на правой стороне Кубани.

За эту экспедицию многие офицеры получили чины и ордена, а горским князьям, бывшим при отряде милиционера-

ми, пожалованы золотые и серебряные медали, с надписью «за усердие». Особенно же отличившемуся князю Аслан-Гирею была дана золотая медаль, с надписью «за храбрость».

Вскоре после экспедиции преданные нам горские владельцы, князья Бейзрук, Ахметук, Ханук и Алкас, жившие между Усть-Лабою и Екатеринодаром, сообщили войсковому атаману, что бывший анапский паша, живя в горах, волнует умы горцев шапсугского, нутухайского и абадзехского племен, и приглашает их всеми силами содействовать ему в нападениях на земли войска Черноморского. Паша собрал уже до 15000 черкесов и посылал своих агентов к мирным князьям с приглашением присоединиться к нему, угрожая в противном случае разорением их владений. Князья просили себе вооруженной помощи черноморцев. По ходатайству атамана Бурсака на это последовало разрешение, и подполковник Еремеев, с частью казаков и с тремя орудиями, был послан на помощь мирным князьям.

В начале октября Еремеев, собрав отряд в 1150 человек, переправился за Кубань 12-го числа. Прибыв в селение Бейзрука, отстоявшее от границы верстах в десяти, он расположился лагерем. Бейзрук и Ахметук собрали к 15му октября до 10000 мирных черкесов; 16-го предположено было напасть на неприязненных горцев; но во время сборов прибыли в стан Еремеева жившие за р. Белой ногайцы, с изъявлением покорности русскому правительству, и в удостоверение своей преданности ногайский владелец Батерша привел до 1000 ногайцев для совместных действий. 17-го получено было известие, что аулы враждебных абадзехов оставлены жителями, вследствие чего решено направиться к владению бывшего прежде в мире с нами Батмурзы. 19-го войска выстроились так: черкесская конница стала в центре, пехота их расположилась по флангам, а черноморцы стали за ними, во вторую линию. Конницей азиатской командовал князь Аслан-Гирей, пехотой Бейзрук и Ахметук; начальником же черноморцев и всего отряда был подполковник Еремеев. В таком порядке отряд в тот же день двинулся за р. Белую. Авангард завязал перестрелку с абадзехами, стоявшими на передовых пикетах, но скоро бейзруковцами были прогнаны в лес, чрез который предстояло идти

отряды. Едва черноморские полки вышли из лесной чащи на поляну, как увидели, что абадзехи, выступив в больших силах из опушки леса, стремительно напали на Бейзрукову партию. Войсковой полковник Порывай, взяв, по приказанию Еремеева, одно орудие и 100 человек конных казаков, понесся вихрем на помощь бейзруковцам, ударил на неприятелей и, с помощью Бейзрука и удачных пушечных выстрелов, удержал натиск абадзехов. И сам Еремеев подоспел на место боя, но неприятельские толпы, уstraшенные действием артиллерийского огня, уже отступили. Наши азиатцы преследовали их верст пять, к ближним лесам, саблями. Бейзрук был в это время в колонне Еремеева; во весь опор понесся он к своим горцам, чтобы лично натешиться местью над пораженными врагами, увлекся в лес за бежавшими абадзехами, но тут встретили его густые толпы и град пуль посыпался на отважных преследователей. Первым пал сам князь Бейзрук, пораженный пулей в лоб; многие из его сподвижников тоже заплатили жизнью за свою отвагу. Убитого вынесли на бурке из леса, под тучей пуль.

Смертью Бейзрука расстроился план похода. Упавшие духом бейзруковцы, потеряв веру в успех предприятия, начали расходиться. Тогда Еремеев отступил к р. Белой и верстах в семи, ниже переправы, расположился на ночлег. Неприятель более не показывался.

На другой день, Еремеев с колонною черноморцев переправясь обратно через Белую, 21 числа прибыл к аулу ахметуков, верстах в трех от Кубани, но, простояв тут несколько дней и не видя впереди дела с горцами, 27 октября переправился в Черноморию, около Редутского поста.

Знатнейшие князья и дворяне приезжали в Екатеринодар благодарить атамана Бурсака за поддержку, обещаясь и впредь быть верными России, в чем тут же дали клятву на коране.

По собранным сведениям, неприятель потерял десять знатных дворян и до 150 черкесов убитыми и до 200 ранеными, большею частью от наших пушечных выстрелов. У нас, кроме Бейзрука, были убиты два горских дворянина, десять простых черкесов и несколько человек ранены. Особенно отличавшиеся в этом походе войсковой полковник Камянченко и полковой еса-

ул Тиховский были награждены: первый бриллиантовым перстнем, последний золотыми часами.

Заключенное с Турцией перемирие прекратило на время военные действия за Кубанью. Анапский паша, Сеит-Ахмет, письмом от 18 декабря 1807 года просил таврического губернатора, чтобы черноморцы не ходили за Кубань, обещаясь удерживать и горцев от набегов.

И, однакож, во весь 1808 год горцы не могли удержаться от воровства на нашей стороне и мелких нападений на разъезды и пикеты по кордонной линии.

В этом году генерал Дюк де Ришелье осматривал Черноморскую кордонную линию. Не найдя никакой искусственной защиты казачьих постов, кроме простой огорожи, Ришелье приказал все кордоны (посты) окопать рвом, устроить бастионы и обратить их в некоторого рода укрепления. Кроме того, Ришелье обратил особенное внимание на заготовления пособий ожидавшимся из Малороссии переселенцам, которыми было назначено подкрепить Черноморское казачье войско.

V

(1809—1820)

Потеря Новогригорьевского поста. — Наказание горцев. — Прокламация маркиза де-Траверсе. — Разбитие Кривошеи. — Бой Тиховского с горцами. — Походы атамана Бурсака за Кубань. — Прекращение военных действий. — Вражда между горцами. — Время французской войны и мира с Турцией. — Действия анапского паша за Кубанью. — Отставка атамана Бурсака. — Атаман Матвеев. — Открытие торговли с горцами. — Неприязненные действия черкесов против Черномории. — Подчинение Черноморского войска Кавказскому начальству

После прекращения перемирия с турками три турецких военных судна приходили к Анапе с подарками и с фирманом султана к черкесским народам о восстании их против русских.

Вследствие этих известий двадцать комплектных и один особо сформированный черноморские полки, поставленные на военную ногу, готовы были во всякое время встретить врага на рубеже пределов своей земли. Но, как и прежде, несмотря на бдительность кордонной стражи, горцы, скрываясь в камышах и болотистых плавнях, прорывались на нашу сторону и жгли прикубанские селения, или пикеты по кордонной линии, убивали и уводили в плен казаков.

Вот один из подобных случаев: 11 мая 1809 года «вышковый» Новогригорьевского поста, заметив необыкновенное движение черкесов за Кубанью и услышав в плавне большой шум, дал знать о том постовому начальнику зауряд-сотнику Похитонову. Тотчас был послан нарочный казак Чорный воротить в пост конный разъезд, высланный в тот день для осмотра берегов Кубани. На возвратном пути разъезд с нарочным был встречен ружейными пулями переправившихся уже на нашу сторону горцев. Казак Чорный, не видя возможности добраться до кордона, послал товарища в Титаровское селение дать знать о появлении черкесов, а сам воротился к Широкобалковской батарейке, где, оставив бывших с ним казаков, пустился как можно поспешнее в Вышестеблиевское селение известить о вторжении неприятелей.

Зауряд-сотник Похитонов не имел достаточно сил воспрепятствовать переправе многочисленной партии горцев, но, решившись защищать свой пост до последней крайности, поставил на стенки кордона часть казаков и солдат команды Азовского гарнизонного батальона, а сам, с остальными казаками и солдатами, при штабс-капитане Федорове, с одним орудием выступил за кордон на встречу врагов. Пройдя несколько шагов, Похитонов дал до неприятелю четыре пушечных выстрела, велел и остальному постовому гарнизону выйти за кордон и ударить на горцев двумя залпами. Пушечной и ружейной пальбой Похитонов желал вызвать помощь из ближайших кордонов и задать страху неприятелю, который в числе тысяч до двух человек, наступал на Григорьевский кордон; но, узнав от «вышкового» о силе горцев, заперся с казаками и солдатами в кордоне. Окружив пост со всех сторон, черкесы осыпали гарнизон

градом пуль. Похитонов отвечал пушечными и ружейными выстрелами. Хотя наш картечный огонь и вырывал целые ряды неприятелей, однако горцы держались у поста около получаса времени, а потом, потеряв более ста человек убитыми и много раненых, отошли версты за полторы от поста и скрылись в ложине широкой балки. Похитонов, ободренный успехом и по совету своих приближенных, выступил из кордона, со слабым гарнизоном, прогнать черкесов, и открыл пушечный и ружейный огонь. Горцы начали отступать к Кубани; но, увидя подходившую партию своих единоплеменников, остановились и, в свою очередь, кинулись на наших. Похитонову не оставалось ничего более, как ретироваться к посту; но при отступлении он и многие другие были ранены, а несколько казаков и большая часть артиллерийской прислуги убиты. Наконец, от меткого огня горцев ряды команды так уменьшились, что из артиллеристов осталось только двое, да и из них у одного канонира ружейным выстрелом горца зажжены были в сумке снаряды, от взрыва которых он пал мертвым, а обожженный его товарищ лишился чувств. Лишь только действие пушечного огня прекратилось, черкесы, заскакав с обоих флангов, с гиком бросились на уцелевшую горсть храбрецов. Несколько беспельных выстрелов из орудия, сделанных неопытными казаками, не могли, конечно, остановить неприятеля; азиятцы врубались шашками в ряды команды, вступили с казаками в рукопашный бой, отбили нашу пушку, начали рубить и брать в плен сподвижников Похитонова. Это было уже пред самым кордоном, где оставалось только шесть человек. Правда, более двухсот горцев было заколото штыками и дротиками казаков, но и наших уцелело немного. Раненый Похитонов, не видя спасения с остальными большею частью также перераненными товарищами, схватился за орудийный ящик и бросился бежать к кордону; но только человек двадцать пять, с офицером Фетисовым, успели укрыться в посту; остальные были взяты в плен или убиты. В числе последних, под стенами кордона, пал и Похитонов.

Положение Фетисова было безнадежное. Уцелевшие казаки и солдаты не могли занять даже стенок кордона; в отчаянии

они засели, с ружьями, в самых опасных местах, и, насколько доставало сил, поражали азиатцев.

Все было напрасно. Черкесы зажгли бывшие подле кордона, над обрывистым берегом Кубани, кучи навоза; перебросили огонь вовнутрь поста, на конюшню и на офицерский дом, отчего распространился пожар по всему кордону. Тогда Фетисов, собравши вокруг себя свою команду, сказал: «Братцы! Теперь уже не только от неприятелей, но и от огня можем лишиться жизни. Не спасется ли кто бегством, кто куда потрафит». Растворены были все калитки; казаки и солдаты бросились из кордона; но лишь трем казакам и двум солдатам удалось в густом дыму проскочить к обрыву Кубани и броситься в реку; остальные все погибли. Новогригорьевский пост был сожжен и разграблен.

Начальник поста Похитонов, 17 казаков и 3 солдата были убиты; штабс-капитан Фетисов, 42 казака, 35 солдат взяты в плен: «Теперь тілко, як казав покійник Тарас Шевченко:

Над річкою, в чістим полі
Могила чорніє,
Де кров текла казаськая
Трава зеленіє.

С падением Новогригорьевского кордона пошли тревоги и беспокойства по кордонной линии; лазутчики то и дело снова-ли из-за Кубани с тревожными вестями о сборищах горцев. Упоенные успехом, черкесы разносили весть по горам о взятии Черноморского кордона, с пушкой и артиллерийскими запасами, и уже мечтали разорить всю Черноморию. Нужно было умерить спесь кичливых горцев.

Назначенный для обороны Крыма и Тамани командир Черноморского флота, маркиз де Траверсе, подкрепив гарнизон Таманского острова двумя батальонами регулярной пехоты, отправил несколько военных судов к Анапе и Сунджук-Кале; другой отряд, в котором находилось триста черноморцев, под командою генерал-майора Панчулидзева, послал к

Анапе сухим путем. Кроме этого, де Траверсе приказал собрать особый отряд из Черноморского войска для движения за Кубань.

По поручению атамана черноморцев подполковник Бурнос стянул под свою команду бывшие в резерве, на кордонной линии, четыре казачьи полка и роту из батальона Дмитриевского гарнизонного полка. Со всеми этими войсками он расположился на пристани при Елинском посту, передвигая, в виду горцев, колоннами свой отряд с одного места на другое, чтобы таким маневрированием представить как бы постоянно подходившие войска к переправе. В это же время действительно подошли к отряду Бурноса еще несколько команд из войск, расположенных на кордонной линии.

Прибывший атаман Бурсак разделил отряд на две колонны: первую из конных полков войсковых полковников Камяненка, Вербця, из пеших Лисенка и Барабаша и роты Дмитриевского гарнизонного батальона, при трех артиллерийских орудиях; вторую из конных полков войсковых полковников Кобиняка, Бурноса, Кухаренки, пеших — Варавы, Чумакова и батальона 22-го Егерского полка, тоже при трех орудиях. Весь отряд, исключая регулярных войск, состоял из 122 офицеров, 110 сотенных есаулов (урядников) и 4500 казаков. Первую колонну атаман оставил под своею командою, а вторую поручил командиру 22-го Егерского полка подполковнику Черкасову.

Получив известие о взятии нашими войсками Анапы, Бурсак отрядил полковника Кобиняка с 400 казаков для осмотра левого берега Кубани. Переправившись чрез Кубань в дистанции Александровского поста, Кобиняк нашел верстах в восьми от реки черкесский аул, из которого жители, встревоженные появлением русских, начали убираться. Штурмовать аул у Кобиняка не было достаточных сил, и потому он, видя собиравшихся горцев, поворотил к Кубани, провожаемый выстрелами черкесов. У берега Кубани черкесы были встречены пушечными выстрелами из казацких байдаков.

18 июня атаман Бурсак двинулся со своим отрядом, за Кубань у Александровского поста; ночью дошел до р. Псекупса,

через которую переправился на привезенных дубах и каюках, и 19-го числа взял направление к речкам Шедуке и Матте. На пути Бурсак сжег несколько аулов, принадлежавших Бат-мурзе, неоднократно клявшемуся в преданности России и постоянно изменявшему. Жители аулов удалились в горы и леса. Сначала черкесы не показывались; но потом начали появляться партиями до 500 человек. Пользуясь лесистой местностью, горцы сильно нападали на наш отряд; но Бурсак прокладывал себе пушечными выстрелами дорогу, шел все далее и далее и без пощады разорял и жег притоны хищников. Непроходимые леса принудили атамана поворотить отряд в сторону и стать в урочище Шедук на ночлег. Утром 20-го числа, приблизившись к владениям преданного закубанского владельца, Алкаса, он дал войскам отдых; однако неприязненные горцы, в числе до двух тысяч, тревожили наш отряд и только вечером выстрелами из двух орудий были разогнаны, понеся большой урон. На другой день Бурсак, отправив в Черноморию колонну с больными и ранеными, вступил опять во владения вероломного Бат-мурзы и продолжал жечь аулы, отбиваясь в то же время от яростных нападений горцев, с отчаянием защищавших свою родину от русского оружия. Всего в эту экспедицию атаман разорил восемнадцать аулов, многие хутора, пасеки и другие заведения, истребил запасы хлеба, сена и других предметов; словом, разорил весь край, потеряв убитыми 12 человек, ранеными 56 человек и выбывшими из строя несколько лошадей. У черкесов же, по верным сведениям, было убитых более 300 и ранено 520 человек, большею частью от действия нашей артиллерии.

Во время действий отряда за Кубанью Таманский сыскной начальник Борзи́ков, по распоряжению маркиза де Траверсе, собрав небольшую казачью флотилию, крейсировал у берегов Кизилташского лимана и также разорил несколько черкесских селений близ Бугаза.

Со взятием крепости Анапы войска наши, проникая в средину неприятельской земли, вносили туда оружием смерть и опустошение. Полагая, что после такого наказания горцы одумаются, маркиз де Траверсе приказал приостановить военные

действия и обратился к горским народам со следующей прокламацией:

«От главнокомандующего всеми морскими и сухопутными силами, на Черном море, в Крыму, на Тамане, по берегам Кубанским и проч., адмирала, Николаевского и Севастопольского военного губернатора и разных орденов кавалера маркиза де-Траверсе.

К народам Закубанским!

Я строго вас наказываю за то, что вы, как хищники, делали вторжения в пределы моего Государя. Теперь вы видите ужас, огонь и истребление на землях ваших. Вы сами навлекли на себя сие несчастье, и оно еще будет повторяемо, если вы вновь будете нарушать спокойствие мирных наших обитателей. Теперь от вас зависит жить с нами, как следует добрым соседям и поданным одного Императора. Если вы имеете твердое к тому намерение, то будьте спокойны и пришлите к нам полномочных ваших, для изъявления вашей преданности; тогда, удостоверюсь в искренности вашей, я буду ходатайствовать о великодушном благодеянии, воздаянии и награде вам от Его Величества Государя Императора, моего Августейшего Монарха. Сие утвердит ваше счастье и счастье потомства вашего. Впрочем, вы должны быть предупреждены, что всякий хищник, который будет встречен по сю сторону Кубани, будет наказан по строгости законов Российских. Я завладел Анапою именем Всемилостивейшего моего Государя; там будете вы приняты как друзья, — если хотите; в противном случае раздадутся оттуда громы для поражения вас. Избирайте. Дана в Анапе. Июня 22-го 1809 года. Маркиз де-Траверсе».

Воззвание это, разосланное во все стороны закубанского края, на русском и турецком языках, не произвело никакого действия. Черкесы молчали; анапский паша, удалившийся в горы, убеждал их не поддаваться русским.

Адмиралу де Траверсе хотелось привлечь горцев на нашу сторону мирным путем. С этой же целью прибыл в Екатеринодар генерал Дюк де Ришелье. Он вызвал к себе знаменитейших закубанских владельцев, лично уговаривал их быть мирными соседями черноморцев; не скупился на угощения азиатцев, да-

рил их деньгами и вещами. Черкесские старшины на все соглашались и ни отчего не отказывались; но наевшись и напившись досыта и взяв подарки, удалялись за Кубань с тем, чтобы ничего не исполнять. Мало того: узнав о времени выезда Ришелье из Екатеринодара, горские князья, собрав сот до трех отчаянных головорезов, уговорились захватить в плен знатного и богатого генерала, и с этим намерением прокрались на нашу сторону, в дистанции Петровского поста, где и засели в топких болотистых местах. К счастью, начальник этого поста, есаул Иваненко, проведал о злодейском умысле, и в день проезда Ришелье, подкравшись с командою отборных казаков и одним артиллерийским орудием к месту засады горцев, бросился на них с криком «ура», сопровождаемым картечными и ружейными выстрелами. Черкесы дрогнули и дали тыл. Отважный Иваненко прогнал хищников из пределов войска, захватил четырех наездников и таким образом спас от плена генерала де Ришелье.

Поблагодарив лично храброго есаула, Ришелье донес об этом Государю. Иваненко был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, а бывшие с ним 60 казаков получили по одному рублю серебром. В память же счастливого спасения Дюка де Ришелье от плена на Черноморской кордонной линии, в угрожавшем ему месте, разрешено было устроить батарею, с названием его именем — *Емануиловскою*¹.

Вскоре после того черкесы подкараулили полкового есаула Кривошею, следовавшего с командою казаков в Анапу. 18 августа, заметив шедшую из Анапы для прикрытия Кривошеи роту егерей, горцы вступили с ними в бой, и в то же время отделившаяся партия бросилась на приближавшегося Кривошею, которого атаковала со всех сторон. Офицер этот, не имея возможности по малочисленности своей команды удерживать неприятеля, спешил казаков, стал при обозе на отбой и выдерживал нападения до тех пор, покуда подоспел к нему на выручку шедший из Анапы майор Витязь с егерями. Но и по соединении

---

¹ Из дел Куб. войск. архива. — Неизданное описание фактов Черноморск. войска, Я.Г. Кухаренко.

Витязя с Кривошеею густые толпы окружили обоих. Часа два команды отбивались от многочисленного неприятеля преимущественно выстрелами из бывшей при них пушки. Наконец все пушечные заряды были выпущены, горцы более и более стали теснить наших... К счастью, подоспел сикурс из Анапы: Кривошея с Витязем были спасены... В бою этом Кривошея ранен стрелою в ногу; один сотник в ногу пулею; казаков убито 13, ранено 26; без вести пропало 8 человек; убито лошадей 36, ранено 6, отбито 6 пар артельных быков и одна фура со всем казачьим имуществом. Из пропавших казаков один раненый пробрался на Бугаз, а четверо были найдены убитыми.

Не довольствуясь беспрестанными мелкими набегами, черкесы, подстрекаемые турками, в начале 1810 года открыли наступательные действия.

На 12 января черкесы, в числе ста человек, появились на левом берегу Кубани, верстах в семи ниже Ольгинского поста. По сделанной залогой тревоге войсковой полковник Тиховский, выскочив с Ольгинского поста с 50 казаками, встретил черкесов, переправлявшихся уже по льду чрез Кубань. Завязалась ружейная перестрелка. В это время прискакавший нарочный известил Тиховского, что черкесы, сот до пяти человек, повыше того же кордона, переправляются уже на правый берег Кубани, оставляя на левой стороне в резерве до 2000 человек. Против этой партии выступил, с командою, остававшийся на посту сотник Выташевский; но едва он показался в виду неприятеля, как был атакован с фронта и с флангов. Тиховский подкрепил Выташевского бывшими в залоге казаками, сам поспешил на помощь атакованным, отослав лошадей в кордон, и пешим строем продолжал бой. Черкесы между тем, оставив против Тиховского сот до четырех, двинулись всей массой к станице Ивановской, с намерением разграбить это селение; но бывший там с частью регулярного войска майор Бахманов, предупрежденный о том, ударил тревогу. Горцы, услышав барабанный бой и звуки рожков и не имея сведения о числе наших сил в станице, поворотили на хутора, где

захватили многих жителей, скот и имущество. Тиховский встретил их возле Кубани пушечными выстрелами, завязал жаркое дело, но усилия его отбить пленных и скот не удались.

В деле этом, длившемся часов пять, наши не понесли урону; черкесы же потерпели много от пушечных выстрелов.

18 января более 4000 горцев под предводительством именитейших князей, при четырех значках, двух красных и двух белых, вторгнулись в пределы Черномории вблизи того же Ольгинского поста. Они разделились на четыре партии: пешие заняли все сообщения Ольгинского поста с другими кордонами, конные понеслись грабить ближайшие станицы. Войсковой полковник Тиховский, получив о том сведение, разослал гонцов в смежные кордоны и селения, а войсковому атаману отправил донесение о том, что у него нет достаточно сил к отражению скопища. Только этот последний гонец успел добраться до цели, а прочие встретили уже горцев на всех дорогах.

Поднятая Тиховским тревога не осталась бесплодной. Майор Бахманов успел заметить вовремя приближение неприятеля и собрал Ивановских жителей для защиты станицы; но горцы все-таки бросились в селение, сожгли несколько домов, разграбили имущество и захватили несколько жителей в плен. В ту минуту, когда разбойники расстроились при разорении крайних дворов, Бахманов примером своей неустрашимости воодушевил команду, состоявшую из трех офицеров и 80 нижних чинов, повел егерей и Ивановских вооруженных жителей решительной атакой на неприятеля и дружным ударом в штыки опрокинул его за станицу и жаркой перестрелкой преследовал горцев на обратном пути к Кубани.

Оставшемуся на Кубани Тиховскому ждать помощи было некогда и неоткуда; он это знал, но видел, что толпы черкесов, как волны моря, двигаются для разорения земли черноморцев, защищать которую он ставил себе священным долгом. Сначала Тиховский выслал с кордона сотню казаков, при офицере, а потом решился действовать всеми бывшими своими силами.

Присоединив к казакам успешную пробиться из Ново-Екатериновского поста конную команду, при полковом есауле Гаджанове, и забрав из Ольгинска пеших казаков, он, с одной 3-фунтовой пушкой, имел в своем распоряжении 200 человек. С этой-то горстью Тиховский двинулся на скопище, в двадцать раз сильнейшее. Черкесы тотчас же атаковали Тиховского, который, отослав всех лошадей в кордон, выстроился в порядок пешим строем. Азиятцы подались назад; тогда Тиховский пустил в них три пушечных выстрела картечью и тем положил целые ряды в густой толпе. Оторопевшие хищники стали подбирать своих убитых и раненых и поспешили выйти из-под картечных выстрелов, но в это самое время подоспели к ним на помощь бывшие на левой стороне пешие черкесы, и вся масса вновь хлынула на Тиховского. Закипел ожесточенный бой между тысячами неприятелей и горстью казаков. Четыре часа бился Тиховский, поражал врага меткими ружейными и пушечными выстрелами и брал уже верх над нестройными толпами, как вдруг грабившие Ивановское селение конные черкесы, услышав пушечные выстрелы и теснимые Бахмановым, прискакали на место сражения. Дружно ударили все горцы на Тиховского, и притом в тот самый критический момент, когда были израсходованы артиллерийские снаряды; боевых патронов тоже оставалось мало, и в людях была уже убыль убитыми и ранеными. Сам Тиховский, истекая кровью, употреблял, при содействии сподвижника своего Гаджанова, последние усилия: он ударил на неприятеля в «ратища», но черкесы выдержали отчаянный напор казаков и приняли их в шашки. Тогда Тиховский, окруженный со всех сторон, весь израненный, собрав остатки своей команды, с отчаянием бросился напролом, но, разрубленный горцами на части, пал со славою на поле чести. С ним погибли и остатки храброй дружины его.

Наступившая ночь осенила мрачным своим покровом разбросанные по полю тела черноморских казаков...

Кроме Тиховского, были убиты: хорунжий Кривошея, зауряд-хорунжий Жировый, сотенных есаулов четыре, казаков 140.

Полковой есаул Гаджанов, один сотенный есаул и 16 казаков, большею частью израненные, спаслись, пользуясь темнотой; но из них многие тогда же и умерли, а все прочие, с пушкою, уведены черкесами. При разграблении селений Ивановского и Стеблиевского погибло и взято в плен более пятидесяти жителей, сожжено несколько домов в обеих станицах, захвачено рогатого скота до 2000 голов, до 1500 овец и до 100 лошадей. Но и горцам этот успех стоил дорого: кроме убитых и раненых, ими подобранных, более 500 тел найдено на месте боя.

Стоявший у Мышастовской станицы полковой есаул Голуб поскакал по тревоге к Ивановке, но, не застав там неприятеля, направился к месту боя Тиховского. И тут уже было все кончено: горцы уже убралась за Кубань.

Кровопролитное дело это имело то важное последствие, что Тиховский, своим упорным сопротивлением, отвлек неприятеля от движения их всеми силами на пограничные селения; так что станицы Ивановская и Стеблиевская могли приготовиться к обороне и отразить хищников.

С тех пор прошло более полувека; затихла гроза войны на берегах Кубани; заросло травкою поле, облитое казацкою кровью — усеянное костями казаков, и только скромный памятник, поставленный усердием признательных черноморцев, указывает могилу павшего с товарищами — за Царя и родину — *героя Тиховского*¹... Мир праху твоему, сданный воин-черноморец, ратовавший против врагов отечества, с берегов Днепра и за Бугом, на Черном море! Ты, спасая тысячи людей, сам лег костями на берегах Кубани! Слава памяти твоей, доблестный сын отечества!

26 января горцы вновь ворвались в наши пределы скопищем до 4000 человек с целью разграбить Мышастовское селение. Но этот раз они не были так счастливы, как семь дней назад.

---

¹ Первая мысль о сооружении памятника Тиховскому принадлежит покойному подполковнику Кубанского войска Мартыну Бариш-Тищенко; остальное покончено стараниями того же войска войскового старшины Василия Вареника.

Бывший в Мышастове подполковник Бурнос, с 250 казаками, с ротой 22-го Егерского полка и с вооружёнными жителями, смело вступил в бой; но, получив рану пулею в щеку, сдал команду капитану егерей Трубицыну. После четырехчасового дела Трубицын успел отразить неприятеля, нанеся ему чувствительный урон. Потеря горцев была тем заметнее, что, торопливо подбирая убитых своих товарищей, не успели захватить семи мертвых тел; кроме того, отбито казаками восемь лошадей и много разного оружия. С нашей же стороны четверо были ранены, разграблено несколько домов, бывших на краю селения, сожжено сорок четыре стога отрядного сена и угнано 693 головы скота с 15 лошадьми.

Атаман Бурсак давно уже желал перенести театр военных действий в землю хищников; но, связываемый распоряжениями начальства, не мог исполнить своего плана. Правда, Дюк де Ришелье лично убедился, что с черкесами мирным путем ничего не сделаешь, и потому исходатайствовал Высочайшее разрешение наказать грабителей; однако, он велел Бурсаку действовать за Кубанью не иначе как одновременно с движением отряда из Анапы. Зимнее время и страх свирепствовавшей за Кубанью чумы препятствовали движениям наших войск в закубанском крае. Так, по крайней мере, гласят письменные документы того времени; но можно думать и иначе. Если наши опасались соприкосновения с чумными черкесами за Кубанью, то все равно они имели с ними сношения в пределах своих границ, при набегах горцев на Черноморию. Зима также не могла служить препятствием действию наших войск, в чем мы сейчас же убедимся; скорее можно полагать, что пылкий Бурсак был недоволен осторожностью высшего начальства.

Мы уже видели, до чего дошла тяготевшая над Черноморским войском опека таврического начальства: нельзя было переходить в землю неприятельскую, для наказания злодеев, без разрешения правительственной власти. Только после январских происшествий на кубанской границе Ришелье, наконец, согласился предоставить Бурсаку распоряжаться обороной Чер-

номорской кордонной линии и наказывать черкесов. 2 февраля Ришелье, между прочим, писал атаману, чтобы он, карая без пощады врагов, старался уничтожать их селения и забирать их имущество; регулярным же войскам, расположенным в Черномории, по Кубани, он приказал быть в полном распоряжении Бурсака. Кроме того, полковник Рудзевич, командовавший анапским гарнизоном, имел предписание делать по сообщениям Бурсака из Анапы диверсии для развлеченя внимания неприятелей. Этого только и желал атаман Черноморского войска. 17 февраля он был уже за Кубанью. Двинувшись в землю черченейцев и абадзехов, Бурсак на рассвете достигнул р. Суп, занял оба берега этой речки и подошел к неприятельским аулам.

Отсюда он командировал подполковника Султана-Али и войскового полковника Кобиняка со вверенною ему колонною, состоявшею из полков: его же, Кобиняка, Варавы, Бурноса 2-го, Курочки и Семакова, при трех орудиях, в правую сторону, по расположению жилищ азиатцев, а сам, с войсками второй колонны, с четырьмя орудиями, направился влево. Действия обеих колонн начались в шестом часу утра. Застигнутые врасплох горцы защищались отчаянно, а те из них, которые не успели вооружиться, спасались вброд чрез речку и разлившийся версты на четыре лиман. Ожесточенные казаки рубили врагов несмотря ни на пол, ни на возраст. В плавающих аулах Бурсаку едва удалось спасти четырнадцать мужчин и двадцать четыре женщины. Все имущество неприятелей, уцелевшее от огня и состоявшее большею частью в медной посуде, турецких тканях, бумажном холсте и т.п., было забрано нашими войсками; рогатого скота они захватили до 3000 голов, овец более 3000 и до сотни лошадей, и много разного оружия. Так как бежавшие горцы укрылись в густом лесу, а речка от половодья разлилась, то и нельзя было преследовать черкесов. В первом часу пополудни обе колонны прекратили свои действия; аулы, запасы сена и хлеба в скирдах пылали; казаки выючили богатую добычу и сгоняли стада рогатого скота и овец. При обратном пути нашего отряда горцы хотя и нападали, но

езде были отражаемы с уроном. Наша потеря в эту экспедицию была самая незначительная. Вся добыча роздана была войскам, а из оружия богатый лук, со стрелами в колчане, и отличное ружье Бурсак отослал в Одессу, в подарок Дюку де Ришелье.

В то время когда Бурсак действовал за Кубанью, полковник Рудзевич, производя диверсию из Анапы с частью войск (два батальона егерей, 80 казаков и четыре орудия), 21 февраля, двинулся за Кизилташскую косу к бывшему там редуту, и в семь часов вечера, после отдыха, повернул влево к горам. На рассвете Рудзевич достиг черкесского аула на р. Напчуге, из которого жители бежали; причем войска наши захватили до 600 овец, 33 головы рогатого скота и 46 лошадей. При обратном следовании отряда, верстах в пятнадцати от Анапы, собравшиеся в значительном числе горцы атаковали Рудзевича со всех сторон, зажигая впереди степь, как делали когда-то татары во времена гетмана Самойловича; но пожар, по времени года, не имел последствий. Горцы были отбиты пушечными выстрелами.

10 марта атаман Бурсак, составив отряд из 12 конных и пеших Черноморских полков, Дмитриевского гарнизонного батальона, двух рот 22-го Егерского полка и шести артиллерийских орудий, переправился за Кубань в дистанции Елисаветинского поста. К сожалению, в это самое время он внезапно заболел; но, не желая останавливать войска на походе, поручил отряд войсковому полковнику Кобиняку и войсковому старшине Дубоносу, которые должны были действовать по данной диспозиции каждый особою колонною. В три часа пополудни отряд двинулся в землю черкесов и, отойдя верст за пятьдесят от Кубани, в пять часов утра другого дня, разделился на две колонны. Кобиняк направился к р. Иль, а Дубонос по р. Зерки. Колонны следовали одна от другой на расстоянии около трех верст, чтобы иметь постоянное между собою сообщение. Путь лежал ущельями, среди высоких гор, покрытых лесом и чигарником; по ущельям извивались речки; на косогорах были расположены аулы. Не успели азиатцы опомниться, как сакли

их запылали и все имущество их предано разорению. Гром наших пушек, свист пуль с обеих сторон, дикие крики черкесов, наше «ура!» стоны раненых и величайшая суматоха — приветствовали восходящее солнце 11 марта. Скоро все было кончено: несколько аулов истреблено; 45 черкесов взято в плен; забрано 40 лошадей, 80 голов рогатого скота, много оружия и других вещей. Убитых черкесов (большею частью пушечными выстрелами) обоего пола и разного возраста насчитывали до 500 душ. Когда не осталось в виду ни одного жилища горца, обе колонны соединились в один отряд и тронулись обратно на Кубань, тревожимые горцами. 12 марта войска переправились на правую сторону Кубани; некоторые полки были поставлены здесь на границе, остальные распущены по домам.

Возмездие, поразившее горцев за их беспрестанные нападения на землю черноморских казаков, довело хищников до отчаянного уныния. Они лишились и жилищ, и имущества, остались зимою без крова и хлеба, и потому решились избрать из среды своей почетнейших старшин для переговоров с черноморцами: о прекращении обоюдных военных действий. Избранные князья и дворяне, прибыв 28 марта в Екатеринодар, предложили атаману Черноморского войска принести чрез посредство преданного нам князя Алкаса покорность горских племен. Бурсак, зная азиатцев, неохотно вел переговоры; послы же черкесского народа настаивали на своем предложении, обещаясь хранить мир и препятствовать всем несогласным с ними горцам нарушать спокойствие Черноморского войска. Условия эти Бурсак представил таврическому начальству. По утверждении их Дюком де Ришелье поверенные горских племен присягнули на коране; войсковою атаман, со своей стороны, обещал им покровительство России.

Оттоманская Порта с неудовольствием узнала о примирении горцев с черноморцами. Посредством своих агентов турки постарались уверить черкесов, что султан готов оказать им всякое содействие в войне с черноморцами. Действительно, в ис-

ходе августа турки доставили черкесам в Сунджук-Кале несколько пушек и артиллерийских снарядов. Черкесы забыли о недавней клятве. Пошел военный клич в горах; несколько тысяч горцев приготовились вторгнуться в пределы Черномории, и прежде всего хотели разорить владения верных России князей Ахметука и Алкаса.

Дюк де Ришелье предложил войсковому атаману составить отряд и идти в землю неприязненных горцев. Бурсак собрал три батальона 22-го Егерского полка; полки Таганрогский и Дмитриевский, двенадцать конных и пеших черноморских полков, при десяти орудиях. 12 сентября он двинулся за Кубань. Всю ночь шел отряд к аулам абазинцев, намеревавшихся разорить владения Алкаса. Несмотря на упорную защиту, Бурсак успел разорить несколько аулов по р. Супу и только ночь прекратила кровопролитный бой. В этот день с нашей стороны убиты: казаков 2, егерь 1; ранены: сотенный есаул 1, казаков 43, егерей и из батальонов 21. О неприятельской потере положительных сведений нет, но она долженствовала быть гораздо значительнее. Вечером черкесы на всех пунктах были отбиты. На другой день отряд, двинувшись далее, в полдень стал на границе земли абазинцев с шапсугами, куда примыкали владения Алкаса. Расположив здесь войска на ночлег, Бурсак отправил всех раненых в Екатеринодар; затем отряд перешел на речку Чуба, тоже в абазинские владения, где, разорив еще три неприятельских селения, поворотил обратно к Кубани, тревожимый, по обыкновению, горцами... 17-го числа отряд простоял на речке Чуба с черкесами Алкаса, а 18-го перешел на р. Псекупс и имел тут ночлег. Горцы более не показывались; их хлеб и сено были уничтожены нашими войсками. 20-го числа Бурсак переправился на русскую сторону.

В декабре Дюк де Ришелье, отрядив полковника Рудзевича для взятия Сунджук-Кале, предписал войсковому атаману занять внимание неприятелей со стороны Черноморской кордонной линии. Чтобы не ослабить в зимнее время кордонной стражи, Бурсак стянул на границу не только свободные войска, но даже отставных казаков, способных владеть оружием и, соста-

вив отряд из частей регулярных и войсковых, 16 декабря направился от Копыла прямо по дороге на Сунджук-Кале. Достигнув р. Адакума, атаман расположился там лагерем и простоял до 26 декабря. В этот день первая колонна под командою подполковника Малого, тронувшись далее по лесистой местности, понесла довольно значительный урон от сильного нападения неприятеля: у нас был убит штаб-офицер и восемь нижних чинов; ранены четыре обер-офицера, до пятидесяти нижних чинов и пять уведены в плен. Во второй колонне, подполковника Еремеева, никакого урону не было. На другой день знатнейшие владельцы натухайского племени явились к Бурсаку с мирными предложениями, принесли присягу на верность подданства России и просили не разорять их владений, соглашаясь довольствоваться наших лошадей в отряде фуражом.

По полученному от Ришелье приказанию отряд должен был воротиться на Кубань. Причиною тому было крушение близ Анапы нашего судна с хлебом, назначенным в Сунджук-Кале, отчего отряд Рудзевича вернулся в Анапу.

12 января 1811 года Рудзевич, извещая Бурсака о движении своего отряда в землю шапсугов, приглашал содействовать ему. Вслед за этим было получено известие, что отряд его перешел р. Адакум и что шапсуги присылали к нему трех старшин с изъявлением покорности. От них требовали возврата русских пленных и орудия, взятого горцами при Ольгинском посту; кроме того, одиннадцати аманатов из знатнейших фамилий. Чтобы поддержать такие требования, Рудзевич просил Бурсака о совместном действии. 16-го числа он вновь известил атамана Черноморского войска, что часть шапсугов, по р. Антхырь, уже покорилась России, и до выполнения условий, им предложенных, дали четырех аманатов, и потому имущество покорных шапсугов не должно быть разоряемо.

В это время Бурсак стоял близ Кубани и только 12-го января двинулся в горы. На другой день казаки захватили до ста голов рогатого скота, тогда же розданного в отряде на пор-

ционы. 14-го числа казаки соединились с отрядом Рудзевича на р. Шипс. Здесь оба отряда расположились лагерем.

Через два дня явились знатнейшие шапсуги с прежними мирными предложениями, но, кроме голословных обещаний, Рудзевич не получил ничего. 17-го отряды двинулись, под его начальством, через шапсугские владения обратно к Кубани, не тревожимые черкесами; но едва войска прошли покорившуюся страну, до р. Антхыр, как неприязненные горцы стали сильно теснить их. Войска успели разорить несколько аулов, но дело не обошлось без потери убитыми и ранеными. По приходе на Черноморскую кордонную линию, 24-го того же месяца, Рудзевич, запасшись провиантом, отправился к своему посту, а черноморские войска отряда Бурсака остались частью на границе, частью распущены по домам.

За труды и отличия в действиях за Кубанью генерал-лейтенант Дюк де Ришелье в приказе 15 февраля изъявил благодарность Бурсаку и всем прочим войскам.

Удачные экспедиции за Кубанью Бурсака подействовали на черкесов: они присмирели, и одно имя атамана Бурсака наводило на них страх. Но это было лишь временным затишьем.

В ноябре 1811 года собралось за Кубанью шапсугов, абадзехов и натахайцев до 10000 человек. Начальствовавший ими бывший анапский паша приезжал к преданному нам князю Алкасу, приглашая его присоединиться к поголовному ополчению. Алкас поступил иначе: и другие мирные князья Ханук, Мишеост и Ахметук сообщили обо всем происходившем за Кубанью Бурсаку, и просили помощи против угрожавших им горцев. Атаман командировал за Кубань подполковника Дубоноса с 1000 конных казаков и тремя орудиями; к ним присоединились до 8000 мирных черкесов тех же владельцев. Тогда между двумя станами, — паши и Дубоноса, завязались переговоры, тянувшиеся до 7 декабря. Кончилось тем, что неприязненные горцы разошлись по домам.

Оставим на время действия на Кубанской границе и обратимся к знаменательным событиям вне пределов Черномории.

Черноморское войско не отставало от других областей государства в пожертвованиях в войну 1812 года. 100 000 руб. из войсковой казны и более 14 000 руб., собранных по добровольной подписке, принесены были Черноморией на пользу отечества¹.

Не одними материальными средствами, но и военными силами Черноморское войско участвовало в войне с Францией. В конце 1811 года выступила в поход из Черномории в С.-Петербург сформированная по Высочайшему повелению гвардейская сотня. По расписанию 1-й западной армии Черноморские гвардейцы поступили: 3-го пехотного корпуса, в 3-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта Коновницына. Кроме гвардейской сотни, на место 9-го пешего полка, возвращенного в Черноморию из армии адмирала Чичагова, по требованию Кутузова был выслан в Брест-Литовск 4-й сводный Черноморский конный полк, под командою полкового есаула Плохого.

Как гвардейская сотня, так и конный полк участвовали во многих сражениях Отечественной войны и исполняли различные поручения. Между прочим, подполковник Бескровный был отряжен, с Черноморскою гвардейскою сотнею, для открытия пути к Юрсбургу. Он нашел город занятым сильным неприятельским отрядом, но, не теряя времени, атаковал его, разбил, взял в плен двух штаб, и трех обер-офицеров и 270 человек нижних чинов и овладел на Немане французскими барками с хлебом и овсом. 4 декабря Бескровный был послан открыть движение корпуса маршала Макдональда. Встретив передовые войска, он с храбрыми своими гвардейцами разбил неприятеля и взял в плен двух обер-офицеров, 106 нижних чинов и захватил провиантский магазин.

По переходе наших войск за границу Черноморская гвардейская сотня состояла при особе Государя Императора и постоянно отличалась в военных действиях храбростью и мужеством, за что была награждена двумя серебряными трубами².

Не менее отличался и 4-й конный полк. Прибыв 18 июня 1813 года в Брест, он на другой же день, по предписанию гене-

---

¹ «История войны с Францией 1812 г.» соч. Богдановича.

² Высоч. приказ 15 июня 1813 г.

рал-адъютанта князя Волконского, выступил в действующую армию, с которою 6 сентября соединился в Богемии, при местечке Белине. Здесь, по повелению Баркляя-де-Толли, полк остался при главной квартире; затем поступил в летучий отряд князя Кудашева и оказал особенное отличие, заслужившее историческую известность. «После сражения при Кульме, по предложению Толя, союзниками было принято действовать против неприятеля партизанскими отрядами. Граф Платов, прибыв в Пениг, условился с стоявшими вблизи генерал-лейтенантом бароном Телемаком и полковником графом Мейндорфом — преследовать неприятельского генерала Лефевра-Денуэтта, который, достигнув г. Цейца, занял впереди лежащие высоты двумя батареями. Бывший под командою Платова, с особым отрядом из одного Донского и одного *Черноморского* казачьих полков, князь Кудашев, действием артиллерии заставил неприятеля сняться с позиции. Едва французы тронулись с места, как кавалерия союзных партизан помчалась в атаку; несшийся впереди *Черноморский* казачий полк первый ворвался в город, а когда неприятель, засевший в фабричных строениях, начал стрелять, то кавалерия наша спешила и штурмовала фабрику; казаки и гусары, под начальством принца Бирона Курляндского, выбили неприятеля из укрепленных мест, взяли в плен 36 офицеров, 1,380 нижних чинов, отбили три знамени и пять орудий. Из черноморцев, при этом деле, убит полковой квартирмейстер Величковский».

По возвращении из Силезии, Черноморский казачий полк, распоряжением князя Волконского 30 июля 1814 года, из Владимира на Волыни возвратился в Черноморию¹.

После бегства Наполеона с острова Эльбы атаман Бурсак получил из Вены, чрез управляющего военным министерством князя Горчакова, от Императора Александра I, 9 марта 1815 года, следующий рескрипт:

---

¹ «История войны с Францией 1812—1813 гг.» Т. I и II, соч. Богдановича. — Полн. Собр. Зак. 1813 г. Т. XXXII (25401). — Свед. из дел Куб. войск. архива.

«По предстоящей надобности в Иррегулярных войсках для армии, к действию против неприятеля назначенной, повелеваю вам снарядить немедленно пять исправных и доброконных полков Черноморского войска и отправить их на границу Нашу к Радзивиллову, а Мне донести, когда они на сей пункт придут, дабы можно было встретить их в свое время предписанием о дальнейшем следовании. Не зная, может ли войско Черноморское, при содержании своих кордонов, отделить в армию назначаемые пять полков. Я оставляю на ваш произвол выслать их столько, сколько местные обстоятельства позволят вам, — надеюсь, что по усердию к службе и общему долгу, сами вы не удержите излишних людей в домах, а доставите случай храбрым черноморцам отличить себя на том поприще, где сотоварищи их столь отлично служили уже в прошлую кампанию».

Атаман Бурсак приказал изготовить четыре сборных конных полка; более он не мог выслать без ослабления Кубанской границы от нападения горцев, — о чем, для доклада Государю, Бурсак 11 апреля донес князю Горчакову.

Собранные полки 10-го мая выступили в поход, под командою подполковника Дубоноса, направляя путь к местечку Радзивиллову Волынской губернии; но на марше, из местечка Холма Варшавского герцогства, по Высочайшему повелению, переданному Дубоносу генерал-майором Родионовым, возвращены на родину, так как надобность в движении войск за границу миновала.

В 1813 году, по окончании турецкой войны, крепость Анапа была возвращена Турции; с ней вместе поступили под турецкую опеку и горские народы. Назначенный в Анапу комендантом Гуссейн-паша получил строгое приказание не допускать черкесов до враждебных действий против России. Но в 1815 году, Сеид Ахмет-паша, назначенный на место Гуссейна-паши, не был расположен поддерживать спокойствие на Кубанской границы. Натухайцы первые не понравились ему за мирные сношения с русскими. Он намеревался поселить между ними до 10,000 ногайцев, а когда это не удалось, предложил шапсугам вовсе лишить натухайцев земли. Эта

угроза тоже не состоялась; тем не менее паша не переставал изыскивать способы поднять горские народы на борьбу с русскими.

О поступках паши было сообщено нашему посланнику при Константинопольском дворе. Тайный советник Италинский узнал, что анапский паша имел от Порты секретное поручение возмущать горские народы, о чем 22 октября 1815 года генерал Бухгольц сообщил Черноморскому войсковому атаману для взятия предосторожности на кордонной линии. В то же время тайный советник Италинский, не открывая дивану полученных им сведений о закубанских делах, настоял, в силу существовавших договоров, о возвращении черноморцам заграбленного горцами, в разное время, скота и другого имущества, также возвращения наших пленных и дезертиров. Султан дал об этом фирман анапскому паше, и часть скота черноморцами из-за Кубани получена; пленные же и дезертиры под разными предложениями не были возвращены.

Из внутренних событий 1815 года, касавшихся непосредственно Черномории, следует отметить назначение херсонским военным губернатором генерала от инфантерии графа Ланжерона, которому, как и прежним начальникам края, подчинялась земля Черноморского войска, и выход в отставку атамана Бурсака. Удрученный летами и трудами долголетней службы, Бурсак сам просил об увольнении, и в следующем году получил на свою просьбу Высочайшее разрешение. В шестнадцать лет своего атаманства он много принес пользы Черномории в военном и гражданском отношениях. Своими походами за Кубань он принудил горские народы просить мира, и хотя мир с ними не был прочен, однако в промежутки его не одна сотня казачьих семейств перестала оплакивать потерю мужей, отцов, сыновей и братьев, слагавших головы свои при защите родного края.

По представлению графа Ланжерона, на место генерал-майора Бурсака, по Высочайшему указу, 23 марта 1816 года назначен войсковым атаманом непрременный член войсковой канцелярии подполковник Матвеев.

Мирное время на границе начало сближать горцев с черноморцами. Для большого распространения сношений русских с азиятцами по Высочайшему повелению прислан был в Черноморию ведомства государственной коллегии иностранных дел надворный советник де Скасси, в качестве посредника между горцами и казаками. Чиновник этот, прибывши в войско 5 декабря, заявил войсковому атаману следующие свои соображения: зная характер, нравы, обычаи и дух черкесского народа, он предложил правительству восстановить с горцами приятные сношения посредством торговли, и преимущественно солью, а в замен ее получать от них лес. Для этого надлежало открыть по Кубани меновые двory. Скасси советовал также допустить черкесов жить на нашей стороне хуторами и селиться аулами при самой Кубани, с левой стороны, для лучшего сближения с русскими. Войсковое начальство открыло с горцами свободную торговлю на меновых дворах, устроенных по пристаням на Кубани. Мера эта оказалась полезною и для края: черкесы, получая запрос на свои товары, охотно пускались в меновую торговлю. Из-за Кубани шел преимущественно лес и сырые продукты и материалы, а из Черноморья — соль и мануфактурные товары. Предложение же Скасси селить горцев по обе стороны Кубани войсковое начальство не приняло из опасения грабежей и разбоев азиятцев; но некоторые владельцы сами начали просить о водворении по границе, обещая не допускать вторжений горских разбойников. Просьба их была представлена войсковым атаманом, чрез графа Ланжерона, на Высочайшее усмотрение. По записке управляющего министерством иностранных дел, комитет министров, журналом 10 апреля 1817 года постановил: дозволить закубанским владельцам селиться на их стороне при Кубани, со строгим наблюдением предосторожностей. Император Александр, утверждая это положение, добавил: «Особенно наблюдать, чтобы те владельцы не имели от местного начальства никаких притеснений, и чтобы не было с них сбора денег ни на какие земские повинности или расходы».

Близкие к Кубани поселения не принесли, однако, особенных выгод. Селившиеся горцы, считаясь мирными, имели свободный доступ на нашу сторону и, высмотрев положение кордонной стражи, скорее могли пробираться к ним или указывать путь своим родичам. Воровства и разбои, как и прежде, не прекращались.

Старания де Скасси сблизить горцев с русскими не достигли желанных результатов. Имея в своем распоряжении большие суммы, он угощал горцев, дарил их, ласкал и уговаривал быть мирными. Черкесы по несколько дней жили у нас целыми десятками, пили и ели вдоволь, брали подарки, внимательно выслушивали советы попечителя и изъявляли мирные расположения свои и за других. Все это происходило на правой стороне Кубани, а на левой горцы думали иначе: видя доверчивость дипломата Скасси, хитрые азиатцы обманывали его, обирали нашу казну и по-прежнему оставались врагами русских. Бывали нередко случаи, что того самого горца, которого сегодня дарили и угощали, как лучшего из наших приятелей, завтра находили убитым или захватывали на хищничестве и разбоях в наших пределах. По поводу таких двуличностей «мирных» между казаками сложилась поговорка: «В день мирный, а в ночи дурный».

Спокойный для Черномории 1817 год был ознаменован проездом в Крым Великого Князя Михаила Павловича. Его Высочество, 14 сентября прибыв в Екатеринодар, посетил войсковой собор и местные войсковые учреждения. Найдя как по военной, так и по гражданской частям отличный порядок, Великий Князь отдал благодарность войску.

Но долгое спокойствие на Кубанской границе наскучило горцам. Подготовленные тайными врагами России, они неожиданно, в 1818 году, открыли враждебные действия. На первый раз удалось им 4 января разграбить Капанскую постовую станцию, но после подкрепления кордонной линии, по 50 человек на каждый пост, дальнейшие нападения горцев не имели успеха.

На письмо войскового атамана к анапскому паше об усмирении хищников Сеид-Ахмет-паша отвечал, что закубанцы без

ведома его тревожат Черноморию, и что таких разбойников следует ловить, привязывать им кошель на шею и бросать в воду. В последующей переписке он высказался Матвееву, что черкесы его не слушают, что он не в силах удерживать их от нападений на Черноморию, что атаман сам должен принимать меры предосторожности на границе, но обещал извещать о замыслах горцев.

В конце 1819 года войсковому атаману Матвееву лазутчики передали из-за Кубани сведение, что черкесы условились между собою вторгнуться в Черноморию, как только Кубань покроется льдом.

По уверению лазутчиков, к этому набегу побуждал горцев, угрозами, подарками, ласками и другими мерами, сам анапский паша.

Матвеев выдвинул на границу все льготные строевые части войска. 30 января 1820 года он донес об этом графу Ланжерону, который, зная малочисленность Черноморского войска, потребовал с Дону два конных полка. Подкрепление это подошло тогда, когда в нем не было уже надобности.

В январе горцы открыли военные действия. Первое покушение их разграбить Васюринское селение не удалось. Встретив сильные пограничные команды есаулов Косовича, Заборы и войскового старшины Гавриша, горцы убралась за Кубань, но не разошлись, а, напротив, усилившись до 7000, 24-го числа двинулись всей массой на нашу сторону, в дистанции Елисаветинского поста, грабить хутора, расселенные верстах в пятнадцати от Кубани. Подполковник Ляшенко, войсковой старшина Порохня, с 800 казаков, стали на перерез скопищу неприятелей. В то время как казаки смело стали на отбой, черкесы одним натиском семитысячной массы прорвали ряды казаков, двинулись далее, разграбили и разорили жилища хуторян, несколько человек убили и до тридцати душ взяли в плен, захватили 700 голов рогатого скота и до сотни лошадей. 1 февраля вторжение повторилось: восьмитысячное скопище двинулось к Полтавской станице. Сиромаха и хорунжий Синьговский, поспешившие с кордонных постов, имели не более

двух сот казаков, и потому не в силах были удержать многочисленного неприятеля. Уже горцы вторгнулись в станицу; запылали жилища казаков на окраине селения; упорный бой кипел в улицах станицы; Сиромаха и Синьговский, соединившись с жителями, отстаивали Полтавскую; священник с крестом в руках явился среди защитников... К счастью полтавцев, прибывшие с командами войсковой полковник Стороженко и есаул Животовский смелым и дружным ударом свежих сил принудили грабителей отступить. Тогда Стороженко, пользуясь замешательством черкесов, соединив под свою команду все оборонительные силы, погнав горцев к Кубани, отбил у них часть захваченного у нас скота и два неприятельских значка. При преследовании этом много черкесов было убито и ранено; но и казаки, кроме разграбленных домов, потеряли уведенными в плен пятнадцать душ полтавских жителей, убитыми: хорунжего Синьговского, пять нижних чинов и шесть ранеными.

Через несколько дней, собравшись вновь до 2000 человек, черкесы переправились на правую сторону Кубани, в дистанции Петровского поста. Напрасно есаул Кумпан с отрядом своим старался заградить дорогу горцам; отбросив горсть казаков, они направились к казачьим хуторам. Прискакавший с Копыльского поста, с полуторасотенною командою, войсковой старшина Головинский также не мог остановить неприятеля. Горцы разграбили казачьи поселения, сожгли дома, забрали скот, имущество и людей и ушли за Кубань. Головинский и Кумпан, хотя и нападали на неприятеля, но с малым числом казаков, конечно, не спасли хуторян.

Наступившая оттепель разбила на Кубани лед; переправа через реку стала затруднительна, и вторжения хищников прекратились.

Хозяйничанье черкесов в нашем крае сильно поколебало доверие черноморцев к своему начальству. Общее мнение говорило особенно не в пользу войскового атамана Матвеева, допуславшего горцев безнаказанно разорять казачьи станицы; даже поговаривали еще и другое, например:

Матвеев проминяв осички¹
На сребрани жучки².

Конечно, такому слишком смелому предположению верить нельзя; да и примеров не бывало, чтобы в Черномории не только атаманская, но простая начальствующая личность изменяла долгу службы и присяге. Но так или иначе, а репутация Матвеева в деле военной обороны вверенного ему края много пострадала. Втянувшись в бесполезную переписку с анапским пашой, он не обращал должного внимания на тревожные известия из-за Кубани; правда, он выставил подкрепления из льготных частей, но, зная недостаточность военных сил на кордонной линии, мог бы вызвать из войска для защиты границы всех, способных носить оружие, подобно тому, как прибегал к этой крайней мере предшественник его, Бурсак, в чрезвычайных случаях. Чтобы не допустить горцев свободно разгуливать на войсковой территории, Матвеев имел возможность сам ходить за Кубань, что всегда и делал Бурсак. Справедливо, что существовало повеление Ланжерона не переходить за Кубань, но такое запрещение было и прежде, однако Бурсак добился позволения наказывать хищников в их же земле.

Бедственный год принес, однако, Черномории и радостную весточку. Давно уже чувствовался недостаток в населении войска, давно внутреннее благоустройство черноморцев требовало улучшения. Бесперывная служба на кубанской границе, отвлекая рабочие силы, или, лучше сказать, *всех* способных носить оружие от домашних трудов, повергло край в бедность, что и было доведено графом Ланжероном до Высочайшего сведения. По проекту генерал-майора Киселева, управлявший министерством внутренних дел, граф Кочубей поднес Государю доклад о переселении в Черноморию до 25000 душ малороссийских казаков. Представление это, в 19-й день апреля 1820 года, удостоилось Высочайшего утверждения³. Столь значительное

¹ «Осичками» назывались разграбленные горцами в первый раз хутора.

² «Жучки» — набор для пояса.

³ Полн. Собр. Зак. Т. XXXVII (28241).

число переселенцев, прибывших в войско, окончательно в следующем году оживило край, ободрило упавший дух истощенных до крайности казаков.

Как ни бедны были черноморцы, но все же в сравнении с пришедшими к ним из Малороссии собратами могли похвалиться некоторым довольством: по крайней мере, у них был свой кров и насущный, хотя и скудный, кусок хлеба; у переселенцев же не было ни того, ни другого. Чтобы помочь этим беднякам, атаман Матвеев 21 ноября 1821 года обратился к черноморцам с воззванием: он приглашал их к благотворительности — и не напрасно. Едва прошел месяц, как уже было собрано 10 000 рублей ассигнациями, до 64 четвертей хлеба, 317 голов рогатого скота, 16 лошадей и 1044 овцы¹. Пожертвования не прекращались и в последующее время. Учрежденный в Екатеринодаре комитет для водворения переселенцев, благоразумно распорядился приношениями черноморцев, которые после речи, пронесенной атаманом в собрании дворянства, усугубили свою благотворительность.

Высочайшим указом, данным правительствующему сенату 11 апреля 1820 г., Черноморское войско подчинено было начальнику отдельного Грузинского корпуса, переименованного в следующем году в отдельный Кавказский корпус, а войсковая земля причислена к Кавказской губернии².

Бывший главный начальник войска граф Ланжерон, желая сохранить память о себе, прислал Матвееву из С.-Петербурга двадцать пять своих портретов для раздачи достойным представителям черноморского казачества, и, уведомляя атамана о подчинении войска кавказскому начальству, писал:

«Разлучаясь ныне с сим храбрым и неустрашимым воинством, для которого я, во всех отношениях, старался быть полезным и которое во все время начальства моего над оным было предметом моих искренних попечений, приглашаю ваше высокоблагородие оповестить по области Черноморской о Вы-

¹ Приказ по Отд. Кавк. корпусу 4 мая 1822 г., № 18.

² Полн. Собр. Зак. Т. XXXIII (28225 и 28436).

сочайшем соизволении вместе с подчиненными вам полками сохранять меня в памяти своей. Я же не премину вспоминать о тех отличительных качествах командуемых вами воинов и ваших, которые всегда сопровождаемы были моею признательностью и уважением».

VI

(1821—1829)

Взгляд Ермолова на Черноморию. — Прибытие в Черноморское войско генерала Власова. — Калаусская битва. — Поход Власова за Кубань. — Приезд анапского пашы к Екатеринодару. — Военные действия за Кубанью. — Пособия турок горцам. — Разорение владений натухайского князя Калабат-Отлы. — Удаление Власова на Дон и прибытие в Черноморию генерала Сысоева. — Поход черноморцев в Персию. — Смерть Матвеева и назначение атаманом Бескровного. — Дела на Кубани в войну с турками. — Участие черноморцев в турецкой войне. — Действия Бескровного за Кубанью

До сих пор военные действия на Кубанской границе ограничивались прямыми отношениями Черноморского войска к горским народам. Черноморские казаки были предоставлены самим себе в обороне края от закубанских хищников, и редко-редко какая-нибудь регулярная часть присылалась на помощь казакам. Большею частью сами казаки расплачивались со своими беспокойными соседями. Турецкое правительство, приняв на себя обязанность удерживать горских народов от нападений на Черноморию, не всегда исполняло этот договор с Россией; в последнее же время анапский паша не только не удерживал хищников, но сам, с согласия Порты, подстрекал их, как писал русский посол в Константинополе. С подчинением Черноморского войска кавказскому начальству отношения черноморцев к горцам изменились. Корпусный командир,

генерал от инфантерии Ермолов, не верил в приятные отношения закубанских горцев к России, — хотя некоторые владельцы черкесских племен считались давно уже мирными черкесами; он считал всех горцев врагами русских. Мнение Ермолова о горцах выражено в донесении его управляющему министерством иностранных дел графу Нессельроде, 7 июля 1820 года, по поводу проекта графа Ланжерона о занятии черноморцами Каракубанского острова. Между прочим он писал:

«Народы Закубанские явно непослушны правительству турецкому, и паша, начальствующий в Анапе, во всегдашнем от них опасении. Он редко выезжает из крепости; никогда команды войск не выходят в малом числе. Он не в состоянии укротить их самовольство, воздержать от разбоев. Напротив, сближением и ободрением втайне думает он снискать их привязанность, или, всеконечно, удовлетворяет их корыстолюбие.

Закубанцы знают и права наши, и возможность наказывать за их злодеяния, и что же служит им защитой? Иногда бывающая между ними зараза, но более еще подозрение о всегдашнем ее существовании. Войско Черноморское ограничивает себя невыгодною от набегов обороною. Хищники в селениях, на самом берегу Кубани лежащих, имеют верное убежище между сообщниками в злодеяниях, не боясь преследования, ибо знают, что запрещено оное. Паше Анапскому приносимые, со стороны нашей, жалобы удовлетворяемы одним отзывом, что ему не повинуются.

Не вижу я никакой необходимости так далеко простирать заботливость о успокоении горцев, и относить к одному невежеству те наглости, которые делают они обдуманном образом, или ободренные чрезмерным снисхождением... Не здесь надобно бояться раздражить: народы здешние издавна делают нам вред какой только могут, и кто только близко видит их, знает, что делать более того они не в состоянии. Вечные между ними вражды за то ругаются, и кто не коснется до жилищ их в середине самых гор, которые почитают они оградою свободы, тот не соединит против себя их усилий.

Господин генерал граф Ланжерон, коего постоянное попечение о благоустройстве чувствует войско Черноморское, отвлекая будучи важнейшими должностями, не мог часто посещать здешней страны, и закубанцы всегда замечают отсутствии начальника; меня же обстоятельства понуждают к жизни более подвижной, занимаясь делами с народами во всем им подобными, и сие заметят новые мои соседи.

Итак, если занятие острова Каракубани предоставит выгоды, то, по мнению моему, не заботясь о том, как покажется закубанцам, занять его, как принадлежность, и приступить к построению на нем укреплений. На нем учредить карантин собственно для очищения войск. Не терпеть впредь наглых и оскорбительных вторжений закубанцев, дерзающих делать оные, преследовать и наказывать ближайшие селения, участвующие в злодеяниях; иначе не будет безопасности и всегда потери со стороны нашей...»

Ермолов, приняв в ведение свое Черноморское войско и зная беспорядки, происходившие на Кубанской границе, назначил начальником Черноморской кордонной линии генерал-майора Власова, которому приказал обратить все внимание на ограждение этого края от набегов хищников. Власову дана была полная воля карать злодеев на всяком месте их преступления, и имя Власова скоро пронеслось грозою по всем горам Западного Кавказа.

Прибывши в войско, генерал Власов составил себе о нем весьма невыгодное заключение, вследствие чего Ермолов писал:

«Войска Черноморского атаману, господину полковнику и кавалеру Матвееву.

Войска Донского господин генерал-майор Власов 3-й прислал мне донесение об осмотре полков, содержащих кордонную по р. Кубани стражу. Сколько ни старался он смягчить выражения при описании неисправностей сих полков, не могу я однако же не видеть до какой степени достигли оные.

Начну с того, что в них не комплект; но вы, господин атаман, должны вспомнить, что есть мой приказ о собрании от-

лученных от полков людей, и чтобы оные не были развлекаемы.

Оружия на людях многого не состоит и находящееся на лицо в неопозволительном состоянии. Не у храброго воина оружие в небрежении, а у казаков Черноморских съедает его ржавчина!

Лошадей в полках много неспособных, большого числа вовсе не достает. В пяти полках казаков, с лошадьми надежными, до 1598 человек. Разочтите, господин атаман, сколько негодных остается?

В разборе людей не приемлется в рассуждение род службы. Казак ловкий на коню — служит пеший; не умеющий управлять взлез на коня, и сам не рад, и конь непослушлив под седлом боязливым.

Судя по стрельбе казаков в цель, можно заключить, что многие из казаков пороха с маком не распознают.

Обращение офицеров с казаками не внушает в сих последних к себе должного почтения. Не слабостью и потворством приобретается любовь подчиненного. Начальник, давая собою пример исполнения должности с тщанием и честью, научает почитать себя. Большая часть офицеров Черноморского войска сего не понимает; но начальники их того не видят, и разврат, ими посеянный, не препятствует им получать повышение в чинах и равняться в преимуществах с офицерами достойными. Казаки, послаблением допущенные до состояния уничижающего высокое звание воинов, заставляют краснеть начальников, над ними поставленных, и одни офицеры войска Черноморского того не чувствуют. Вы, господин атаман, отдаете приказания и не смотрите за исполнением; приучаете подчиненных к неуважению в особе вашей начальника, разрушаете чинопочитание и мне, новому сотруднику вашему, едва остается право признавать Вас более не за начальника войск, а за пристава над мужиками. Хочу еще видеть какие употребите вы усилия исправить вкоренившиеся беспорядки от нерадения ваших предместников и собственной вашей слабости.

Нужно вам мое содействие — я готов употребить власть мою и строгость, ибо столько же неприятно мне видеть в вас началь-

ника, не вселяющего к себе почтения, которым должны бы быть почтены и лета ваши и заслуги, так равно иметь под начальством моим сброд людей, похищающий именование военных.

Есть время все поправить, и мне приятно будет щадить старого служивого.

Генерал-от-инфантерии Ермолов».

№ 2

10-го генваря 1821.

Георгиевск.

Что могло быть прискорбнее для Черноморского войска, как такой отзыв о нем главного начальства! Ермолов, еще одним подобным громоносным словом, поразил черноморцев: он угрожал офицерам вызовом на службу в Грузию и закавказские крепости.

Не могу судить, насколько было справедливо негодование генерала Ермолова, основанное на донесении Власова. Считаю, однако, не лишним сказать по этому поводу несколько слов. Ермолов винит атамана в некомплекте полков. Но вспомним, что войско Черноморское именно в это самое время доведено было до полного истощения в численности людей, и что правительство нашлось вынужденным пополнить его переселенцами из Малороссии. Генерал-майор Киселев не без основания объяснял в записке о переселении малороссийских казаков на Кубань, что «Черноморская земля, при великом своем пространстве, не имеет довольного населения...». Значит, в Черномории в людях чувствовался крайний недостаток; а при таком положении войска нельзя было удерживать полки в полном составе. Ермолов упоминает о недостаточности и о небрежности оружия у казаков. Но оружие приобретали черноморцы на свой счет, а иной бедняк не только не имел достатка снарядить себе полное и доброе вооружение, но нуждался в самом необходимом, да и заработать, при постоянной в то время службе, не имел возможности. О чистоте оружия нельзя было и думать. Тогдашняя кордонная на Кубани служба была такова, что казак, ежечасно стороживший хищников, сегодня был в разъезде,

завтра в карауле, послезавтра в залоге. От дождя, росы и грязи, конечно, являлась на оружии ржавчина и все другое, не допускаемое в регулярных войсках, расположенных по квартирам или в гарнизонах. Ермолов указывал на недостаток и негодность некоторых лошадей в конных полках; но можно ли было требовать от бедняков-черноморцев отборных лошадей. Иной казак последнее сбыл да коня добыл, но на беду его конь пал, или убит горцами, а другого исправить не на что. Надобно еще вспомнить, что в то время в Черномории не только коневодство, но и вообще все скотоводство было в большом упадке. Генерал Киселев в упомянутой выше записке писал Государю, «что главные доходы войска состоят в скотоводстве и рыбных ловлях, но и оных казаки, по непрерывному своему оборонительному состоянию, распространить не имеют возможности». Ермолов видит несообразность в сортировке казаков для конницы и пехоты. Это правда. Но не только тогда, а и в позднейшее время в Черномории, при обязательной для всех и каждого службе, принималось за первое основание — назначать в конницу людей, имеющих достаточные средства на исправление коня и других принадлежностей, не требующихся в пешем строе. Иначе и быть не могло. Положим, казак легкий и ловкий, только бы служить на коне; да где взять коня, когда у казака ни гроша в кармане! Поневоле должен пешим служить. Относительно незнания стрельбы черноморскими казаками, не могшими различить, по словам Ермолова, «пороха с маком», могу только предложить вопрос: возможно ли, чтобы черноморцы, выросшие с детства с оружием в руках, не умели стрелять? Откуда же как не из черноморских казаков образовались знаменитые *пластуны*, которые и до Ермолова, при нем и после его несли едва ли другим доступную службу». Кроме пластунов, в Черномории не только все казаки, но и казачки умели стрелять, и не то чтобы, как говорится, в белый свет, как в денежку, а в цель, в которую метили. Последнее замечание Ермолова о слабости начальников в обхождении с подчиненными, действительно, можно было встретить незнакомому с бытом войска; но причины тому нужно искать не в вине начальников и не в непонимании ими своего положения, а в

исторически сложившемся характере черноморцев. Простое и вольное обращение *панов* с казаками, — как говорится у нас *запанибрата*, — занесено из Запорожья, вместе с другими национальными особенностями. Такое обращение не мешало, однако, каждому исполнять свои обязанности по службе с должной исправностью, доказательством чему вся прошлая служба Черноморского войска, за р. Бугом и на Кубани, Царские награды, дарованные казакам за «верную, храбрую и полезную службу». Не мудрено, что Власов не нашел в Черноморском войске регулярной дисциплины и не услышал обычных фраз: «слушаю», «что прикажете?». Ничего подобного казаки не знали. Но страшно, что, с точки зрения Власова, отнесся, как в этом, так и в прочем, — к войску Черноморскому, столь просвещенный и образованный генерал, как Ермолов. Об атамане Матвееве ничего сказать не могу: скудные материалы не позволяют разобрать вполне действий его по управлению войском; но не могу скрыть сложившейся про него между черноморцами пословицы: «Матюха розвишав уха, А.Г. стогне, та в карман горне».

Корпусный командир велел Власову научить казаков службе и употребить все меры к обеспечению Черномории от вторжения горцев; а атаману Матвееву приказал содействовать Власову и стараться разведывать расположение умов за Кубанью у черкесских народов. По требованию Матвеева преданный закубанский дворянин Хатуузук сообщил, что турецкий султан еще в 1820 г. прислал анапскому паше судно с товаром и деньгами для черкесов, которых велел обласкать, одарить и пригласить к вторжению общими силами в Черноморию. Повеление это паша поручил исполнить закубанским князьям Алкасу и Ногаю, которые и отправились по горам до Лабы звать горцев на войну с русскими. Командир Навагинского полка сообщил между тем, что названные князья и присоединившиеся к ним товарищи, Сефир-бей и кабардинский князь Магомет Адажуков, пробрались с двумя турками уже на р. Уруп к темиргоевскому владельцу Мисеусту Айтекову, обещающая ему от султана всякие милости, но Айтеков, живший в мире с русскими, не согласился поднять против них оружие.

Разъезжая по горам, названные князья разглашали, что у них есть султанский фирман, повелевающий всем мусульманам быть вооруженными для войны с неверными; что русский посланник выехал уже из Константинополя; что в Анапу назначен новый паша с войсками; а нынешнему приказано находиться с закубанцами, которым султан пришлет вспомогательное войско.

Много нашлось за Кубанью буйных голов, охотно взявшихся за оружие. Огромное скопище придвинулось к Кубани. 2 октября передовые наши караулы, посланные к речке Давыдовке (теперь высохшей), дали знать начальнику четвертой части кордонной линии Журавлю, в Петровский пост, что многочисленная толпа неприятелей подошла уже к самой Давыдовке. В это время был в посту разъезжавший по кордонной линии, с летучим отрядом, генерал Власов. Узнав о приближении неприятеля, он послал патрули для наблюдения за действиями горцев и усилил, где нужно, кордонную цепь. В половине девятого часа вечера выступил из поста наш отряд, состоявший из 611 конных и 65 пеших казаков, при двух орудиях, по дороге к цепи нашей у Давыдовки; но когда стало известным, что неприятель намерен разграбить черноморские хутора, от Петровской станицы в пятнадцати и тридцати верстах, Власов приказал отряду двинуться вперед и, став с правой стороны, пропустить неприятеля через цепь, дабы удобнее зайти ему в тыл. Горцы, действительно, прошли верстах в двух от Петровского поста и с версту от отряда. Тогда Власов приказал Журавлю отрядить сначала небольшую команду казаков, при есауле Залесском, для наблюдения неприятеля, а вслед за тем была послана другая команда, больше первой, чтобы, соединясь, дать себя заметить горцам и, по мере преследования, наводить их на наш отряд. Команды выполнили в точности приказание Власова: они заняли неприятеля ружейным огнем и мало-помалу привлекли на себя все силы черкесов. Власов, сообразив, по ружейному огню и по известиям нарочных, что неприятель остановлен от цепи нашей примерно верстах в шести, послал, для усиления наших команд, сотню казаков при одном орудии, подоспевшем из Славянского поста, а для острастки горцев

сделаны были по цепи пушечные выстрелы и зажжены везде маяки. Горцы, в числе до трех тысяч человек, озадаченные неожиданностью, повернули назад прежнюю дорогой. Власов с остальным отрядом, расположенным при самой цепи, стал, по мере отступления горцев, маневрировать взад и вперед, чтобы встретить неприятеля на цепи с левого фланга его; при дороге же, составлявшей границу нашей цепи, поставил орудие из Петровского поста. Выстрелами из этого орудия неприятельское скопище было отброшено на главный наш отряд, откуда вдруг грянули картечные выстрелы из двух пушек. Горцы смешались и бросились на кордонную цепь в рассыпную. В эту-то минуту Власов с остальной частью отряда и с двумя орудиями быстро двинулся наперерез бежавшим с левого фланга. Сбитые направо, черкесы попали, при ночной темноте, в прогнойный Калаусский лиман. Казаки, покуда была возможность, преследовали их, работая шашками и пиками; но и те из горцев, которые спаслись от казаков, погибли, большею частью, вместе с лошадьми, в прогноях Калауса, и только малая партия азиатцев, еще до прибытия к лиману, успела прорваться сквозь наш отряд и бежать за Кубань.

У черкесов были отбиты два значка, взяты в плен: князь и 42 простых черкеса; из убитых остались в наших руках 20 тел, а сколько именно потоплено горцев, неизвестно. По собственному их сознанию, они потеряли в помянутом им Калаусском деле более 20 князей и более 1000 простых черкесов. Казакам досталось в добычу 516 лошадей и множество различного оружия. С нашей стороны убит один казак и четыре утонуло в лимане, при преследовании горцев, да ранено 14 человек¹.

С тех пор прошло полсотни лет; замолк гром оружия на берегах Кубани; умиротворился край, но многие горцы и доньине в заунывной песне вспоминают роковую для них калаусскую ночь. Напрасно, однако, любознательный путешественник будет искать этого знаменательного урочища; он не найдет его, хотя оно существует близ дороги от Копыла на Петровскую: там

---

¹ Из дел войск. арх. Записки Ермолова 1816—1827 гг. ч. II.

теперь, на месте тинистого лимана, расстилается прекрасный луг, с которого окружающие жители собирают сено.

4 октября партия черкесов до 1000 человек вновь переправилась выше Емануиловской батарейки чрез речку Давыдовку, но, заметив себя открытыми, обратилась к стороне Кубани. На другой день эта партия подвинулась вперед, по-видимому с намерением забирать из Калауса погибших собратьев своих, но и тут появился, с отрядом при орудии, Власов, разбил горцев на две партии, из которых большая ушла за Кубань, а меньшая, потеряв человек с десять убитыми, рассыпалась по прибрежным камышам, где преследовать их не было возможности.

После этих происшествий, как сообщали лазутчики на Екатеринодарскую карантинную заставу, по всем горам за Кубанью поднялась страшная тревога. Натухайский владелец Калаботок-Кадч начал собирать свой народ и приглашать шапсугов туда, где черкесы потерпели поражение от Власова.

Генерал Власов, получив об этом сведение, потребовал к себе известного храбростью и распорядительностью полковника Бескровного и еще трех, по указанию атамана Матвеева, отличных штаб-офицеров, — войсковых полковников Гавриша, Вербицкого и Белого. С помощью их отряд в четвертой части кордонной линии усилен был более чем в 2000 человек, а в прочих частях усугублена бдительность кордонной стражи; две роты Навагинского полка расположены в Полтавской станице; жители из всех пограничных хуторов собраны в рыбные заводы и в Темрюк под прикрытие войск. Между тем из-за Кубани было получено известие, что знатнейшие шапсугские и натухайские старшины собираются к анапскому паше на совет, как поступить с русскими. Затем лазутчики дали знать, что горцы начали собираться партиями более чем по 3000 человек на Афиписе, Хабле, Арьгедде и Абине для вторжения в Черноморию.

Известия о сборах черкесов за Кубанью были вообще противоречивы: скопища то увеличивались, то расходились, а одна шайка, до 500 человек отборных азиятцев, под предводительством шапсугского дворянина Казбича, будто бы неоднократно покушалась прорваться на нашу сторону, но, встре-

чая на кордонной линии наши войска, с присутствием Власова, оставила свое намерение. Наконец, 24 октября атаман Черноморского войска получил от анапского паши письмо, доставленное турецким чиновником Казнодаром Яхья-беем. Сеид Ахмет, после обычных восточных любезностей, извещал Матвеева, что за Кубанью буйные черкесы собирались напасть на наши пределы, за что были наказываемы, по его, паши, распоряжению; хорошие же люди не бунтовались, и что вообще с черкесами не следует вести никаких переговоров, а сноситься прямо с ним, пашою. Он писал еще, что и до сих пор ничего не знает верного о калаусском побоище, и потому просил уведомления об убитых и потопленных в лимане горцах. Матвеев ответил, что числа убитых и потопленных черкесов верно определить невозможно; с черкесами переговоры не ведутся, а в необходимых случаях по пограничным делам будут сношения с ним, пашою, по-прежнему, и что он всячески должен удерживать закубанцев от неприязненных действий.

При наступившем зимнем времени, горцы прорывались небольшими партиями, но успеха не имели; да и анапский паша не раз извещал кордонных начальников о замыслах хищников. Дерзость закубанцев дошла, однако, до того, что Власов решился наказать разбойников в самой земле их. 3 февраля 1822 года, собрав легкий отряд, он прошел до речек Пшециз, Кун и Богундырь, захватил до 700 голов рогатого скота и до 400 овец. Черкесы разбежались в леса, и Власов удалился с добычей сильно тревожимый, по обыкновению, горцами.

Генерал Ермолов исходатайствовал за калаукое дело награды Власову и многим черноморцам; а за последнюю удачную экспедицию в приказе по Кавказскому корпусу, 4 мая 1822 года, изъявляя благодарность генералу Власову и офицерам Черноморского войска, в заключение писал: «С удовольствием замечая в числе штаб-офицеров Дубоноса, участвовавшего в помянутой экспедиции по собственному вызову. Такая черта делает ему честь, и я вижу в оной дух известных запорожцев».

Пограничные неурядицы подняли, наконец, на ноги и самого атаманского пашу. Он в начале января прислал на Бугазскую карантинную заставу чиновника, арнаута Селим-Агу, с известием о намерении своем прибыть в Екатеринодар. Генерал Власов, узнав об этом, на всякий случай принял предосторожность, усилив пограничные посты из отрядных казаков. 19-го числа паша был в ауле шапсугского дворянина Читогожа, на р. Афиписе, и имел при себе в сборе до 3000 шапсугов и натухайцев. На другой день паша прислал на екатеринодарский меновой двор Селим-Агу с известием о своем приближении и узнать, будет ли он принят. Селим объявил начальнику карантина, что паша, не желая подать худой мысли о своем приближении к кордонной линии с большим числом черкесов, приказал им остаться по разным речкам и ожидать его возвращения; с собою же намерен взять только самое малое число почетнейших горцев. Власов отвечал, что паша, как представитель союзной державы, будет принят прилично его достоинству, с почестями, а равно и вся свита его из турок состоящая; но чтобы на нашей стороне, кроме трех или четырех почетнейших горских князей, черкесов не было. 22-го числа паша, в сопровождении своей свиты до ста человек, прибыл к переправе и прислал Селима сказать, что он желает видеться с Власовым и Матвеевым, для переговоров. Власов уже узнал, что паша не намерен переезжать на нашу сторону и потому поручил инспектору карантинной заставы просить пашу, чрез турецкого посланного, пожаловать на наш меновой двор, куда и он, Власов, с войсковым атаманом придут. Поверенному паши поручено передать Сеид Ахмету прежние условия, относительно черкесской свиты. Как только Селим-Ага переправился на левый берег Кубани и передал ответ Власова, паша, как видно было с нашего берега, немедленно сел на лошадь и со всей своей свитой отправился в аул черкесского владельца Дударука, расположенный в виду Екатеринодара.

На другой день Сеид Ахмет-паша прислал на екатеринодарский меновой двор двух турецких чиновников и одного

горского владельца с объявлением, что он на нашу сторону переезжать не будет; что привел уже к присяге шапсугов и натухайцев о ненападении на черноморские пределы, и что дальнейшие переговоры желает вести с Власовым чрез своего поверенного, который будет переезжать на оба берега Кубани. Власова тогда не было в городе; он осматривал кордонную линию, и потому Матвеев не решился дать ответ паше до прибытия начальника. Не дождавшись Власова, паша, переночевав в ауле, отправился к хамышейскому владельцу Гаджелию, но, повстречавшись с ним, поворотил на р. Шебже к шапсугскому дворянину Казбичу, для склонения и его жить мирно с русскими, чего последний не хотел исполнить. 25 января из аула Казбича паша прислал к войсковому атаману своих чиновников, Агу-Ахмета Гаджи-Кремчирия и шапсугского муллу Магчета Шеретлука, сказать, что он для переговоров пришлет своего поверенного на Бугазскую карантинную заставу. Куда затем отправился паша, неизвестно, но князь Дударук говорил о намерении его ехать к абадзехам, чтобы и это племя, подобно другим, привести к присяге на мирную жизнь за Кубанью. Этот же князь рассказывал, что черкесы недовольны пашой, что он не выручил от русских всех пленных горцев, и еще за какие-то неисполненные им обещания, вследствие чего все черкесы намерены нарушить присягу, вынужденную у них пашой.

Генерал Власов, прибыв в Екатеринодар, составил, по совету с атаманом, записку, о чем именно, чрез переводчика, объявить тому чиновнику, который будет прислан на Бугазскую карантинную заставу. В этой записке было сказано:

«1) Паша из аула Казбичева присылал своего чиновника на Екатеринодарский меновой двор объявить: буду ли я согласен отдать пленных черкесов у нас содержащихся, тех только, которых поименно от нас будет требовано, с тем, что и он, с своей стороны, будет отыскивать и выдавать тех наших пленных, которых мы будем требовать. На сие присланному объявить, что я имею повеление от господина корпусного командира, на одного их пленного требовать русских двух; ежели они не в со-

стоянии будут отдавать по три наших, и еще к двум человекам в прибавок скотом или другим каким товаром на такую цену, за какую обыкновенно черноморцы выкупали у черкесов своих пленных.

2) Паша, приезжал к пристани против менового двора для того, чтобы с г. войсковым атаманом и со мною видеться, дабы на счет пленных поговорить, как и о других делах. На сие объявить, что я сам весьма желал с ним, пашою, видеться и познакомиться, но как ему не угодно было переехать на нашу сторону, то отсега мы и не могли видеться, а нам с г. атаманом, по правилам карантина нашего, никак нельзя было переезжать на черкесскую сторону, чтобы там с ним видеться и говорить.

3) Паша, чрез присланного чиновника объявил, что он шапсугов и натухайцев привел к присяге в том, что они не будут вперед больше переходить на нашу сторону для хищничества, и что он будет стараться отыскать и возвратить нам как людей, так и разного рода скот, ими похищенный с начала его управления черкесами. На сие отвечать, что закубанцы и в самое то время, когда он находился между ими и ехал к Дударукову аулу, приезжая к берегу в разных местах ниже Афипса реки, по несколько человек, стреляли по нашим часовым, разъездным и провожавшим по р. Кубани байдаки для войсковых надобностей. Я бы весьма желал, чтобы похищенное у черноморцев было им, чрез старания паша, возвращено. Но только паша, в прошлом году, хотя также присылал к г. атаману чиновника своего, что он назначен от него собрать от шапсугов и натухайцев скот и доставить его к меновому двору, но вместо того, сей чиновник привел только 12 или 13 самых дрянных лошадей, и тех потом назад обратил. Теперь по всему видно, что шапсуги, как прежде не повиновались присяге данной ими паше, так и ныне не повинуются; а потому и нет надежды, чтобы они похищенное ими у черноморцев возвратили нам.

В заключение разговора объявить мое нижайшее почтение паше».

Переговоры не имели никаких последствий; паша уклонился от дальнейших объяснений с Власовым, а между тем из-за Кубани получались тревожные вести. Лазутчики передавали, что анапский паша ожидает от султана сведения о войне с Россией и уже дал шапсугам и натухайцам девять орудий со всеми боевыми снарядами и при каждом по одному турецкому канониру; но с тем, чтобы артиллерию эту горцы возвратили в Анапу, если не откроется война с русскими. А как, вслед затем, из Константинополя получено сведение о назначении в Анапу другого паша, то Ахмет Сеид потребовал обратно данные черкесам пушки, которые и доставляются уже в крепость для сдачи новому коменданту. Затем передали нам из-за Кубани, что в мае месяце пришло из Константинополя в Анапу судно, на котором привезено 30 пушек, порох, свинец, ядра и жалованье горским князьям, и что все пушки и снаряды розданы уже шапсугам, абазинцам, бжедукам, чиченейцам, лабинским поганцам и баракаевцам. Много еще разных смутных толков доходило из закубанского края, но все они сводились на один и тот же тон — враждебного расположения горцев.

Не дождавшись из Турции объявления войны России, анапский паша ограничился тем, что запретил азиятцам, под смертною казнию, возить на Бугаз, для мены русским, хлеб и другие произведения закубанского края.

Как можно было ожидать, так и сбылось. Горцы, несмотря на данную присягу жить мирно с русскими, в наступившем 1823 году постоянно тревожили Черноморскую кордонную линию. Отчаянный разбойник Казбич к 11 октября собрал до 1500 черкесов и вторгнулся с этой массой в наши пределы у Елисаветинского селения. Во время переправы его чрез Кубань лазутчики успели дать знать кордонному начальству о намерениях неприятеля. Прикрывавший Елисаветинское селение подполковник Ляшенко встретил Казбича при самом селении пушечными и ружейными выстрелами, а между тем подоспел к нему на помощь Табанец с двумястами казаков и с двумя пушками с Александровского поста. Кроме того, генерал Власов

направил другие команды наперерез горцам. Несколько раз черкесы бросались с шашками, но казаки, с помощью артиллерийского огня из четырех пушек, удерживали их натиски. Вдруг Казбич получает донесение об обходном движении направленных Власовым команд, и вся масса горцев, готовившаяся одним ударом сломить преграду, повернула к Кубани. Здесь Казбич яростно напал на преследовавшие его команды и успел захватить в плен одного урядника и двух казаков. Но за эту удачу он дорого заплатился. Пушки провожали незваных гостей ядрами и картечами, и много, много горцев легло костями на русской земле. В числе убитых был сын Казбича, оставшийся между трупами в наших руках; сам Казбич, раненый успел уйти. С нашей стороны ранеными и убитыми оказалось 15 человек.

Для подкрепления границы Власов собрал льготные части казаков до 2500 человек, затем двинулся с отрядом в горы, и, пройдя по рр. Цах, Супп и Илик, 22 ноября истребил несколько абадзехских аулов, захватил много скота и отбил у горцев медную пушку. В декабре он разорил и сжег аулы с хлебными и санными запасами в земле шапсугов, по рр. Азыпсу, Гаплю и Кашель-Жтук. Ожесточенные горцы, с наступлением зимы и удобного перехода по льду чрез Кубань, открыли, в свою очередь, ряд набегов на Черноморию, но, встречая везде отпор кордонной стражи, не имели успеха.

Чтобы положить конец дерзостям черкесов, Власов, до открытия еще весны, собрав вновь отряд из 200 конных, 600 пеших черноморских казаков и 250 человек Навагинского пехотного полка, при двух орудиях черноморской конной артиллерии, двинулся на р. Тихеньку, где были аулы предводителей горских разбойников Джамбора, Асиан-мурзы и Цап-Дедека. 5 февраля 1824 года, на рассвете, отряд подошел к аулам и дружно ударил на жилища горцев. В минуту все запылало; страшная суматоха поднялась в аулах; испуганные неожиданным нападением, горцы метались во все стороны, гибли в огне и в бушевавших при аулах горных потоках, или падали под оружием русских. Разорив жилища врагов, Власов, без всякой по-

тери, взял в плен 143 черкеса, захватил 700 голов рогатого скота, до 1000 овец, до 100 лошадей и, кроме того, много ценного имущества было захвачено при разорении аулов.

На возвратном пути нашего отряда появились горцы, ставшиеся отбить своих пленных и имущество; сотни две панцирников проскочили даже в наш отряд, но из этих смельчаков черноморские пластуны уложили не один десяток, из-под которых 45 лошадей осталось в наших руках; а более смелые, человек двадцать, схвачены живыми с оружием в руках¹. Не ограничиваясь этим отпором, Власов разорил еще два аула враждебного нам хамышейского владельца князя Нагай-Чирея и других неприятелей.

Смелыми действиями за Кубанью генерал Власов распространил всеобщий страх в горах, воскресив в памяти черкесов бурсаковские погромы, и горцы думали только об обороне. Действуя неумолимо, Власов едва успел дать краткий отдых войскам, как получил от лазутчиков сведения, что черкесы собираются для нападения на отряд генерала Вельяминова, действовавший по Лабе со стороны кавказской линии, и тотчас же распорядился произвести за Кубанью рубку леса тремя небольшими отрядами, собранными наскоро с пограничной линии и из льготных частей. Движением этим Власов отвлек внимание горцев от вельяминовского отряда; вырубленные же леса очищали левый берег Кубани и доставили строительный материал жителям Черномории, в особенности не устроившимся еще переселенцам.

Черкесы отказались от мысли хозяйничать с оружием в руках в наших пределах; грозная рука Власова карала злодеев в самых неприступных тущобах. В продолжение всего почти 1825 года отряды наши бороздили по закубанскому краю, истребляя аулы враждебных горцев и запасы их. В пылавших селениях черкесы гибли целыми сотнями или от огня, или от оружия ожесточенных казаков; нередко женщины и дети, спасаясь от грозившей смерти, толпами попадались к нам в плен, или же, предпочитая смерть плену, бросались в бурные горные

---

¹ Неизданное описание фактов Черномории, Я.Г. Кухаренко.

реки. Кроме множества взятых в плен черкесов, большею частью в землях шапсугского и абадзехского племен, войска наши захватывали ценное имущество горцев, а стада их целыми тысячами угонялись в Черноморию.

Это была едва ли не самая отрадная пора на Черноморской кордонной линии. Упавшее было духом Черноморское войско ободрилось: оно увидело, что под управлением Власова дела приняли другой оборот. Менее отраднo было внутри Черноморрии. Постоянное отсутствие строевых и даже нестроевых казаков разоряло семейства их, остававшиеся без рабочих рук. Многие роптали на Власова, содержавшего, почти без перерыва, в сборе военные силы Черноморрии; но таких крайних усилий от казаков потребовали обстоятельства дурных для нас дел в последнее пред тем время, когда горцы хозяйничали в наших пределах и едва не разобрали по рукам всей Черноморрии. Генерал Власов видел все невыгоды домашнего быта черноморцев от постоянных военных действий на Кубани и старался облегчить участь пограничной жизни казаков. Самую главную заботу он обратил на боевых товарищей своих. Вникнув в жизнь казаков на кордонах, он нашел артели их бедными, имевшие в своем распоряжении самые скудные средства для продовольствия казаков, которые и сами терпели крайнюю нужду. Чтобы поправить артельное хозяйство, Власов раздавал по полкам отбитый у горцев скот и овец на порции казакам, лошадей и рабочих быков на подъем артельных тяжестей, на полковые работы, а годных горских скакунов для верховой езды казаков, взамен утраченных ими на службе лошадей. Кроме того, казаки пользовались добычей при разорении черкесских аулов, а там было много кое-чего хорошего: попадались вещи из красной меди, шелковые одежды из турецкой материи, дорогое оружие, богатая конская сбруя, шегольские костюмы горца, луки, панцири и т.п. Заботы Власова простирались далее. Он раздавал много черкесского скота жителям Черноморрии, пострадавшим от закубанских хищников. Пособия простирались и на тех, кто лишался членов из семьи своей, взятых в плен или убитых горцами.

Живший в Черномории попечитель горских народов, не успевший усмирить кнутом отеческих наставлений диких горцев, обратил в последнее время все свое внимание на натухайское племя, менее хищное и более склонное к мирным сношениям с русскими; но, прибавим, так же, как и прочие народы за Кубанью, злобное и нам враждебное. Натухайцы, убаюкивая легкоговерного Скасси в ложной своей покорности, в то же время соединялись с неприязненными нам черкесскими племенами и врвались в наши пределы для грабежей. Под фирмою «мирных» они укрывались от наказаний и продолжали бесчинствовать на границе, но де Скасси, занятый мыслию выполнить хотя что-нибудь из программы своих предположений, ничего не видел или не хотел видеть. Он тянул, на Бугазе, бесконечные и бесполезные переговоры с черкесами о дружественных сношениях с русскими, а на кордонной линии то и дело что отбивались от хищников закубанских¹. Не так думал о «мирных» натухайцах Власов: он имел положительные данные об участии их в набегах на пределы наши, знал об укрывательстве ими шаек грабителей и решился наказать натухайцев. Предварительно он, собравши отряд, двинулся на р. Иль, но экспедиция эта, едва ли не в первый раз для него, оказалась неудачною. Едва Власов отошел от Кубани верст за пятнадцать, как черкесские секреты открыли движение нашего отряда и разнесли тревогу по всей ильской местности; везде раздавались выстрелы неприятелей, и где-то в горах, к удивлению отряда, загрохотала даже пушка. Власов остановил отряд, послал в сторону команду из 459 человек, при войсковом полковнике Перекресте, зажечь черкесское сено. Но не прошло и часа времени, как команда эта, атакованная со всех сторон превосходным числом горцев и боясь быть совершенно отрезанной, марш-маршем принеслась обратно к отряду. Черкесы, нагоняя отставших казаков, рубили их шашками. Казаки потеряли 28 человек убитыми и 20 ранеными.

---

¹ По присоединении к России, в 1829 году, крепости Анапы, попечительство над горскими народами, по Высочайшему повелению, было прекращено (из дел войск. архива).

Возвратясь на Кубань, Власов занялся формированием отряда для движения в землю злейших врагов России — шапсугов и коварно-хитрых натухайцев. 24 февраля он двинулся за Кубань тремя колоннами; две действующие состояли под командою войсковых полковников Стороженки и Табанца, а третья, резервная, под командою есаула Ольхового, при которой находился и сам Власов. Соблюдая строжайшую тишину, войска целую ночь шли в совокупности и безостановочно до речки Псебепс, где отряд остановился отдохнуть. Когда затем действовавшие колонны двинулись вперед Табанец пошел вправо, Стороженко влево, а Ольховой, с резервом, и Власов остались на месте. На рассвете 25-го числа, Табанец атаковал два шапсугских аула. Устрашенные внезапным появлением русских, жители разбежались в леса, но казакам удалось захватить 35 человек, а из сопротивлявшихся черкесов 27 убиты на месте и освобожден один русский пленный. Забрав в аулах все ценное имущество и оружие горцев и загнав весь скот их и баранту, Табанец сжег все аульные постройки с запасами хлеба и сена, и с своею колонною возвратился прямо в Черноморию, имея только двух человек раненых. Войсковой полковник Стороженко, отделившись от отряда, по данному приказу пошел в землю натухайцев и лишь на другой день, по трудной дороге, добрался до двух аулов этого племени. Натухайцы встретили нашу колонну выстрелами. Тогда Стороженко атаковал оба аула и, при слабом сопротивлении неприятелей, разорил их жилища. Все имущество и скот были забраны; в плен взято 44 натухайца и несколько из них убиты. Колонна, без всякой потери, возвратилась в Черноморию. Туда же обратился с резервом и генерал Власов.

Разоренные Стороженкою аулы оказались принадлежащими «мирному» натухайскому князю Сагат Гирею Калабат-Оглы. Прикрываясь оболочкою «мирного», он протестовал пред нашим правительством против враждебных действий генерала Власова. Случай этот наделал много тревоги и подал де Скасси повод заявить попечительство свое над горцами, не в пользу Власова.

Для производства следствия по жалобе Калабат-Оглы был прислан в Черноморию генерал-адъютант Стрекалов. Несмотря на доказательство Власова, что натухайцы разоренных аулов не раз участвовали во враждебных действиях, что они, как «мирные», укрывали у себя явных врагов России, Власова обвинили в нарушении мирных отношений с натухайцами, пополнили на счет его убытки, понесенные разоренными натухайцами (какие оказались за возвратом натурою части скота и вещей, захваченных в аулах) и удалили от командования Черноморскою кордонною линиею.

Последними действиями генерала Власова на Кубани Император остался весьма недовольным. В рескрипте на имя Алексея Петровича Ермолова от 29 июля 1826 года было, между прочим, сказано: «Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желание приобрести для себя и подчиненных знаки военных отличий легкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием»¹.

Натухайцы были, однако, такие же коварные соседи черноморцам, как и прочие горские племена, только более хитры и осторожны. Живя на границе, на виду кордонной стражи, они были нам, как говорится, *поневоле друг*.

На место Власова прибыл в Черноморию генерал-майор Сысоев, и самое Черноморское войско, для ближайшего надзора действий оною, по представлению Ермолова, подчинено начальствовавшему войсками на кавказской линии генерал-лейтенанту Емануелю.

Действия Власова побудили горцев просить помощи у анапского коменданта. Не имея позволения от своего правительства враждовать против России открыто, анапский паша тайно выдал черкесам более 10 пудов пороха, пудов 15 свинца и 60 ядер. Снаряды эти были доставлены в распоряжение абадзехского дворянина Гаджетляш, в ведении которого находились

---

¹ Записки Ермолова, 1816—1827 гг., ч. II.

и присланные турками пушки. Кроме того, Абдул-паша обещал вытребовать из России всех пленных горцев и вознаградить за убытки.

Для большого уяснения отношений своих к Турции и России горцы просили у анапского паши позволения послать депутатов в Константинополь к султану. Паша позволил, но направил черкесскую депутацию к старшему по себе трапезондскому Гасану-паше, а тот послал их в Стамбул. Султан не принял черкесских депутатов, а отослал их обратно в Трапезонд, приказав тамошнему паше рассмотреть их ходатайство. Хаджи-Гасан-паша нашел горцев виновными в нарушении спокойствия русских пределов на кубанской границе враждебными действиями и дал им уверение, что если они станут жить мирно, то и русские не будут разорять их земель.

Таким исходом дела многие черкесские племена остались недовольны: они собирались, совещались, волновались, не соглашались и все-таки не решали, как им быть и жить в неопределенном отношении к Турции и к России. Одни только абадзехские князья и старшины заявили письменно, от лица своего народа, бывшему на кавказской линии генерал-майору князю Горчакову, что будут жить мирно с русскими, но чтобы и русские не переходили на их сторону для неприязненных действий.

По доведении об этом до сведения высшего начальства, корпусный командир Ермолов 2 июня 1826 года предписал начальствовавшему на границе Черномории воспретить казакам переходить на левую сторону Кубани, а генерал Сысоев, в свою очередь, вошел в переписку с анапским комендантом Хаджи-Гасан-пашой о запрещении горцам вторгаться в русские поселения на Кубанской границе.

Хаджи Гасан-паша действительно обратил особенное внимание на закубанский край. Кроме убеждений жить мирно с русскими, он потребовал от всех горских племен полного подчинения турецкой власти и присяги на подданство турецкому султану. Турецкие муллы и чиновники разъезжали по земле черкесов, передавали распоряжения своего начальства, приводили

народ к присяге, брали аманатов и требовали тут же подати хлебом и баранами на содержание анапского гарнизона. Некоторые племена поддались распоряжениям Порты, но большая часть черкесов не признали над собой турецкого владычества; а шапсуги и натухайцы не только отказали в повиновении туркам, но не пустили в свою землю турецких чиновников из Анапы, и когда те хотели насильно привести их к присяге, горцы, в схватке с турками на рр. Острогае и Сумаи, убили двух османов, а прочих выгнали из своих пределов.

После долгих и бесполезных хлопот паша предложил шапсугам и натухайцам собраться к Анапе для общих совещаний. Когда черкесы, большою массою, собрались к крепости, паша (26-го августа 1826 г.) предложил им следующее: 1) он желает утвердить их в мусульманской религии, которую они не в точности исполняют, перемешивая свои верования с христианскими. 2) Черкесы должны присягнуть, что будут соблюдать турецкий закон, отказавшись от существовавшего у них третейского суда. 3) Указать ему тех, которые не хотят быть покорными турецкой власти, и считать их как неприятелей. Шапсугские и натухайские старшины отвечали, что они охотно будут слушать советы и приказания паши, с тем, однако, условием, чтобы он не считал их покорным народом; помогал бы им в случае надобности и защищал против неприятеля, могущего нападать на них; вольностей же их паша касаться не должен, потому что они желают быть мусульманами по своей доброй воле, а насильно никого не слушают и слушать не будут. Что же касается до присяги в отношении наблюдения турецких законов, то они посоветуются со всеми горскими народами и тогда дадут ответ.

Совещания горцев кончились тем, что шапсуги и натухайцы от присяги султану отказались, объявив анапскому паше, что они будут защищать свою свободу до последней капли крови, и скорее согласятся быть покорными России, чем данниками Оттоманской Порты.

Волнения обнаружались и в других горских племенах. Многие отказались от повиновения туркам, не признавая над со-

бой ничьей власти; более всех роптал простой народ на своих владельцев, давших присягу на подданство Турции, не из чувства сознания долга, а из корысти, лести или страха.

Русское пограничное начальство предлагало, со своей стороны, горцам покровительство в случае какого-либо посягательства турок на права и вольности тех черкесских племен, которые ни туркам, ни русским покориться не желали. Между тем шапсуги окончательно стали во враждебные отношения с анапским пашой, но не переставали питать злобу и к русским.

Генерал Емануэль 19 октября писал анапскому паше, что, в силу существовавших договоров между Россией и Турцией, он, паша, обязан удерживать этот беспокойный народ от вторжений в наши пределы, — предваряя, что если шапсуги осмелятся открыть против нас враждебные действия, то страна их будет разорена. Паша в ответе своем сознавался, что шапсуги его не слушают и он не может их заставить повиноваться турецкому правительству. Тогда кавказское начальство сделало распоряжение о принятии больших мер осторожности на Черноморской кордонной линии.

При открытии войны с Персией от Черноморского войска, по требованию корпусного командира, в конце 1826 и в начале 1827 годов были командированы в Тифлис 1-й и 4-й конные полки, 6-й пеший полк и особая пятисотенная команда из переселенцев; а 12 февраля 1827 года и вся Черномория объявлена на военном положении¹.

Черноморские полки, прибыв в действующую армию, поступили под команду генерал-лейтенанта Красовского и участвовали во многих сражениях с персиянами. В 1830 году они возвратились из похода, кроме 1-го конного полка, который был командирован в действовавшую армию против турок. Отличаясь постоянно усердием к службе и храбростью, 1-й конный Черноморский полк удостоился получить Высочайшую награду — *знамя*, с надписью: «*За отличие в Персидскую и Турецкую войны, 1828, 1829 и 1830 годах*»².

¹ Полн. Собр. Зак. 1827 г. (869).

² На знамя дана Высочайшая грамота 21 сентября 1831 года.

В 1827 году на место умершего войскового атамана Матвеева был назначен войска Черноморского полковник Бескровный¹.

В декабре генерал-майор Сысоев, по собственному желанию, выбыл из Черномории на Дон. Бывшая под командою его Черноморская кордонная линия подчинена ведению атамана Бескровного.

В это же время Черноморское войско было обрадовано неожиданной Монаршей милостью. Государь Император, в ознаменование особенного благоволения к нерегулярным войскам, Всемилостивейше соизволил назначить Наследника престола, Его Императорское Высочество Великого Князя Александра Николаевича, ныне царствующего Государя Императора — атаманом всех казачьих войск². Бескровный был переименован из войсковых — наказным атаманом Черноморского казачьего войска, — каковым званием преемники его и до сих пор именуется.

На принесенное наказным атаманом Бескровным поздравление от Черноморского войска, Августейший атаман в рескрипте от 16 декабря 1827 года писал:

«Алексей Данилович! Я получил письмо ваше от 21-го минувшего ноября и с благодарностью принимаю изъявленное в оном от лица Черноморского войска поздравление с Всемилостивейшим назначением Меня атаманом всех казачьих войск. Нося звание начальника над войском, отличным своими подвигами и верностью престолу и отечеству, Я ласкаюсь особенно приятно для Меня надеждою, что со временем заслужу Государю и Любезнейшему Родителю Моему оказанную Мне милость таким назначением. Остаюсь вам доброжелательным.
Александр».

Турция между тем настойчиво стремилась к подчинению закубанских народов своей верховной власти. Многие владельцы поддались — отчасти увещаниям, отчасти угрозам анапского

---

¹ Указ Правит. Сен. Черн. войска канцелярии, 30-го сентября 1827 г., № 59606.

² Высоч. прик. 2 октября 1827.

паши, или же получили от него подарки и дали присягу султану повиноваться его власти и быть заодно с турками против русских; но масса простолюдинов роптала за то на таких владельцев, опасаясь утратить свою вольность.

В эту пору царствовавшего в горах за Кубанью волнения, именно в конце 1827 года, два персидские хана и при них человек сорок персиян прибыли в Анапу искать помощи против России и просить о возбуждении горцев. Получив отказ, персидские ханы, проезжая за Кубанью в свои пределы, сами стали бунтовать горцев. Они говорили: «Что вы сидите смирно? чего смотрите? зачем не воюете с Россией? У русских теперь войска нет — все в Персии; остались одни только женщины. Некому будет против вас вооружаться. Шах персидский и султан турецкий подняли против России свое оружие, и вы теперь можете иметь все успехи. Если же вы не захотите идти на Россию войною, то мы будем просить султана, чтобы он прислал свои войска для разорения вас».

В то же время и турецкие муллы, распространенные в горах, подговаривали черкесов поднять оружие против русских за султана, если последует война Турции с Россией. Слухи об этой войне носились уже в горах и вскоре оправдались. Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенант Емануэль получил Высочайший рескрипт, данный 3 апреля 1828 года, следующего содержания:

«Надменное упорство Оттоманской Порты, отринув предложения мирные, вынуждает прибегнуть к оружию. Война с сею державою объявлена будет вслед за сим правительству ее.

На основании сего, повелеваю вам, с 25-го апреля, считать войну с Турциею начатою и приступить к действиям против сей державы, сообразно с обстоятельствами и сходно с наставлениями, предначертанными вам, по повелению Моему, начальником главного Моего штаба.

Возлагая на особенное попечение ваше полное охранение вверенной вам области, Я остаюсь в твердой надежде, что доверенность и уважение, которые вы снискали между горскими племенами Кавказа, предупредит всякое с их стороны непри-

язненное действие, и что твердость и мужество ваше укротят все замыслы недоброжелательных и врагов России».

Начальник главного штаба Его Императорского Величества граф Дибич, препровождая это Высочайшее повеление Емануелю, писал, что действия против Турции на границе, ему (Емануелю) вверенной, будут состоять «в нападении на Анапу, куда флот, с десантом, получил уже повеление отплыть из Севастополя 20-го апреля». Относительно же покровительствуемых Турциею закубанцев и других горских народов, Дибич прибавлял, что Государю Императору угодно, чтобы «обращение с ними было дружелюбно; чтобы желающим переселяться к нам дано было на сие дозволение, с надлежащими мерами предосторожности; а от желающих присягнуть на верноподданство России, принимаема была присяга. Чтобы просящим защиты и покровительства нашего против турок, или преданных им племен, была оказываема помощь назначением достаточных для сего отрядов, соблюдая при том, чтобы приближение в горы наших войск не могло возбудить опасений в соседственных поколениях». В заключение начальник главного штаба писал, чтобы «всякие покушения на наши пределы были немедленно отражаемы и наказываемы должным образом, для укрощения других хищников».

Соображаясь с полученною инструкцией, генерал Емануель приказал наказному атаману Черноморского войска «предварительно, по секрету, внушать народам, близ Кубани обитающим, что ежели они в турецких делах не примут участия, а останутся спокойными в жилищах своих, то были бы уверены, что российское войско, при переходе за Кубань, не только никакого вреда не учинит, но в нужном случае им и помощь окажет, лишь бы они, при сближении наших войск, выслали двух, или трех старейшин навстречу, с объявлением, что они мирные обитатели». Напротив того, все те, которые «примут участие турков и будут ополчаться, признаны будут за неприятелей России и против них употребится сила оружия нашего». Предписывая атаману, чтобы, при начале войны, кроме назначенных резервов на кавказской линии были собраны на границе черноморские полки, ожидая дальнейших

распоряжений, Емануэль сообщил Бескровному некоторые наставления, данные управляющим министерством иностранных дел, относительно сношений наших с горцами. Этими наставлениями было обусловлено, что, в случае перехода наших войск за Кубань, они не должны касаться собственности закубанцев «невинных против нас» и, кроме того, наблюдать, чтобы «за вины частных лиц не были наказываемы целые общества».

25 апреля 1828 года генерал Емануэль издал прокламацию к закубанским народам на русском языке, с турецким переводом, следующего содержания:

«Российская Империя объявила Порте Оттоманской, за нарушение мирного трактата, — войну, и потому от имени Великого Государя моего извещаю вас, что, при появлении турков за Кубанью, или если бы, сверх всякого чаяния, приняты были против России злые намерения каким-либо из племен закубанских, соборишем, войска русские тотчас вступят в ваши земли для истребления их. Впрочем, война сия до вас не касается, ибо российское правительство вас с турками не смешивает и только против их и закубанских возмутителей будет употреблять свое оружие. Между тем, вам, неоднократно испытывшим в прежние времена столько гибельных бедствий чрез обманчивое покровительство властолюбивой Порты, пора уже обратиться к благоразумию, и в войне сей не принимать никакого участия. Выгоды, которыми вы пользовались и пользуетесь от дружелюбного соседства с жителями Кавказской области и Черномории, обнадеживают меня, что вы не отвергнете сего моего совета, и что в доказательство расположения своего к Российскому правительству, немедленно изгоните из земель своих находящихся теперь среди вас турков.

В таком предположении, — все жители закубанские, при вступлении за Кубань русских войск, должны быть совершенно покойны в домах своих и спокойно заниматься хозяйственными своими делами, ибо войска не только не причинят им никакого оскорбления (повторяю: если жители

останутся мирными), но, напротив того, в случае нужды, будут даже защищать их против насилия турков. В предосторожность же войскам требуется, чтобы, при проходе их мимо аулов, было высылаемо от каждого по три почетнейших старшин, с объявлением, что жители в деле турков не участвуют, при чем должны выдаваться в верности аманаты. После сего старшины могут объяснять отрядным начальникам все свои надобности.

Тем из закубанских племен, которые вздумали бы утеснять своих односеленцев, за преданность к России, будет отпущено точно так, как за собственную обиду русских. Для сего утесняемые должны тотчас требовать себе защиты от ближайших к ним русских воинских начальников.

От беглых кабардинцев, находящихся за Кубанью, один раз навсегда требую я, чтобы они от хищничеств удержались; в противном же случае, добычами не заменятся им потери, которые понесут они, если привлекут на себя русское оружие. К тому же и сами жители закубанские, давшие им убежище, должны за стыд почитать следовать их легкомысленным советам, а и того еще более, терпеть в них своих притеснителей и им повиноваться.

Подвластным и холопьям тех владельцев, которые решатся содействовать туркам, ни сами будут хищничествовать в границах Кавказской Области и в Черномории, — обещаю всегдашнюю вольность и покровительство, если таковые подвластные и холопья добровольно явятся к кому либо из русских начальников на линии. Владельцы же их будут преследуемы и истребляемы оружием без всякой пощады.

Вот, закубанские народы, условие, которым обеспечивается ваше имущество, ваши права и самая жизнь ваша! Признательные из вас найдут в русских воинах друзей и защитников, а неблагодарные противники — врагов».

На прокламацию эту темиргоевский народ отозвался изъявлением преданности русским и выразил готовность противодействовать покушениям других племен на Кавказской границе; но вслед за тем темиргоевцы, увлекаемые примерами про-

чих, начали враждебно действовать против наших пограничных караулов, за что, в наказание, нашими войсками 20 мая 1828 года были разграблены аулы темиргоевского владельца Хаосея у р. Белой. Все другие племена за Кубанью, надеясь на поддержку со стороны турок, враждебно откликнулись на прокламацию Емануеля. По требованию Порты закубанские народы, даже и те, которые считались мирными, дали присягу на верность подданства турецкому султану, и, по приказанию анапского пашы, соединились под Анапой с турками, обратили против нас все свои силы.

С самого начала войны все строевые части Черноморского войска были сосредоточены на границе. Из них два пешие, два конные полка и артиллерийская рота поступили в наблюдательный отряд, собранный при Фанагорийской крепости; №№ 8-го и 9-го конные, 5-й и 8-й пешие полки и часть артиллерии, с наказным атаманом Бескровным, отправились под Анапу, где и пробыли с 3 мая по 12-е июня, т.е. до взятия этой крепости русскими войсками. Остальные части войска содержали Кубанскую кордонную линию, беспрестанно отбивая нападения горцев.

Участовавшие под Анапой полки Черноморского войска, за отличную храбрость и мужество в сражениях, были награждены знаменами с надписью: «За отличие при взятии крепости Анапы 12-го июня 1828 года»¹. Атаман, полковник Бескровный, пожалован чином генерал-майора.

Во время военных действий Бескровный со своими казаками, отбил, в числе оружия, богатую турецкую саблю, и отправил ее Августейшему атаману всех казачьих войск, ныне царствующему Государю Императору Александру Николаевичу, чрез флигель-адъютанта полковника Мердера.

С падением Анапы можно было надеяться, что черкесы останут от турок. В этих видах генерал Емануель 27 июня 1828 года из крепости Анапы писал:

«К горским народам, живущим по Кубани и по берегу Черного моря, князьям, дворянам, старейшинам и проч.

---

¹ Высочайшие грамоты на знамена даны 21 сентября 1831 года.

Все желания правительства нашего, объявленные вам чрез прокламацию мою, чтобы вы оставались мирными во время войны нашей с турками, все старания мои склонить вас к спокойной жизни были тщетны. Вы не хотели следовать благодетельным намерениям в отношении к вам Всеавгустейшего Монарха нашего. Из вас многие злоумышленники взяли сторону турок и завлекли в заблуждение многих из тех, кои желали не участвовать в сей распре.

Я знаю, что фанатизм и ложные представления вас обольщали; но, наконец, войска наши восторжествовали над врагами нашими, усиливающимися защищать столь неправильное дело. Крепость Анапа принадлежит нам. Место сие, служившее убежищем для всех неблагомыслящих и бывшее причиною многих ваших несчастий и несогласий между вами может теперь сделаться для вас местом благодетельным и служить к возобновлению наших связей. Здесь вы найдете, подобно как и на всех пунктах границы нашей, прием дружеский и благосклонный. Я готов внимать мирным предложениям вашим; я имею полную власть согласиться на все, что будет соответствовать достоинству и величию правительства нашего и мерам, кои нужно принять на предбудущее время, чтобы водворить на прочном основании спокойствие и безопасность на границе нашей. Но извещаю вас, что я не буду довольствоваться одними пустыми обещаниями, которые весьма часто были вами изменяемы: мне нужны надежные обеспечения, честность и искренность; и тогда вы можете быть уверены, что найдете у нас покровительство и даже помощь.

Торговля, источник благосостояния народов, откроется для вас на самых удобных местах вашего берега и границы нашей. Умейте воспользоваться; но повторяю: худо будет тем, которые захотят продолжать неприязненные свои к нам действия и не послушают сей последний совет. Я тогда приму такие меры, последствие коих долго останется в памяти вашей.

Дипломатический агент, назначенный при мне по Высочайшему повелению, для сношений с кавказскими народами, все его чиновники, и другие военные начальники по

границе, имеют поручение представлять мне все ваши просьбы».

Воззвание это, как и первая прокламация, осталось бесплодным.

При блокировании крепости Анапы натухайцы первые открыли неприязненные действия, а когда крепость была взята, они же первые, чрез старейшин, со стороны дворянства и простого народа, вступили с наказным атаманом Черноморского войска в переговоры об изъявлении покорности России и даже назначили срок для принесения присяги, обещая выдать аманатов. Но вслед за обещаниями отказались от всего. Тогда генерал-майор Бескровный собрал отряд, вторгнулся в пределы натухайцев и разорением шести аулов, в урочищах Унепохорай, Ушаш и Чопрак, жестоко наказал коварных хищников, вследствие чего натухайцы принесли присягу на верноподданство и представили аманатов. Примеру их последовали другие горские племена, кроме абадзехов и шапсугов.

Генерал Емануель наказал сначала абадзехов; к шапсугам же обратился предварительно с следующим воззванием:

«Шапсугские старшины и весь народ! Человеколюбие мое заставляет меня еще обратиться к вам в последний раз с моим предложением, чтобы, видя последствия с абадзехами, не предавались их жалкой участи, и с получения сего, исполняя наравне с прочими вам подобными горскими племенами все требования российского правительства, обратились бы с просьбою на имя мое чрез ближайшего Черноморского войска начальника генерал-майора Бескровного с посылкою для сего в Екатеринодар поверенных людей. В противном случае, ожидать меня с войском к себе для наказания вас, согласно изданной мною в Анапе прокламации, чтобы то могло надолго остаться в памяти вашей».

Шапсуги, прочитав на общем собрании грозное увещание Емануеля, изорвали бумагу, топтали ее ногами и с неистовством кричали, что не подчинятся русским и до последней крайности будут защищать свою свободу. Дело в том, что турки, по

слухам из-за Кубани, доставляли шапсугам, как самому воинственному племени, военные снаряды, и старались поддержать в них дух независимости и ненависти к русским.

Генерал Емануэль, занятый другими делами, поручил атаману Бескровному разделаться как с непокорными шапсугами, так и с другими враждебными племенами.

Два раза, в начале 1829 года, горцы врывались в пределы наши большими партиями, с намерением разграбить прикубанские станицы. В этих набегах, кроме открыто враждебных племен, участвовали и горцы, только что давшие присягу быть «мирными». Бескровный решился наказать вероломных. 16 июня он отправил ночью байдаки по Кубани от Байдачного до Елисаветинского поста, где и перешел чрез Кубань с отрядом из полков, бывших на подкреплении границы и содержавших самую кордонную линию, всего до 1000 человек, с двумя взводами артиллерии.

21 июня, в восемь часов вечера, Бескровный двинулся в горы и в четвертом часу пополудни другого дня достигнул урочища Берко. Имея впереди себя черкесский аул, атаман приблизился к нему по весьма затруднительной, заросшей кустарниками, волнообразной местности. Расположив отряд на командовавших высотах, он еще до рассвета послал конные команды для отыскания по кошарам азиятцев баранты и другого скота. Отправлявшиеся в поле утром горцы открыли казаков и завязали с ними жаркую перестрелку; но казаки, несмотря на упорное сопротивление, успели отбить до 2000 баранты и сожгли черкесские пасеки, стегу хлебов, сена и несколько хуторов. Между тем по тревоге горцы уже спешили со всех сторон и вскоре собралось их до 500 человек. Разгоревшееся с отдельными командами дело дошло и до отряда. Как ни был губителен наш артиллерийский огонь, однако горцы упорно нападали на отряд со всех сторон, бросались в атаку на шашки, против которых казаки действовали пиками. Черкесов набралось уже более тысячи человек; бой продолжался более часу и прекратился отступлением горцев, потерпевших много убитыми и ранеными и оставивших 14 тел в наших руках. Отряд дви-

нулся к Кубани; перестрелка, однако, продолжалась; отважные горские наездники беспрестанно насакивали на наших фланкеров и гарцевали на легких своих скакунах. Спустя несколько времени, к неприятелю прибыли значительные свежие подкрепления, и отряд наш вновь был атакован. Скопища горцев, захватив удобный путь к Кубани, сбивали отряд в бывшее, на левом фланге, едва приметное, покрытое плавной травой, болото. Здесь бой продолжался до двух часов, и только усиленное действие нашей артиллерии и решительный удар казаков пиками проложили отряду дорогу. Кроме убитых и раненых, горцы оставили в наших руках тринадцать тел; но в плен мы взяли только двух черкесов: так отчаянно дрались наши противники. Мы потеряли убитым одного казака, ранеными одного офицера, трех урядников и девять казаков.

В эту экспедицию черкесы потерпели большое разорение, потеряв запасы хлеба и сена. Подобными лишениями Бескровный полагал заставить горцев смириться; но, не имея для сильных экспедиций достаточных военных средств, он просил генерала Емануеля прикомандировать к Черноморскому войску, для военных действий за Кубанью, батальон регулярной пехоты. В просьбе этой ему было отказано. Нападения черкесов на кордонную линию возобновились. Тогда Бескровный решил, при самых ограниченных средствах, вновь действовать за Кубанью, чтобы не давать неприятелю замечать какой-либо слабости с нашей стороны. Собрал отряд из разных строевых частей войска более чем в 1500 человек, при пяти орудиях, он, вечером, 18 сентября, двинулся в абадзехские владения на рр. Суп, Иилик и Онеубит, где шапсуги граничили с абадзехами и где, по полученным известиям, находились их собрания. Несмотря на трудную, особенно для артиллерии, лесистую дорогу, отряд шел быстро, стараясь к рассвету достигнуть враждебных аулов. На пути получено было сведение, что черкесы о движении нашего отряда узнали уже от мирных хамышейцев, и семейства и имущество удалили в горы, а сами ожидали наши войска в

лесах, окружавших аулы. Рассвет 10-го числа застал Бескровного в лесу, в 35 верстах от Кубани. По выходе отряда из леса поднялся такой туман, что за несколько шагов ничего не было видно. Остановившись на опушке, отряд простоял до восьми часов утра, покауда рассеялась мгла; но далее идти было некуда: отряд был открыт; черкесы собирались со всех сторон, да и аулы уже опустели. Бескровный, выступив в обратный путь, выжигал черкесские хлеба и сено, которых, как насчитывали казаки, пламя пожрало до 500 скирд и стогов, да отогнано овец до 250 штук.

Остальные месяцы 1829 года прошли сравнительно спокойнее, потому что между горскими племенами царствовала неурядица от безначалия.

Выше я упомянул о некоторых полках из войска Черноморского, бывших под Анапой. Кроме того, три полка действовали в Европейской Турции: один пеший, 5-й и 6-й конные. 21 марта 1828 года 1-й пеший полк, посаженный в Керчи на суда, отправился к Измаилу, а потом, перемещенный на дунайскую флотилию, двинулся к Браилову, где участвовал в осаде этого города, с 18 по 28 мая. 29-го числа, прорвавшись ночью, Дунаем, на правый фланг Браилова, этот полк напал неожиданно, в Мачинском рукаве, на турецкую флотилию из 36 военных судов, разбил турок и взял неприятельские суда в плен. За такой подвиг 1-й пеший Черноморский казачий полк был награжден знаменем, с надписью: «За отличие при разбитии турецкого флота под Браиловом, в Мачинском рукаве, 29-го мая 1828 года¹». Черноморские казаки участвовали и во многих других сражениях с турками, при блокадах и взятии турецких крепостей, а по окончании войны, в 1832 году, возвратились с честью и славой домой.

По выступлении из пределов войска двух сказанных полков, в августе 1828 года, 5-й конный полк, по распоряжению

---

¹ На зная 1-му пешему Черноморскому полку дана Высочайшая грамота 6 августа 1830 года.

командира резервных войск, генерал-лейтенанта графа Витта, расположился штаб-квартирой в местечке Скулянах, Бессарабской области, и занял кордонную карантинную линию на левом берегу реки Прута, от местечка Липкан до селения Езбигур, на расстоянии до 150 верст; 6-й конный полк, находившийся сначала в городе Балте, конвоировал пленных турок до города Житомира, а 8 февраля перешел в Скуляны, где и занял кордонную линию по реке Пруту вместе с 5-м конным полком. Сей последний, по распоряжению начальника главного штаба 2-й армии, 6 марта направился к крепости Варне, но, дойдя до селения Сатунова, по новому повелению, двинулся в крепость Гирсов, в сводный корпус генерал-лейтенанта Красовского, и переправился чрез Дунай 25 марта, при крепости Исакчи. 6-й конный полк, следуя с Прута к Сатуновой переправе чрез Дунай, 3 апреля переправился и пошел в крепость Варну.

Оба полка получили знамена с надписью: «За отличие в турецкую войну, в 1829 году»¹.

В 1831 году оба полка были передвинуты в Царство Польское к крепости Замостью, и отсюда поступили в действовавшие войска. Кроме их были в Царстве 2-й и 7-й конные Черноморские полки. Из многих сражений с польскими мятежниками 2-й и 5-й полки участвовали в штурме Праги, за что, в числе прочих войск, получили Высочайшую награду по пяти рублей на человека, а те, которые действовали на левом берегу Вислы и на правом преследовали поляков, по два рубля. Там же находилась и Черноморская гвардейская сотня.

Из всех частей Черноморского войска, бывших в польской войне, более всех отличился мужеством и храбростью, как отзывается походный атаман казачьих войск генерал Власов, 5-й конный полк.

Все полки по окончании войны возвратились в Черноморию.

---

¹ На знамена, пожалованные 5-му и 6-му конным Черноморским полкам, даны Высочайшие грамоты 11 ноября 1831 года.

VII

(1830—1842)

Военные действия за Кубанью. — Прибытие графа Паскевича в Екатеринодар. — Смена атамана Бескровного. — Назначение наказным атаманом генерала Заводовского. — Волнения горцев. — Урядник Сур. — Закубанские дела. — Пятидесятилетие войска. — Заключение

Несмотря на условия адрианопольского трактата, Порты не переставала возбуждать горские народы к неприязненным против России действиям. Неоднократно горцы собирались на совещания, судили, ряздили, спорили, кричали и все-таки не соглашались в общем плане действий против Черномории, и только мелкие партии хищников нападали безуспешно на Кубанскую границу. Но вскоре между ними явился, из шапсугского племени, смелый и предприимчивый предводитель Казбич.

3 января 1830 года, он, со скопищем до 4000 человек, переправился чрез Кубань и пошел на Елисаветинскую станицу. Бывший в то время на Александровском посту атаман Бескровный, пропустив горцев от Кубани, стал обходить их с тыла, но посланный для этого отряд Могукурова, будучи задержан топкими, незамерзшими ериками, не достиг цели. Тем не менее Казбич, угадав намерение Бескровного и боясь быть отрезанным, поворотил к Кубани, потеряв на обратном пути много убитыми и ранеными от пушечных выстрелов отрядов Могукурова и самого Бескровного. Он занял, однако, пехотою берег, отбивал меткими выстрелами наступавших казаков, а конницу свою пустил на переправу. В это время подошло на выручку ему сборище горцев до 2000 человек, направленное на Екатеринодар. Бескровный, конечно, не мог разбить столь многочисленного противника; но Казбич все-таки понес большую потерю от наших пушечных выстрелов, и как ни торопились подбирать азиатцы своих убитых и раненых, в наших руках осталось 14 тел. Когда же Казбич начал

переправляться через Кубань, Бескровный, приблизившись на малую дистанцию, стал поражать горцев картечью, вырывавшей целые ряды их. Скопище смешалось и побежало, не обращая внимания на значки, наклоняемые знаменосцами на русскую сторону, и не слушая убеждений Казбича и старшин остановиться. Бескровный гнался за бегущим неприятелем верст десять от Кубани, захватил еще 13 тел горцев, — что, как известно, считалось у горцев позорным. По словам лазутчиков, черкесы в этом деле потеряли вообще до полутора человека. С нашей же стороны было ранено восемь казачков.

Последующие набеги Казбича и других предводителей не имели успехов; но тем не менее постоянные тревоги сильно беспокоили Черноморское войско, не знавшее ни покоя, ни отдыха. Между тем за Кубанью турки не переставали волновать горцев. От анапского коменданта, генерала Вышеславцева, было получено сведение, что Казбич имел в Джугубе (на южном склоне Кавказского хребта) свидание с пашой Сеид-Ахметом, от которого получил богатые подарки, после чего с большею еще настойчивостью занялся собиранием партий в горах. Для той же цели к натухайцам был послан от паши чиновник. Передавали еще весть, будто бы от самого султана прибыл к закубанским племенам Салахур Мегмет-Ага, с фирманом такого содержания: «кто из горцев, в 1831 г., с марта по май месяц, прибудет в Стамбул, тот останется турецким подданным, а кто останется на месте, тот должен считаться русским подданным; для желающих же прибыть в столицу Порты султан обещал прислать суда в Сунджук-Кале». При чтении этого фирмана в собрании черкесских старшин последние чуть не убили турецкого чиновника за то, что султан отказывался от горцев и отдавал их русским. Салахур Мегмет-Ага поспешил убраться в Турцию, в чем ему помог состоявший в турецкой службе черкес Зан-Оглы-Сефирбей.

При таком настроении умов между горскими народами, командующий войсками на Кавказской линии и в Черномо-

рии, генерал от кавалерии Емануель, открыл военные действия за Кубанью двумя отрядами. С первым он сам действовал в земле абадзехов, а со вторым наказной атаман Бескровный двинулся в землю шапсугов. Отряд атамана состоял из полков: двух конных, двух пеших, двух рот Нашебургского полка, трех рот Навагинского полка и трех взводов Черноморской конной артиллерии. 29 января, в девять часов вечера, Бескровный выступил в горы. Достигнув одного леса, в котором были неприятельские жилища, войска наши заняли предлежащие высоты. В этой позиции Бескровный дождался рассвета. Утром открылось: опушка леса была занята горцами; аулы находились на речке Дечахо; дорога к ним пролегла чрез ущелье Кабаниц; в ущелье же и в окружности рос мелкий дубовый лес, простиравшийся до самых гор.

Отряд подошел к этому лесу и был встречен сильным ружейным огнем, на который стрелки наши отвечали тем же; когда же несколько пушенных нашей артиллерией гранатных и картечных выстрелов принудили горцев уступить нам опушку леса, стрелки немедленно заняли ее, после чего колонна двинулась вперед ущельем. Бой завязался в самом лесу, столь густом, что артиллерия, которой только и боялись горцы, не могла действовать. Они до того рассвирепели, что, невзирая на явную смерть, мешались с нашими стрелками по флангам, а конные наездники врывались даже в самый отряд. Особенно центр колонны выдерживал убийственный ружейный огонь; каждый шаг вперед был приобретаем кровью. Горцы, предводительствуемые владетельным дворянином Маамкирем Цоко-Моко, отчаянно защищали дорогу, и отступали медленно, не обращая внимания на свои ежеминутные потери. Маамкирей и другие дворяне с быстротою молнии являлись на всех флангах и примером своей храбрости и неустрашимости увлекали за собою черкесов и яростно бросались на шашки. Каждый натиск их отбивался казачьими пиками.

Чрез два часа войска достигли первых аулов, разбросанных по лесу группами в несколько сакель; бывшие при них запасы хлеба и сена, вместе с саклями, казаки тотчас же зажигали. Тесни-

мый неприятель подавался далее и далее к главному аулу, пока он не был занят и зажжен нашим отрядом. Густой дым, чаща леса и растянутая верст на десять по ущелью колонна давали горцам надежду если не истребить, то, по крайней мере, наголову разбить наш отряд. Пользуясь выгодами местности, они с отчаянием врываются в ряды наши и старались отбить пушки, безмолвствовавшие в густоте леса, так что весь губительный огонь выносили на себе конница и пехота. В самый разгар боя часть горцев, под личным предводительством Маамкирея, ударилась из-за кустарников на взвод артиллерии, и хотя команды, прикрывавшие орудия, дали отпор, но, уступая силе неприятеля, принуждены были податься назад. Тогда горцы бросились на пушки, убили двух артиллерийских лошадей, ранили двух артиллеристов и двух лошадей и уже готовились захватить орудия...

В этот-то критический момент налетает с авангардного фланга Бескровный с казаками, отбрасывает горцев пиками и отбивает уже захваченные пушки. Обратив врагов в бегство, атаман погнался за ними в лес; но бежавшие черкесы были встречены значительною партией, спешившею им на помощь, и всеми силами своими ринулась на команду Бескровного. Горсть казаков, отбиваясь пиками, подавалась назад. Отважный атаман, бывший впереди казаков, с отступлением последних остался назади. Вдруг под ним падает конь, сраженный черкесскими пулями; Бескровный окружен со всех сторон. Предпочитая славную смерть постыдному плену, неустрашимый атаман решил защищаться до последней крайности. Первый выстрел его поверг мертвым главного предводителя горцев, Маамкирея Цоко-Моко, еще двух заколол он пикою, но пика мгновенно была изрублена шашками; сам Бескровный получил три раны: в грудь, в голову, с повреждением черепа, и в правое плечо, с повреждением кости. Он продолжал, однако, обороняться саблею и ранил еще нескольких черкесов. К счастью, на выручку атамана прискакали хорунжие Могуковов и Золотаревский и несколько казаков. Могуковов и разжалованный из хорунжих Григорий Сотниченко первые врубались в толпу горцев, пробившись сквозь их к Бескровному, схватили своего атамана, лишившегося чувств от потери

крови, и благополучно добрались до отряда, — на флангах которого кипел ожесточенный бой. Все усилия горцев были направлены к тому, чтобы задержать колонну в лесу до ночи. Полумертвый Бескровный велел войскам тихим шагом отступать. В четыре часа пополудни колонна начала пролагать себе путь оружием сквозь густые толпы неприятеля; наседавшие одновременно на наш арьергард и фланги черкесы были отражаемы ружейным и артиллерийским огнем, и, наконец, прогнаны в лес.

Этот кровавый бой продолжался, с перерывом на несколько минут, с семи часов пополудни до пяти часов пополудни. В нем участвовало горцев до 4000 человек. Сорок пять тел их осталось на месте; более сотни было подобрано убитых и до двух сот раненых; убито и ранено лошадей до трех сот; сожжены один большой аул и до 35 хуторов; хлеба и сена до 650 стогов и взято восемнадцать голов рогатого скота. С нашей стороны убито: казаков три; лошадей 14; ранено: генерал Бескровный; обер-офицеров два; унтер-фицеров два; казаков и солдат 29; лошадей 37.

Атаман Бескровный еще в 1829 году, с согласия генерала Емануеля, закрыл по кордонной линии меновые двory, где, в числе прочего, менялась горцам и соль. Прекращением отпуска этого необходимого продукта Бескровный рассчитывал склонить горцев к покорности; но высшее начальство отменило принятую им меру, как стеснительную для горцев, и предписало обходиться с ними самым дружелюбным образом. Получая свободный доступ на нашу сторону, горцы имели на меновых пунктах приятелей, которые во всякое время могли указать им удобные для вторжения пункты на кордонной линии. Черкесы, разумеется, усилили свои хищнические набеги. Нередко попадались в руки казаков такие приятели, которые не далее как того же дня смиренными агнцами являлись на меновых дворах, и после ночных разбоев спокойно приходили вновь на сатовку. (меновый двор. — *Примеч. ред.*)

С назначением на Кавказ главнокомандующим графа Паскевича дела на Кубанской границе приняли другой оборот. Приказано было строить укрепления за Кубанью, чтобы иметь

опорные пункты в неприятельской стороне. Это возложено было на наказного атамана Черноморского войска Бескровного.

В 1830 году генерал Бескровный выстроил три укрепления: первое на Кубани *Алексеевское*, — названное именем самого Бескровного; второе, в честь имени Паскевича, *Шебско-Ивановское*, а последнее — на р. Афипе, по имени Емануеля *Георгие-Афинское*. Из этих укреплений Шебское было признано неудобным и упразднено; остальные и позже выстроенные: *Абинское*, *Варенгиновское* и *Ольгинское* — существовали до упразднения Черноморской кордонной линии.

Тяжелое это время было для Черномории. Строевые части все были раскомандированы, то в походах, далеко от дома, в чужих краях; то в закубанских отрядах, так что на кордонной линии оставалось казаков очень немного. Оказалось необходимым вызвать из внутри Черномории и седовласых ветеранов и малолетков. Как теперь, так и всегда, подобного рода экстренные вызовы на границу делали немалое расстройство в домашнем быту казаков, и без того нуждавшихся в рабочих руках. И однако все черноморцы, от старого до малого, способные носить оружие, спешили, по призыву войсковых властей, на Кубань стать защитой родного края от горцев. Зато любая казачья хата являла грустную картину казачьей жизни: там плачет казачка с малыми детьми, проводившая старого свекра, бывшего единственной опорой в семействе, — муж уже давно был на службе; там престарелая мать, не дождавшись с кордона служивого сына, проводила туда же и малолетка своего, единственного помощника в домашних трудах. И каких сцен не было за кулисами семейной жизни черноморских казаков! Кроме суровой прозы, можно было встретить и поэтическую сторону быта черноморцев, выразившуюся в народной песне:

За Кубань иду!

Гей, коню мий, коню! заграй пидо-мною!
Дивчино прошай, дивчино прошай!..

За Кубань идешь, мене покидаешь,
Чого ж ти, мий милий, чого там шукаешь!
Хиба тобі, милий, чужа сторона
Гидниша, милиша своей вона?

Иду туда!

Де роблят на диво червоное пиво
З крови супостат, з крови супостат!

Хиба ж ею хочешь, мий милий, упиться;
Хиба же ти схотив за мной разлучиться.
Испий мои слезы, испий мою кровь,
Тилько не кидай за вирну любовь!..

Дивчино не плачь!

Не рви мого сердя! як пир сей минеться,
Прийду я опять, прийду я опять.

Тавжеж тобі, милий, назад не вертеться,
Там тобі, серденько, там оставаться.
Он бач пид тобою шось твий кинь поник,
У поли червоним заснешь ти на вик...

Як ворон в виконце

До тебе закряче, из-за гир прескоче
Казаченько твий, казаченько твий.

Як явив велений головоньку склоне,
Зозуля кукукне, диброва застогне,
Твий кинь пид тобою спиткнеться вздихне,
Тоби вже, мий милий, не буде мене...

Корпусный командир, граф Паскевич, желая лично ознакомиться с положением Черноморской кордонной линии и вообще с положением Кубанского края, 10 декабря прибыл в Черноморию и расположил свою штаб-квартиру в Екатеринодаре. К приезду его все действовавшие в Черномории войска,

казахьи и регулярные, были собраны в один большой отряд, с которым Паскевич 12 октября двинулся в горы и прошел шапсугские владения. Разорив несколько аулов, он возвратился к Кубани. При этом движении отряда все нападения горцев едва были заметны. Масса войск, которыми начальствовал Паскевич, держала в страхе.

11 ноября корпусный командир, по жалобам некоторых лиц на Наказного атамана Черноморского войска, удалил Бескровного от должности, назначив на его место генерал-майора Заводовского.

Лукавый попутал корыстью одного из лучших генералов Черноморского войска, известного своими военными подвигами еще с Отечественной войны. Израненный в боях, имея за военные отличия, кроме прочих наград, золотую саблю, бриллиантовый перстень и офицерский крест св. Георгия, Бескровный был вместе с тем и отличный администратор. Нужно было видеть, как он, приняв в управление Черноморское войско, разоблачил издавна вкоренившиеся беспорядки, сменил виновных членов, внушил избранным на место их чувства служебного долга, чести и пользы войску и правительству. Молодой, видный собою, красноречивый генерал Бескровный был душою общества, где встречались люди, искавшие его покровительства. Бескровный готов был содействовать просителям, которые, в свою очередь, приносили атаману подарки. Эти-то искатели благосклонности атамана и, как тогда говорили, оскорбленные супруги и отцы были главными виновниками падения Бескровного.

Постройка за Кубанью укреплений, введение в них гарнизонов от Черноморского войска и беспрестанные движения наших отрядов по черкесской земле дали горцам почувствовать твердое намерение покорить их русской власти; но, подстрекаемые турками и надеясь на свои недоступные горные трущобы, не верили в возможность торжества русских войск. Были, однако, и сторонники мира и покорности, впрочем, немногочисленные. Масса народа желала войны, слыша от своих вожаков уверения в бессилии русских и посулы помощи могущественного падишаха. Приезжавшие из Турции купцы с товарами, а иногда

и с военными запасами, или в видах личной пользы, или по поручению своего правительства поддерживали между черкесами дух ненависти к русским.

Осенью 1831 года, когда Кубань обмелела, скопища горцев неоднократно бросались на Кордонную линию; но крепкая стража наша отбрасывала хищников, и в схватке 27 сентября отбила значок. Волнение в горах усиливалось; слухи и вести, одни других нелепее, распространялись с необыкновенною быстротою.

Хан Оглы-Киер-Гирей-Султан, проживая по разным местам шапсугского владения, передавал черкесам, что султан турецкий не навсегда уступил России берег Абхазии от Анапы до Сухум-Кале; что о принадлежности этого берега Россия и Порты ведут переговоры. Он доказывал, что если бы береговая полоса принадлежала России, то давно была бы занята; что горские народы во всякое время могут надеяться на покровительство и защиту Порты, что они свободны от подданства России, а для вящего убеждения читал именной будто бы фирман падишаха, в котором, между прочим, повелевалось тем горцам, которые еще не примирились с Россией, отнюдь не мириться.

Начальствовавший в Анапе генерал Вышеславцев и Черноморский наказной атаман старались разуверить горцев в ложных слухах: они передавали им чрез приверженных к нам черкесов, что по адрианопольскому трактату берега Абхазии навсегда уступлены во владение России, что султан Гирей только мутит в горах умы легковерных, к собственному вреду их, и что читанный им фирман подложный. Бунтовщика советовали поймать, что, однако, не удалось, или, по крайней мере, его не выдали русским, а был слух, что султана Гирея сами горцы убили в ауле Энем, при драке шапсугов с бжедуховцами, не враждовавшими с русскими.

Шапсуги, заклятые враги русских, злобились на все горские племена, готовые покориться, и нередко нападали на них. Все эти волнения в горах были причиною, что в 1832 году только отважный разбойник Казбич тревожил набегами кордонную линию.

27 декабря черкесы, переправясь на нашу сторону близ Тиховского пикета, в дистанции Славянского поста, намеревались пробраться к селению Полтавскому. По данному сигналу, наши легкие отряды пустились со всех сторон на партию хищников. Видя себя открытыми, черкесы отошли к Кубани, но успели сжечь сено кордонных и пограничных жителей, разорить и сжечь несколько пикетов. В одном из последних, отстоявшем от Ольгинского поста в 18 верстах, горцы встретили сопротивление. Здесь находился на Кордонной страже урядник 5-го конного полка Иван Григорьевич Сур, с тринадцатью казаками. Окруженный со всех сторон неприятелем, он решил защищаться до последней капли крови. До трех сот хищников, атаковавших пикет, открыли по защитникам ружейный огонь, — требуя сдачи. В ответ из пикета летели казацкие пули, поражавшие разбойников. При неравенстве сил в пикете было уже двое убитых и трое раненых казака, но Сур, не теряя присутствия духа, ободрял товарищей и продолжал отстреливаться. Черкесы бросились, наконец, штурмовать пикет и начали шашками подрубать пикетный плетень. Мужественного урядника и это не смутило: он продолжал, со своими столь же неустрашимыми сослуживцами, укладывать на вечный покой черкесов возле самых стен пикета, стреляя в упор. Часа два длилось сопротивление храброго Сура; горцы то усердно принимались рубить пикетные колья, то отскакивали с дикими криками, видя вокруг себя падавших мертвыми товарищей. Подоспевший, под команду подполковника Кривцова, отряд при двух орудиях выручил молодцов. Горцы, захватив с собою убитых и раненых, убрались за Кубань, провожаемые ядрами и картечью.

За такой подвиг урядник Сура был произведен в хорунжие, а его сподвижники награждены званием урядников; трем из них, получившим раны, пожалованы еще знаки отличия военного ордена Св. Георгия. С тех пор выдержавший осаду пикет назван Суровым, и при нем устроена чрез Кубань (Сурова) переправа, против которой теперь, на левой стороне, находится земля генерала Короленка.

24 января 1833 года скопище горцев, более 3000 человек, появилось около Петровского поста. Против них вышел, с командой, есаул Р. Горцы атаквали его с фронта и флангов, но до тех пор, пока действовали пушки, держались в почтительном отдалении от команды. Затем, едва только пушка, выбросивши снаряды, замолкла, как азиатцы с дикими возгласами бросились на команду, убили шестерых, ранили четырех казаков, нескольких взяли в плен и овладели пушкою. Начальник команды Р. едва с остальными казаками успел убраться в пост, который черкесы окружили. В это мгновение прибежал на выручку войсковой старшина Завгородный, с отрядом в 200 человек и со взводом артиллерии; с другой стороны подоспел есаул Давыдов, тоже с командою казаков и с одним орудием. Отступив от поста, черкесы стали на отбой; завязалось жаркое дело. Зная свое превосходство в силах, горцы наступали, но при каждом натиске были встречаемы картечью. Разбитые, ослабленные потерею, хищники в расстройстве бежали за Кубань, — причем казаки отбили у них пушку и тринадцать взятых в плен товарищей. В этот день с нашей стороны было убито шесть, ранено восемь казаков и 22 казака уведены в плен. Войсковой старшина Завгородный был также ранен. У черкесов, кроме убитых и раненых на нашей стороне, тянувшаяся по следам их за Кубань кровавая полоса свидетельствовала о поражении горцев.

После такой неудачи горцы хотя и нападали на кордонную линию, но мелкими партиями. Они по-прежнему были заняты своими внутренними делами.

До сих пор война с закубанскими народами, то оборонительная, то наступательная, велась Черноморским войском иногда с помощью регулярных частей на время экспедиций; целью действий за Кубанью было удержание горцев от нападений на Кубанскую линию и наказание их за хищничество. С назначением графа Паскевича главнокомандующим на Кавказе последовала перемена в образе действий против закубанцев. Война переносится в средину неприятельской земли; там возводится ряд укреплений, действия за Кубанью производятся отрядами регулярных войск, под личным предводительством

Паскевича, генералов Вельяминова, Малиновского, Раевского, Анрепа и других героев Кавказа.

Горцы, тревожимые и теснимые в своих землях, надеялись на Турцию, откуда они получали оружие, порох и другие военные снаряды. Чтобы отнять у горцев и с этой стороны средства к борьбе с русскими войсками, учреждена была Черноморская береговая линия, т.е. построен ряд укреплений; вместе с тем положено было начало колонизации русских на неприятельской земле, под прикрытием крепости Анапы. Постепенно, вследствие всех этих мер, черкесы начали отодвигаться далее в горы, но и в самых непроходимых дебрях и тущобах кавказских не имели покоя от наших войск.

В то время как отряды наши громили горцев в самой середине их земли, наказной атаман Черноморского войска, генерал Заводовский, частыми экспедициями действовал за Кубанью со стороны Черноморской кордонной линии. Разоряя ближайšie к Кубани неприятельские аулы, угоняя их стада и истребляя полевые запасы, Заводовский старался отвлекать тем горцев от Кубанской границы. В зимнее время кордонная стража была усиливается льготными частями войска, и хотя неустанно наблюдала за безопасностью пределов наших, но отчаянные хищники пробирались к нам в темные ночи по прикубанским плавням, замерзавшим в суровую зиму. Такие шайки разбойников иногда успевали что-нибудь своровать в прикубанских селениях, или схватить кого-нибудь в плен, но большею частью открываемые нашими заложниками и неутомимыми пластунами жестоко были наказываемы.

С этого времени дела на Черноморской кордонной линии утрачивают первоначальное значение свое: борьба с черкесскими племенами продолжается уже не одними черноморскими казаками, а обще с регулярными войсками. Отдельные части Черноморского войска входили в отряды регулярных войск за Кубанью, на восточном берегу Черного моря, в анапском гарнизоне и на Кавказской линии, куда в продолжение пяти лет (1832—1836 г.) постоянно выкомандировывалось несколько черноморских полков.

Продолжать описание военных действий черноморцев на Кубани значило бы следить за общим ходом войны на Западном Кавказе. Не принимая на себя этого труда, заканчиваю свой рассказ внутренними событиями в войске.

Пятидесятилетие боевой жизни черноморцев на Кубани было ознаменовано новым положением для сего войска, Высочайше утвержденным 1 июля 1842 года. При объявлении его собравшимся в Екатеринодаре представителям от всех частей войска (8 ноября), наказной атаман, генерал Заводовский, произнес следующую речь:

«Храбрые товарищи! Мы удостоились счастья обратить на себя Высокомонаршее внимание Государя Императора. Всемилостивейший Монарх, заботясь о нашем благе, изволил даровать нам новое положение, обещающее для нас и потомков наших полное благоденствие. Приветствуем вас, друзья, с этим радостным событием! Теперь нам остается только оправдать надежды Августейшего Императора, благодетеля нашего. Приступим единодушно к исполнению Его Высочайшей воли и насладимся счастьем, даруемым нам от щедрот великого Царя-Отца».

Громкое, задушевное «ура» было ответом на привет атамана.

Распорядившись о переформировании в войске строевых частей по новому положению, наказной атаман отправился в Петербург, с двумя войсковыми депутатами, благодарить Государя Императора за дарованные Высочайшие милости. Обласканный Его Величеством, Заводовский возвратился в Черноморию с милостивым Царским словом и благоволением к войску Черноморскому.

Сформированные, по новому положению, полки и батальоны получили знамена прежде заслуженные, а недостававшие шести пешим батальонам пожалованы Государем Императором в 1845 г. Атаман ходатайствовал для Черноморского войска еще одной дорогой награды: по просьбе Заводовского и по представлению Главнокомандующего отдельным кавказским корпусом, Государь Император Всемилостивейше пожаловал Черноморскому войску большое белое Георгиевское знамя за

полувековую службу этого войска на Кубанской границе, многими подвигами мужества и храбрости ознаменованную.

Торжественное освящение этого дорогого Царского подарка происходило в войсковом круге, при г. Екатеринодаре, 11 мая 1844 года, при сборе войск, дворянства и станичных представителей.

К Царю любовью пылая,
За дар бесценный Николая,
Гремели пушки и ура!
Все войско славило Царя:
Везде триумф, восторг сердец;
Все рады были — дед, отец
И малы дети ликовали,
Царя и войско прославляли...

Я был на этом торжестве, в числе тех мальчиков, которых вызывали тогда из станиц, чтобы они на долгое время помнили это счастливое для войска событие; были в войсковом круге и старые казаки, служившие еще в Сече Запорожской. Нельзя было не заглядеться на этих здоровенных усачей, с роскошными чупрынами, в красивых запорожских костюмах. Особенно врезались мне в памяти два седых ветерана, бойко отплясывавшие запорожского казака, под звуки хора войсковой музыки. Выпивши по *кившу горилки*, они начали танец с удивительной для их лет легкостью, потом, лихо отхватив *гайдука*, сажались один против другого, скрестивши ноги, пели забутские песни Головатого и, опять черпнувши по «кившу», плясали, пели и пили.

Много прекрасного и характеристичного вспоминается из празднества пятидесятилетнего юбилея Черноморского войска. С тех пор истекает уже третий десяток лет, а вся обстановка казацкого праздника рисуется в воображении, как будто событие недавнее.

Черноморцы, осчастливленные драгоценным даром Монарха, среди общей радости и веселья, пели сочиненную тогда же, на этот случай, песню:

Ликуй родной любезный край,
Отчизны храбрые дружины;
И ратной славой процветай
Бессмертный дар Екатерины!

Царица-Мать с высот внемли,
Услышь ты наши песнопенья,
С твоей дарованной земли
Мы шлем тебе благодаренья.

Нас Царь-Отец созвал на пир,
И нас по-царски угощает;
Он дал закон нам, дал нам мир,
Днесь знамя бранное вручает.

И в нем щедрот святой залог,
Ко славе верным путь открывших.
Ура! казаки, с нами Бог
И доблесть дедов сном почивших!

Над нами светлая заря
В грядущем славу обещает,
Под знаменем русского Царя
Казак отрадно смерть встречает.

Ура! — наш храбрый атаман!
С тобою мы непобедимы,
Тобой гордится русский стан,
Тобой прославлены дружины.

Веди нас в горы пировать;
Гостями нежданными нагрянем,
И горцев песней угощать
Радужно мы не перестанем.

С тобой нам нет нигде преград,
Ведь рай тому, кто мертвый ляжет;
Живым каких желать наград —
Коль русский Царь спасибо скажет.

К Творцу любовью горя,
К нему молитвы воссылаем:
Храни Господь, храни Царя
И нашу славу с Николаем!

С тех пор Черноморское войско проявило много славных подвигов в боевой службе своей, много царских наград получило за отличия свои, и много, много знаменательных событий совершилось в Черномории... Придет время, когда обо всем этом поведаст правдивая история Кавказа, а мне остается только сказать, что минувшая жизнь черноморцев на Кубани, знаменованная доблестными подвигами, награжденная царскими милостями, свидетельствует о верности, преданности и усердии казаков к службе Государю и Отечеству как в былое, так и в будущее время.

Содержание

И.Д. Попко

ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ

В ИХ ГРАЖДАНСКОМ И ВОЕННОМ БЫТУ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ	4
РАССКАЗ ВТОРОЙ	16
РАССКАЗ ТРЕТИЙ	20
РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ	25
РАССКАЗ ПЯТЫЙ	31
РАССКАЗ ШЕСТОЙ	50
РАССКАЗ СЕДЬМОЙ.....	74
РАССКАЗ ВОСЬМОЙ	85
РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ.....	91
РАССКАЗ ДЕСЯТЫЙ.....	96
РАССКАЗ ОДИНАДНАТЫЙ.....	107

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАССКАЗ ДВЕНАДЦАТЫЙ	117
РАССКАЗ ТРИНАДЦАТЫЙ.....	129

РАССКАЗ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ	141
РАССКАЗ ПЯТНАДЦАТЫЙ	156
РАССКАЗ ШЕСТНАДЦАТЫЙ	165
РАССКАЗ СЕМНАДЦАТЫЙ	169
ЭПИЛОГ	178

П.П. Короленко
ЧЕРНОМОРЦЫ

ЧЕРНОМОРЦЫ ЗА БУГОМ

I. (1775—1786)	191
II. (1787)	194
III. (1788)	198
IV. (1789)	205
V. (1790)	208
VI. (1791)	213
VII. (1792)	221

ЧЕРНОМОРЦЫ НА КУБАНИ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

I	231
II	246
III	256

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

I	273
II. (1794—1797)	283
III. (1795—1799)	303
IV. (1800—1808)	328
V. (1809—1820)	358
VI. (1821—1829)	387
VII. (1830—1842)	423

Научно-популярное издание
История казачества

Попко Иван Диомидович

Короленко Прокопий Петрович

ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*
Корректор *О.Н. Богачева*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *Н.В. Власкин*

ООО «Издательский дом «Вече»
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 24.12.2008. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14. Тираж 3000 экз. Заказ № 9464.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.
Тел.: (499)188-88-02, (499)188-16-50.
Тел./факс: (499)188-89-59, (499)188-00-73.
Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru
По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (495) 188-66-03.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,
2-й Рошинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород,
ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск,
ул. Арбузова, 1/1
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/л 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

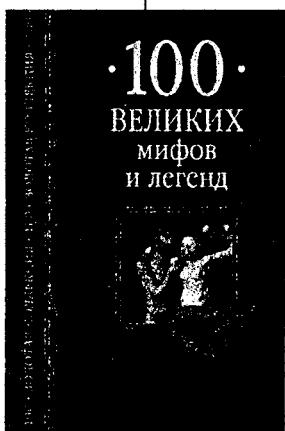
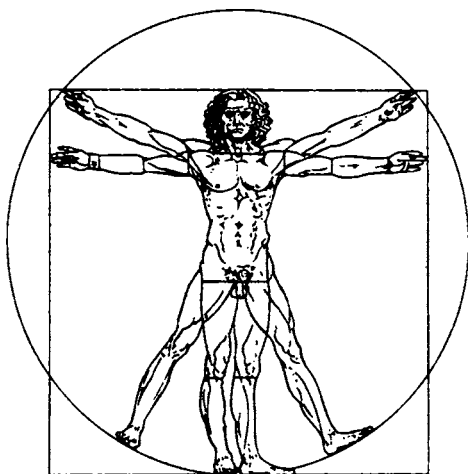

ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!

- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы

Лучшие книги серии изданы в подарочном
исполнении в серии

Золотая коллекция

«100 великих»

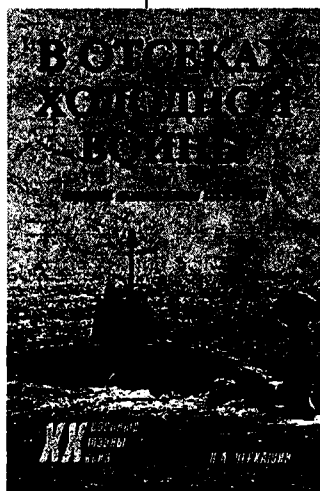
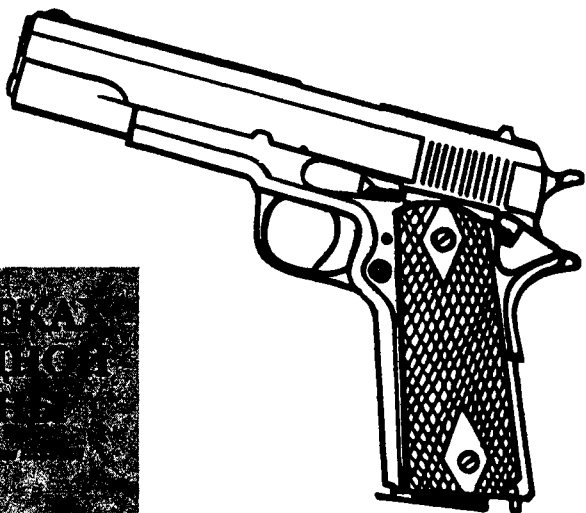
- Цветные иллюстрации на мелованной
бумаге
- Оригинальное оформление

УЖАСНЫЙ ВЕК, ОТВАЖНЫЕ СЕРДЦА

СЕРИЯ КНИГ

XX *военные тайны века*

- Военные конфликты XX века
- Известные стороны войн
- Исследования на основе архивных документов
- Уникальные фотографии

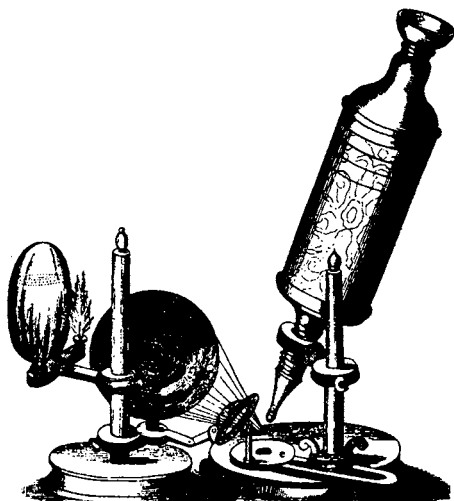
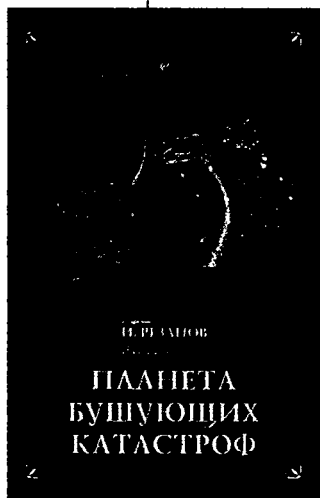
ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ...

СЕРИЯ КНИГ

ВЕЛИКИЕ

ТАЙНЫ

- Полные загадок судьбы известных исторических лиц
- Загадки древних цивилизаций и народов
- Оригинальное оформление
- Множество иллюстраций и рисунков
- Более 70 томов в серии

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ВЕЛИКОГО ПРОШЛОГО

СЕРИЯ КНИГ

TERRA

H I S T O R I C A

- Забытые традиции древних культур
- Яркие страницы средневековой истории
- Уникальные исследования, необычные гипотезы, новые открытия

Мари-Анн Поло де Бонье

Средневековая ФРАНЦИЯ

Париж — столица королевства
Структура государства
Средневековое общество
Религия

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

ЧЕРНОМОРСКИЕ КАЗАКИ

...Безвозвратно канула в прошлое упраздненная, позабытая Запорожская Сечь. Но не погиб казачий дух на южных рубежах России. И в 1787 году бывший запорожец Сидор Бильий вновь собирает вольные казачьи команды — меж Бугом и Днестром, у рубежей Новороссийской провинции. Через пять лет пришлось казакам перебираться на Кубань, где и родилось Черноморское Казачье Войско. А в XIX веке его летописцами стали легендарные казачьи историки — Иван Диомидович Попко и Прокопий Петрович Короленко. Их-то труды, давно ставшие библиографической редкостью, и составили эту книгу — бесценный подарок ревнителям истории Отечества.

ISBN 978-5-9533-3672-7

9 785953 336727

